

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2013

ISSN 0131-2812

Первые шаги нового руководства
Китая

•
1-я сессия ВСНП 12-го созыва

•
Экономика Республики Корея
на современном этапе

•
Сан-Францисский мирный договор
1951 г. в японской историографии

•
Судьбы русской эмигрантской
культуры в Китае

2-6-83.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2013

Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Издаётся с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 3
- Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства 8

ПОЛИТИКА

- А. Ломанов, О. Борох.* Первые шаги нового руководства Китая 15
- А. Карнев.* «Чунцинская модель»: что это было? 33
- С. Лузянин.* Российско-китайские измерения Шанхайской организации сотрудничества. Модель — 2013 г. 42
- В. Портяков.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г. 50

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- В. Бородич, А. Виноградов, П. Троцкий.* 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае 59

ЭКОНОМИКА

- С. Суслита, В. Самсонова.* Экономика Республики Корея: новые перспективы и вызовы 66
- В. Чуванкова.* Государственная поддержка мелкого и среднего предпринимательства в КНР: новый этап 79
- М. Потанов.* К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов 90

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- А. Крушинский.* СССР, Коминтерн и «китайский фактор» Второй мировой войны 97

ИСТОРИЯ

- В. Кузьминков.* Сан-Францисский мирный договор 1951 г. в японской историографии 113
А. Хисамутдинов. Русские женщины в Китае (1922–1940-е гг.) 122

КУЛЬТУРА

- Е. Ауритене.* Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор 128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Ломанов.* Пятый форум изучения Китая в Шанхае 137

РЕЦЕНЗИИ

- А. Островский.* Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества 146
А. Ларин. Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Центральной Азии в начале XXI века 153
Е. Стабурова. Сборник «Общество и государство в Китае»: 42-я научная конференция 157
В. Росов. Новые книги к юбилею ученого-востоковеда Ю.Н. Рериха 163
А. Коралев. Китай 3.0 / Ред. Марк Леонард 166
А. Ефимов. Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки 173
А. Волохова. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков 175

НАШ ЮБИЛЯР

- Андрею Сергеевичу Крушинскому — 80 лет 178

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Александру Мироновичу Григорьеву — 80 лет 180
Евгению Васильевичу Кобелеву — 75 лет 182
Григорию Михайловичу Локшину — 75 лет 185
Contents 187
Summary 189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (*зам. главного редактора*), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*), В.Н. Усов.

Документы

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия

22 марта 2013 года

По приглашению Президента Российской Федерации В.В. Путина Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин с 22 по 24 марта 2013 года посетил Российскую Федерацию с государственным визитом. В Москве состоялись переговоры глав государств, а также встречи Си Цзиньпина с Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым, Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкиным, Министром обороны Российской Федерации С.К. Шойгу.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, далее именуемые Сторонами, заявляют о нижеследующем.

I

Отношения между Россией и Китаем достигли беспрецедентно высокого уровня, стали примером гармоничного сосуществования великих держав, играющих важнейшую стабилизирующую роль в современном миропорядке, содействующих укреплению мира и безопасности в регионе и мире в целом. Дальнейшее развитие российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих стран и их народов.

Стороны, твердо придерживаясь принципов и духа Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года, намерены вывести на новый этап отношения всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы, передающейся из поколения в поколение, рассматривая это в качестве приоритета своей внешней политики.

Выступая за право партнера на самостоятельный выбор пути развития и общественно-политического устройства, Стороны будут решительно поддерживать друг друга

по вопросам, затрагивающим их ключевые интересы, в том числе обеспечение суверенитета, территориальной целостности и безопасности.

Стороны сохраняют преемственность тесных доверительных контактов на высшем и высоком уровнях, будут добиваться дальнейшего повышения эффективности ежегодных взаимных визитов глав государств, глав правительств, председателей парламентов, консультаций по стратегической безопасности, взаимодействия между внешнеполитическими ведомствами, деятельности Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, а также других механизмов российско-китайских обменов по государственной и общественной линии.

Стратегической задачей, стоящей перед Россией и Китаем, является конвертация достигнутого уровня политических отношений в результате практического сотрудничества в экономической, гуманитарной и других сферах. В этих целях Стороны утвердили План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2013–2016 годы) и определили следующие приоритетные направления взаимодействия по повышению совокупной государственной мощи двух стран и их международной конкурентоспособности:

— сбалансированное наращивание количественных и качественных характеристик экономического сотрудничества; доведение объемов двусторонней торговли к 2015 году до уровня 100 млрд долларов США и к 2020 году — 200 млрд долларов США; диверсификация структуры товарооборота;

— повышение эффективности механизмов российско-китайских инвестиционных форумов и ускорение реализации Программы российско-китайского инвестиционного взаимодействия в целях существенного наращивания взаимных инвестиций;

— расширение использования национальных валют как во взаимной торговле, так и в сфере прямых инвестиций и кредитования;

— активизация сотрудничества в сфере энергетики, в том числе в нефтяной, газовой, угольной отраслях, а также в области электроэнергетики и использования альтернативных источников энергии; формирование прочных отношений российско-китайского стратегического сотрудничества в сфере энергетики; обеспечение совместными усилиями энергетической безопасности друг друга, региона и мира в целом;

— продолжение тесного взаимодействия в области мирного использования атомной энергии;

— интенсификация разработки и реализации российско-китайских программ освоения и использования лесных ресурсов; развитие торговли и инвестиционного сотрудничества в области лесного хозяйства;

— развитие сотрудничества в аграрной сфере, включая торговлю сельскохозяйственной продукцией, взаимные инвестиции в сельское хозяйство, ветеринарный и фитосанитарный контроль;

— усиление взаимодействия в области охраны окружающей среды, улучшение качества вод трансграничных водных объектов, сохранение биологического разнообразия, повышение эффективности систем информирования о трансграничных бедствиях экологического характера и ликвидации их последствий в оперативном порядке;

— углубление кооперации в высокотехнологичных отраслях; содействие двустороннему научно-техническому сотрудничеству — начиная с проведения совместных исследований и разработки инновационных продуктов и заканчивая их коммерциализацией и внедрением в промышленное производство;

— развитие сотрудничества по крупным проектам в области авиационной, включая совместные разработки и производственную кооперацию; активизация деятельности по реализации проектов Программы российско-китайского сотрудничества в области космоса на 2013–2017 годы;

— наращивание потенциала регулярных встреч руководителей регионов России и Китая, усилий по выполнению Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР; расширение рамок межрегионального сотрудничества, повышение практической отдачи межрегиональных связей;

— дальнейшее повышение эффективности имеющихся и создание по мере необходимости новых диалоговых механизмов в целях углубления взаимодействия в районе границы России и Китая, превратившейся благодаря многолетним обоюдным усилиям в зону мира, дружбы и стабильности;

— обеспечение поступательного развития трансграничной транспортной инфраструктуры; усиление сотрудничества в области транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог и через порты Дальнего Востока России;

— эффективная реализация комплексного Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере на среднесрочную перспективу; успешное проведение мероприятий Года китайского туризма в России;

— расширение на регулярной и долгосрочной основе двусторонних молодежных обменов; подготовка и проведение Годов дружеских молодежных обменов между Россией и КНР в 2014 и 2015 годах.

II

Стороны едины во мнении, что современный мир в условиях стремительных глобализационных процессов переживает переходный период в своем развитии, который характеризуется усиливающейся взаимозависимостью народов и государств, взаимопроникновением их экономик и культур. Основными вопросами глобальной повестки дня являются содействие становлению многополярного миропорядка, придание устойчивости мировой экономике, продвижение культурного многообразия, информатизация общества. В то же время сегодня, когда ситуация на планете остается беспокойной, на первый план в международных отношениях выходят общие для всего человечества задачи, включая обеспечение повсеместно мира, безопасности и стабильности, укрепление международного сотрудничества, содействие международному развитию.

Россия и Китай, основываясь на историческом опыте и практике строительства отношений нового типа между крупными странами и исходя из осознания исторической ответственности за мир на планете и будущее человечества, призывают все государства:

— объединить усилия, руководствуясь принципами равноправия, взаимного доверия, толерантности, обмена опытом, взаимовыгодного сотрудничества и обоюдно выигрыша, по совместному укреплению мира, обеспечению стабильности, развития и процветания, построению более справедливого, демократического и гармоничного миропорядка;

— отстаивать, руководствуясь целями и нормами Устава ООН, принципы равноправия всех стран — больших и малых, сильных и слабых, богатых и бедных, способствовать демократизации международных отношений, противодействовать всем формам гегемонизма и осуществления политики с позиции силы;

— уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, цивилизационное разнообразие мира и множественность путей общественного развития, уважать и оберегать право народов на самостоятельный выбор социального устройства;

— способствовать утверждению новой концепции всеобщей равной и неделимой безопасности, основанной на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве, твердо придерживаться мирных, а не военных способов разрешения международных споров и конфликтных ситуаций, противостоять попыткам применения силы или угрозы силой, свержения законной власти в других странах, бороться с терроризмом в любых его формах и проявлениях, с незаконным оборотом наркотиков, транс-

национальной организованной преступностью, а также содействовать обеспечению международной информационной безопасности;

— углублять взаимопонимание, координацию и взаимодействие по проблематике противоракетной обороны; призывать членов международного сообщества к осознанности в вопросах развертывания систем ПРО и развития сотрудничества в данной области; исходить из недопустимости односторонних, ничем не ограниченных действий по наращиванию противоракетной обороны одним государством или группой государств в ущерб стратегической стабильности и международной безопасности; выступать за совместные подходы к реагированию на вызовы и угрозы в ракетной области, отдавать приоритет политико-дипломатическим мерам противодействия распространению баллистических ракет, предпринимаемым в рамках международного права, исходя из невозможности обеспечения безопасности одних стран за счет других;

— осуществлять координацию макроэкономической политики на основе конструктивных коллективных подходов, принимать все необходимые политические меры для обеспечения уверенного, устойчивого и сбалансированного роста мировой экономики, повышения доверия рынков, создания новых рабочих мест, противодействия любым формам торгового и инвестиционного протекционизма.

Стороны выступают за дальнейшее развитие деятельности Шанхайской организации сотрудничества, прежде всего за усиление совместной борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и трансграничной организованной преступностью, за обеспечение международной информационной безопасности; наделение Региональной антитеррористической структуры ШОС дополнительными функциями, в том числе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, и за создание на этой основе универсального Центра ШОС по противодействию новым вызовам и угрозам: укрепление экономического сотрудничества, особенно в таких областях, как транспорт, энергетика, связь, сельское хозяйство, а также за создание эффективных механизмов финансового обеспечения. Россия и Китай поддерживают принцип открытости Организации, расширение ее диалога и контактов с другими государствами и международными организациями, намерены работать над увеличением позитивного влияния ШОС в вопросах международного и регионального сотрудничества.

Стороны отмечают возрастающее значение Азиатско-Тихоокеанского региона в глобальных делах и выступают за углубление региональной кооперации как ключевого фактора укрепления многополярности в международных отношениях, формирования новой системы межгосударственных отношений в АТР. Россия и Китай считают приоритетной задачей формирование в АТР открытой, транспарентной, равноправной и инклюзивной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на соблюдении основополагающих принципов международного права, путем сопряжения усилий всех государств региона для совместного решения глобальных и региональных проблем в интересах укрепления мира и стабильности в АТР, стимулирования совместного развития в регионе. Они убеждены, что основополагающим принципом такой архитектуры является неделимость безопасности, считают необходимым продолжить побуждать соответствующие государства региона к двустороннему диалогу и консультациям в целях урегулирования существующих между ними разногласий. Стороны договорились продолжить работу, направленную на принятие в рамках форума ВАС декларации о принципах сотрудничества по укреплению региональной безопасности в АТР. Россия и Китай открыты для диалога, обсуждения конструктивных идей и предложений, которые могли бы придать дополнительный импульс процессу принятия декларации.

Стороны приложат усилия для того, чтобы предстоящий саммит в Дурбане вывел БРИКС на качественно новый уровень развития. Россия и Китай поддерживают постепенную трансформацию БРИКС в механизм диалога и сотрудничества по важнейшим вопросам мировой экономики и политики, подчеркивают важность развития всесторон-

него практического взаимодействия в рамках этой структуры, включая поддержку работы Делового совета, рассмотрение вопросов создания Банка развития и пула валютных резервов. выступают за дальнейшее взаимодействие в областях науки и техники, сельского хозяйства, здравоохранения и в других важных для народов наших стран сферах.

Китайская Сторона вновь заявляет о своей поддержке проведения Российской Стороной в качестве страны-председателя «Группы двадцати» в 2013 году саммита в Санкт-Петербурге. Стороны будут и дальше укреплять координацию и сотрудничество в рамках «Группы двадцати», учитывать озабоченности друг друга, оказывать содействие тому, чтобы на Санкт-Петербургском саммите был внесен значительный вклад в решение задач по ускорению глобального экономического роста и расширению занятости, реформированию международной валютно-финансовой системы, выводу мировой экономики на траекторию устойчивого развития.

Учитывая большую ответственность крупных стран в деле обеспечения международного мира и стабильности, мы призываем их подняться над мышлением категориями игр с нулевой суммой и блоковости, обращаемся с инициативой ко всем мировым державам следовать в международных отношениях принципам, подобающим глобальному миру в XXI веке: в политике — взаимного уважения и равенства; в экономике — взаимной выгоды и сотрудничества во имя совместного выигрыша; в безопасности — взаимного доверия и общей ответственности; в культуре — взаимных обменов и содействия развитию друг друга; в концептуальных установках — мирного сосуществования и стремления к единению при сохранении различий. Необходимо сообща создавать долгосрочные, стабильные отношения нового типа на путях устойчивого развития. обеспечивать усилиями всех стран всеобщее процветание в обстановке мира, прогресса и сотрудничества.

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства

29 апреля 2013 года

По приглашению Президента Российской Федерации В.В. Путина Премьер-министр Японии С. Абэ с 28 по 30 апреля 2013 года посетил Россию с официальным визитом.

1. Президент Российской Федерации В.В. Путин и Премьер-министр Японии С. Абэ (далее – Руководители двух стран) подтвердили решительный настрой России и Японии как добрых соседей на развитие двусторонних отношений во всех областях на основе принципов взаимного доверия и взаимной выгоды.

2. Руководители двух стран отметили, что современный мир находится на этапе динамичных перемен, и что в силу стремительного ускорения глобальных процессов в первом десятилетии XXI века Российская Федерация и Япония разделяют большую ответственность за формирование международной повестки дня, а также стабильность и процветание, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

3. Руководители двух стран пришли к единому мнению о том, что укрепление дружественных отношений на основе позитивной атмосферы, утвердившейся между двумя странами в последние годы, отвечает национальным интересам Российской Федерации и Японии и создает хорошие предпосылки для выстраивания стратегического партнерства, к чему будут стремиться обе стороны.

4. Руководители двух стран, выражая удовлетворение развитием сотрудничества во многих областях, зафиксированных в Российско-японском плане действий 2003 года, подтвердили необходимость приложить дополнительные усилия с тем, чтобы достичь прогресса во всех сферах и придать двустороннему взаимодействию комплексный и многоплановый характер.

5. Руководители двух стран отметили динамику двустороннего политического диалога и выразили намерение интенсифицировать в дальнейшем российско-японские контакты на высшем уровне, включая регулярные взаимные визиты лидеров государств и их встречи «на полях» международных форумов. Кроме того, достигнута договоренность о том, что министры иностранных дел двух стран будут стремиться к проведению поочередных визитов не менее одного раза в год.

6. Руководители двух стран подтвердили, что межпарламентские связи между двумя странами являются важным элементом политического диалога, способствующим поступательному развитию двусторонних отношений, и выразили намерение поддерживать активизацию межпарламентских контактов в целях обмена опытом, улучшения взаимопонимания и придания импульса совместным экономическим и культурно-гуманитарным проектам.

7. Руководители двух стран согласились, что ситуация, при которой – спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны – между Россией и Японией не заключен мирный договор, является ненормальной. В целях дальнейшего развития отношений между двумя странами и создания широкого российско-японского партнерства в XXI веке руководители двух стран выразили решимость, преодолев в рамках переговоров имеющиеся расхождения в позициях сторон, заключить мирный договор путем окончательного решения во взаимоприемлемой форме данного вопроса, необходимость урегулирования которого была подтверждена в том числе в Совместном заявлении Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-Японского плана действий и Российско-Японском плане действий 2003 года.

8. Руководители двух стран договорились продвигать переговоры по заключению мирного договора на основе всех принятых до настоящего времени документов и договоренностей, включая Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-Японского плана действий и Российско-Японский план действий 2003 года.

9. Руководители двух стран в поиске новых, устремленных в будущее горизонтов российско-японского партнерства договорились совместно дать своим министерствам иностранных дел поручение ускорить переговоры по выработке взаимоприемлемых вариантов решения проблемы мирного договора с целью их представления руководителям двух стран для обсуждения.

10. Руководители двух стран выразили убеждение в том, что в современном мире многие факторы объединяют Россию и Японию, и разделили общее понимание важности проведения переговоров по мирному договору в дружественной и конструктивной атмосфере на фоне укрепления взаимного доверия, наращивания поступательного и взаимовыгодного сотрудничества по всем направлениям, а также взаимного внимания к чувствам народов.

11. Руководители двух стран, подтвердив важность расширения сотрудничества между двумя странами в сфере безопасности и обороны в условиях возрастающей роли Азиатско-Тихоокеанского региона в мире и больших изменений в области обеспечения международной безопасности, договорились о начале консультаций между внешнеполитическими и оборонными ведомствами на уровне министров (2+2).

12. Руководители двух стран, приветствуя подписание Меморандума между аппаратом Совета Безопасности Российской Федерации и Министерством иностранных дел Японии от 23 октября 2012 года, пришли к единому мнению о намерении проводить на его основе регулярные консультации.

13. Руководители двух стран, положительно оценивая развитие сотрудничества в соответствии с подписанным в 2006 году Меморандумом о дальнейшем развитии диалога и контактов между Министерством обороны Российской Федерации и Управлением национальной обороны Японии, включая регулярные обмены между представителями оборонных ведомств, в том числе их руководителями, взаимные визиты боевых кораблей, учения по поиску и спасанию, пришли к единому мнению о необходимости расширения таких обменов между оборонными ведомствами и воинскими формированиями, а также поиска новых сфер сотрудничества, включая борьбу с терроризмом и пиратством, что является важным фактором укрепления взаимного доверия между двумя государствами.

14. Руководители двух стран выразили единое мнение о важности дальнейшего углубления сотрудничества между заинтересованными ведомствами в целях эффективного противодействия международному терроризму, трансграничной организованной преступности и незаконному обороту наркотиков, включая взаимную правовую помощь по уголовным делам. В связи с этим руководители двух стран приветствовали подписание между Федеральной службой по финансовому мониторингу (Российская Федерация) и Государственным комитетом общественной безопасности Японии документа о созда-

нии рамок информационного обмена, связанного с отмыванием денег и финансированием терроризма.

15. Руководители двух стран подчеркнули, что в условиях смещения центра тяжести мирового экономического развития в АТР, усиления взаимозависимости экономик в этом регионе, всестороннее углубление взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между Россией и Японией как равноправными партнерами на основе взаимного доверия является важным фактором укрепления двусторонних отношений.

16. Руководители двух стран отметили, что объем товарооборота между Россией и Японией неуклонно увеличивается, достигнув в 2012 году рекордного показателя, активно осуществляются японские прямые инвестиции в Российскую Федерацию, вышло на новый уровень взаимодействие в торгово-экономической области. Руководители двух стран положительно оценили итоги X заседания Российско-японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, состоявшегося в Токио в ноябре 2012 года, важную роль Российско-японской организации по содействию торговле и инвестициям и эффективное осуществление регулярных контактов представителей деловых кругов.

17. Руководители двух стран особо отметили значимость продвижения взаимовыгодных проектов в таких областях, как энергетика, сельское хозяйство, инфраструктура, транспорт и др., ориентированных на активизацию торгово-экономического сотрудничества между Японией и российскими регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также высказались за проведение двусторонних консультаций по вопросам государственно-частного партнерства в целях продвижения сотрудничества в этих регионах.

18. Руководители двух стран приветствовали подписание Меморандума между Японским банком международного сотрудничества (JBIC), Внешэкономбанком (ВЭБ) и Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) о создании «Российско-японской инвестиционной платформы» и выразили надежду на то, что данный механизм будет активно задействован для реализации взаимовыгодных проектов в России с участием японских компаний.

19. Руководители двух стран приветствовали подписание Меморандума между Российским агентством по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСПАР) и Японским агентством страхования экспорта (NEXI) об установлении отношений сотрудничества в целях развития торговли и инвестиций.

20. Руководители двух стран, приветствуя присоединение Российской Федерации к ВТО, пришли к единому мнению о том, что улучшение торгово-инвестиционного климата в Российской Федерации будет способствовать дальнейшему развитию торгово-экономического сотрудничества между двумя странами, положительно оценили успешное проведение первого заседания Российско-японской рабочей группы по системным вопросам улучшения торгово-инвестиционного климата в Российской Федерации и высказались за активизацию работы в этой сфере.

21. Руководители двух стран приветствовали настрой на увеличение деловой активности японских предприятий в России и высказались за проведение предварительных межведомственных консультаций по вопросам временной трудовой деятельности в целях принятия необходимых мер, включая возможную разработку новых взаимных договоренностей в этой сфере.

22. Руководители двух стран выразили единое мнение о необходимости развития взаимодействия в сфере модернизации, инноваций, производства и потребления продукции с высокой добавленной стоимостью с использованием современных технологий, отметив важную роль российско-японского Консультативного совета по модернизации экономики России.

23. Руководители двух стран акцентировали свое внимание на значимости расширения взаимовыгодного сотрудничества в области модернизации транспортной ин-

фраструктуры, решения проблем городской среды, развития пищевой промышленности, распространения и практического использования передовых медицинских технологий, медицинского оборудования и фармацевтических препаратов и поручили активизировать деятельность профильных двусторонних рабочих групп и других механизмов сотрудничества по указанным вопросам.

24. Руководители двух стран, разделяя общее мнение о том, что энергетика является одной из ключевых областей российско-японского экономического взаимодействия, приветствовали завершение строительства трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан», подчеркнули важность наращивания двустороннего энергетического сотрудничества в нефтегазовой сфере на взаимовыгодных условиях, в том числе в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России, включая поставки энергоресурсов по конкурентоспособным ценам с учетом конъюнктуры рынка, рассматривая двустороннее партнерство в этой сфере в контексте укрепления энергетической безопасности в АТР и принимая во внимание увеличение спроса на энергоносители и повышение цен на них в Японии после мощного землетрясения 11 марта 2011 года.

25. Руководители двух стран приветствовали вступление в силу 3 мая 2012 года Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии и подтвердили, что будут развивать сотрудничество в области атомной энергетики, в том числе в области ее безопасности.

26. Руководители двух стран подтвердили сложившееся в международном сообществе после аварии на АЭС «Фукусима-1» общее понимание о необходимости коллективных усилий, направленных на обеспечение безопасности объектов атомной энергетики, отметили важность укрепления международно-правовых рамок в области ядерной безопасности, а также скорейшего вступления в силу поправки к Конвенции о физической защите ядерного материала в целях восстановления доверия к атомной энергетике, являющейся одним из важных источников удовлетворения растущих мировых энергетических потребностей.

27. Руководители двух стран решительно осудили браконьерский промысел и контрабанду российских морских живых ресурсов в Японию и, приветствовав тесное взаимодействие двух стран по Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами, подписанному во Владивостоке 8 сентября 2012 года, выразили надежду на активизацию работы, направленной на его скорейшее вступление в силу и последующую эффективную реализацию.

28. Руководители двух стран подтвердили, что Россия и Япония будут продолжать сотрудничество на взаимовыгодной основе в рамках Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережья обеих стран от 7 декабря 1984 года и Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии о сотрудничестве в области рыбного хозяйства от 12 мая 1985 года, а также Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов от 21 февраля 1998 года.

29. Руководители двух стран выразили намерение осуществлять двустороннее взаимодействие по вопросам Северного Ледовитого океана, используя механизм межмидовских консультаций. Президент Российской Федерации принял во внимание заявку Японии на ее участие в качестве наблюдателя в Арктическом совете.

30. Руководители двух стран выразили единое мнение, что для эффективного продвижения всего комплекса двустороннего сотрудничества важное значение имеет дальнейшее углубление взаимопонимания и доверия между народами двух стран путем расширения гуманитарных и культурных обменов, включая мероприятия по взаимному

продвижению традиций национального кулинарного искусства, в связи с чем приветствовали заключение Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об учреждении и деятельности культурных центров.

31. Премьер-министр Японии принял во внимание предложение Президента Российской Федерации начать межведомственные консультации по перспективам взаимной отмены визовых формальностей для краткосрочных поездок граждан двух стран в целях активизации деловых контактов, увеличения туристических потоков и расширения гуманитарных обменов.

32. Руководители двух стран, подтвердив важность расширения культурных и гуманитарных обменов в контексте дружбы и взаимопонимания, приветствовали ежегодное успешное проведение российских и японских фестивалей культуры и других мероприятий в этой области в Российской Федерации и Японии соответственно.

33. Руководители двух стран приветствовали развитие межвузовских обменов между Россией и Японией и выразили надежду на дальнейшую активизацию обменов в области образования и науки.

34. Руководители двух стран пришли к единому мнению о важности развития связей в области спорта и приняли решение объявить 2014 год Годом российско-японских обменов в области боевых искусств.

35. Руководители двух стран подтвердили, что молодежные обмены имеют особое значение для поступательного развития российско-японских отношений, и отметив, что благодаря успешному осуществлению плана молодежных обменов в 2012 году была выполнена поставленная лидерами двух стран в 2008 году задача доведения количества участников таких обменов до 500 человек в год, поддержали дальнейшее расширение молодежных обменов между двумя странами.

36. Руководители двух стран подтвердили, что Российская Федерация и Япония, придавая важное значение двустороннему партнерству в международных делах, будут укреплять сотрудничество и взаимодействие в целях стабильности и процветания в АТР и во всем мире.

37. Руководители двух стран подчеркнули центральную и координирующую роль Организации Объединенных Наций в обеспечении мира, стабильности и процветания международного сообщества и высказались за продолжение взаимодействия в целях разрешения актуальных международных вопросов в рамках ООН, «Группы восьми» и «Группы двадцати».

38. Руководители двух стран отметили важность расширения двустороннего сотрудничества и координации действий в многосторонних форматах в области контроля за вооружениями, разоружения и нераспространения, в том числе в целях поддержания и укрепления режима Договора о нераспространении ядерного оружия и содействия продвижению многостороннего диалога по разоруженческой проблематике с учетом всех факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность.

39. Руководители двух стран, подчеркнув значимость координации усилий в области космоса, а также отметив важность использования космического пространства в мирных целях, подчеркнули необходимость принятия международных норм поведения для повышения прозрачности и доверия в космической деятельности и пришли к единому мнению о необходимости укрепления двустороннего диалога в данной области, в том числе поиска новых направлений сотрудничества.

40. Руководители двух стран отметили возрастающую роль АТР в глобальных делах и в интересах обеспечения здесь безопасных и стабильных условий для устойчивого развития, пришли к единому мнению о продолжении конструктивного сотрудничества в рамках таких многосторонних организаций АТР, как Восточноазиатские саммиты (ВАС), форум «Азия — Европа» (АСЕМ), Региональный форум АСЕАН по безопасности

(АРФ), Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА плюс).

41. Руководители двух стран, приветствуя важные результаты деятельности в АТЭС в 2012 году под председательством России, выразили готовность к дальнейшему тесному сотрудничеству в Форуме в целях реализации достигнутых на саммите АТЭС во Владивостоке договоренностей.

42. Руководители двух стран, осудив поведение КНДР, вопреки призывам международного сообщества упорно не желающей отказываться от создания ядерного оружия и баллистических ракет, подчеркнули, что проведение ядерного испытания 12 февраля 2013 года является прямым нарушением резолюций Совета Безопасности ООН 1718, 1874 и 2087, призвали к неукоснительному выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094 и настоятельно потребовали от КНДР соблюдать резолюции Совета Безопасности ООН и положения Совместного заявления четвертого раунда шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 года.

43. Президент Российской Федерации выразил понимание гуманитарного аспекта проблемы похищенных японских граждан и подчеркнул важность скорейшего урегулирования этой проблемы путем переговоров между Токио и Пхеньяном.

44. Руководители двух стран подчеркнули приверженность политическому и дипломатическому урегулированию проблем Корейского полуострова, включая ядерную, и в связи с этим высказались за продолжение усилий по созданию условий для возобновления шестисторонних переговоров на основе принципов и целей Совместного заявления четвертого раунда шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 года.

45. Руководители двух стран выразили убежденность в том, что урегулирование иранской ядерной проблемы возможно только мирным и дипломатическим путем посредством переговоров на основе принципов поэтапности и взаимности, и призвали Иран предпринять серьезные усилия, направленные на восстановление международного доверия к его ядерной программе, полностью соблюдать свои обязательства, вытекающие из соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, и выполнить требования Совета управляющих МАГАТЭ, в том числе о сотрудничестве с Агентством, в целях снятия серьезных озабоченностей международного сообщества и демонстрации того, что иранская ядерная программа носит исключительно мирный характер.

46. Руководители двух стран, выразив поддержку процессу национального примирения в Афганистане при руководящей роли Кабула, выступили за скорейшее становление Афганистана в качестве мирного, стабильного, экономически процветающего государства, свободного от терроризма и наркотиков, и подтвердили необходимость дальнейшего оказания помощи международного сообщества и еще больших усилий, направленных на улучшение управления, со стороны Афганистана в целях устойчивого роста экономики и развития Афганистана. В связи с этим Президент Российской Федерации высоко оценил усилия Японии по организации и проведению международной конференции по Афганистану в Токио в июле 2012 года. Руководители двух стран подчеркнули важность последовательной реализации международных обязательств на этот счет, в том числе выполнения согласованных на конференции в Токио Рамок о взаимной ответственности.

47. Руководители двух стран выразили решимость активно противостоять афганской наркоугрозе, внося тем самым серьезный вклад в борьбу с международным терроризмом, получающим значительные финансовые средства от наркоторговли. В связи с этим был отмечен успех совместного российско-японского проекта по подготовке афганских наркополицейских на базе Всероссийского института повышения квалификации МВД России в Домодедово и выражено стремление продолжить его реализацию.

48. Руководители двух стран, подтвердив, что всеобъемлющее справедливое и долгосрочное урегулирование арабо-израильского конфликта должно быть основано на соответствующих резолюциях Совета Безопасности ООН, Мадридских принципах, соответ-

ствующих положениях Дорожной карты, Арабской мирной инициативы, ранее достигнутых между обеими сторонами договоренностях, выразили серьезную обеспокоенность в связи с застоем в прямых переговорах между Израилем и Палестиной и призвали израильтян и палестинцев избегать односторонних действий, предпринять шаги навстречу друг другу и возобновить переговорный процесс. Руководители двух стран призвали все заинтересованные стороны, включая ближневосточный «квартет» международных посредников, активно содействовать миротворческим усилиям для мирного урегулирования палестино-израильского конфликта и подтвердили намерение продолжить взаимодействие между Россией и Японией по вопросам активизации механизма мирного процесса.

49. Руководители двух стран подтвердили, что создание жизнеспособной палестинской экономики, основанной на существенном повышении уровня жизни палестинцев, является необходимым условием строительства Палестинского государства, и призвали международное сообщество поддержать эти усилия. Президент Российской Федерации приветствовал проведение Японией Конференции по сотрудничеству среди стран Восточной Азии для развития Палестины в феврале 2013 года. Руководители двух стран подтвердили необходимость поддержки Палестины заинтересованными государствами, в том числе Россией и Японией, для улучшения уязвимого социально-экономического положения Палестины во взаимодействии с международным сообществом и в дальнейшем.

50. Руководители двух стран выразили серьезную обеспокоенность в связи с острым гуманитарным кризисом в Сирии и высказали принципиальную поддержку независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности Сирии, подтвердив приверженность поддержке ведомому самими сирийцами политическому переходному процессу.

51. Руководители двух стран призвали все заинтересованные стороны содействовать прекращению насилия в Сирии, нарушений прав человека и поиску путей политического урегулирования через диалог между Правительством Б. Асада и различными оппозиционными группами в соответствии с положениями Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года и выразили поддержку деятельности спецпредставителя ООН и Лиги арабских государств Л. Брахими. Кроме того, оба лидера подчеркнули важность наращивания международной гуманитарной помощи сирийскому населению, включая беженцев, находящихся за пределами Сирии, и ее беспрепятственного допуска к пострадавшим.

52. Руководители двух стран выразили обеспокоенность происходящими в Сахаро-Сахельском регионе процессами политической нестабильности, ростом экстремистских и сепаратистских тенденций, что представляет серьезный вызов безопасности в трансрегиональном масштабе, и подтвердили необходимость реализации обязательств и оказания помощи государствам этого региона со стороны международного сообщества.

53. Премьер-министр Японии пригласил Президента Российской Федерации посетить Японию с официальным визитом в удобное для него время. Приглашение было с благодарностью принято. Конкретные сроки будут согласованы по дипломатическим каналам.

г. Москва «29» апреля 2013 года

Политика

Первые шаги нового руководства Китая

© 2013

А. Ломанов, О. Борох

Статья посвящена новым тенденциям в политике Китая после XVIII съезда КПК. Появление лозунга «китайской мечты» о «великом возрождении нации» открывает новые перспективы для консолидации общества вокруг целей развития. Китайское руководство подчеркивает трудный характер предстоящих реформ и необходимость преодоления возрастающего сопротивления преобразованиям.

Ключевые слова: КПК, Си Цзиньпин, «китайская мечта», Ли Кэцян, реформы, идеология.

Вслед за обновлением китайского партийного руководства на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) в политике и идеологии появились новые тенденции, отражающие приоритеты нынешних лидеров. Предполагается, что руководящий тандем Си Цзиньпина и Ли Кэцяна будет находиться у власти в течение десятилетия. Привнесенные ими новшества заслуживают тщательного изучения, поскольку они могут указывать на сформированные долгосрочные ориентиры в китайской политике.

Даже самые первые шаги нового китайского руководства после XVIII съезда привлекли к себе пристальное внимание исследователей¹. В настоящее время в Китае разворачивается процесс адаптации программных решений съезда к политическому курсу нынешних лидеров. Появляются новые идейно-политические лозунги, возникают новые акценты в стратегии экономических реформ, в трактовке китайского пути развития и отношении к традиционному культурному наследию.

Эти новые тенденции рассмотрены в данной статье на основании материалов, появившихся в период с ноября 2012 г. по апрель 2013 г. Этот промежуток времени охватывает переходный период, начинающийся со смены партийной власти на съезде КПК до смены государственной власти на сессии ВСНП в марте 2013 г. Помимо этого, были использованы материалы, появившиеся после сессии ВСНП и способные дать представление о взглядах Си Цзиньпина в статусе партийно-государственного лидера и Ли Кэцяна в должности премьера Госсовета КНР.

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

Борох Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: borokh@hotmail.com.

Мечта о великом возрождении

Наиболее заметным событием в сфере политической идеологии стало появление нового лозунга «китайской мечты» (*чжунго мэн*). Си Цзиньпин рассказал о «мечте» 29 ноября 2012 г., это произошло буквально через пару недель после смены партийного руководства. Представленное тогда определение «мечты» сформировало дальнейшее направление развития этой темы: «Осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайской нации, начиная с нового времени». В концентрированном виде «мечта» отражает чаяния нескольких поколений китайцев, что придает ей историческую легитимность. Она спланирует современное общество, поскольку является чаянием каждого китайца.

Реализация «китайской мечты» опирается на принцип коллективизма. Си Цзиньпин подчеркнул: «История говорит нам, что перспектива и судьба каждого человека тесно соединены с перспективой и судьбой государства и нации. Государству хорошо, нации хорошо и тогда всем хорошо». «Мечта» обращена в будущее, это «славное и трудное дело, которое потребует общих усилий поколений китайцев».

На XVIII съезде (2012 г.) были провозглашены две «столетние цели» — к столетию создания КПК «завершить строительство общества малой зажиточности», а в середине века к столетию образования КНР построить «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство». Си Цзиньпин соединил осуществление обеих «столетних целей» с реализацией «мечты о великом возрождении китайской нации».

Рассказ о «китайской мечте» прозвучал в стенах Государственного музея на площади Тяньаньмэнь в Пекине, куда партийный лидер направился вместе с коллегами из ПК ПБ. Они осмотрели тематическую экспозицию «Путь возрождения», рассказывающую об истории Китая от опиумной войны 1840 г. до наших дней. Руководители обратили внимание на карты, показывающие захват китайских территорий сильными державами в конце XIX в., создание концессий и раздел сфер влияния; они остановились у артиллерийского орудия времен опиумной войны, посмотрели фотографии и материалы Синьхайской революции. Их внимание привлекли первый китайский перевод «Манифеста коммунистической партии» и первая программа КПК, тюремные рукописи Ли Дачжао, первый пятизвездный флаг КНР и фотографии с 3-го пленума ЦК 11-го созыва².

Экскурсия по залам музея повторила исторический путь страны от поражений в схватках с империалистическими державами до начала реформ, охватив период в 170 лет. В редакционной статье «Жэньминь жибао» было отмечено, что Си Цзиньпин предъявил миру «китайскую мечту» в исполненном символизме месте, ведь Государственный музей является «храмом Конфуция и храмом предков» для всей китайской нации³. Новый руководитель продемонстрировал, что политика партии стала результатом длительных исторических поисков, которые начались еще до образования КПК.

В той же речи Си Цзиньпин подчеркнул, что «путь определяет судьбу», правильный путь развития найти нелегко и потому Китаю нельзя отказываться от социализма. Он отметил, что «пустые речи вредят государству, практическая работа ведет его к расцвету». Слова «отсталых быют, только развитие ведет к самоусилению» напомнили об интеллектуальных дискуссиях конца XIX в. — тогда китайские передовые мыслители увлекались идеями дарвинизма, подсказывавшими, что в условиях мощного давления извне выжить сможет лишь сильный Китай.

Первые попытки развить идею «китайской мечты» включали акцент на силу. В декабре 2012 г. во время поездки на юг страны Си Цзиньпин встретился с военными и рассказал им про «мечту о сильной армии». «Осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайской нации с эпохи нового времени. Можно сказать, что это мечта о сильном государстве, в отношении армии это также мечта о

сильной армии. Нам нужно осуществить великое возрождение китайской нации, обязательно нужно придерживаться взаимного единства богатого государства и сильной армии (*фу го юй цян цзюнь сяи тунъи*), старательно строить крепкую оборону и сильную армию»⁴. В последующих выступлениях Си Цзиньпина военный аспект «китайской мечты» развития не получил.

17 марта 2013 г. на первом заседании ВСНП нового созыва вскоре после избрания на пост председателя КНР китайский лидер представил более подробную характеристику «мечты»⁵. Он указал на три компонента «китайской мечты» — это сильное и богатое государство (*гоцзя фуцяи*), национальный подъем (*миньцзу чжэксин*), народное счастье (*жэньминь синфу*). Был углублен акцент на соединении сегодняшних проблем с исторической перспективой. «Китайская мечта», наряду с двумя «столетними целями», «глубоко воплощает идеалы современных китайцев, также глубоко отражает славную традицию неустанныго поиска прогресса наших предшественников».

Си Цзиньпин назвал три условия, необходимые для осуществления «китайской мечты». Прежде всего, нужно двигаться по «китайскому пути», то есть по пути социализма, соответствующему национальной специфике. Китайский лидер вновь подчеркнул, что найти этот путь было непросто, его историческая основа в речи Си Цзиньпина была расширена до максимально широких пределов: «[Этот путь] происходит из великой практики более чем 30 лет реформ, из поисков, продолжавшихся более 60 лет после образования КНР, из глубокого обобщения исторического пути развития китайской нации в новое время более чем за 170 лет, он происходит из унаследования более чем 5000-летней древней цивилизации китайской нации. У него есть глубокие исторические истоки и широкая реальная основа».

Во-вторых, для осуществления «мечты» нужно «развивать китайский дух», опирающийся на патриотизм, реформы и инновации; это дух сплочения, дух сильного государства. В-третьих, обязательно следует «сплотить силы Китая». Си Цзиньпин пояснил: «Китайская мечта — это национальная мечта, это также мечта каждого китайца». Лидер призвал людей сплотиться для осуществления общей мечты, подчеркнул: «У нас есть широкое пространство для стараний каждого человека по реализации своей мечты». По сравнению с речью в ноябре 2012 г. в этих словах можно увидеть поворот в сторону интересов индивида, стремление соединить устремления отдельного человека с развитием страны в целом. «Живущий на нашей великой родине в великую эпоху китайский народ, совместно пользуется шансами на то, чтобы сделать свою жизнь яркой, сделать свою мечту реальной, вместе с родиной и с эпохой расти и двигаться вперед. Когда есть мечта, есть шансы, есть борьба, тогда можно создать все прекрасные вещи».

«Китайская мечта принадлежит народу, в ее осуществлении нужно опираться на народ, нужно постоянно создавать счастье для народа» — обобщил Си Цзиньпин. Он процитировал слова из древнекитайского текста «Шан шу»: «Для выдающихся успехов нужна большая устремленность, для великого дела нужны большие усилия». Китай по-прежнему находится на начальной стадии социализма, поэтому создание прекрасной жизни для всего народа потребует больших усилий, это далекий путь.

Через несколько дней после выступления на ВСНП во время визита в российскую столицу в ходе выступления в МГМО 23 марта 2013 г. Си Цзиньпин придал «китайской мечте» глобальное измерение. Он отметил, что в новое время китайский народ пережил столетние беды иностранной агрессии и внутренних конфликтов, глубоко понял ценность мира и более всего нуждается в мирной обстановке для строительства государства. В современной политике Китая это проявляется в приверженности пути мира и развития, оборонительной внешней политике: отказе от участия в гонке вооружений. «Когда Китай становится развитым и сильным, это несет миру еще больше шансов, а не какую-то угрозу. Мы хотим осуществить китайскую мечту, которая принесет счастье не только китайскому народу, но и народам всех стран».

Начиная с первых выступлений Си Цзиньпина в качестве партийного руководителя, тема «китайской мечты» занимает важное место в китайских СМИ, на эту тему высказываются многие эксперты. Большой интерес представляет редакционная статья «Жэньминь жибао», утверждавшая, что быстро развивающийся Китай стал «заводом по осуществлению мечтаний» (*мэн гунчан*). Начиная с образования КНР, сбылись мечты о независимости, о создании атомной и водородной бомбы, запуске спутника, проведении Олимпиады и выставки ЭКСПО, развитии космонавтики и покорении морских глубин. Примечательно, что в статье были упомянуты «идеалы тех, кто боролся в период унижения»: Лян Цичао выдвинул лозунг «молодого Китая» (*шаоюань Чжунго*), Сунь Ятсен провозгласил «подъем Китая» (*чжэнсин Чжунхуа*), Ли Дачжао призывал к «возрождению и воссозданию китайской нации» (*чжунхуа миньцзу гэниэн цзайцзао*). Такая трактовка указывает на исторические корни «китайской мечты», подчеркивает способность китайского социализма дать ответы на вопросы, о которых думали интеллектуалы прошлого. Статья отмечает, что в начале XX в. образованные китайцы мечтали о проведении Олимпиады и всемирной выставки, Сунь Ятсен говорил о перспективах постройки железной дороги в Тибет, однако все эти планы смогли стать реальностью лишь после того, когда во главе страны встала КПК.

Подчеркивается, что «национальная мечта» не является утопией, родившейся в голове одного человека, она отражает уровень развития общества, примерами этого являются американская мечта приплывших на «Мэйфлаузере» переселенцев о свободной жизни на новом континенте, британская мечта об осуществлении индустриальной революции. Судьба государства и судьбы людей взаимосвязаны, поэтому человек может осуществить свои мечты лишь в том случае, если они опираются на мечту государства и нации. В духе марксистского тезиса «свободное развитие каждого — это условие свободного развития всех» в статье утверждается, что «осуществление индивидуальной мечты является важной предпосылкой реализации государственной мечты». Перед лицом противоречий, которые приносит урегулирование отношений интересов в китайском обществе, на фоне растущего многообразия идей и концепций Китаю особенно требуются общие идеалы и сплочение сил. Тем временем за рубежом от теории «полного краха» Китая перешли к рассуждениям о его «ложном процветании», некоторые люди даже «воспевают упадок» Китая. Это предупреждение, что путь к реализации мечты не будет простым, и чем ближе цель, тем больше препятствий и тем тяжелее. Нужно использовать шанс, чтобы в повседневной работе осуществлять «китайскую мечту», вдохновляясь уроками истории, показывающими, что «мечту» не смогли уничтожить ни иностранные вторжения, ни бедность, ни извилистые повороты в развитии страны⁷.

Китайские пропагандисты стремятся использовать широкий охват «китайской мечты» для создания общественного консенсуса. Проректор Центральной партшколы Се Чуньтао заметил, что «китайская мечта» хорошо подходит для сплочения людских сердец, она не имеет идеологической окраски и воплощает максимальную инклюзивность, соответствует требованиям всех слоев современного китайского общества и беспрецедентному многообразию взглядов среди китайцев в мире⁸.

Параллельно идет работа по интегрированию «китайской мечты» в структуру официальной идеологии и развертыванию вокруг «мечты» пропагандистской кампании. В духе выступлений Си Цзиньпина ключевым становится тезис о связи осуществления «мечты» с реализацией двух «столетних целей», пропагандисты подчеркивают связь «мечты» с судьбой каждого человека и нации в целом; проводятся учебные мероприятия под лозунгом «Моя мечта — китайская мечта», ведется подготовка теоретических пособий по изучению «китайской мечты».

В начале апреля 2013 г. в Пекине состоялся семинар по углублению пропаганды и преподавания «китайской мечты», организованный отделом пропаганды ЦК КПК, Министерством образования и ЦК КСМК. На мероприятии выступил член ПК ПБ, глава

секретариата ЦК КПК Лю Юньшань, возглавлявший до XVIII съезда отдел пропаганды ЦК⁹. Он заявил, что «у китайской мечты охват широкий, содержание богатое, она возвысила идеал правления нашей партии»; каждый китаец должен ощутить себя членом «бригады мечты» (*мэи чжи дуй*), участником и соавтором «мечты». Лю Юньшань сказал, что углубление пропаганды и преподавания «китайской мечты» нужно соединять с пропагандой и преподаванием социализма с китайской спецификой, со строительством системы сердцевинных социалистических ценностей. Пропаганда и преподавание «китайской мечты» должны проводиться в учебных заведениях всех уровней и типов, это часть идейного и морального формирования несовершеннолетних, идейно-политического воспитания студентов. «Китайская мечта» должна войти в учебные материалы, в аудитории и в головы учащихся; представители общественных наук должны усилить теоретические исследования в этом направлении, они призваны углубленно объяснить важное значение «китайской мечты», ее духовное содержание и практические требования.

Китайские эксперты обсуждают значение «мечты» для формирования внешнего облика страны. Профессор Народного университета Ван Ивэй, заявил, что каждый китаец должен стать «посланцем китайской мечты»¹⁰. В рамках публичной дипломатии всем китайцам нужно прилагать усилия к тому, чтобы хорошо рассказать иностранцам о «китайской мечте», дабы за рубежом массы поняли, что «китайская мечта делает мир еще прекраснее». Этот рассказ должен звучать на «международном языке», быть понятным и доступным. Следует стремиться к тому, чтобы каждая страна мира нашла в китайском успехе близкий себе элемент, обнаружила свою взаимосвязь с китайской культурой. Если чувство общности с Китаем за рубежом будет возрастать, теорию «китайской угрозы» можно будет превратить в теорию «китайского шанса». Самое большое беспокойство мирового сообщества связано с тем, как Китай будет использовать свою постоянно растущую мощь. Ван Ивэй рекомендует соотечественникам от ответов на вопросы «кто мы не есть» и «чего мы не делаем» переходить к рассказам о том, «кто мы такие» и «чего мы хотим», стремления Китая и его чаяния лучше всего можно обобщить в виде «китайской мечты». «Мечта» становится проводником китайского влияния во внешнем мире, она охватывает и отчасти подменяет собой привлекательность «мягкой силы» культуры и притягательность успеха «китайской модели».

Китайские авторы отмечают, что у «мечты» должна быть движущая сила¹¹. У «европейской мечты» после Второй мировой войны было три двигателя — европейская интеграция, экономический подъем и стремление избавиться от угроз «холодной войны». После 1990-х все цели были достигнуты: угрозы не стало, была построена развитая экономика, появился Евросоюз. Однако тенденции развития в Европе подтверждают мысль китайских даосов о том, что «крепкая вещь идет к старению» — там развился материальный гедонизм, появился «мыльный пузырь» государства благосостояния, мечты не стало и движущие силы иссякли.

У китайского народа есть острая и насущная мотивация для осуществления мечты о возрождении после унижений со стороны держав. «Китайскую мечту» можно сравнить с «американской мечтой», обещающей любому прибывшему на новый континент возможность своим трудом создать дело и получить все, о чем он мечтал. Однако «китайская мечта» ставит индивида после государства и нации, это развитие традиции коллективизма восточной культуры, когда сильное государство становится гарантией народного счастья, развитие государства позволяет каждому человеку получить результат для себя. Китайский автор призвал избегать крайностей, будь то китайская мечта или американская мечта. Крайний индивидуализм причинил в Америке много вреда, начиная от финансового обмана на Уолл-стрит до стрельбы в школах. Тем временем в Китае в процессе создания сильного и богатого государства нужно обращать внимание на защиту законных прав и творческого духа индивида.

В январе 2013 г. большое внимание привлекла история с заменой новогодней редакционной статьи в газете «Наньфан чжоумо», пользующейся репутацией либерального издания. Значительный резонанс вызвал протест журналистов против цензуры, за рубежом обратили внимание на демонстрации рядом с редакцией газеты и выражение общественной поддержки в адрес журналистов. Однако следует учитывать, что спор касался не свободы информации, а свободы интерпретации. В изъятой статье не было важных для интересов общества сведений, которые власть хотела бы скрыть. Источником конфликта стала трактовка «китайской мечты».

Первый вариант текста был озаглавлен «Китайская мечта — мечта о конституционном правлении». В нем говорилось о том, что лишь путем укрепления конституционного правления можно завершить трансформацию древней страны, это долгий путь и давняя мечта Китая. Теперь это мечта не только о материальном изобилии, но и о духовной полноте, не только силе государства, но и о самоуважении граждан. Для этого нужны разделение властей, ограничение власти, возможность для народа критиковать власть. Эти цели нужно осуществлять уже сегодня, не оставляя их внукам. Только при конституционном правлении народ будет свободным и по-настоящему сильным, он сможет отстаивать интересы страны вовне и собственную свободу, свобода государства опирается на свободу народа.

На месте этого материала появился другой с заголовком «Мы ближе к нашей мечте, чем когда-либо». Он стал ближе к нормативной трактовке «китайской мечты» как «великого возрождения нации», был подчеркнут лозунг уверенности в пути развития, руководящей теории и политическом строе. Китайцы близки к мечте потому, что в стране есть конституционный строй; потому, что судьба каждого соединена с судьбой страны и нации; потому, что настала эпоха, когда осуществление мечты стало возможным и каждый человек получает свой результат от развития государства. После образования КНР страна «встала на ноги» (*чжаньцилай*), в период реформ и открытости она «стала богатой» (*фуцилай*), в новом столетии она «станет сильной» (*цянцилай*) — «так шаг за шагом сбываются мечты». Заметим, что китайские власти не против идеи конституционного правления и в ином контексте обсуждение этой темы не сталкивается с препятствиями, в данном случае причиной замены статьи стало стремление воспрепятствовать однобокой трактовке «китайской мечты» как призыва к политической реформе.

В Китае уже появился составленный профессором Ван Ивзем список «десяти больших непониманий» иностранцами «китайской мечты»¹², однако многие из этих «непониманий» возникают внутри страны. Одно из них — отождествление «китайской мечты» с мечтами о конституционном правлении, правах человека и демократии. «Китайская мечта» охватывает «все легитимные чаяния, соответствующие человеческому разуму и чувствам», однако некоторые люди хотят дать свою узкую интерпретацию, чтобы подчеркнуть свои требования. По мнению китайского автора, ошибки тут нет, однако эта односторонность может привести к искажению китайской мечты.

Неправильно поступают и те, кто полагает, что «китайская мечта» — это «мечта Китая». Под влиянием западной идеологии они противопоставляют народ и государство, некоторые иностранные СМИ даже утверждают, что реализация «мечты» будет происходить за счет принесения в жертву интересов китайского народа. Это очень узкое понимание. Другие опасаются, что «китайская мечта» хочет заменить «американскую мечту», выступающую как важная часть «мягкой силы» США. Эти люди не понимают всеохватности китайской культуры, на самом деле Китай не будет против того, чтобы другие страны осуществляли свои мечты. Вместе с тем, попытки отождествить «китайскую мечту» с планами модернизации скрывают желание некоторых людей добиться того, чтобы Китай пошел по пути полной вестернизации. Модернизация была китайской мечтой с нового времени, однако в наши дни она уже не описывает огромных перемен внут-

ри Китая и в его отношениях с миром. «Китайская мечта» — это не западная модернизационная модель, она соответствует китайской специфике.

Еще один подход трактует «китайскую мечту» как новую утопию, осуществить которую невозможно. Функция «мечты» состоит в том, чтобы стать квазирелигиозным «духовным опиумом» для китайского народа, способом сгладить социальные противоречия. Ван Ивэй отмечает, что китайское общество является светским по своей природе, оно подчеркивает единство знания и действия, тем временем «китайская мечта» в равной степени учитывает идеал и реальность, и это вовсе не религиозное утешение. С другой стороны, в появлении «китайской мечты» видят свидетельство отказа от коммунистических идей и стремление сосредоточиться исключительно на будущем своей страны. Однако Китай под руководством КПК стремится к социалистической цели общего богатства (*гутун фуюй*), поэтому «китайская мечта» — это мечта народов Китая и народов всего мира о всеобщем богатстве. Также было бы неверным полагать, что «китайская мечта» знаменует отказ от реформаторской стратегии «перехода реки по камням», в результате чего идеальная конструкция становится выше реальности. На деле «мечта» вовсе не отвергает практику реформ и открытости.

Лозунг «мечты о возрождении» также вызывает опасения, в некоторых соседних с Китаем странах решили, что это восстановление величия времен династий Хань и Тан, вплоть до возобновления даннической системы. Это непонимание порождает ненужные сомнения, оно помогает ставить знак равенства между «китайской мечтой» и «китайской угрозой». На деле речь идет о цивилизационном возрождении и трансформации, это даст Китаю возможность влиять на трансформацию человеческой цивилизации и осуществлять устойчивое развитие. «Китайская мечта» более значительна, чем мечта о возвышении Китая, она дает более всестороннее представление о месте Китая в мире. Вместе с тем, попытки увидеть в «китайской мечте» проявление узкого национализма не имеют под собой оснований. По мнению Ван Ивэй, «китайская мечта» не просто не отторгает мечты других стран, она будет помогать, прежде всего развивающимся странам, реализовать свои мечты.

Реформы над «глубокой водой»

Тенденция расширения исторической перспективы современной политики, которая проявилась в трактовке «китайской мечты» как итога поисков 170 лет, а пути китайского социализма — как производной 5000 лет истории китайской цивилизации, проявилась и в сфере концепции реформ. В прошлые десятилетия эксперты обычно отождествляли экономический успех Китая с реформами Дэн Сяопина, о периоде централизованной плановой экономики 1950–1970-х гг. отзывались критически или не говорили вообще. 5 января 2013 г. Си Цзиньпин выступил в Центральной партшколе на семинаре для новых членов и кандидатов в члены ЦК КПК, посвященном претворению в жизнь решений XVIII съезда. Он отметил, что между дореформенным периодом и периодом реформ в Китае существуют не только «серьезные различия», но и «внутренняя взаимосвязь»; эти два периода «категорически нельзя отрывать друг от друга, тем более, недопустимо их взаимное противопоставление». Китайский лидер также подчеркнул, что нельзя использовать любой из этих периодов для того, чтобы отрицать другой¹³.

Это выступление Си Цзиньпина стало попыткой побудить нынешних критиков реформ и противников централизованной экономики прекратить чрезмерно осуждать или восхвалять разные периоды истории КНР. Это было бы полезно для укрепления позиций официального центристского дискурса как основы идейной стабильности в стране — критика реформ со стороны «новых левых» и осуждение мобилизационной экономики со стороны реформаторов в сумме перечеркивают все, что было сделано за шесть десятилетий под руководством партии. Отказ от противопоставления двух периодов раз-

вития КНР влияет и на понимание перспектив преобразований. Если в основе реформ лежит отрицание централизованной плановой системы, тогда главным содержанием перемен выступают либерализация экономики и переход к рынку. Если же определяющими являются те аспекты, которые вышли на первый план в период борьбы с глобальным финансовым кризисом (сильное государство, возможность вмешательства в экономику), то о полном отрицании наследия первых трех десятилетий КНР говорить не приходится, поскольку эти рычаги управления были унаследованы от дореформенного периода.

Китайские власти стремятся создать новый синтез государственного вмешательства и рыночной экономики, опирающийся на исторические традиции и специфические условия страны. После XVIII съезда Си Цзиньпин и Ли Кэцян неоднократно говорили о намерении придать новый импульс продвижению реформ. Они не раз подчеркивали, что реформы вышли на «глубоководную зону», где существует больше рисков, связанных с преодолением сложившихся интересов, от власти потребуется больше усилий, им нужно быть готовыми «грызть твердую кость». В ноябре 2012 г. Ли Кэцян сравнил реформы с движением лодки против течения — нужно обязательно двигаться вперед, иначе начнется движение назад. Он указал, что следует стараться уменьшить противодействие со стороны групп интересов, уделять больше внимания равенству прав, возможностей, норм. В ответ на тезис об исчезновении «демографических дивидендов» Ли Кэцян признал, что себестоимость рабочей силы в Китае повышается, однако реформа сама по себе является «главным дивидендом» (*хулли*). В марте 2013 г. на пресс-конференции после сессии ВСНП, на которой Ли Кэцян был избран на должность премьера, он пояснил, что процесс совершенствования рыночной экономики еще не завершен, «остаётся огромный потенциал для дальнейшего раскрепощения производительных сил с опорой на реформы, существует огромное пространство, позволяющее дивидендам реформ стать благом для всего народа»¹⁴.

Следует обратить внимание, что новое руководство призывает к «проектированию сверху» (*динцэн шэцзи*) курса преобразований. Прежде акцент, как правило, делали на «движении по камням», то есть на эксперименте. Сейчас подобное экспериментирование не отрицают, но на первый план выдвигается задача продвижения реформ сверху. Это нужно и для того, чтобы преодолеть сопротивление групп интересов, о котором много пишут китайские экономисты. Предполагается, что новый подход позволит усилить общее руководство и комплексное координирование реформы, глубоко изучить и выдвинуть проект, дорожную карту и расписание преобразований. По поводу «проектирования сверху» американский исследователь Брюс Джилли (Университет Портленда) заметил: «В упрощенном виде это означает, что постепенные реформы и торг по поводу их осуществления закончены. Будет меньше управления на микроуровне и больше управления на макроуровне (*цзянь вэйгуань, чжун хунгуань*). Китай должен стремиться к преодолению «фрагментированного авторитаризма», который характеризовал разработку политики с начала реформ в пользу более централизованного и ориентированного на развитие государства. Новые интегрированные министерства предоставят общегосударственные шаблоны для создания последовательной государственной политики. Это означает, что дополнительная ценность будет придана созданию бюрократии с высокой степенью профессионализма и кругозора»¹⁵.

На пресс-конференции после сессии ВСНП 17 марта 2013 Ли Кэцян указал на перспективы реформирования функций правительства: «Что способен делать рынок, нужно в большей степени отпустить [и отдать] рынку. Что может хорошо сделать общество, то передать обществу. Правительство должно взяться за те дела, которые находятся в его компетенции, и как следует выполнять их». Премьер подчеркнул, что проводить структурные реформы непросто, менять функции еще труднее. Он указал на бюрократизм, признав, что часто слышит о том, как для решения дела или создания бизнеса требуется собрать несколько десятков печатей. Это вызывает у людей раздражение, способ-

ствует коррупции, формирует у чиновников ориентированное на извлечение ренты поведение, наносит ущерб имиджу правительства. Ли Кэцян заявил, что обязательно нужно начинать изменение функций правительства с реформирования системы административных разрешений — ныне Госсовет КНР выдает их по 1700 позициям, это число будет сокращено на треть. Премьер высказался в духе экономического либерализма, использовав метафору «невидимой руки»: «Ошибочно приданную правительству руку нужно заменить на руку рынка. Это урезание полномочий, это революция в отношении самого себя, тут может быть больно, даже возникает ощущение как при отрезании запястья. Однако это необходимо для развития, на это надеется народ».

Ли Кэцян указал три направления будущей деятельности правительства — продолжать развивать экономику, постоянно улучшать благосостояние людей, продвигать социальную справедливость. Он отметил, что для достижения поставленных на 2020 г. целей нужно удерживать головной рост экономики на уровне 7%. Это непросто, однако для поддержания таких темпов есть благоприятные условия, в том числе большой внутренний спрос. Ключевой вопрос состоит в том, как продвигать трансформацию экономики, соединяя дивиденды реформ, потенциал внутреннего спроса и жизненную силу инновации. Премьер подчеркнул, что реформы выходят на «глубокую воду», начинается «период наступления», когда придется коснуться укоренившихся интересов: «Ныне затронуть чьи-то интересы куда труднее, чем затронуть душу». Однако продвигаться в сторону «глубокой воды» все равно нужно, поскольку иного выбора нет, это касается «судьбы государства и будущего нации».

Смена руководства создала условия для продвижения реформ и проведения административных преобразований. В марте 2013 г. было принято решение о сокращении числа министерств и ведомств в структуре Госсовета с 27 до 25. Самым заметным шагом стала ликвидация Министерства железных дорог¹⁶. Его административные полномочия переданы Министерству транспорта, хозяйственные функции взяла на себя созданная Китайская генеральная компания железных дорог. Отчасти эти перемены стали реакцией на скандал вокруг бывшего главы министерства Лю Чжицзюня, уволенного в 2011 г. Под его руководством ведомство было неэффективным, однако министр год за годом сопротивлялся планам передачи железных дорог в управление Министерства транспорта. В апреле 2013 г. Лю Чжицзюню были предъявлены обвинения в злоупотреблении служебным положением, коррупции и нанесении крупного ущерба государственной собственности, суд над бывшим министром железных дорог может стать первым крупным антикоррупционным процессом при новом руководстве.

По итогам сессии ВСНП были сделаны кадровые назначения, предоставившие высокие государственные посты влиятельным политикам, не вошедшим в состав ПК ПБ на XVIII съезде. Из-за сокращения числа мест в ПК ПБ с 9 до 7 туда не смогли попасть глава орготдела ЦК КПК Ли Юаньчао и Ван Ян — партийный руководитель развитой приморской провинции Гуандун, снискавший репутацию либерального реформатора. В марте 2013 г. Ли Юаньчао стал заместителем председателя КНР, Ван Ян — вице-премьером. В перспективе на XIX съезде КПК в 2017 г. у них будет возможность занять освободившиеся вакансии в ПК ПБ.

Зарубежные эксперты отмечают, что после сессии ВСНП ключевые экономические посты заняли реформаторы — это вице-премьер Ма Кай, министр финансов Лоу Цзивэй, глава Центробанка Чжоу Сяочуань. В 1990-е годы они вместе с премьером Чжу Жунцзи проводили болезненные реформы государственных предприятий, когда миллионы людей стали безработными. Теперь иностранные эксперты ожидают, что эти люди станут проводниками решительных реформ, которые ограничат позиции государственных предприятий. Это одна из наиболее существенных дискуссионных проблем в сфере экономики, ряд китайских исследователей полагает, что роль госпредприятий в экономике, в особенности после мирового финансового кризиса, стала чрезмерно большой¹⁷.

Вместе с тем, новое наступление на государственный сектор может стать причиной социальной нестабильности. Примечательно, что обсуждение планов дальнейших экономических реформ сочетается с призывами к укреплению идеологической работы. В марте 2013 г. в период работы сессии ВСНП Си Цзиньпин встретился с делегацией северо-восточной провинции Ляонин. Китайский лидер призвал решительно преодолевать трудности, проводить соответствующую идейную подготовку, возрождать Северо-Восток и другие старые промышленные районы, ускорить строительство новой социалистической деревни, повышать конкурентоспособность промышленности. При этом, по его словам, следует улучшать работу по обеспечению благосостояния и обращать внимание на тех, кто испытывает трудности, «чтобы массы получили реальные выгоды, которые можно увидеть и пощупать». Си Цзиньпин призвал вести идейное строительство, учиться у Лэй Фэна и Ло Яна¹⁸, развивать роль примера героев, освобождать позитивную энергию общества, дать духовный стимул осуществлению «китайской мечты».

Проблемы идейных воздействий на развитие преобразований Си Цзиньпин коснулся в одном из выступлений во время поездки в провинцию Гуандун в декабре 2012 г. Он призвал продолжить движение по пути реформ, намеченному Дэн Сяопином, отметив, что реформу нужно понимать правильно. «У нашей реформы есть направление, есть платформа, есть принципы. Некоторые люди определяют реформу как движение к западным всеобщим ценностям, изменение в направлении западных политических институтов, иначе это не реформа. Это подмена смысла, искажение нашей реформы». Си Цзиньпин не согласился с утверждением, что в некоторых сферах реформы отстают. В некоторых областях реформы проходят быстро, в некоторых — медленно, однако нет таких сфер, которые оставались бы незатронутыми преобразованиями. Вместе с тем, руководству нужно сознавать ответственность за судьбу огромной страны и не допускать ошибок, способных привести к необратимым разрушительным последствиям.

Главной причиной быстрого распада СССР Си Цзиньпин назвал «разрушение идеалов и убеждений», поэтому «смена знамени великого правителя над городом» свершилась в одночасье. Урок для Китая состоит в том, что в СССР пошли по пути полного отрицания истории страны и партии, там отрицали Ленина и Сталина, занимались «историческим нигилизмом», «привели идеи в беспорядок», «партийные организации всех уровней стали бесполезными». Китаю нужно придерживаться принципа партийного руководства армией, потому что в СССР «деполитизация» и «департизация» вооруженных сил сделала КПСС безоружной, те, кто хотел спасти СССР, оказались беспомощными. Одного указа оказалось достаточно, чтобы распустить КПСС. Си Цзиньпин заметил, что в СССР не нашлось ни одного храбреца, который бы выступил против этого.

Китайский лидер призвал бороться за цели современного этапа, не забывая при этом далеких целей коммунистической партии, утрата которых приведет к потере направления, сползанию в утилитаризм и практицизм. «Китайская мечта» — это идеал, однако у коммунистов есть еще более высокий идеал — коммунизм. В него не верят те, у кого нет твердых идейных позиций, кто подвержен влиянию утилитаризма, такие люди не смогут жертвовать ради партии, государства и народа. В качестве примера силы убеждения Си Цзиньпин упомянул опубликованную в «Жэньминь жибао» статью о переводчике «Манифеста коммунистической партии» Чэнь Вандао¹⁹. В 1920 г., когда он работал над переводом, мать приготовила ему цзунцзы с желтым сахаром. На вопрос о том, хватило ли ему сахара, он сказал, что все очень сладкое, хотя на самом деле перед ним вместо сахара была чашечка с тушью.

Тема сохранения идеологических устоев постоянно присутствует в выступлениях Си Цзиньпина. 17 ноября 2012 г. на коллективной учебе нового состава ПБ, посвященной решениям съезда, он подчеркнул: «Марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна никак нельзя отбросить, если их отбросить, будет утрачено основное (*гэньбэнь*)»²⁰. Китай находится на начальном этапе социализма, об этом нужно помнить не только при малом

объеме экономики, но и при большом объеме экономики, на этот этап нужно опираться не только при планировании долгосрочного развития, но и в повседневной работе. Си Цзиньпин призвал решительно отбрасывать различные ошибочные предложения, отвергающие социализм, решительно исправлять ошибочные мнения и политику, перескакивающие через этапы развития.

5 января 2013 г. в Центральной партшколе Си Цзиньпин развил эти тезисы: «Социализм с китайской спецификой — это социализм, а не какой-то другой «-изм», фундаментальные принципы научного социализма нельзя терять, если их потерять, это уже не социализм. Какой «-изм» осуществляет страна, в основе нужно смотреть, может ли этот «-изм» решить стоящие перед страной исторические проблемы». Большое внимание было уделено теме воспитания идеалов. «Революционные идеалы выше неба. Без далекого идеала не может быть соответствующего требованиям коммуниста, но если он оторвался от реальной работы и впустую говорит о далеких идеалах, этот коммунист тоже не соответствует требованиям».

Си Цзиньпин заметил, что идеалы являются для коммунистов духовным «кальцием», если нет крепких идеалов и убеждений. начинается «духовный недостаток кальция», «болезнь недостатка кальция в костях». Новый лидер высказал свои соображения в виде ярких запоминающихся фраз, которые были широко растиражированы в СМИ и Интернете. «Если хочешь ковать железо, тело должно быть крепким», «запрещающий должен сперва запретить себе, а потом другим» — это означает, что партия должна строго спрашивать с самой себя, бороться против коррупции, отрыва от масс, формализма, бюрократизма. «Сначала тухнет вещь, затем рождаются черви» — коррупция и разложение могут привести к гибели партии и государства. «Полномочия нужно посадить в клетку институтов», создавая механизмы, препятствующие коррупции. «Нужно бить «тигров» и «мух»» — преследовать за коррупцию чиновников как высокого, так и низкого ранга.

Еще одной приметой новой политической эпохи стали принятые в декабре 2012 г. на заседании Политбюро ЦК КПК «восемь положений», прививающие дух скромности и бережливости. От партийных руководителей потребовали сократить число пустых речей и ненужных совещаний, лишенных информационной ценности сообщений СМИ о деятельности членов Политбюро, перекрытий движения транспорта при поездках начальства. Развитием этой инициативы стали «десять положений об усилении создания стиля работы собственным примером», изданные в том же месяце от имени ЦВС для военных. Оба распоряжения существенно ограничили траты на банкеты, что привело к падению доходов производителей дорогого алкоголя и ресторанного бизнеса по всей стране. Новым шагом в направлении сближения верхов и низов стала изданная в апреле 2013 г. директива Си Цзиньпина, обязывающая старших офицеров в возрасте до 55 лет периодически проходить службу в качестве рядового на протяжении 15 дней. В ней также была заложена антикоррупционная составляющая — в этот период для высоких чинов не должно быть никаких банкетов, экскурсий и подарков, они прибывают в воинскую часть со своими личными вещами и платят за еду из собственного кармана.

Сам Си Цзиньпин старается следовать провозглашенным целям. Во время его поездок полиция не перекрывает дороги, на официальных мероприятиях не стало прежнего количества ковров и цветов, на сессии ВСНП 2013 г. депутатам были предложены более скромные условия проживания. Создание образа лидера, близкого к народу, прошло настолько успешно, что 18 апреля 2013 г. в гонконгской газете «Дагунбао» появилась история о поездке Си Цзиньпина в пекинском такси. Водитель такси поведал, что вечером 1 марта двое сели в его машину на улице Гулоу сице в центре города и попросили отвезти их к гостинице Дяоюйтэй. По дороге они поговорили о пекинском смоге, а на вопрос водителя к пассажиру о том, не путают ли его с Си Цзиньпином, на которого он так похож, клиент ответил: «Ты первый водитель такси, кто меня узнал» (эти слова подразумевали, что поездка никуда не была не первой). Эта история так удачно вписа-

лась в образ политика, выступающего против роскоши и помпезности, что была перепечатана на нескольких китайских официальных информационных сайтах, и это лишь добавило ей убедительности. Впрочем, в тот же день последовали опровержения со стороны «Дагунбао» и агентства Синьхуа.

Идейное воспитание и культурная традиция

Выступление в Си Цзиньпина в МГИМО в марте 2013 г. во время его первого зарубежного визита в статусе председателя КНР войдет в историю не только российско-китайских отношений, но и китайских реформ. Китайский лидер заявил: «Подходит ли ботинок ноге, можно узнать лишь когда сам его померил. Подходит ли стране путь развития, по этому поводу правом слова (*фаяньцюань*) в наибольшей степени обладает народ этой страны». В контексте международных отношений это означало признание равенства больших и малых, сильных и слабых, богатых и бедных стран. Си Цзиньпин призвал уважать право народа любой страны выбирать свой путь развития и не допускать чужого вмешательства во внутренние дела.

По поводу этого высказывания было много рассуждений в Интернете, большое количество комментаторских материалов размещено на официальных информационных сайтах. «Теория ботинка» имеет шанс встать в один ряд с двумя другими всемирно известными символическими концепциями китайских реформ — «теорией кошки» («не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей») и «теорией нащупывания» («переходить реку, нащупывая камни»).

Основное мнение китайских экспертов едино — «теория ботинка» указывает на уверенность руководства страны в том, что нынешний путь развития соответствует китайской специфике. Заметим, что, помимо двух «столетних целей», из формулировок XVIII съезда КПК Си Цзиньпин чаще всего упоминает требование ко всей партии быть приверженной уверенности в собственном пути, теории и строе (*даогу цзысинь, лилуь цзысинь, чжиду цзысинь*).

«Теория ботинка» отвергает попытки Запада навязать Китаю свою модель развития и политического устройства. Китайские комментаторы отмечают, что только сам человек может знать, подходит ему ботинок или нет, другие люди не имеют к этому отношения. Их вмешательство бессмысленно, поскольку у них нет соответствующей практики, а потому нет и «права голоса» по этому вопросу. Некоторые думают, что чужие ботинки некрасивые, а их собственная обувь — самая лучшая, однако попытка надеть свои ботинки на чужие ноги вызывает смех. То же и с развитием государства: путь развития нельзя скопировать, хотя некоторые главы западных государств не уважают другие страны и стремятся навязать им свой путь развития и строй. Начиная с нового времени, в условиях национального кризиса передовые деятели Китая померяли огромное количество «ботинок» и сумели найти подходящие — это путь социализма с китайской спецификой²¹.

Профессор Сингапурского университета Ши Юйчжи, который ныне преподает в Хунаньском педагогическом университете, сравнил «теорию ботинка», которая отражает современный день Китая, с «теорией кошки», которая соответствовала начальному периоду реформ. По мнению ученого, раньше в центре внимания находилось материальное, люди были сосредоточены на том, чтобы решить базовые проблемы тепла и пропитания. Теперь в центре оказались собственные ощущения — подходит ботинок или нет, есть ли комфорт. Раньше люди как голодные «кошки» с горящими глазами гнались за добычей, а теперь им нужно, чтобы было красиво и удобно. Прежде переменны были беспорядочные, а теперь нужно спокойно идти в магазин и примерять ботинки, чтобы найти самые подходящие. При этом все говорят правду, которая помогает решать назревшую в обществе проблему кризиса доверия — пострадает тот, кто соврет и назовет неподходящий ботинок подходящим, ведь тогда ботинок натрет ему ноги²².

Новый лидер продемонстрировал серьезное внимание к изучению теории и национальной культуры. 1 марта 2013 г. Си Цзиньпин выступил в Центральной партшколе КПК на мероприятии по поводу 80-летия ее создания²³. Учебное заведение было создано в 1933 г. и в своей речи Си Цзиньпин несколько раз обращался к тому десятилетию. Он напомнил, что в яньаньский период партия обратила внимание на «кризис умения» (*бэньлин кунхуан*) и процитировал, не называя по имени («тогда ЦК партии четко указал») слова Мао Цзэдуна о том, что кризис в рядах партии не экономический и не политический, а «кризис умения». В 1939 г. в Яньани Мао Цзэдуан сравнил процесс освоения новых знаний с открытием лавочки. Если товаров мало, они скоро закончатся и лавочку придется закрывать, поэтому нужно постоянно пополнять «запасы», путь к преодолению «паники умения» — читать больше книг.

Получается так, что немного научились, сегодня немного использовали, завтра немного использовали, а потом умения иссякли. Си Цзиньпин задал риторический вопрос, есть ли такая проблема в наши дни, и ответил положительно — проблема есть. Всем членам партии, в особенности высокопоставленному руководству, нужно иметь чувство «кризиса умений». Умения следует постоянно укреплять, только так можно выполнить две «столетние цели» и сделать реальной «китайскую мечту» о возрождении китайской нации.

Китайский лидер напомнил, что КПК называет себя обучающейся (*сюэси син*) партией и эта характеристика стоит на первом месте. Учеба и повышение навыков работающих работников — не их личное дело, а дело развития партии и государства. В древнем Китае говорили, что «ученому не обязательно быть чиновником, но чиновнику обязательно нужно учиться». Только если усиленно учиться, можно будет сформировать научный подход, прозорливость, самостоятельность, способность современного принятия решений, познать закономерности. Иначе руководящий работник как «слепец на незрячей лошади» не сможет создать в работе новую ситуацию, возникнет опасность потери направления.

Кадровым работникам, прежде всего, нужно изучать марксистскую теорию. Си Цзиньпин процитировал произнесенные в 1938 г. слова Мао Цзэдуна: «Если бы в нашей партии было сто — двести товарищей, изучивших марксизм-ленинизм систематически, а не фрагментарно, реально, а не бессодержательно, это в значительной степени повысило бы боеспособность нашей партии». Далее, следует знать политику партии и законы государства, знать историю партии и историю государства. Также нужны познания в области экономики, политики, истории, культуры, общества, науки и техники, военного дела, дипломатии.

Особое внимание Си Цзиньпин уделил изучению лучших китайских традиций, подчеркнув, что это необходимо не только для расширения познаний, но и для совершенствования личности. У Китая богатая традиционная культура, ее изучение и овладение ее лучшими идеями «очень полезно для установления правильных взглядов на мир, человека и ценности». Си Цзиньпин указал на самые ценные аспекты традиционного наследия и проиллюстрировал их цитатами. Прежде всего, в древнем Китае говорили о политической ответственности: «Заботиться прежде, чем будет заботиться Поднебесная, радоваться после того, как будет радоваться Поднебесная» (Фань Чжунъян, поэт династии Сун). Это идея связи с чувствами народа, призыв первым встречать трудности и последним вкушать радости. Далее, в традиции было стремление думать о нуждах государства. «Занимающий низкую должность не смеет забыть о заботах государства» (Лу Ю, поэт династии Сун). «Если можно своей жизнью принести пользу государству, не избегать этого из-за встречи с бедами» (Линь Цзэсюй, династия Цин). Си Цзиньпин вспомнил моральные поучения древнего конфуцианства и процитировал Мэн-цзы: «Не развращаться при богатстве и знатности, не изменять своим принципам в бедности и нищете и не поклоняться пред силою»²⁴.

Далее партийный лидер вновь обратился к поэзии: «С древности кто из людей ни умирал, горячие сердца запечатлены в исторических книгах» (Вэнь Тяньсян, поэт и военный деятель династии Сун). Потом он напомнил ставшие чэньюем слова Чжугэ Ляна «всеми силами служить до последнего дня», выражающие традиционный дух самопожертвования. Си Цзиньпин заметил, что в этих идеях воплощены лучшая традиционная культура и народный дух, которые нужно унаследовать и развивать. Он подчеркнул, что высокопоставленным кадровым работникам нужны литературные познания, способные повысить их способность ценить литературу, развить чувство прекрасного и высокий интерес к жизни. Си Цзиньпин заметил, что у многих революционеров старого поколения была основательная литературная подготовка, у них были высокие достижения в поэзии. «В целом следует изучать историю, чтобы видеть успехи и неудачи, извлечь уроки из приобретений и потерь, знать о расцвете и упадке; изучать поэзию, чтобы чувства воспарили, устремления были высокими, душа человека была проникновенной; изучать этику, чтобы знать совесть, понимать славу и позор, отличать истинное от ложного».

Повторив слова о том, что «пустые речи вредят государству», Си Цзиньпин напомнил, как в эпоху Сражающихся Царств Чжао Ко вел «обсуждение войск на бумаге» и в настоящем сражении проиграл, а при династии Цзинь ученые «в пустых разговорах забросили дела», предложив собравшимся «извлечь урок из этих исторических поучений». Далее китайский лидер обратился к педагогической мысли Конфуция, отметив, что интерес — это лучший учитель, который стимулирует учебу: «Знающих не сравнить с теми, кто любит это, а любящих не сравнить с теми, кто испытывает радость от этого»²⁵.

У руководящих работников должны быть любовь к учебе и стремление учиться всю жизнь. Также им следует взаимно соединять учебу и размышление, учебу и практику, ведь еще у Конфуция было сказано: «Учиться и не размышлять — бесполезно, размышлять и не учиться — подвергать [себя] опасности»²⁶. Если у человека в голове есть вопрос, его нужно решить, а для этого следует учиться сознательным образом. Нужно, как это было сказано в древнем тексте «Чжун юн», «широко изучать, старательно добираться до сути, тщательно вздумываться, добиваться четких суждений, неумолимо осуществлять»²⁷.

Си Цзиньпин назвал недопустимой ситуацией, когда партийные товарищи говорят, что хотят учиться, но слишком заняты работой. Это не повод забросить учебу. Партия призывает улучшить стиль работы, чтобы кадровые работники больше учились и больше думали. Тем временем народ говорит, что у некоторых кадровых работников дух учебы не очень сильный, а дух развлечений расцветает. Это тревожная тенденция, тем более недопустимы попытки «своим помрачением просвещать других»²⁸.

Свою речь в Партшколе Си Цзиньпин завершил словами о том, что КПК нужно продолжать двигаться в будущее с опорой на учебу: «Учеба, учеба и учеба, практика, практика и еще раз практика». Эти слова китайского лидера соединили призыв В.И. Ленина «учиться, учиться и еще раз учиться» с присущим теоретическим работам Мао Цзэдуна вниманием к важности роли практики в человеческом познании.

В своих выступлениях в качестве китайского лидера Си Цзиньпин демонстрирует хорошее знание традиционной культуры. Его упоминание о поэтических достижениях старого поколения революционеров не было случайным. В ноябре 2012 г. в выступлении в Государственном музее Си Цзиньпин дважды обратился к творчеству Мао Цзэдуна. Чтобы охарактеризовать вчерашний день, он вспомнил слова из написанного в 1935 г. стихотворения «Застава Лоушань» — «было похоже, что мощная крепость сделана из стали», но бойцы обошли препятствие через горный пик²⁹. Это образ борьбы, многочисленных трудностей и жертв. Чтобы охарактеризовать грандиозные перемены наших дней он процитировал стихи Мао Цзэдуна, написанные в честь триумфа апреля 1949 г., когда войска китайских коммунистов заняли гоминьдановскую столицу Нанкина: «Люди идут к переменам, моря превращаются в заросли тутового дерева». Еще одну цитату из стихотворений Мао Цзэдуна Си Цзиньпин привел на новогоднем чаепитии с членами ЦК КПК

1 января 2013 г. «Скоро заря загорится багряно. Кто говорит, что в поход отправляетесь рано? Мы, не старея, по горным дорогам шли неустанно. Край наш прекрасный раскинут пространно»³⁰. Китайский лидер хотел подчеркнуть, что славные страницы уже вписаны в историю нации, а прекрасное будущее требует, чтобы люди создавали его уже сегодня.

Выступая в Государственном музее, образ смелого движения к будущему Си Цзиньпин нашел в стихотворении «Трудный путь» Ли Бо (династия Тан). Человек хочет отправиться в путь, но ему мешают препятствия — реку сковал лед и на перевале лежит снег. Но все же он набирается решимости оседлать «дальний ветер и разбить волны», чтобы устремиться к морю. В расширенном виде эта цитата прозвучала вновь во время лекции в МГИМО. Си Цзиньпин заметил, что в России есть пословица «большому кораблю — большое плавание», а в Китае есть древнее стихотворение «настанет время под дальний ветер разбить волны, к облакам поднять парус и устремиться в море»³¹. Он выразил надежду, что благодаря совместным усилиям китайско-российские отношения обязательно оседлают ветер и разобьют волны, надут паруса и отправятся в далекое плавание. Заметим, что в этом контексте цитата из Ли Бо стала отсылкой к фразе В.В. Путина: «Рост китайской экономики — отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики».

Список использованных Си Цзиньпином цитат из классической традиции прирастает после каждого выступления китайского лидера. В январе 2013 г. в речи в Партшколе он передал идею уверенности в пути, теории и строе с помощью созданного поэтом и каллиграфом Чжэн Се (династия Цин) образа бамбука, прочно зацепившегося корнями за камни в горах: «Тысячи раз сгибался, испытал десять тысяч ударов, но попржнему крепок, будь ветер восточный или западный, южный или северный». Желая подчеркнуть намерение Китая следовать политике открытости и учебы у внешнего мира, в декабре 2012 г. в ходе встречи с иностранными специалистами Си Цзиньпин привел слова Конфуция: «Когда [нас] трос в пути, то каждый из двоих [спутников] может стать моим наставником»³².

В апреле 2013 г. выступая на Азиатском форуме в Боао, Си Цзиньпин призывал соседей по региону к смелости для перемен и инноваций: «Просветленный по причине (смены) времени меняется, знающий вместе с делами создает» (Хуань Куань, «Трактат о соли и железе»). Чтобы подчеркнуть, что региону нужны открытость и инклюзивность, широкое пространство для совместного развития, он привел другую цитату: «В море впадает сотня рек, оно вбирает их и потому становится большим» (Линь Цзэсюй, 1839 г.).

Появление в речах китайского лидера цитат из традиционного наследия всякий раз сопровождается публикацией комментаторских материалов, поясняющих исторический контекст появления цитаты и ее смысл. Присутствие традиционного культурного компонента в современной идеологии помогает привлечь внимание аудитории к наследию прошлого, изучение которого становится частью повседневной работы по пропаганде решений правящей партии. В перспективе внимание Си Цзиньпина к национальной традиции может стать стимулом для формирования политического дискурса к китайской спецификой.

* * *

После смены партийной власти на XVIII съезде КПК новые китайские лидеры уделяли большое внимание усилению идеологической работы и подготовке нового этапа реформ. Многим внешним наблюдателям эти импульсы показались взаимноисключающими, однако с точки зрения внутренних китайских тенденций противоречия здесь нет. Ныне в Китае уже накопилось большое количество социально-экономических проблем, впереди предстоят трудные преобразования, которые могут вызвать всплеск недовольств-

ва в народе. Чтобы не допустить дестабилизации, власти ищут способы сплочения общества с помощью идеологических инструментов (пропаганда «китайской мечты») и демонстративных шагов по навязыванию элите более скромного и экономного стиля поведения («восемь положений» ПБ, «десять положений» ЦВС).

Можно предположить, что в обозримом будущем «китайская мечта» будет занимать важное место в китайской официальной идеологии. Повышение статуса этого лозунга привело к относительному снижению влияния идей, сформулированных при прежнем руководстве («мягкая сила», «гармоничный мир», «гармоничное общество»). Однако речь идет не столько об их вытеснении, сколько об интеграции в новую всеобъемлющую концепцию «мечты», призванную стать основой общественного консенсуса внутри Китая.

Сходную тенденцию к интеграции можно увидеть и в отношении к китайской истории и традиции. Об этом свидетельствуют стремление обосновать выбор в пользу социалистического развития ссылками на пятитысячелетнюю китайскую цивилизацию, связать «китайскую мечту» с историей страны, начиная с оппумной войны 1840 г., отказаться от противопоставления периода правления Мао Цзэдуна периоду реформ в КНР. Эти усилия направлены на создание широкой исторической основы для нынешнего пути развития страны.

1. Бергер Я. К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса // Пробл. Дальнего Востока. 2013 № 1.
2. Си Цзиньпин: Чэньцян шихоу цзиван кайлай цзисюй чаочжэ чжунхуа миньцзу вэйда фусин мубяо фэньюн цянъцзинь [Си Цзиньпин: продолжать и развивать дело предшественников, продолжать бороться за продвижение к цели великого возрождения китайской нации] // Синьхуаван. 2012. 29 нояб. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2012-11/29/c_113852724.htm.
3. Жэнь Чжунпин. Чжу цзю миньцзу фусин дэ «Чжунго мэнь» [Построенная на возрождении нации «китайская мечта»] // Жэньминь жибао. 2013. 1 апр. URL: http://www.qstheory.cn/ztck/2013nd/xjzgm/lisk/201304/t20130401_220180.htm.
4. Си Цзиньпин цзай Гуанчжоу чжаньюй каоча [Си Цзиньпин посетил гуанчжоуский театр военных действий] // Цзефан жибао. 2012. 13 дек. URL: http://www.qstheory.cn/gf/dv/201212/t20121213_199802.htm.
5. Си Цзиньпин. Цзай ди шиэр цзе цюаньго жэньминь дайбяо дахуй ди и цы хуйн шан дэ цзянхуа [Речь на первом заседании ВСНП 12-го созыва] // Синьхуа. 2013. 17 мар. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0317/c1001-20818035.html>.
6. Си Цзиньпин цзай Москэ гоци гуаньси сюэюань дэ яньцзян (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина в МГИМО (полный текст)] // Синьхуаван. 2013. 24 мар. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0324/c1024-20892661.html>.
7. Жэнь Чжунпин. Чжу цзю миньцзу фусин дэ «Чжунго мэнь» [Построенная на возрождении нации «китайская мечта»] // Жэньминь жибао. 2013. 1 апр. URL: http://www.qstheory.cn/ztck/2013nd/xjzgm/lisk/201304/t20130401_220180.htm.
8. Вэй Хуасинь. «Чжунго мэнь» вэй хэ цзи цзюй баожунсин? [Почему «китайская мечта» обладает столь высокой инклюзивностью?] // Цюши лилуньван. 2013. 18 апр. URL: http://www.qstheory.cn/lg/clzt/201304/t20130418_224057.htm.
9. Лю Юньшань цяндяо: туйдун синчэн шисянь Чжунго мэнь дэ цянда цзиншэнь лиян [Лю Юньшань подчеркнул: продвигать мощную духовную силу осуществления китайской мечты] // Синьхуаван. 2013. 9 апр. URL: http://www.qstheory.cn/yw/201304/t20130409_221733.htm.
10. Ван Ивэй. Мэй гэ жэнь доу ши «Чжунго мэнь» дэ шичжэ [Каждый человек — посланник «китайской мечты»] // Жэньминь жибао. 2013. 22 мар. URL: http://www.qstheory.cn/wz/slpl/201303/t20130322_218202.htm.
11. Вэй Да. «Чжунго мэнь» дэ дунлиюань [Источник движущей силы «китайской мечты»] // Жэньминь жибао хайвайбань. 2013. 1 февр. URL: http://www.qstheory.cn/gj/gjsspl/201302/t20130201_209751.htm.

12. Ван Ивэй. Вай цзе дуй «Чжунго мэнь» дэ ши да уйзе [Десять важнейших неправильных понятий «китайской мечты» во внешнем мире] // Хуанью шибао. 2013. 16 апр. URL: http://www.qstheory.cn/ztc/2013nd/xjzjgm/zgm/sj/201304/t20130416_223665.htm.
13. Си Цзиньпин тань «Чжунго тэсэ шэхуйчжун»: даолю цзю ши дан дэ шэньмин [Си Цзиньпин о «социализме с китайской спецификой»: путь — это жизнь партии] // Синьхуаван. 2013. 5 янв. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0105/c1024-20099340.html#>
14. <http://news.sina.com.cn/z/2013qglh/zljzh13/>.
15. Gilley B. Policy Reform Measures Highlight Potential for Transformation // China Brief. 2013. Vol. 12, Issue 7. March 28. P. 5.
16. Среди прочих реорганизаций примечательно создание единого Государственного морского управления. В него вошли пограничная морская служба, подчинявшаяся Министерству общественной безопасности, относившаяся к Министерству сельского хозяйства администрация по делам рыболовства, а также морская Таможенная служба. Сообщалось, что новое управление будет находиться в подчинении Министерства земельных и природных ресурсов. оно будет охранять правопорядок на море от имени Китайского управления морской полиции под оперативным руководством Министерства общественной безопасности. Также будет создана консультативная и координационная Национальная комиссия по морским делам, за ее работу будет отвечать новое морское госуправление. Эти нововведения важны с учетом выдвинутой на XVIII съезде концепции создания «сильной морской державы» и на фоне территориальных морских споров с соседями. Когда этими взрывоопасными проблемами занимаются четыре ведомства, возникает риск конфликта из-за недостаточной координации. Еще несколько слияний призваны улучшить функционирование административной системы. Министерство здравоохранения объединяется с Государственным комитетом по демографической политике и плановому деторождению в единый Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения. Формируется объединенное Главное государственное управление по контролю над продуктами питания и лекарственными препаратами, включающее различные ведомства, отвечающие за контроль над качеством лекарств и пищевых продуктов. Главное государственное управление радиовещания, кинематографии и телевидения и Главное управление по делам печати и издательства соединяются в Главное государственное управление по делам печати, издательства, радиовещания, кинематографии и телевидения.
17. Analysis: China heads back to the '90s in economic reform drive // By Nick Edwards // BEIJING (Reuters). 2013. 18 Mar.
18. Героем новой эпохи, имя которого прозвучало на всю страну после XVIII съезда, стал Ло Ян — генеральный директор Шэньянской авиастроительной корпорации, отвечавший за разработку китайского палубного истребителя Цзянь-15. Конструктор скончался от сердечного приступа 25 ноября 2012 г. после того, как в его присутствии самолет произвел успешную посадку на авианосце «Ляонин», ставшем символом новой военно-морской мощи Китая. Власти высоко оценили заслуги Ло Яна и призвали членов партии учиться на его примере.
19. У Чжэнхуа. Синьян дэ вэйдао [Вкус веры] // Жэньминьван — Жэньминь жибао. 2012. 27 нояб. URL: <http://opinion.people.com.cn/n/2012/1127/c1003-19707043.html>.
20. Си Цзиньпин. Цзинь цинь вэйжао цзяньчжи хэ фачжань Чжунго тэсэ шэхуйчжун сюэси сюаньчуань гуаньчэ дан дэ шибада цзиншэнь (2012 нянь 11 юэ 17 жи) [Тесно сплотиться, отстаивать и развивать социализм с китайской спецификой, изучать, пропагандировать и реализовывать дух XVIII съезда партии (17 нояб. 2012 г.)] // Жэньминьван — Жэньминь жибао. 2012. 17 нояб. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1119/c64094-19615998-2.htm>.
21. Си Цзиньпин «сецзы лунь», сяо шиши даочу да чжэли [«Теория ботинка» Си Цзиньпина: маленькое дело демонстрирует большую философию] // Гоцзи цзай сянь. 2013. 26 мар. URL: <http://gb.cri.cn/27824/2013/03/26/882s4065290.htm>.
22. Ши Юйчжи. «Сецзылунь» дэ шндай синьи [Новый смысл эпохи «теории ботинка»] // Жэньминь луньтань. 2013. 4 апр. URL: http://www.qstheory.cn/zl/bk/jx/201304/t20130404_221192.htm.
23. Си Цзиньпин. Цзяньсяо 80 чжоуньян цинчжу дахуй цзи 2013 нянь чуныцзи кайсюэ дьяньли шан дэ цзянхуа (2013 нянь 3 юэ 1 жи) [Речь на собрании в честь 80-летия создания школы и начала весеннего семестра 2013 г. (2013 г. 1 марта)] // Жэньминьван — Жэньминь жибао. 2013. 3 мар. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0303/c1024-20655810.html>.
24. Мэн-цзы, гл. 3Б, 2 / Пер. П.С. Попов // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. С. 301.

25. «Лунь юй», гл. 6, 20 // Пер. Л.С. Переломов // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. С. 179.
26. «Лунь юй», гл. 2, 20 // Пер. Л.С. Переломов // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. С. 162.
27. Пер. Лукьянов А.Е. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. С. 139.
28. Мэн-цзы сказал: «В древности достойные люди своим просвещением просвещали других, а ныне [люди] своим помрачением думают просвещать других» (Мэн-цзы, гл. 6Б, 20 // Пер. П.С. Попов // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. С. 389.
29. «Не считай, что застава надежно прикрыта. Тут мы недолго осаду вели — к вечеру сверху ее обошли». «Застава Лоушань» / Пер. А. Сурков // *Мао Цзэ-дун*. Восемнадцать стихотворений. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 39.
30. «Хуэйчан» / Пер. А. Сурков // *Мао Цзэ-дун*. Восемнадцать стихотворений. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 36.
31. В стихотворном переводе С.А. Торопцева: «Но час придет, и я не убоюсь волны И выведу свой челн в бескрайние просторы» // Китайский поэт Золотого века. Ли Бо: Пятьсот стихотворений / Пер. С.А. Торопцев. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 51.
32. «Лунь юй», гл. 7, 22 // Пер. Л.С. Переломов // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. С. 182.

«Чунцинская модель»: что это было?

© 2013

А. Карнеев

За год, прошедший с момента начала «чунцинской драмы», опубликовано большое количество материалов, проливающих свет на уникальный в своем роде опыт социально-экономического развития одного из регионов Китая. Существовала ли в действительности «чунцинская модель» и в чем была ее специфика? Какова может быть дальнейшая судьба левого течения общественно-политического спектра после XVIII съезда КПК? В статье делается попытка поставить целый ряд вопросов, связанных с необходимостью объективной оценки «чунцинской модели».

Ключевые слова: «чунцинская модель», Бо Силай, «новые левые», коррупция, идейно-политическая борьба в КНР.

Прошел год с начала одной из самых необычных политических интриг современного Китая. Именно весной 2012 г. с бегства в американское консульство в Чэнду начальника полиции г. Чунцина Ван Лицзюня началось развенчание и ниспровержение Бо Силая, харизматического политика, смысл политической деятельности которого до сих пор вызывает дискуссии, и который, согласно широко распространенному мнению, претендовал на вхождение в число членов Постоянного комитета Политбюро ЦК. С его падением окончил свое существование и пресловутая «чунцинская модель», о которой в КНР было столько споров и дискуссий.

За прошедший год были написаны горы статей и разнообразных материалов, посвященных как пресловутому «чунцинскому инциденту», так и отдельным аспектам этого уникального в своем роде дела. Но сказать, что в данной проблеме расставлены все точки над «и», никак нельзя. Наоборот, пока во всем этом деле гораздо больше вопросов, чем достоверных ответов. Можно сказать, что сколько-нибудь полное понимание феномена Бо Силая и «чунцинской модели» – это дело будущего. На момент написания данной статьи пока еще не состоялся давно ожидаемый процесс по делу самого Бо Силая, а значит впереди возможно ознакомление общественности с дополнительными деталями этого дела. Впрочем, все понимают, что любой вердикт суда отразит лишь текущий консенсус руководства КПК относительно того, как надо поступить с Бо Силаем. Наверняка при этом будет сделано все, чтобы представить все это как изолированный случай падения отдельно взятого, хотя и высокопоставленного руководителя-коррупционера. С большой долей вероятности можно предсказать, что политическая составляющая «чунцинского инцидента» будет вынесена за скобки. А ведь именно она представляет в данном деле наибольший интерес, именно она отличает дело Бо Силая от внешне сходных с ним «коррупционных» дел секретаря пекинского горкома Чэнь Ситуня (1996) и секретаря шанхайского горкома Чэнь Ляньюя (2006)¹.

Если для многих зарубежных журналистов и обозревателей словосочетание «чунцинская модель» стало известным только после того, как стал раскрываться скан-

Карнеев Андрей Ниязович, кандидат исторических наук, заместитель директора ИСАА при МГУ.
Тел.: 8 (916) 651-93-75.

дал с бегством Ван Лицзюня, то для китаеведов, следящих за социально-политическим развитием современного Китая, «чунцинская модель» была хорошо известна. О ней много писалось в контексте споров китайских ученых о путях дальнейшего развития страны, о так называемой «китайской модели», о сравнительных достоинствах опыта Чунцина и Гуандуна, а также в связи с тем, что в последние годы Чунцин посещали многие высокопоставленные руководители Китая, а также зарубежные почетные гости. Это особенно любопытно в контексте того, что после отставки Бо Силая, и, что особенно примечательно, в период проведения в ноябре 2012 г. XVIII съезда КПК преемником Бо Силая на посту секретаря чунцинского горкома Чжан Дэцзяном² была озвучена точка зрения, что «никакой «чунцинской модели» не существовало вовсе»³.

Кто бы что ни говорил, была ли чунцинская модель реальной, или выдуманной, но вплоть до начала «чунцинского инцидента» высокие показатели экономического роста в Чунцине (на несколько процентов выше общекитайских), а также особенности осуществляемых здесь мер стимулировали повышенный интерес китайских и зарубежных исследователей к опыту Чунцина как к своего рода полигону в решении целой серии социально-экономических проблем⁴.

В большинстве публикаций про «чунцинскую модель» авторы отмечают такие ее основные особенности, как экономическая стратегия ускорения темпов развития путем повышения роли государства в регулировании экономической жизни, форсированное использование централизованных инвестиций, массивное строительство объектов промышленности, транспорта и инфраструктуры, социального и недорогого жилья. Вторая составляющая «чунцинской модели» — систематическая борьба с организованной преступностью и мафиозными группами, причем, как отмечается в китайской и зарубежной печати, при этом допускались серьезные отступления от «буквы закона» и юридических процедур. Наконец, в идеологической сфере «чунцинская модель» означала неосоциалистическую кампанию возрождения «красных ценностей», призванную приостановить процесс утраты китайским обществом традиционных моральных скреп и нравственных ориентиров по мере распространения культа денег, консьюмеризма, индивидуалистического нигилизма и проч.

Дополняет эту картину активная деятельность по умелому использованию СМИ в создании привлекательного образа «новой модели» социально-экономической политики, вроде бы доказавшей свою эффективность в решении конкретных проблем одного отдельно взятого региона страны и потенциально подходящей к применению в более широких масштабах. Изошренность пиар-стратегий Бо Силая ярко выделяла его на фоне общей безликой массы китайского чиновничества. Ряд авторов, впрочем, предпочитают говорить о циничном манипулировании средствами массовой информации в целях дезориентации широкой публики относительно реального положения в Чунцине.

Чунцинская модель неотделима от фигуры Бо Силая — человека, публичная полемика по поводу которого сделала многие обстоятельства его общественной деятельности и частной жизни широко известными не только в Китае, но и по всему миру. Можно сказать, что сама «чунцинская модель» и ее логическое завершение — «чунцинский инцидент» — сделали Бо действительно звездой общекитайской и даже мировой величины. Публика теперь знает о нем гораздо больше, чем практически обо всех высших руководителях КНР, вместе взятых. Разве не этого добивался этот амбициозный и харизматический политик на протяжении всей своей жизни, преодолевая одну за другой каждую новую ступеньку служебной карьеры? Теперь ему приходится платить за это свою цену.

Многие полагают, что начало «чунцинской модели» следует связывать с появлением Бо Силая в конце 2007 г. в Чунцине, куда он был назначен после нескольких лет работы в качестве министра коммерции КНР. Само назначение в Чунцин, по мнению обозревателей, было если не понижением, то, по крайней мере, отказом в повышении в должности. Отмечают, что два предшественника Бо на посту министра коммерции КНР получили по завершении работы повышение до статуса вице-преьера, и назначение Бо на работу в провинцию якобы было следствием недовольства со стороны некоторых вы-

шестоящих коллег, в частности тогдашнего вице-премьера Госсовета КНР У И⁵ чересчур напористым характером Бо Силая, а также его постоянным желанием заниматься само-рекламой. По некоторым сведениям, тогда руководством партии была в неофициальном плане распространена информация о том, что на должности секретаря Чунцинского горкома карьера Бо должна закончиться⁶.

В такой интерпретации событий последующее необычное поведение Бо Силая в Чунцине объясняется через призму желания взять реванш за неудачу карьеры в центральном правительстве. С другой стороны, такая версия событий может быть не совсем точна, или является мнением политических противников Бо. Назначение руководить городом центрального подчинения, крупнейшим мегаполисом современного Китая (32,5 млн чел.), да еще находящимся в самом сердце западных регионов КНР, получивших после 2000 г. мандат на приоритетное развитие, было весьма важным назначением и вряд ли может считаться «ссылкой в провинцию»⁷. Как уже отмечалось выше, чунцинская эпопея Бо порождает больше вопросов, чем ответов, и данный вопрос как раз относится к их числу.

Еще одна загадка этого дела заключается в том, действительно ли Бо Силай, как пишут его оппоненты и критики, стремился открыто противопоставить свою социально-экономическую и социально-политическую деятельность в Чунцине установкам центрального руководства. По крайней мере, из публичных заявлений и высказываний Бо Силая и близких к нему руководителей этого никак не следует. Примечательно интервью мэра Чунцина Хуан Цифаня журналистам Гонконгского телевидения в апреле 2011 г., в котором он подробно разъяснял эту позицию. «Мы с [Бо]Силаем полагаем, что мы в своей повседневной работе, в решении проблем отнюдь не проводим какую-то новую политику, отнюдь не создаем какую-то модель, у нас только одна цель – в соответствии с требованиями концепции научно-обоснованного развития изменять способ развития, сталкиваясь с вопросами находить варианты решения...»⁸.

В публикациях сторонников Бо Силая или нейтрально настроенных комментаторов эта линия прослеживается довольно четко. Отмечается, что в своих основных параметрах политика властей Чунцина шла исключительно в русле общей политики центрального руководства, однако с желанием как можно скорее добиться поставленных целей и продемонстрировать результаты. Плюс к тому, с учетом значимости этого региона как своего рода соединительного узла между развитыми приморскими провинциями Южного Китая и слабо развитыми провинциями Центра и Запада, правительство Чунцина имело возможность обращаться за дополнительными ресурсами для привлечения инвестиций, форсированного развития инфраструктуры и всестороннего ускорения социально-экономического развития региона. Не случайно, что Чунцин с инспекционными поездками многократно посещали многие высокопоставленные и даже высшие руководители страны, включая Си Цзиньпина, У Банго, Ли Чанчуня, Чжоу Юнкана и др.⁹ Одно время даже считалось, что «чунцинская модель» вроде как получила «высочайшее одобрение» из Пекина. Впоследствии эту неудобную ситуацию пришлось объяснить неточностями в освещении событий журналистами и т.д.¹⁰

В ряде публикаций стремление Бо Силая не выпячивать отличия своего правления от генеральной линии партии, идти в ногу с верховной властью, «понизить градус» ажиотажа по поводу «чунцинской модели» объясняли особо чувствительным периодом накануне XVIII съезда КПК, а также недвусмысленной критикой из уст одного из главных недоброжелателей Бо — Премьера Вэнь Цзябао. Как известно, еще во время приема делегации ряда общественных деятелей из Гонконга весной 2011 г. Вэнь Цзябао отметил, что в Китае присутствуют две силы, с которыми необходимо бороться — «остатки феодального сознания и остаточное влияние яда культурной революции»¹¹.

Тогда ситуация становится еще менее понятной. Разве не сам Бо Силай был автором «чунцинской модели» и был больше всех заинтересован в пропаганде ее достоинств? Большинство критиков Бо Силая так и считают, фактически ставя знак равенства между «чунцинской моделью» и беспредельной амбициозностью личности Бо, для кото-

рого удаленный от столицы Чунцин превратился в площадку удовлетворения личной мегаломании и беспринципного желания любой ценой дорваться до верховной власти. Оппоненты Бо всю эксплуатируют главную особенность его характера – жажду известности, опьянение властью и проч., однако их анализ сводит все к личности одного Бо Силая, со всеми его достоинствами и недостатками.

Майкл Уайнс из «Нью-Йорк Таймс» дает одну из таких хлестких, не в бровь, а в глаз, характеристик: «Несмотря на все громкие успехи, семена неизбежного падения господина Бо были очевидны всем тем, кто хорошо знал его. Он был человеком коллоидальной харизмы и острого ума. Он не только обладал «правильной» родословной и сетью знакомств, которые являются ключевым условием для продвижения наверх в современном китайском обществе, но также в совершенстве овладел искусством конструирования имиджей и стратегического использования государственных средств, что и на Западе также является неременным условием успеха для каждого серьезного политика. Несомненные достоинства Бо уравновешивались ненасытным стремлением к власти и полным безразличием к судьбам тех, чьи жизни оказались сломанными на его пути наверх. Мы довольно мало знаем о частной жизни и нравах в затхлом мире застегнутого на все пуговицы китайского политического класса, но даже в этой среде безжалостность Бо выделяла его на общем фоне»¹². Прекрасная характеристика, если бы она не была в общем-то набором банальностей. На политическом олимпе Китая прекраснодушных мечтателей всегда было очень мало.

Наиболее серьезные обвинения в адрес «чунцинской модели» выдвигаются в связи с политикой «нанесения ударов по организованной преступности» (*дахэй*). Сообщается, что в процессе борьбы с действительно хозяйничавшими в Чунцине организованными мафиозными группами были арестованы десятки тысяч людей, среди которых были предприниматели, полицейские, народные дружинники (*минцины*) и обычные люди. Около тысячи человек были отправлены в трудовые лагеря, а в отношении около дюжины лиц, являвшихся по версии обвинения главарями преступного мира и связанных с ними лиц, были приведены в исполнение смертные приговоры. В их числе оказался даже бывший начальник полиции Чунцина Вэнь Цян. По сообщению ряда авторов, многие представители предпринимательских кругов подвергались репрессиям под предлогом якобы их связи с криминалитетом, а фактически с целью завладения их активами. Злоупотребления, связанные с нарушениями законности в Чунцине, послужили противником Бо Силая из лагеря либералов и реформаторов наиболее серьезным аргументом против «чунцинской модели» в развернувшейся в китайской печати и в Интернете еще до «чунцинского инцидента» ожесточенной полемике.

Практически сразу посл первых сообщений о бегстве Ван Лицзюня в Чэнду в феврале 2012 г в гонконгских СМИ был опубликован и потом воспроизведен в ряде других изданий доклад некоего проф. Тун Чживэя «Кампания по борьбе с организованной преступностью в Чунцине: результаты исследования модели социального регулирования по принципу борьбы с оргпреступностью» который, согласно пояснениям автора, незадолго до этого был, «пользуясь соответствующими каналами, передан самому высшему руководству страны»¹³. По всей видимости, такое совпадение было не случайным. Доклад, хотя и не слишком изобиловавший конкретными фактами злоупотреблений чунцинских властей, помимо того, что к тому времени и так было известно из сообщений СМИ, был призван стать систематическим разоблачением всей практики проводившихся чунцинскими властями мероприятий в правоохранительной сфере. Его основной вывод заключался в том, что власти Чунцина сделали полицейские репрессии и сулебную систему главным средством управления социальными процессами.

Некоторые считают, что мобилизовать силы противников Бо Силая помогло так называемое дело Ли Чжуана, адвоката из связанной с влиятельными кругами в столице пекинской адвокатской конторы, осужденного в 2010 г. в Чунцине на полтора года за подстрекательство подзащитного к даче ложных показаний при защите Гуи Ганмо – одного из (якобы) главарей преступного мира Чунцина. Возможно, дело Ли Чжуана и кор-

поративная солидарность тысяч адвокатов по всему Китаю со своим коллегой, выраженная в публичной форме, помогла привлечь внимание руководства к тому, какая обстановка сложилась в «красном Чунцине». В защите Ли Чжуана принимали участие ведущие китайские адвокаты, одним из самых резонансных публичных выступлений в СМИ было выступление профессора юридического факультета Пекинского университета Хэ Вэйфана¹⁴ Именно последний заявил о том, что кампания *дахэй* в Чунцине приняла форму *хэй-да* (борьба [с мафией] методами организованной преступности). После развенчания Бо Силая Ли Чжуан снова привлек к себе внимание китайских интернет-СМИ тем, что поставил перед правоохранительными органами и прокуратурой вопрос о пересмотре вынесенных в бытность Бо Силая решений по ряду дел и наказании соответствующих должностных лиц. Пока не совсем понятно, приведет ли это к массовому пересмотру уголовных дел, связанных с кампанией *дахэй*, но уже сообщено, что пересмотрено примерно 70% дел по наказаниям, вынесенным в Чунцине народным дружинникам¹⁵.

Примечательно, что сразу после проведения в ноябре 2012 г. XVIII съезда либеральный лагерь поспешил закрепить успехи, отчасти достигнутые в связи с «чунцинским инцидентом». В конце ноября в Пекине под руководством члена Постоянного комитета НПКСК сына Ху Яобана Ху Дэпина (одного из ведущих представителей либерального лагеря) состоялся семинар «Принцип главенства закона и уроки Чунцина»¹⁶. В семинаре приняли участие, помимо Ху Дэпина, вышеупомянутый адвокат Ли Чжуан, а также автор разоблачительного античунцинского доклада проф. Тун Чживэй, публицист Чэнь Юси и ряд других деятелей. В выступлении Ху Дэпина чунцинская модель была подвергнута прямой критике: «В чем состояла модель культурной революции? В «продолжении революции» в условиях диктатуры пролетариата. А что такое «чунцинская модель»? Это диктатура пролетариата применительно к «реформам и открытости». Но, конечно, нужно поставить все это в кавычки. Потому что за красивыми словами кроются бесчисленные дела невинно пострадавших, и это стало трагедией для населения»¹⁷. Ху Дэпин также выразил удовлетворение результатами XVIII съезда КПК и надежду на то, что новое руководство партии восстановит справедливость.

Согласно ряду сообщений, нельзя исключать, что в Чунцине в ближайшие месяцы может произойти пересмотр целого ряда знаковых уголовных дел, по которым суды вынесли решения в бытность Бо Силая¹⁸. К этому, видимо, будет стремиться адвокат Ли Чжуан, активизировавший свою деятельность после падения Бо. Но такого рода решение должно иметь очень веские основания и учитывать возможные последствия «поветрия» пересмотра дел.

Впрочем, вышеприведенные оценки деятельности правоохранительных органов Чунцина принадлежат его оппонентам, нейтрально настроенные наблюдатели отмечают, что в целом ситуация с соблюдением «буквы закона» в Чунцине не сильно отличалась от картины в целом по стране, а кампания по борьбе с оргпреступностью *дахэй* по сути дела ничем не отличалась от периодических всекитайских кампаний против криминальной преступности *яньда* («суровый удар»)¹⁹. Утверждения о том, что Бо Силай создал в Чунцине некое отдельное «царство террора», по всей видимости, содержат серьезный элемент преувеличения. Значительная, несмотря на кампанию по развенчанию в прессе, поддержка Бо Силая со стороны, по крайней мере, части населения подтверждает это. Да и слухи, просочившиеся в прессу по поводу тех обвинений, которые скорее всего будут предъявлены Бо на суде, в основном касаются взяток в крупных масштабах. С другой стороны, нельзя не согласиться с мнением либерально настроенных китайских ученых, которые полагают, что «чунцинский опыт» должен стать стимулом для дальнейшего реформирования правоохранительной системы и системы юстиции в Китае, повышения независимости судебной власти, соревновательности в судебном процессе, защиты прав граждан от злоупотреблений со стороны госорганов и т.д. Но опять же, это должно касаться не одного конкретного региона, а ситуации в этой сфере в стране в целом.

Повторимся, загадка вопроса о том, зачем Бо Силаю потребовалось так явно и демонстративно противопоставлять «чунцинскую модель» политике центрального руко-

водства, пока остается загадкой. Но, может быть, никакой загадки тут нет? Может быть, все обстояло не совсем так, как нам кажется? Во-первых, потому, что такого противопоставления в головах чунцинских руководителей не могло возникнуть. В конце концов, ни Бо Силай, ни мэр Чунцина Хуан Цифань – не были новичками в политике и хорошо понимали правила игры. Во-вторых, потому что тактика Бо, насколько можно судить – не продемонстрировать самостоятельность по отношению к Пекину, а скорее, доказать руководителям в центральных органах свою эффективность в качестве регионального руководителя, инициативно выполняющего политику партии, но при этом действующего более успешно чем все соседние провинциальные руководители И наконец, возможна третья причина – кто мог тогда сказать, куда качнется направленность политики самого Пекина, где, судя по всему, шли такие же споры, которые ведут на страницах СМИ сторонники «левого» и «правого» направлений реформаторов? Своим «чунцинским опытом» Бо, возможно, надеялся повлиять на выработку общенациональной политики.

Экономическая сфера служит подтверждением и иллюстрацией этой гипотезы. Не секрет, что «чунцинская модель» формировалась под влиянием, по крайней мере, двух главных обстоятельств – мирового финансово-экономического кризиса и стратегии китайского правительства по ускоренной урбанизации сельских районов. В период мирового кризиса, начавшегося в 2007 г. в США с лопнувшего пузыря на рынке ипотеки, китайские власти, лишившись значительной части экспортных рынков, ускорили реализацию стратегии переориентации на внутренний рынок, на внутренний спрос, и, соответственно, на быстрый рост урбанизации. В этот период во всем мире, в том числе и в Китае получили широкое распространение настроения, согласно которым западная либеральная модель экономической политики находится в глубоком кризисе, в то время как Китай и ряд других быстро поднимающихся стран в процессе своего развития нащупывают некий «третий путь».

Кризис, как известно, послужил триггером целого ряда мер, направленных на поддержку спроса, ослабление кредитной политики, поддержку китайских компаний и предприятий, работающих с ориентацией на внутренний рынок. Чунцин, можно сказать, оказался в самом фокусе данной политики В 2008 г., когда темпы роста в целом по Китаю снизились до 9%, Чунцин показал рост в размере 14,3%²⁰.

Важным обстоятельством, характеризующим экономическое положение Чунцина, является его удаленность от приморских районов Китая, своего рода «срединное» положение на экономической и географической карте Китая. Бо Чжюэ и Чэнь Ган из сингапурского Института изучения Восточной Азии полагают, что именно кризис стал стимулом для своего рода «континентальной стратегии» экономического развития внутренних регионов Китая, в рамках которой промышленные предприятия стали в большей степени ориентироваться на внутренний спрос, и Чунцин благодаря своему уникальному положению и ресурсным возможностям, а также преимущества в экономической стратегии нескольких региональных руководителей стал наиболее ярким и зримым примером и отчасти витриной этой стратегии²¹.

Чунцин был столицей Китая в период Войны сопротивления Японии, с той эпохи начинается становление Чунцина как важнейшего промышленного центра Китая. При Мао здесь продолжалось строительство большого количества оборонных предприятий. Регион располагает мощной промышленной и научно-технической базой, значительными запасами ископаемых ресурсов, угля, газа и т.д., стратегическим положением крупного транспортного узла, достаточным количеством трудовых ресурсов и возможностью воспользоваться синергией объединенных ресурсов города и сельских районов (в частности, задействовать на новых предприятиях высвобождающуюся в процессе урбанизации рабочую силу сельских районов и т.д.). В Чунцине китайское правительство создает новый кластер ускоренного развития, подобный таким приморским агломерациям, как дельта Янцзы, дельта Чжуцзяна и Бохайский регион, но в условиях нахождения за сотни километров от моря. Чунцин уже стал одним из лидеров в Китае по привлечению крупных иностранных и китайских инвесторов, созданы условия для развития здесь кластера

высокотехнологичных производств. Из большого количества компаний, уже пришедших сюда, Филипп Хуан выделяет, к примеру, американского производителя оргтехники Хьюлетт-Паккард, тайваньский концерн Фоксонн, гиганта немецкой химической индустрии компанию BASF, 4-го китайского автопроизводителя концерн Чанъань и др.²² Чунцин также, наряду с Гуандуном, был регионом экспериментальной обкатки новых механизмов либерализации рынка земли и жилой недвижимости.

Бо Силай, приступая к работе руководителя региона, без сомнения, опирался на все эти возможности, кроме того, он использовал опыт, накопленный им за время работы мэром Даляня, губернатором пров. Ляонин и затем министром коммерции КНР. Здесь еще одна загадка. Ни на одном из этих постов Бо Силай не демонстрировал левацких наклонностей. Хотя, например, критики отмечают, что стремление к «престижным проектам» и пиару идет красной нитью через всю официальную карьеру этого политика. Так, в Даляне он сумел успешно использовать приморское положение города, привлекая инвестиции китайских и иностранных компаний, активно сотрудничал с правительственными институтами Сингапура. Он также тратил большое количество времени и ресурсов на раскрутку футбольной команды г. Даляня, в конце концов сделав ее лучшей в Китае и сумев привить страсть к футболу жителям Даляня. Чем еще больше запомнилось простому обывателю правление Бо Силая в Даляне – это его страсть к городскому благоустройству. При Бо Силае Далянь активно перестраивался, город стал самым «атмосферным», самым зеленым городом в Китае, в центральной части города появилось несколько огромных площадей, делающих Далянь таким непохожим на большинство других китайских городов. Несмотря на всю критику, и по сей день Далянь сохраняет образ города, одного из самых комфортных в Китае для проживания.

В Чунцине Бо Силай инициировал политику так называемых «пяти Чунцинов»: «удобный для проживания», «транспортно развитый», «с достойным здравоохранением», «изобилующий зелеными насаждениями», и «безопасный Чунцин»²³. Понять логику этих инициатив можно не столько в контексте его «лево-ориентированной» политики, сколько с учетом вышеописанных обстоятельств развития этого региона, наиболее идеально подходящего для реализации того, что некоторые китайские обозреватели называют «третьим путем развития»²⁴.

Говоря о «чунцинской модели» в экономической сфере, следует отметить, что, по большому счету, основные параметры этой модели сложились еще до появления Бо Силая в Чунцине, но с новой энергией были продолжены во время его правления. Также еще до появления Бо Чунцин стал демонстрировать высокую динамику экономического развития, что во многом было следствием объективных обстоятельств и удачного руководства регионом. Здесь успели поработать на руководящих должностях Чжан Дэлинь, Хэ Гоцян, Хуан Чжэньдун, Ван Ян и др. Но похоже, подлинным архитектором «чунцинской модели» следует считать Хуан Цифаня, ветерана чунцинской политической сцены, «сановника при шести императорах» (в его бытность мэром Чунцина сменилось 6 секретарей партийного комитета Чунцина). Непотопляемый Хуан Цифань смог пережить даже катастрофу «чунцинской модели», оставшись на посту мэра и призвав приступить теперь к преодолению негативного воздействия «фактора Бо Силая» в Чунцине. Хуан Цифань – уроженец пров. Чжэцзян. Сделал карьеру в основном в Шанхае, в начале 90-х годов становится заметной фигурой, став заместителем начальника Управления по освоению новых территорий района Пудун, где принял участие в выработке успешных стратегий развития финансового сектора. В 2001 г. Хуан был переведен на работу в Чунцин, где в опоре на свой опыт предыдущей работы занялся координацией работы по привлечению инвестиций и проч.²⁵ Хуан Цифаня даже при большой фантазии очень трудно представить сторонником возвращения ко временам Мао Цзэдуна.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что в сфере экономической политики и решения основных социальных проблем чунцинская модель никак не может быть противопоставлена политике центрального правительства, в целом она отвечала базовым принципам и подходам, существующим в КНР с учетом региональной специфики.

Тем более нелогично считать политику чунцинских властей «возвращением к эпохе культурной революции». Да, при Бо Силае в Чунцине говорилось о необходимости выстраивать политику через призму «народного благосостояния», были выдвинуты лозунги типа «совместного обогащения» *гэитун фую*) государственные предприятия получали дополнительную поддержку, строилось дешевое жилье, развивались программы социальной поддержки и т.д. Но, по сути, все эти мероприятия – черты социал-демократического, а не маоистского подхода к решению наиболее острых социально-экономических проблем современного Китая, а лозунг о «совместном обогащении» оказался даже включен в отчетный доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК²⁶.

Корни краха чунцинской модели, по-видимому, следует искать в идейно-политических процессах. Об этом – в следующей статье.

1. Справедливости ради следует отметить, что хотя официально оба были осуждены за коррупцию, фактически в обоих случаях речь шла о политическом противоборстве в руководстве партии. Однако, по сути, дело Бо Силая качественно отличается от дел обоих Чэней, в частности тем, что первых двух случаях речь шла о «разборках» внутри правящей верхушки, а в случае с Бо Силаем речь идет о достаточно глубоком идейно-политическом расколе современного китайского общества.
2. Весной 2013 г. Чжан Дэцзян был назначен Председателем ПК ВСНП КНР.
3. Чжан Дэцзян: Гэньбэн бу цуньцзай чунцин моши, бу чжидао Бо Силай хэши шэньпань [Чжан Дэцзян: Чунцинской модели никогда не существовало; дата суда над Бо Силаем мне неизвестна] Босюнь синьвэнь ван. 2012. 8 нояб. http://www.peacehall.com/news/gb/china/2012/11/201211082238.shtml#_UTMs2alz0Xc.
4. Чунцинскому опыту были посвящены несколько серьезных исследований, отметим среди них следующие: Су Вэй, Ян Фань, Лю Шивэнь. Чунцин моши [Чунцинская модель]. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2011; Chan Yang, Cabestan J.-P., Doyon J., Lafarguette R. One or Two Chinese Models? Collection of articles with an Introduction by François Godement // China Analysis. European Council on Foreign Relations, Asia Centre. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/China_Analysis_One_or_two_Chinese_models_November2011.pdf; Lafarguette R. Chongqing: Model for a new economic and social policy? // China perspectives [Online]. 2012/4, connection on 03 March 2013. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/5749>; Freeman Ch. W. III, Yuan Wei Jin. China's New Leftists and the China Model Debate after the Financial Crisis // A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. July 2011 / Center for Strategic and International Studies. Washington, D.C. URL: http://csis.org/files/publication/110728_Freeman_ChinaNewLeftists_Web.pdf.
5. Бо Силай работал под началом У И. Неудовольствие У И было вызвано слишком независимой линией поведения Бо, не прислушивавшегося к ее точке зрения, а потом и вовсе якобы захотевшего сменить У И на посту вице-премьера. Согласно этой версии именно У И заблокировала повышение по службе Бо Силая. См. например: Лиши хуйгу: Бо Силай юй У И дэ зньюань [Взгляд назад: о вражде Бо Силая с У И] // DW news.com, 15.04.2012. URL: <http://history.dwnews.com/news/2012-04-15/58703683.html>.
6. Бо Силай чунцин моши юй чжунго цзуй гао цюаньли чжэньчжэн [Бо Силай, «чунцинская модель» и борьба в высшем руководстве Китая] // Сайт «Цзиньбу шэ». URL: <http://xinu.jinbushe.org/index.php?doc-view-7971.html>.
7. Еще одним подтверждением значимости поста секретаря партийного комитета Чунцина является тот факт, что недавно назначенный на эту должность Сунь Чжэнцай был XVIII съезде КПК намечен к назначению вместе с гуандунским секретарем Ху Чуньхуа в качестве лидеров 6-го поколения руководителей, которое должно прийти к власти в 2022 г.
8. Хуан Цифань фожэнь кэи гао чунцин моши, хай ла Бо Силай сяшуй [Хуан Цифань отрицает создание какой-то специальной модели, заодно втягивает в это дело Бо Силая] // Босюнь синьвэнь вани. 29.04.2011. URL: <http://boxun.com/news/gb/china/2011/04/201104292246.shtml>.
9. В статье в гонконгской газете «Минбао» от 20 апреля 2011 г. отмечалось, что позитивные оценки «чунцинской модели» высказывались не только политиками из так называемой «группировки Цзян Цзэминя», но и некоторыми руководителями из числа «комсомольской группировки», в частности Ли Юаньчао. При этом отмечалось, что от похвалы воздерживались Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао и Ли Кэцян (см. «Чунцин моши» юй «чжунго тэсэ») [«Чунцинская модель» и «ки-

- тайская специфика») // DW news.com. 19.04.2011. URL: <http://china.dwnews.com/news/2011-04-19/57634007.html>
10. Согласно сообщению Агентства Рейтер от 7 сентября 2012 г., Си Цзиньпин принял одного из лидеров реформаторского крыла в КПК сына бывшего генсека Ху Яобана Ху Дэпина. Во время встречи на соответствующий вопрос Ху Дэпина Си пояснил, что не собирается брать под защиту Бо Силая, так как «они не являются единомышленниками или союзниками», что он никогда не поддерживал проводившуюся в Чунцине кампанию *чан хун да хэй* («петь красные песни и бороться с оргпреступностью»). Что касается широко разрекламированного «одобрения» Си «чунцинской модели» во время поездки в Чунцин, то это искажение действительности местными газетами (Си Цзиньпин цэн циньцзы шуайжэнь дуй Бо Силай сюаньбу шуангуй [В свое время Си Цзиньпин лично во главе с группой ответственных работников зачитал Бо Силаю постановление о «партийном аресте») // DW news.com. 27.02.2013. URL: <http://china.dwnews.com/news/2013-02-27/59148930.html>.
 11. Цзюйши миньсинь хоу Бо Силай «цзянвэнь» чунцин моши [Заручившись поддержкой населения, Бо Силай понижает градус «чунцинской модели»]. URL: <http://china.dwnews.com/news/2011-05-05/57687225.html>.
 12. Bo Xilai's ruthlessness and corruption. URL: <http://factsanddetails.com/china.php?itemid=2415>.
 13. Хуа чжэн цзяошоу Тун Чживэй «Чунцин дахэй син шэхуй гуаньли фанши яньцзо баогао [Профессор Политико-юридического университета Восточного Китая Тун Чживэй. Кампания по борьбе с организованной преступностью в Чунцине: результаты исследования модели социального регулирования по принципу борьбы с оргпреступностью]. URL: http://www.360doc.com/content/12/0225/08/2743485_189444853.shtml.
 14. Хэ Вэйфан — один из известных в Китае «публичных ученых» и правозащитников. Получил известность как один из организаторов так называемой «Второй Сишаньской конференции» (2006 г.) и своими заявлениями о том, что руководящая роль КПК в политической системе страны «незаконна», так как КПК нигде не зарегистрирована (см.: *McGregor R. The Party: The Secret World of China's Communist Rulers* London: Penguin Books, 2010. P. 22–23).
 15. Хуан Цифань пилу чули «Ван Лицзюнь шицзянь» цзуйсинь цзиньчжань [Хуан Цифань раскрывает новые события в расследовании «инцидента с Ван Лицзюнем»] // Хунгэхуй ванчжань. 07.03.2013. URL: <http://www.szhgh.com/html/24/n-21124.html>.
 16. Ху Яобан эрцзы пи Бо Силай: чунцин моши ши вэньгэ сывай [Сын Ху Яобана критикует Бо Силая:] чуньцинская модель – это мышление в духе культурной революции // Босюнь синьвэнь ванн. 2012. 4 дек. URL: <http://www.com/news/gb/china/2012/12/20121204105.shtml>
 17. Там же.
 18. У фэн бу ци лаи: чунцин сюаньмянь синци фаньянь фэн [Нет дыма без огня: в Чунцине разворачивается поветрие пересмотра уголовных дел] // Босюнь синьвэнь ванн. 26.11.2012. URL: <http://www.peacehall.com/news/gb/china/2012/11/201211261158.shtml#.UTzfedYz0Xc>.
 19. В 1983 г. Дэн Сяопин потребовал начать кампанию по борьбе с криминалом, призвав к «скорому и суровому вынесению приговоров и их исполнению, которое продемонстрирует силу диктатуры [нашей] партии». Кампании проводились в 1983, 1996, 2001, 2010 гг.
 20. *Bo Zhiyue, Chen Gang. Bo Xilai and the Chongqing Model // East Asian Policy. 2009. Vol. 1, No. 3. P. 42.*
 21. *Ibid. P. 44.*
 22. *Huang Ph. C.C. Chongqing: Equitable Development Driven by a “Third Hand”? // Modern China. 2011. No. 4. P. 571.*
 23. *Freeman Ch. W. III, Yuan Wei Jin. Op. cit. P. 14.*
 24. *Huang Ph. C.C. Op. cit. P. 578.*
 25. *Bo Zhiyue, Chen Gang. Op. cit. P. 47.*
 26. «Гунтун фуэй» сенцинь шиба да баогао [Принцип «общенародного роста благосостояния» вписан в текст отчетного доклада на 18-м съезде] // Бэйцзин жибао. 10.11.2012. URL: <http://www.utpcs.net/Article/shidai/2012/11/297943.html>.

Российско-китайские измерения Шанхайской организации сотрудничества. Модель — 2013 г.

© 2013

С. Лузянин

Освещены аспекты проблематики российско-китайского взаимодействия в ШОС. Показаны возможности усиления взаимодействия РФ и КНР, даны некоторые теоретические подходы к разработке стратегии развития ШОС, варианты и возможные сценарии развития Организации в 2013 г.

Ключевые слова: РФ, КНР, Центральная Азия, Шанхайская Организация сотрудничества, глобальный и региональный уровень, многостороннее и двустороннее сотрудничество, Афганистан, талибы.

Экспертный дискурс. Ученые РФ и КНР о Центральной Азии и ШОС

В специальной российской литературе давно и последовательно формируется большой массив книг и проектов, посвященных как Центральной Азии в целом, так и исследованию внешней политики крупных держав (США, ЕС, РФ, и КНР) в регионе.

Из работ, посвященных региональной внутривосточной, социально-экономической ситуации в Центральной Азии, а так же вопросам безопасности в этом регионе, можно выделить исследования В.В. Наумкина, Г.И. Чуфрина, И.Д. Звягельской, Д.Б. Малышевой, А.А. Казанцева, Е.М. Кузьминой, З.А. Дадабаевой, К.П. Боришполца, А.В. Малашенко, И.А. Сафранчука, А.Д. Шутова, Г.А. Рудова, А.М. Власова, А.А. Куртова и др.¹

В последние годы вышел ряд специальных исследований, посвященных изучению исключительно внешней политики КНР и ее центрально-азиатскому направлению. Здесь следует отметить работы М.Л. Тигаренко, В.Я. Портякова, С.Г. Лузянина, В.Я. Воробьева, А.В. Лукина, А.Д. Воскресенского, Я.М. Бергера, А.А. Волоховой и других авторов².

Российские политологи, экономисты и историки — специалисты по Китаю изучают вопросы российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия в регионе Центральной Азии с различных позиций. Особое внимание обращается на проблемы безопасности и экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации и сотрудничества (ШОС)³.

В китайском экспертном сообществе сложилась давняя традиция детального изучения сопредельных центрально-азиатских народов, как в историческом, так и современном контексте. Десятки институтов и центров в системе Китайской академии общественных наук (КАОН), Министерства иностранных дел, Госсовета и других государственных структур системно и последовательно работают по данной проблематике.

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра российско-китайских отношений, ШОС и БРИКС ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 124-10-01. E-mail: Lousianin@ifes-ras.ru.

Часть работ посвящена историческому анализу центрально-азиатских государств и их взаимоотношениям с Поднебесной. История эта, как известно не всегда была гладкой — были периоды войн, взаимных набегов, конфликтов и даннических отношений. Двухтомник "История границ современного Китая" под редакцией Луй Ижэня⁴ представляет собой издание, связанное с историей границ. В книге собраны архивные материалы, документы по переговорам о пограничных вопросах, записи и другие материалы.

Внешней политикой России и Китая в Центральной Азии за постсоветский период, развитием проекта ШОС в 2001–2013 гг. плодотворно занимается целый ряд известных китайских исследователей. Из них можно выделить в первую очередь работы Чжао Хуашэна, Чэнь Юйжун, Ся Ишаня, Фэн Шаолэя, Син Гуанчэна, Сунь Чжуанчжи, Чжао Чанцина, У Хунвэя, Лю Циня, Су Чана и др.⁵

Китайские ученые обращают особое внимание не только на позиции КНР и РФ в регионе, но и, прежде всего, на замыслы США и их союзников в Центральной Азии. Так, в 2007 г. эксперт Китайского института международных проблем МИД КНР Лю Сюэчэн выделил три базовых мотива американского поведения в регионе: 1) попытка стимулирования в нем экономической и политической либерализации; 2) предложение США себя в качестве арбитра в разрешении противоречий и конфликтов; 3) освоение ресурсов Каспия и обеспечение каналов их транспортировки на американский и европейский рынок⁶.

В настоящее время в связи с известным объявлением США о своем желании вывести в 2014 г. коалицию из Афганистана, китайские ученые уже делают акцент на прогнозировании возможных ситуаций в кризисной исламской республике, включая анализ сценария «частичного ухода американцев», а точнее, перебазирования их в Центральную Азию. Подобное развитие событий, — справедливо отмечают китайские эксперты, — позволит США усилить свои военно-стратегические позиции в отдельных странах региона, чтобы сохранять контроль над сопредельными КНР и РФ⁷.

Теоретический дискурс. Проблема «четырёх соотношений» ШОС⁸

Учитывая разработку долговременной стратегии Организации, целесообразно рассмотреть внутреннюю структуру базовых элементов (институтов, тенденций и пр.), используя методiku «сравнительных соответствий (соотношений)», вытекающую из методологии сравнительной политологии⁹.

Проецируя данный метод на деятельность ШОС, можно условно выделить четыре ключевых соотношения.

Первое соотношение — между глобальным и региональным уровнем влияния и региональными возможностями и ресурсами.

Несмотря на произошедшее усиление глобальных позиций ШОС (в ООН, в плане усиления контактов ШОС и АСЕАН и пр.), региональная основа, на наш взгляд, остается доминирующей. Более того, модель Организации образца 2013 г., видимо, будет предполагать дальнейшее усиление региональной повестки с учетом активизации афганских процессов, усиления центрально-азиатских диспропорций — экономический рост одних государств и обнищание других, обострение водно-экологических, социальных проблем, рост влияния «арабской весны» и др.

Вместе с тем, между глобальным и региональным позиционированием ШОС пока нет явных противоречий. Одно вытекает из другого, дополняя друг друга. По многим вопросам глобальной повестки ШОС (Сирия, Корейский полуостров, противодействие «гуманитарным акциям» США и др.) ШОС близка к формату БРИКС, хотя последний еще в процессе институализации.

На усиление глобального и регионального позиционирования гипотетически будет работать развитие института наблюдателей ШОС. Сегодня это 5 государств — Иран,

Индия, Пакистан, Монголия, Афганистан. К этой группе хотели бы присоединиться — Турция (партнер по диалогу), Азербайджан, Армения, Украина и ряд других.

В ШОС готовится проект меморандума об основных направлениях сотрудничества с Анкарой. Турецкий премьер Эрдоган неоднократно заявлял о желании Турции получить статус наблюдателя.

В данном варианте, возможно, просматривается желание Анкары не только работать на благо ШОС, но и попытаться неформально полиять на ряд тюркских республик в Организации. Казахстан поддерживает инициативу Анкары на вступление в группу наблюдателей. Представляется, что дальнейшее расширение института наблюдателей может размывать границы ШОС, делать этот проект более аморфным.

Второе соотношение — между коллективным (многосторонним) и двусторонним сотрудничеством в рамках Организации (экономическим, военно-политическим, гуманитарным).

В данном соотношении нет, как известно, полной гармонии. Наоборот, в торгово-экономической сфере сложился за последнее время перекося в сторону доминирования двусторонних (китайских) проектов с отдельными государствами — членами ШОС. Формально и неформально в этот двусторонний перечень, кроме китайско-казахстанских, китайско-киргизских и иных отношений, необходимо включить и российско-китайский двусторонний формат.

Доминирование двусторонних форм сотрудничества — объективная вещь, которая сложилась, исходя из более значительного (чем у других государств-членов ШОС) экономического ресурса и инвестиционных возможностей. В принципе, в данном соотношении нет явной угрозы проекту в целом.

В экспертном плане фигурируют два вопроса, которые требуют уточнения.

1) Как более эффективно и с помощью каких административных, политических или чисто экономических рычагов возможен перевод части двусторонних проектов на многостороннее сотрудничество?

2) Насколько совпадают, а где не совпадают торгово-экономические интересы КНР и интересы других стран ШОС?

Известно, что по уровню торговли и объемам инвестиций Китай опережает Россию в Центральной Азии. Часть российских экспертов (А. Грозин и др.) считает, что экономическое наступление КНР в регионе происходит за счет вытеснения в основном западных, а не российских компаний¹⁰. Интересы китайского бизнеса в основном не противоречат ключевым российским, хотя по отдельным (локальным) позициям, здесь могут быть нестыковки.

Представляется, что технологически и организационно перевести двусторонние проекты в трех- или четырехсторонние — дело достаточно сложное. Гораздо легче формировать многосторонние проекты с нуля, прежде всего, в производственной, торговой и инфраструктурной сферах.

В экономическом арсенале ШОС появился новый инструмент — перечень мероприятий по развитию проектной деятельности. Он бы принят на заседании Совета глав правительств в Бишкеке 4–5 декабря 2012 г.¹¹ Перечень насчитывает 30 различных проектов — от строительства транспортных магистралей до сотрудничества по линии отдельных научных центров.

Для финансовой реализации сегодня рассматриваются несколько проектов — реализация идеи создания Специального счета ШОС, небольшого по объему, но предназначенного для кредитования ТЭО проектов, создание Банка развития ШОС, который выдавал бы кредиты для их реализации. Одновременно к саммиту в Бишкеке (2013) планируется приурочить подписание соглашения о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок.

Третье соотношение — между основными направлениями деятельности Организации — по безопасности, экономическому и инвестиционному сотрудничеству, гуманитарному направлению.

В данном соотношении традиционно сложилась неформальная «специализация» между КНР и РФ, которая хорошо известна экспертам. Россия «курирует» и является лидером в первом направлении (безопасность). За ШОС, как известно, стоит Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), налаживание сотрудничества между которыми — отдельная и непростая тема.

На втором «треке» неофициальным лидером по причинам экономического превосходства и наличия больших финансово-инвестиционных возможностей, чем у других членов Организации, является Китай.

Что касается третьего, гуманитарного направления, то здесь можно говорить о формировании определенной российско-китайской конкуренции, которая происходит в различных плоскостях. В частности, КНР активно продвигает в регионе (и в мире) обновленную политику «мягкой силы», а так же проводит различные кампании по рекламированию позитивного образа (имиджа) Китая. Удачным в этом плане стал один из ключевых тезисов председателя Си Цзиньпина о необходимости достижения «взаимного выигрыша» в отношениях с соседями, а не только достижения китайской выгоды.

У России пока старые «козыри» — сохранение и поддержание в регионе русскоязычной культуры и русского языка, образовательные проекты (фонд «Русский мир») и пр.

Широко рекламируемый в РФ рядом чиновников и экспертов, стоявших у «окна» распределения грантов, проект «Университет ШОС» в настоящее время явно сбавил обороты. Виртуальная сеть из нескольких десятков университетов шести стран, включая дистанционные программы обучения, так и не стала реальной.

Трудно точно сказать, сколько реальных дипломов получили выпускники, и какие государства они (выпускники) представляют. Возможно, что проект в 2013 г. может получить «второе дыхание», если будет создана соответствующая финансовая основа.

Идеальным для Организации было бы параллельное развитие всех трех направлений и равное участие каждой страны. В основе нынешней несбалансированности лежат объективные причины (степень, ресурсы и возможности каждой). В модели «ШОС — 2013 г.» скорее всего не только сохранятся, но и усилятся диспропорции в участии и распределении нагрузки между государствами.

Четвертое соотношение — между интеграционными проектами ШОС и евразийскими вариантами интеграции РФ, Казахстана, Белоруссии (Таможенный союз — Евразийский экономический союз).

Среди экспертов КНР и РФ началась активная дискуссия по поводу перспектив региональной интеграции. Когда ШОС набирала силу, в начале 2000-х гг. в Пекине пространство Организации (постоянных членов) воспринимали как реальную зону китайского интеграционного проекта, либо в форме зоны свободной торговли (ЗСТ), либо в иной форме.

Защитная реакция малых стран ШОС и процедура консенсуса при принятии решений, предусмотрительно заложенная отцами-основателями в учредительных документах Организации, сыграли сдерживающую для китайского проекта роль. Вариант "ЗСТ — 2004", рассчитанный на регион, не прошел. Китайцы, тем не менее, провели документ о перспективах интеграции в зоне ШОС до 2020 г.

Россия активно реализует свое видение евразийской интеграции — через созданный Таможенный союз (ТС) с перспективой выхода на образование Евразийского экономического союза (2015 г.).

Отдельные эксперты КНР стали говорить, что Китаю "невыгодно, чтобы Центральная Азия принадлежала отдельным силам", что отношения с Россией в регионе —

это "сотрудничество и конкуренция", что "соперничество двух стран будет продолжительным"¹². Но при этом практически все ученые — политологи и экономисты КНР говорят о приоритете России в сфере региональной безопасности.

Очевидно, что в данном соотношении пока нет полной ясности, особенно в плане перспектив слияния или параллельного развития двух вариантов интеграционных проектов. Другими словами, можно констатировать развитие нескольких вариантов региональной интеграции, как в рамках ШОС, так и вокруг Организации. Причем внутри ШОС Китай, как известно, успешно реализует ряд двусторонних интеграционных, торговых проектов с сопредельными государствами региона — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

К слову, кооперация с последним сегодня вышла на такой уровень, что можно говорить о новом качестве межгосударственных связей, когда они становятся важным источником внутрирегионального, социально-экономического развития Китая в плане влияния этих отношений на хозяйственное развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР¹³.

Китайские "case study" в регионе и афганские сценарии

Центральная Азия для КНР в плане экономических интересов в 2013 г. будет, несомненно, оставаться важным источником сырьевых и транспортных ресурсов и дополнительных возможностей. Российские эксперты отмечают, что интересы КНР и стран Центральной Азии в торгово-экономической сфере в основном совпадают. Регион нуждается в китайских инвестициях, особенно в инфраструктурные проекты. Торговля Поднебесной за 20 лет увеличилась более чем в 100 раз, превысив в 2012 г. 20 млрд долл. Китай опережает все страны (включая Россию) по объемам вложенных инвестиций, количеству реализованных проектов¹⁴.

Усиливается в последнее время процесс субрегионального хозяйственно-экономического слияния Синьцзяна (СУАР) и трех соседних республик — Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Происходит это в официальных рамках межгосударственных связей и стратегического партнерства. Но де-факто это постепенное превращение внешних проектов во внутренние (китайские) программы развития СУАР. Особенно четко этот процесс просматривается в современных китайско-таджикских межгосударственных отношениях. Неслучайно по всей внешней границе СУАР власти создали более 30 КПП, активно действуют двусторонние зоны свободной торговли с соседними странами региона, обсуждается проект строительства железной дороги из Узбекистана через Киргизию в Китай и пр.¹⁵

Часть влиятельных экспертов (например, бывший генсек ШОС Муратбек Иманалиев) в настоящее время не против железнодорожного варианта сообщения, хотя до 2013 г. он отстаивал идею строительства исключительно автомобильных магистралей с КНР. При этом он не считает реальной угрозой китайской экономической экспансии, наоборот, приветствует развитие экономико-технологических связей стран Центральной Азии с КНР¹⁶.

Качественно новым моментом является корректировка КНР афганской политики, наметившейся в 2012 г. на Пекинском саммите ШОС. Именно тогда (по рекомендации Китая) Афганистан был официально принят в состав стран-наблюдателей ШОС, началось более активное сближение Организации с беспокойной Исламской республикой.

Видимая причина подобной эволюции — обещанный Западом в 2014 г. вывод войск коалиции, который может привести к тем или иным последствиям, напрямую затрагивающим интересы всех соседних государств, включая Китай. Возможно, что в китайском руководстве просчитывают несколько сценариев реакции на афганские события.

Гипотетически можно выделить *три возможных афганских сценария* и реакции КНР на них.

Первый, — при сохранении неопределенного "статус кво" в республике и контроля Х. Карзаем власти — дальнейшая поддержка Пекином его режима и развитие экономического сотрудничества.

Второй — вариант раскола республики по этническому признаку и образование «Северного Афганистана» из афганских таджиков и узбеков, противостоящего пуштунскому (талибскому) югу. В этих условиях КНР, возможно, установит отношения с двумя центрами силы, сосредоточив основное внимание не на экономике, а на предотвращении проникновения религиозного экстремизма, сепаратизма и терроризма («трех зол») в СУАР КНР.

Третий (самый неблагоприятный) вариант — полная "талибанизация" страны, в условиях которой КНР будет вынуждена иметь дело с фундаменталистами, выторговывая себе гарантии и обещая кое-что взамен. Понятно, что последняя версия пока наиболее сложна для китайцев (как, впрочем, и для остальных, включая Россию), так как неясно, с кем придется персонально иметь дело, и в каком направлении может пойти талибская экспансия¹⁷.

Пока Китай работает в рамках первого сценария, не боясь вкладывать в рискованную афганскую зону уже сегодня большие инвестиции — более 30 проектов, включая медные рудники в Айнаке (более 3 млрд долл.)¹⁸.

Резюме. Исходя из анализа приведенных соотношений, можно констатировать, что первый этап институализации ШОС закончился. Начинается второй — этап «внутренней институализации», связанный с качественным развитием, прежде всего, Делового Совета ШОС, который был создан еще в 2006 г., но реально себя не проявил. Как известно, этот орган задумывался как ведущая структура по развитию коллективных, экономических проектов, как главный рычаг для установления прямых связей между деловыми и финансовыми кругами государств — членов ШОС.

Россия и Китай при любом варианте развития событий в ШОС, Центральной Азии и Афганистане останутся ключевыми и наиболее влиятельными силами на данном пространстве. Саммит глав государств ШОС в Бишкеке (2013) подтвердит актуальность коллективного взаимодействия в Организации, включая российско-китайские измерения.

-
1. *Naumkin V.* Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle. Boulder: Rowman and Littlefield, 2005; *Чуфрин Г.И.* Очерки евразийской интеграции. М., 2013; *Зягельская Н.Д.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. 208 с.; *Рудов Г.А.* Сотрудничество государств Центральной Азии с Россией и другими «векторами воздействия» в регионе // Геополитические проблемы Евразийского пространства: тематический сборник. М.: Научная книга, 2006. С. 134–144; *Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, Е.Ф. Троицкий.* М.: НОФМО. С. 2010. 104; *Мальшиева Д.Б.* Центрально-азиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН. 2010. 100 с.; *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии, 2008. 248 с.; *Казанцев А.А.* Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия. М.: МГИМО-Университет, 2009. 186 С.; *Казанцев А.А.* Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): Автореф. дис... д-ра полит. наук. М., 2011; *Троицкий Е.Ф.* Центральная Азия в системе международных отношений (1992— 009 гг.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Томск, 2010; *Боршталев К.П.* Центральная Азия как региональная подсистема международных отношений // Восток — Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2002. С. 526; *Мазашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006; *Сафранчук И.А.* Конкуренция за безопасность Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. № 6.

2. *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. М., 2012; *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Портыков В. Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013; *Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г.* Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: возможности и вызовы для России. М., 2003. С. 301–332; *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: ИД «ФОРУМ», 2009; *Лузянин С.Г.* Особенности китайской стратегии в Центральной Азии на коллективном (ШОС) и двустороннем уровнях взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М., 2007. С. 42–59; *Воробьев В.Я.* ШОС как растущий властелин «хартлэнда» // Россия в глобальной политике. 2012. Февр. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelin-khartlenda-15471>); *Волохова А.А.* Изменения во внешнеполитических концепциях КНР (взгляды китайских политологов) // Пробл. Дальнего Востока. М., 2006. № 3; *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009; *Ануфриев К.С.* Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: ТГУ, 2011.
3. Возможность изменения ситуации в Афганистане. Проблемы региональной безопасности и потенциал ШОС по ее поддержанию: Сб. докл. / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: ИДВ РАН, 2011; *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Центральной Азии: Пробл. развития ШОС // Российско-китайские отношения. Состояние. Перспективы / Руководитель проекта М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 93–107; *Клименко А.Ф.* Стратегическое развитие ШОС: Пробл. обороны и безопасности. М., 2009. 346 с.; *Боятко А.В.* Вопросы дальнейшего развития ШОС в области безопасности // Шанхайская организация сотрудничества и современный мир: Аналит. докл. Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО МИД РФ, 2007. Вып. 3(18). Май. С. 39–43; *Лукин А.В.* ШОС: итоги российского председательства // *Международ. жизнь.* 2009. № 10; *Лукин А.* Россия и ШОС // Аналит. записки. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2007. Вып. 6(26). Июль. 17 с.; *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения КНР с центрально-азиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН; *Лулев С.И.* Политические процессы в Центральной Азии и их воздействие на энергетическую ситуацию // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под руков. и с предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. С. 392–412.; *Городилова Е.* ШОС как инструмент эффективного энергетического сотрудничества в Азиатском регионе // ШОС: становление и перспективы развития. Материалы международной конференции / Под ред. М. Ашнмбаева и Г. Чуфрина. Алматы: ИМЭП, 2005. С. 108–135;
4. Чжун Го цзинь дай бянь цзе ши [История границ современного Китая]. КНР: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2007.
5. *Син Гуанчэн.* Чжунго юй синь дули дэ Чжун Я гоцзя дэ гуаньси [Отношения между Китаем и странами Центральной Азии, которые недавно приобрели независимость]. Хэйлунцзян. Изд-во по образованию, 2000; *Сунь Чжуанчжи.* Чжун Я у го дуйвай гуаньси. [Внешние отношения пяти стран Центральной Азии]. Пекин: Соврем. мир, 1999; *Сунь Чжуанчжи.* Чжун Я аньцюань юй Афухань взньти [Безопасность Центральной Азии и Афганский вопрос] Пекин: Акад. обществ. наук Китая, 2007; *Чэнь Синьмин.* Мэйго иньсу цзи ци цзай Чжун Я дэ инсян [Американский фактор и его влияние в Центральной Азии] // Сяндай гоцзи гуаньси. 2005. № 2; *Чжао Чапцин, Сунь Чжуанчжи.* Чжун Я у го юй Чжунго сибу кайфа [Пять стран Центральной Азии и Освоение западных территорий Китая]. Пекин: Куньлунь, 2008; *Чжао Хуаши.* Чжунго хэ Чжун Я: цзинци ши чжуяо чжибяо [Китай и Центральная Азия: экономика — ключевой ориентир] // Сяндай Гоцзи Гуанси. 2005. № 2; *У Хунвэй.* Чжун Я миньзу юй цзунцзяо взньти [Вопросы национальностей и религий в Центральной Азии]. Пекин: Изд-во при центр. ун-те нацменьшинств, 2003; *Чэнь Юйжун.* Чжунго хэ Чжун Я дишой цзинци хэцзо // Сяндай Гоцзи Гуанси. 2005. № 2.
6. Сяндай гоцзи гуаньси. 2007. № 3. С. 54–59.
7. Там же. 2012. № 12. С. 72.
8. Термин выбран автором произвольно, исходя отчасти из дискуссий западных и российских политологов — последователей известной теории институционализма.
9. См.: *Антер Д.И.* Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука. М., 1999. С. 361–384.

10. <http://www.alpenforum.ru/invision/lofiversion/index.php?t77464.html>.
11. Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Бишкек, 4–5 декабря 2012 г.) URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=111>.
12. Сунь Чжуанчжи. Шанхай хэцзо цзучжи: жэнь чжун ер дао юань [Шанхайская организация сотрудничества: ответственность велика, а путь далек] // Дандай Шицзе [Современный мир]. 2012. № 7. С. 122–129.
13. *Алимов Р.К.* Таджикистан — Китай на пути к друг другу. Возможен ли равноправный диалог? М.: ИДВ РАН, 2012. С. 122–131.
14. *Шустов А.* Китай усиливает позиции в Центральной Азии // <http://www.fondsk.ru/news/2012/06/27/kitaj-usilivaet-pozicii-v-centralnoj-azii-15196.html>.
15. *Сунь Чжуанчжи.* Чжун Я дэ цююй цзинци хэцзо: фансян дэ сюаньцзе юй сяньши дэ цаньцин [Региональное экономическое сотрудничество Центральной Азии: выбор направлений и перспектива реаллий]. Пекин: Издание при Академии общественных наук, 2009; Чжао Чанцин. Чжун Я у го цзинци тичжи юй фачжань моши таньтао (Изучение экономической системы и моделей развития пяти стран Центральной Азии) // *Общественная наука Синьцзяна*. 2010 № 3.
16. <http://pda.kabar.kg/economics/full/47822?all>.
17. Большая часть российских экспертов по Афганистану и Пакистану (Л. Коргун, В. Белокреницкий и др.) считают, что в случае установления тотального контроля талибов в стране, они, в силу традиционных племенных и исторических особенностей расселения, не пойдут на север, в направлении республик Центральной Азии. Основное внимание будет сосредоточено на освоении территории Южного Афганистана и Пакистана (АфПак).
18. *Абдулло Р.* Таджикско-китайские отношения (новые нюансы) // *ЦентрАзия*. — URL: (<http://www.centrasia.ru/news.php?st=1304656020>)

О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г.*

© 2013

В. Портяков

Рассмотрены основные направления внешней политики КНР в 2012 г., в числе которых : подготовка международно-политической платформы XVIII съезда КПК: противодействие «возвращению США в Азию» и три региональных вызова (споры о принадлежности островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, нерешенность пограничного вопроса с Индией), диверсификация инструментария и сфер международной деятельности Китая.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика в 2012 г., решения партийного съезда, вызовы, диверсификация, инструментарий.

Основные особенности внешней политики КНР в 2012 г. определялись задачами выработки международно-политической платформы XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая, необходимостью оперативного реагирования на динамичные подвижки на мировой арене и потребностями диверсификации внешнеполитического инструментария страны.

Неплохое представление о приоритетах Пекина в сфере внешней политики в прошлом году дает содержание ежемесячного журнала-дайджеста «Дипломатия Китая» («Чжунго вайцзя»), который публикует наиболее интересные или дискуссионные статьи из многих китайских общественно-политических и научных изданий, освещающих проблемы позиционирования КНР в мире и ее отношения с другими странами.

В 2012 г. в журнале было опубликовано 117 статей, из которых примерно половина — 55 — посвящена общим вопросам теории и практики внешней политики КНР, 24 статьи — различным аспектам китайско-американских отношений, 13 статей — связям с государствами Восточной Азии и АСЕАН, 8 статей — «соседскому окружению» в целом, по 4 — Европейскому союзу и России. Единичные статьи рассматривали политику КНР в отношении государств Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, Ближнего и Среднего Востока, Турции и т.д.

I

Вышеприведенная статистика свидетельствует, что проблемы общей оценки расстановки сил в мире и адекватной характеристики современной международной ситуации, прямо связанные с определением долгосрочных задач КНР во внешней политике, находились в центре внимания руководства и экспертного сообщества Китая.

Портяков Владимир Яковлевич, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук, профессор. E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

* Подготовлено при содействии РГНФ, проект 12-03-00367 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

Это нашло непосредственное отражение в процессе подготовки внешнеполитического раздела Отчетного доклада ЦК КПК XVIII съезду партии.

На наш взгляд, концептуальные положения, претендовавшие на включение в Отчетный доклад, подразделялись на две категории. К числу бесспорных позиций относились: констатация независимого и самостоятельного характера внешнеполитического курса Китая, его декларативная приверженность пути мирного развития и адресуемая всему международному сообществу идея строительства «гармоничного мира».

В предсъездовский период в китайской печати велась широкая пропаганда данных позиций. Со следованием путем мирного развития непосредственной связывались успехи КНР на международной арене¹. А концепция гармоничного мира, наряду с положением об «общем выигрыше», квалифицировалась как «важный вклад в дело процветания и прогресса человеческой цивилизации»².

Во вторую категорию можно включить положения, ставшие в предсъездовский период предметом дискуссий в экспертном сообществе Китая.

Прежде всего это, как ни покажется странным на первый взгляд, традиционное для китайской дипломатии последних двух десятилетий утверждение о движении мироустройства в сторону многополярности. В конце 2011 г. в его справедливости усомнился Линь Лиминь — главный редактор журнала Китайской академии современных международных отношений «Современные международные отношения» («Сяньдай гоцзи гуаньси»). По его мнению, низкие темпы экономического роста в Японии, Европейском союзе и России, начиная с мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., затормозили тенденцию к формированию в мире многополярности и, напротив, стимулировали движение мировой архитектоники в направлении оформления «большой двойки» в лице США и Китая³. Сходную точку зрения неоднократно высказывал и один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэтуан из Университета Цинхуа, что стало логичным развитием его более ранней идеи об ускорении дифференциации в кругу великих держав и возможном формировании к 2020 г. трех различных по степени влияния групп — сверхдержавы в лице США, «квазисверхдержавы» в лице Китая и остальных держав, представленных «восходящими» Индией и Россией и «нисходящими» Францией, Японией, Великобританией и Германией⁴.

Идея появления в мире новой биполярности с КНР в качестве одного из полюсов была подвергнута довольно жесткой критике. У Китая, по мнению Сюэ Фукана, отсутствуют объективные условия для превращения в «один из двух центров мира», к тому же в интересах развития в будущем конструктивных отношений с США ему следует отвергнуть саму идею формирования биполярного мироустройства⁵.

В итоге в отчетном докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК прозвучала предельно лапидарная констатация: «углубляется развитие мировой многополярности и глобализации экономики».

Возникла дискуссия и по вопросу о включении в отчетный доклад тех или иных характеристик поведения Китая на международной арене, помимо решимости и впредь «непоколебимо проводить независимую и самостоятельную внешнюю политику»⁶. Судя по всему, рассматривались три варианта:

1) дать достаточно детальную формулировку, но без упоминания о защите «коренных интересов» страны, например, «внешняя политика Китая решительно защищает государственный суверенитет, безопасность, территориальную целостность, отстаивает интересы развития государства, служит социально-экономическому развитию страны, защищает законные права и интересы китайских граждан и юридических лиц за рубежом»⁷;

2) сделать акцент за защите «коренных интересов страны», продолжая линию 2009–2011 гг., когда эта категория стала активно пропагандироваться в КНР (например, в статьях и выступлениях члена Госсовета КНР Дай Бинго);

3) похоже, что вариант с акцентом на «коренные интересы» не получил должной поддержки. Косвенно об этом свидетельствует критика данной категории на страницах китайской печати. Так, в статье Ши Чжунюя, представляющего факультет политологии Тайваньского университета, отмечена недостаточная проработанность понятия «коренные интересы», его узкая применимость — фактически к отношениям КНР только с США, но не с другими акторами, и наличие в нем элемента конфликтности («если коренные интересы двух государств противоречат друг другу, то кто будет должен уступить?»)⁸.

В результате в отчетный доклад вошла редуцированная формулировка, ранее уже фигурировавшая в Коммюнике 5-го пленума ЦК КПК XVII созыва (18 октября 2010 г.): «Мы будем с непоколебимой стойкостью охранять суверенитет, безопасность и интересы развития государства»⁹.

В послесъездовский период в ряде публикаций, которые принято характеризовать как установочные, была предпринята попытка закрепить именно эту формулировку. Так, заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Чжицзюнь в выступлении на 8-м «Форуме в голубой гостиной» 28 декабря 2012 г. заявил: «Во внешнеполитическом курсе мы эффективно защитили суверенитет, безопасность, интересы развития государства, создав в целом стабильную и благоприятную внешнюю среду для проведения нашей страной политики реформ и открытости и осуществления дела социалистической модернизации»¹⁰. А в статье министра иностранных дел Ян Цзечи в журнале «Цюши» «защита суверенитета, безопасности и интересов развития государства» была включена в перечень основных достижений китайской дипломатии в 2012 г. и проиллюстрирована, среди прочего, твердой позицией Китая по вопросу о суверенитете над островами Дяоюйдао в Восточно-Китайском море и островом Хуаньяньдао (риф Скарборо) в Южно-Китайском море¹¹.

В то же время новый Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в выступлении на коллективной учебе членов политбюро ЦК КПК 28 января 2013 г. использовал вместе и вышеприведенную формулировку, и категорию «коренные интересы»: «Нам необходимо решительно следовать путем мирного развития, но мы не можем... жертвовать коренными интересами государства. Никакая зарубежная страна не может рассчитывать, что мы... сможем проглотить горькую пилюлю нанесения ущерба суверенитету, безопасности, интересам развития нашего государства»¹².

Так что, скорее всего, сюжет с «коренными интересами» будет иметь продолжение.

Наконец, дискуссионным оказался и вопрос об общей оценке степени благоприятности для Китая сложившейся международной обстановки. По свидетельству известного китайского дипломата, бывшего директора Института международных проблем МИД КНР Ма Чжэньгана, в связи с декларированным администрацией президента Б. Обамы «возвращением США в Азию» в Китае кое у кого появились пессимистические оценки «серьезного ухудшения» международной среды и даже сомнения в принципах и курсе внешней политики страны. Признавая возникновение «некоторых помех» миру и стабильности в соседском окружении КНР, Ма Чжэньган охарактеризовал их как «частные проблемы», отстаивая тезис о сохранении в целом благоприятной международной обстановки для страны. Свой оптимизм он подкрепил сравнением современной ситуации с тремя периодами действительно серьезного ухудшения международной обстановки — в первые годы существования КНР, когда Запад пытался проводить политику политической изоляции и экономической блокады Китая, в 1960-е — 1970-е годы, когда страна оказалась во враждебном окружении со всех четырех сторон, и после 1989 г., когда Пекин столкнулся с санкциями Запада. Тогда КНР сумела в конечном счете изменить ситуацию и успешно преодолеть трудности. Ныне же, декларировал Ма Чжэньган, «в мире нет силы, которая могла бы сдержать возвышение Китая»¹³.

В съездовском отчете ЦК КПК возобладал «позитив»: «Соотношение международных сил развивается в сторону, благоприятную для защиты мира во всем мире. Налицо еще больше благоприятных условий для сохранения в целом стабильности международной ситуации». В то же время не был забыт и негатив: «...Мир все еще весьма неспокоен... учащаются локальные потрясения».

II

В 2012 г. главными для КНР стали один глобальный и три региональных международно-политических вызова.

Под глобальным вызовом мы понимаем сохраняющееся противодействие дальнейшему возвышению Китая со стороны США. У данного явления есть бросающаяся в глаза специфика. Официальные лица и в США, и в Китае предпочитают не выпячивать имеющиеся трения и нарастающее соперничество двух держав в Азии. Напротив, в Пекине всячески подчеркивают, что, хотя в китайско-американских отношениях присутствуют некоторые негативные факторы, однако ведущей стороной в них является сотрудничество, и «столкновение КНР и США не является неизбежной тенденцией и тем более не является выбором двух сторон»¹⁴. Более того, положение отчетного доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК о «создании нового типа отношений между крупными государствами» адресовано, как следует из статьи Ян Цзечи в журнале «Цюши», прежде всего именно США: «Руководители двух стран достигли важного общего понимания о необходимости продолжать продвигать вперед строительство отношений сотрудничества и партнерства между КНР и США, сообща вести поиск и создавать новый тип отношений между державами»¹⁵.

Несмотря на критику Китая со стороны официальных лиц в США по ряду конкретных вопросов (совместное с Россией ветирование проектов резолюций Совета Безопасности ООН по Сирии, якобы нерыночный обменный курс юаня к доллару и т.п.), в целом декларируемая Вашингтоном политика в отношении Пекина выглядит внешне вполне корректно, что, в частности, нашло наглядное проявление в ходе предвыборных дебатов Б. Обамы и М. Ромни. О каком-либо «сдерживании» Китая никто, казалось бы, и речи не ведет.

Однако и общая стратегия «возвращения США в Азию», и активное продвижение идеи Транстихоокеанского партнерства, и «второе дыхание», приданное американским военным союзам в Восточной Азии, содержат несомненный антикитайский подтекст. Показательна в данном контексте критика рядом известных американских китайедов (Кеннет Либерталь, Роберт Росс) политики Б. Обамы в отношении Китая. Так, по мнению Р. Росса, «в отличие от прежних администраций, при Обаме Белый дом перестал считаться с законными интересами Китая в пограничных с ним регионах, включая те, которые не являются жизненно важными для безопасности США»¹⁶.

В Пекине приветствовали назначение Джона Керри на пост государственного секретаря США, поскольку он «критиковал тенденцию к демонизации Китая и воспринял его как следующую большую угрозу»¹⁷. Однако убеждение, что США, несмотря на углубляющуюся взаимозависимость с Китаем, по-прежнему видят в нем потенциального противника и будут в дальнейшем усиливать разностороннее сдерживание Пекина¹⁸, остается широко распространенным в китайском экспертном сообществе.

Так что китайско-американские отношения почти гарантированно сохраняют противоречивый характер и в период политического лидерства Си Цзиньпина.

Из региональных вызовов наибольшую остроту в 2012 г. приобрел конфликт с Японией. Непосредственным поводом для обострения двусторонних отношений послужило приобретение в сентябре японским правительством части оспариваемых Китаем островов Сэнкаку (Дяоюйдао), прежде находившихся в частной собственности¹⁹. Кон-

фликт стал лакмусовой бумажкой, выявившей длинный перечень взаимных претензий стран друг к другу. Их главной причиной, на мой взгляд, является не только различие в трактовке исторических событий, особенно китайско-японской войны 1894–1895 гг. и участия Японии во Второй мировой войне, но и продолжающееся соперничество двух стран за лидерство в Восточной Азии и Азии в целом. Возможно, особое упорство Японии в споре об островах Сэнкаку (Дяоюйдао) объясняется, помимо прочего, весьма болезненной реакцией японского общества на недавнюю уступку КНР второго места в мире по объему валового внутреннего продукта и желанием продемонстрировать, что у Японии «еще есть порох в пороховницах» и что она вовсе не собирается сдавать Китаю все новые позиции.

О том, что конфликт зашел действительно далеко, свидетельствует явное торможение восточноазиатской экономической интеграции между Японией, Республикой Корея и Китаем, казалось бы, уверенно продвигавшейся вперед еще в первой половине года.

С определенным временным лагом политические коллизии негативно отразились на двусторонней торговле. В 2012 г. ее объем (329,45 млрд долл.) сократился на 3,9%, в том числе китайский импорт из Японии — на 8,6%²⁰.

Новое развитие получили споры о суверенитете над островами Спратли (Наньша) в Южно-Китайском море. В первой половине 2012 г. наибольшую остроту ситуации придали попытки Филиппин утвердить свою юрисдикцию над рифом Скарборо (Хуаньяньдао) на том основании, что географически он попадает в сферу протяженности эксклюзивной экономической зоны Филиппин. Китай отреагировал оперативно и жестко, вытеснив своими патрульными судами филиппинские катера из зоны конфликта и развернув широкую пропагандистскую кампанию по вопросу об историческом праве Китая на Хуаньяньдао²¹.

Во второй половине года внимание китайской стороны в большей мере переключилось на Вьетнам, попытавшийся закрепить свои права на острова Парасельские и Спратли в национальном законодательстве (21 июня во Вьетнаме был принят «Закон о море»). В связи с этим некоторые китайские СМИ посетовали, что «Вьетнам зашел слишком далеко», «забыл уроки, преподанные ему Китаем»²² (имеется в виду вооруженный захват Китаем островов Сиша у тогдашней администрации Южного Вьетнама в 1974 г. и силовое вытеснение вьетнамцев с островов Наньша в 1988 г.).

Вместе с тем, в отличие от ситуации с Японией трения КНР с Филиппинами и Вьетнамом по вопросу о суверенитете над островами Южно-Китайского моря не привели к снижению объемов двусторонней торговли. Напротив, они довольно значительно выросли: с Филиппинами на 12,8% по сравнению с 2011 г., до 36,4 млрд долл., а с Вьетнамом на 25,4% — до 50,4 млрд долл.²³ Здесь чувствуется стремление КНР по максимуму использовать свой главный козырь — привлекательность для государств региона торговли с нею как важного фактора их экономического роста, что в конечном счете призвано позитивно повлиять и на их политические отношения с Пекином.

Был предпринят и важный шаг по административному закреплению принадлежности островов Южно-Китайского моря Китаю. Вместо существовавшей с 1959 г. канцелярии островов Сиша, Чжунша и Наньша был учрежден город Саньша в ранге окружного («дицизи») города. Город площадью 2,13 км² и с населением 2 тыс. человек располагается на крупнейшем в Южно-Китайском море острове Юнсин²⁴. Учреждение города Саньша призвано «заставить иностранные круги адаптироваться к решительной защите Китаем своего суверенитета в Южно-Китайском море»²⁵.

Вместе с тем, несмотря на всю браваду и пропагандистскую напористость, в КНР прекрасно осознают, что споры о юрисдикции над островами и акваториями Южно-Китайского моря будут носить долговременный затяжной характер и что позиция Пекина по данному вопросу не встречает поддержки в международном сообществе. Показательно, что и в обстановке заметного роста в КНР националистических настроений находят-

ся люди, занимающие трезвую позицию. В частности, глава Китайской академии исследования Южно-Китайского моря У Шицунь полагает, что стратегическим интересам Китая соответствует «рациональное самоограничение, сдержанность в вопросах, затрагивающих пограничные территории»²⁶.

Третий региональный вызов — индийский — не носил в 2012 г. особенно острого характера, несмотря на отмечавшееся 50-летие пограничного конфликта 1962 г. между КНР и Индией. Вместе с тем, заметная активизация Индии в разведке нефти и газа в Южно-Китайском море, общее стремление Дели сделать Азию и АТР одним из своих основных внешнеполитических приоритетов и связанные с этим меры по усилению индийского военно-морского флота воспринимаются в Пекине с явной озабоченностью. Впрочем, появились и позитивные моменты, связанные с некоторым охлаждением отношений Индии с США и заявлениями Нью-Дели о приверженности доктрине «стратегической автономности» — своего рода новой версии политики неприсоединения²⁷.

III

2012 год был отмечен очевидным стремлением китайского руководства к диверсификации внешнеполитического инструментария и к усилению связей с рядом регионов, которым ранее в силу разных причин Пекин не уделял большого внимания.

Обилие стоящих перед КНР сложных проблем по урегулированию морских и отчасти сухопутных границ с соседними государствами, сама по себе большая протяженность границ и береговой линии страны обусловили выделение пограничной и морской дипломатии в важное самостоятельное направление внешней политики Китая. Активизировался учрежденный в марте 2009 г. Департамент пограничных и морских дел МИД КНР.

Отвечая в апреле 2012 г. на вопросы участников Интернет-форума «Сильное государство» («Цянго лунтань»), глава этого департамента Дэн Чжунхуа констатировал наличие у КНР спорных вопросов со всеми восемью государствами, «соседствующими» с ним по морю. Это КНДР, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней и Индонезия (речь идет не только о спорных островах, но и о разграничении наклаывающихся друг на друга участков 200-мильных специальных экономических зон различных стран)²⁸.

Широкий международный резонанс имел выпуск Китаем в ноябре 2012 г. электронных загранпаспортов для граждан страны с абрисом сухопутной и морской границы КНР, которая охватывала все спорные морские и сухопутные участки.

В 2012 г. активизировалась не только пограничная и морская, но и вся в целом политика Китая по отношению к соседскому окружению. Отчасти это было вызвано необходимостью сгладить то неблагоприятное впечатление, которое произвела на соседей КНР ее чрезмерно напористая внешняя политика образца 2009–2010 гг. Еще более важно то обстоятельство, что, как справедливо указывают китайские эксперты, соседское окружение представляет собой основное пространство развития Китая. Нестабильность здесь подрывает стабильность и стратегический баланс во всей Азии и даже во всем мире²⁹. Соответственно, для создания гармоничного мира Китаю необходимо прежде всего создать гармоничную атмосферу в соседском окружении³⁰.

Симптоматично, что в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК был подтвержден базовый курс КНР на добрососедство. «Мы, — сказал Ху, — будем с неизменной доброжелательностью и по-партнерски относиться к сопредельным странам, укрепляя с ними отношения дружбы и добрососедства, углублять взаимовыгодное сотрудничество».

Несомненно, усилить внимание к соседним государствам Китай заставляет и активизация в его «мягком подбрюшье» Соединенных Штатов, причем не только в Японии и Филиппинах, но и во Вьетнаме и даже в Мьянме.

В 2012 г. КНР интенсифицировала контакты со странами Центральной и Восточной Европы, которые в предшествующее двадцатилетие не привлекали сколько-нибудь заметного внимания Пекина. В апреле в Варшаве состоялась первая в истории отдельная встреча лидеров Китая и глав государств этой группы. Учрежден Секретариат сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы.

Приоритетными для Китая партнерами на пространстве СНГ остались, кроме России, государства Центральной Азии, однако здесь произошли определенные перестановки: в связи с быстрым наращиванием экспорта газа в КНР заметно возросла роль Туркмении. Ее доля в торговле КНР с пятью странами региона с 5,2% в 2010 г. выросла до 13,8% в 2011 г. и до 22,6% в 2012 г.

Торговля КНР с государствами Центральной Азии в 2011–2012 гг. (млн долл.)

Наименование	2011			2012		
	Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР	Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР
Казахстан	24952	9566	15386	25677	11002	14675
Киргизстан	4976	4878	98	5162	5073	89
Таджикистан	2069	1997	72	1857	1748	109
Туркменистан	5479	786	4693	10372	1699	8673
Узбекистан	2166	1359	807	2874	1783	1091

Источник: Таможенная статистика КНР [Хайгуань тунцзи]. 2011. № 12. С. 3; 2012. № 12. С. 5.

Растет и интерес КНР к развитию не только торгового, но и инвестиционного сотрудничества с Украиной и Белоруссией. Как полагают некоторые российские эксперты, Белоруссия является для Пекина «точкой вхождения» на европейский и евразийский рынки, а в перспективе может стать и важным сегментом трансконтинентального транспортного коридора «Китай — Европа»³¹.

Торговля КНР с Украиной и Белоруссией в 2011–2012 гг. (млн долл.)

Наименование		2011			2012		
		Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР	Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР
Украина	млн долл.	10411	7147	3264	10355	7323,5	3031,5
	прирост, %	34,7	28,5	50,9	-0,5	2,5	-7,1
Белоруссия	млн долл.	1304	704	600	1583	920	663
	прирост, %	2,5	-11,5	25,9	21,4	30,4	10,8

Источник: Таможенная статистика КНР [Хайгуань тунцзи]. 2011. № 12. С. 5; 2012. № 12. С. 7.

* * *

В 2012 г. во внешней политике КНР стремление «умело совмещать твердость и мягкость, решительность и разумность»³² проявлялось более четко и заметно, чем в предыдущие несколько лет. Это связано и с накоплением опыта активной внешней политики, порою приобретаемого дорогой ценой, и с подготовкой платформы XVIII съезда КПК, и с самим по себе приближавшимся отходом от руководства партией и страной четвертого поколения лидеров КПК и КНР, которым, конечно же, хотелось оставить приемникам максимально благоприятное наследство во внешних связях.

По-своему показательно, что если в начале года в Китае раздавались призывы отказаться от формулы Дэн Сяопина «держаться в тени и при этом делать что-то реальное» («таогуан янхуэй, юсо цзовэй») ³³, то к концу 2012 г., напротив, стали даваться реко-

мендации в сложившейся сложной международной обстановке вновь обратиться к завету Дэна «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»³⁴.

Сохранит ли новое руководство Китая приверженность заветам Дэн Сяопина и в какой мере, отчасти покажет его международная деятельность уже в этом, 2013 году.

1. *У Циминь, Мэн Сяилинь*. Мирное развитие, блестящие успехи [Хэпин фачжань чэнцзю хуйхуан]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1010/c1001-19209634.html>.
 2. *У Циминь, У Гаи, Чжао Чэн*. 12-й комментарий по важным вопросам стратегии после 16-го съезда КПК: вклад Китая в идеи создания гармоничного мира и взаимовыигрышного развития [Шилю да илай чжунда чжаньлюэ шупин чжи шир: хэсе шицзе гуини фачжань дэ Чжунго гунсянь]. URL: <http://people.com.cn/18/n/2012/1104/c350833-19488806.html>.
 3. *Лиш Лиминь*. Некоторые новые взгляды на проблемы международной политики в 2011 г. [2011 нянь гоцзи чжэнчжи дэ цигэ синь каньдянь] // Дандай шицзе (Современный мир). Пекин. 2011, № 12. С. 4–8.
 4. *Ян Сюэтуан, У Вэньбин*. На что опирается возвышение Китая [Чжунго цзюеци као шэммо] // Чанша. 2010. С. 21.
 5. *Сюэ Фукан*. Биполяризация: не нужна и невозможна: Poleмика с ректором Янь Сюэтуаном [Лянцзихуа: у бияо е у конэн — юй Янь Сюэтуан юаньчжан шанцюе] // Шицзе чжиши. Пекин. 2012. № 23. С. 45.
- Янь Сюэтуан является главой Школы исследований современных международных отношений Университета Цинхуа.
6. *Ху Цзиньтао*. Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества: Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2012 года.
 7. *У Циминь, Мэн Сяилинь*. Указ. соч.
 8. *Ши Чжуншуй*. Выйти из ловушки «коренных интересов» [Цзоучу «хэсинь лини» дэ сяньцзин] // Чжунго вайцзяо. 2012. № 12. С. 21–24.
 9. См.: Жэньминь жибао. 2010. 19 окт. Единственное различие — в Коммюнике использован термин «вого» (наше государство) в Отчетном докладе на съезде — «гоцзя» (государство). Остальное — «чжуюань, аньшюань, фачжань лини» — идентично.
 10. <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/zt/ywzt/2011nzt/lantinglunan/t1001446.htm>.
 11. *Ян Цзечи*. В стабильности добиваться продвижения вперед, расширять освоение и новаторство. Китайская дипломатия в турбулентной международной ситуации 2012 года [Вэньчжун цюэцзинь кайто чуансинь // Гоцзи фэнжюнь цзданчжун дэ 2012 нянь Чжунго вайцзяо]. Цюши. 2013. № 1. URL: http://www.qstheorg.cn/zxdk/2013/201301/201212/t20121227_202430.htm.
 12. См.: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0129/c1001-20361833.html>.
 13. *Ма Чжэньган*. Современная ситуация и внешнеполитические контрмеры [Данцянь цзюйши юй вайцзяо дуйцэ]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2012/0917/c40531-19025308-1.html>.
 14. Там же.
 15. *Ян Цзечи*. Указ. соч.
 16. *Росс Р*. Проблема с разворотом. В новой азиатской политике Обамы нет необходимости, и она контрпродуктивна. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Problema-s-razvorotom-15793>.
 17. *Chen Weihua*. Sino-US-ties in focus as Obama wins 2nd term // China Daily. 2013. 22 Jan.
 18. *Юй Сяньтянь*. Новые черты американской политики хеджирования и ответные меры Китая [Мэйго дуйчун чжэнцэ дэ синь тэдянь юй Чжунго индуй] // Чжунго вайцзяо. 2012. № 12. С. 26.
 19. Мнения ряда авторитетных китайских политологов-международников о характере конфликта и их рекомендации по поведению КНР в сложившейся ситуации опубликованы в специальной подборке в журнале «Шицзе чжиши» (2012. № 19. С. 14–23).
 20. Таможенная статистика КНР [Хайгуань тунцзи]. 2012. № 12. С. 5.
 21. См., например, русскоязычный перевод статьи из газеты «Жэньминь жибао» от 9 мая 2012 г. «Суверенитет над Хуаньяндао принадлежит только Китаю» в журнале «Китай» (2012. № 6. С. 28–29).

22. Как надо противостоять давлению со стороны Вьетнама [Гай цзэнъян индуй Юэнань до цзинь-би] // Хуанью шибао. 2012. 28 июня.
23. Таможенная статистика КНР [Хайгуань тунци]. 2012. № 12. С. 5.
24. Upgrade set to boost island chains // China Daily. 2012. 2 July.
25. Город Саньша закаляет дух и решимость всего Китая [Саньша ши дуаньянь цюань Чжунго до нчжи хэ даньлюэ] // Хуанью шибао. 2012. 25 июня.
26. У Шицзе. Стратегия Китая в Южно-Китайском море должна состоять в надлежащем разрешении четырех противоречий [Чжунго Наньхай чжаньлюэ сюй тошань чули сыдуй маодунь]. URL: <http://www.world.people.com.cn/n/2012/1221/c1002-19969550.html>.
27. См.: Макаров А. Ход слоном. Многим индийским военным с воздуха и суши придется переориентироваться на воду // Коммерсант Власть. 2012. № 51. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2088612>.
28. Директор Департамента пограничных и морских дел МИД КНР Дэн Чжунхуа беседует о новой ситуации в дипломатической работе, связанной с пограничными и морскими проблемами [Вайцзяобу бяньхайсы сычжан Дэн Чжунхуа тань синь синши сядэ бяньцзе юй хайян вайцзяо гунцзо]. URL: http://live.people.com.cn/bbs/pote.php?id=57120409110620_ctdzb_062, 10.04.2012.
29. Чжао Кэцзинь. Возвышение Китая и стратегическая поддержка соседского окружения [Чжунго цзюеши юй чжоубянь дилуой чжаньлюэ нто] // Дандай Чжунго. 2012. № 10.
30. Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>.
31. Тихонова С.В. Белоруссия в объятиях «мягкой силы» Китая // Китай на постсоветском пространстве. М.: ИСИ, 2012. С. 116.
32. Данное выражение принадлежит проректору Дипломатической академии Китая, эксперту-международнику Цинь Яцину.
33. Чжан Хунси. Полемика о принципе «держаться в тени» заставляет вспомнить Чжоу Эньлая [«Таохуэй» чжи чжэн, ши жэнь сянци Чжоу Эньлай] // Шицзе чжиши. 2012. № 5. С. 54–55.
34. Ма Чжэньган. Указ. соч.

Государство и общество

1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае

В. Бородич, А. Виноградов, П. Троцинский

В статье рассматриваются итоги первой сессии ВСНП 12-го созыва (март 2013 г.) и сессии НПКСК, новые назначения на высшие государственные посты КНР, законодательная деятельность и особенности правотворческого процесса. Особое внимание уделено некоторым положениям административной реформы, начало которой было положено на сессии ВСНП в этом году.

Ключевые слова: сессия ВСНП, административная реформа, новое поколение китайского руководства, правотворческий процесс, законодательная деятельность.

С начала осуществления китайским государством политики реформ и открытости неуклонно повышается роль правового регулирования в модернизации страны. Первые шаги нового китайского руководства показали, что этот курс будет продолжен и обретет новое измерение.

* * *

1-я сессия ВСНП 12-го созыва (5—17 марта 2013 г.) и 1-я сессия НПКСК 12-го созыва (3—12 марта 2013 г.) — «две сессии», проходившие в Пекине, сформулировали основные направления государственного строительства, которые будут положены в основу работы нового поколения китайских руководителей в ближайшие годы.

На них был завершён процесс передачи высших государственных постов представителям пятого поколения, начатый на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.). Председателем КНР и председателем Центрального Военного Совета КНР (ЦВС КНР) был избран новый Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель Военного Совета ЦК КПК Си Цзиньпин. Ли Юньчао стал заместителем Председателя КНР. Таким образом, всего за 4 месяца был завершён процесс передачи высших постов в партии и государстве Си Цзиньпину, в то время как предыдущему Председателю КНР Ху Цзиньтао на это потре-

Бородич Владимир Федорович, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, кандидат юридических наук. E-mail: borodich@rambler.ru.

Виноградов Андрей Владимирович, руководитель Центра политических исследований и прогнозов, доктор политических наук. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Троцинский Павел Владимирович старший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, кандидат юридических наук. E-mail: troshc@mail.ru.

бывалось более 2 лет. Заместителями председателя ЦВС КНР стали генералы Фань Чанлун и Сюй Цзян.

На сессии были проведены и другие важные кадровые назначения. Премьером Госсовета, как и ожидалось, был избран член Постоянного Комитета Политбюро (ПК ПБ) Ли Кэцян. Его заместителями стали Чжан Гаоли (член ПК ПБ), Лю Яньдун (женщина), Ван Ян, Ма Кай, Ян Цзин, Чан Ваньцюань, Ян Цзечи, Го Шэнкунь, Ван Юн стали членами Госсовета.

Постоянный Комитет ВСНП в составе 162 человек возглавил член ПК ПБ Чжан Дэцзян. Председателем ВК НПКСК стал член ПК ПБ Юй Чжэншэн.

Председателем Верховного народного суда КНР был избран Чжоу Цян, Генеральным прокурором Верховной народной прокуратуры был переизбран Цао Цзяньмин.

Все эти кандидатуры и персональные назначения были утверждены состоявшимся накануне 2-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва (февраль 2013 г.)

На сессии ВСНП с отчетами выступили бывший премьер Госсовета Вэнь Цзябао — о работе правительства, У Банго — о работе ПК ВСНП, Цзя Цинлинь — о работе ВК НПКСК. В докладе Вэнь Цзябао, в частности, было отмечено, что ВВП Китая за прошедшие 5 лет с 2007 г. по 2012 г. вырос с 26,6 трлн юаней (\$4,22 трлн) до 51,9 трлн юаней (\$8,24 трлн), т.е. почти в 2 раза, КНР по этому показателю вышла на второе место в мире после США. Рост внешнеторгового оборота составлял в среднем 12,2% в год. Доходы городского и сельского населения ежегодно росли в среднем на 8,8% и 9,9%. Девять лет подряд росло производство зерна. На 2013 г. были намечены контрольные цифры роста ВВП — 7,5%, рост потребительских цен в пределах 3,5%, уровень безработицы в городах — 4,6%¹. Вместе с тем, Вэнь Цзябао были названы основные противоречия и проблемы, «требующие внимания следующего состава правительства»: неравномерность, негармоничность и неустойчивость развития, противоречия между снижением темпов роста и избыточностью производственных мощностей, обострение противоречий между экономическим развитием и окружающей средой, рост социальных противоречий, проблем безопасности пищевых продуктов и медикаментов и т.д.

На пресс-конференции 17 марта по окончании сессии ВСНП новый премьер Госсовета Ли Кэцян сформулировал три главных задачи, которые стоят перед правительством: поддержание устойчивого развития экономики, непрерывное улучшение жизни народа и обеспечение социальной справедливости. Важнейшей предпосылкой для этого является изменение модели экономического роста². Показательным с точки зрения приоритетов государственного строительства стало заявление нового премьера: «мы должны придерживаться духа верховенства закона в строительстве современной экономики, общества и правительства»³.

Правовая проблематика заняла одно из центральных мест в работе сессии, что стало продолжением принципиального курса китайского руководства в области государственного строительства. Вслед за углублением социально-экономических реформ, повышением уровня жизни населения, вступлением КНР в различные международные организации, на XV съезде КПК (12—18 сентября 1997 г.) руководство страны выдвинуло задачу формирования социалистической правовой системы к 2010 г. Согласно заявлению предыдущего Председателя Постоянного комитета ВСНП У Банго на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва, «социалистическая правовая система с китайской спецификой уже сформирована»⁴. За 25 лет работы ВСНП и его Постоянного комитета (1982 г. — 2008 г.) был принят 441 закон, среди которых 130 в экономической сфере (29,47% от общего числа нормативных правовых актов) и 23 закона в социальной (5,21%).

Новый председатель ПК ВСНП Чжан Дэцзян, характеризуя основные направления деятельности в правотворческой сфере, подчеркнул необходимость укреплять «верховенство права», создавать правовые институты и юридические законы, которые бы не менялись при смене руководителей или их точек зрения. В последние годы вопросам

права и законности китайское государство уделяет все более пристальное внимание. Это обстоятельство, в первую очередь, обусловлено необходимостью формирования эффективных правовых механизмов для обеспечения осуществляемых в стране социально-экономических преобразований, развития внешнеэкономической и международной деятельности. Руководство КНР, судя по всему, пришло к выводу, что без основополагающих законодательных актов, повышения уровня правосознания и правовой культуры простых граждан, невозможно достичь положительных результатов в ходе проведения социалистической модернизации. Юридическая терминология стала неотъемлемой частью докладов государственных и партийных лидеров Китая. Новый Председатель КНР Си Цзиньпин в декабре 2001 г. защитил диссертацию, получив степень доктора права⁵. Заместитель председателя Ли Юаньчао также имеет степень доктора права⁶, а премьер Госсовета КНР Ли Кэцян закончил юридический факультет Пекинского университета, а затем получил степень доктора экономики.

В декабре 2012 г. на торжественном собрании по случаю 30-й годовщины со дня обнародования действующей Конституции КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что законодательство — это основной способ управления государством, правления и выполнения административной работы⁷.

По результатам мартовской 2013 г. сессии можно выделить следующие основные направления деятельности ВСНП в области правового регулирования экономических преобразований и реформ:

1) Усиление законодательной работы по созданию эффективных механизмов борьбы с коррупцией. Так, первым подписанным новым Председателем КНР Си Цзиньпином законодательным актом стал Закон КНР «О туризме» (принят на 2-м заседании ПК ВСНП 12-го созыва 25 апреля 2013)⁸. В нем, кроме положений, связанных с правовым регулированием туристической деятельности, также содержатся нормы, направленные на противодействие коррупционным явлениям в туристической сфере. ее использование в качестве взяток работникам государственно-административного аппарата.

В Докладе Генерального прокурора Верховной Народной Прокуратуры КНР Цао Цзяньмина перед китайским парламентом (10 марта 2013 г.) отмечалось, что за период с 2008 по 2012 гг. в общей сложности было возбуждено 65 787 уголовных дел по коррупции в отношении 218 639 человек, среди которых 13173 — должностные лица уездного и выше уровня (среди них 950 руководителей канцелярий и выше, 30 — провинциальных министров и выше), 19 003 преступника привлечены к уголовной ответственности⁹. Приведенные Генеральным прокурором цифры подтверждают масштабность антикоррупционной кампании, решимость китайских властей вести борьбу с этим разрушающим государственные устои и препятствующим успешному экономическому развитию явлением;

2) Повышение эффективности работы в природоохранительной сфере, работа над проектами Поправок в действующее природоохранительное законодательство. Премьер Госсовета в своем докладе особо подчеркнул необходимость внесения изменений в закон КНР «О возобновляемых источниках энергии», закон КНР «О стимулировании чистых производств», закон КНР «О сохранении воды и земли», закон КНР «Об экономии энергоресурсов».

Китайский парламент продолжает работать над проектом поправок в закон КНР «Об охране окружающей среды» (принят на 11-м заседании ПК ВСНП 7-го созыва 26 декабря 1989). Проект предусматривает усиление контроля и ответственности в природоохранительной сфере, включение экологической работы в планы модернизационного строительства. На 25-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва (25 февраля 2012) был внесен ряд изменений в закон КНР «О стимулировании чистых производств». 21 января 2013 г. Министерством охраны окружающей среды КНР и Комиссией по регулированию страховой деятельности КНР опубликован совместный документ, в соответствии с которым в

Китае в экспериментальном порядке вводится система обязательного страхования ответственности за загрязнение окружающей среды. 28 февраля 2013 г. Министерство коммерции КНР и Министерство охраны окружающей среды КНР опубликовали руководство для китайских предприятий по соблюдению правил охраны окружающей среды. Положения приведенных выше актов нормотворчества в скором времени должны получить свое закрепление уже на уровне закона;

3) Необходимость в усилении защиты прав интеллектуальной собственности также находилась в поле зрения прошедшей парламентской сессии¹⁰. ВСНП продолжает работу над поправками в закон КНР «О торговой марке» (принят на 24-м заседании ПК ВСНП 5-го созыва 23 августа 1982 г., с изменениями от 22 февраля 1993 г., 27 октября 2001 г.). Рассматриваемые изменения направлены на совершенствование механизма защиты правообладателя при использовании торговой марки, повышения ответственности за допущенные нарушения;

4) Китайский парламент планирует принятие и новых законов. К ним, в первую очередь, относится закон КНР «О безопасности специального оборудования»¹¹ (под таким оборудованием понимаются паровые котлы, трубы высокого давления, лифты, подъемное оборудование, эскалаторы, оборудование, используемое в развлекательных парках и др.). Для китайских властей проблема безопасности жизни и здоровья при использовании указанного оборудования в последние годы стала достаточно масштабной. Для обеспечения безопасного использования специального оборудования Комитет по законодательной работе представил проект закона, а его принятие ожидается на ближайшем заседании ПК ВСНП;

5) На состоявшейся сессии ВСНП китайскими парламентариями в очередной раз не было принято ни одного законодательного акта, что свидетельствует о том, что весь объем полномочий по правотворческой работе снова ложится на его Постоянный комитет, что подтверждает особую осторожность китайских властей при принятии важных для страны актов правотворчества. Статистика свидетельствует, что подавляющее большинство законов в Китае принимает именно ПК ВСНП, а не сам ВСНП.

Одним из главных итогов прошедшей сессии стал представленный ответственным секретарем Госсовета Ма Каем Проект административной реформы, который был утвержден на сессии ВСНП 14 марта 2013 г. («Проект реформы структуры Государственного совета и изменения полномочий»)¹². Можно утверждать, что уже сложился порядок приведения в действие реформы государственного управления (в официальных китайских документах именуется административной реформой или реформой структуры правительства). Целеустановку дает очередной съезд КПК, 2-й Пленум очередного созыва ЦК КПК рассматривает и принимает проект реформы, который затем обсуждается и принимается с поправками на первой сессии ВСНП. Таким же остался порядок рассмотрения и утверждения седьмой по счету реформы, начинающейся в 2013 г.

К моменту принятия решения о новой административной реформе, в Китае уже было проведено 6 аналогичных мероприятий: в 1982, 1988, 1993, 1998, 2003 и 2008 гг.

Стержнем предыдущей 6-й административной реформы XVII съезд КПК определял систему «больших министерств», за которыми закреплялась новая, более емкая конфигурация функций государственного управления. Министерства, управляя подведомственной сферой, концентрировали функции, ранее расплывшиеся между несколькими министерствами и ведомствами. Расчет делался на оптимизацию государственного управления — сокращение штата управленцев, уменьшение числа межведомственных согласований, сосредоточение кадрового потенциала ведущих специалистов.

В первом разделе Отчетного доклада ЦК КПК XVIII съезду была определена целевая установка для нынешней реформы государственного управления. По мнению заместителя председателя Китайского Общества по исследованию реформы системы административного управления, профессора Института административного управления

Ван Юйкая, теоретической основой административной реформы является экономический детерминизм, неизбежная зависимость изменений в надстройке от развития экономического базиса. Смысл административной реформы, по его мнению, в том, что внешней ее формой будет «система больших министерств», а содержанием — трансформация функций правительства как органа публичной политики¹³.

В пятом разделе Отчетного доклада «Продолжать развитие политического строя социализма с китайской спецификой, стимулировать реформу политической системы», были очерчены рамки реформы административной системы: «Нам предстоит уделять больше внимания улучшению форм партийного руководства и государственного управления для того, чтобы гарантировать эффективное управление государством со стороны народа под руководством партии»¹⁴. Целью административной реформы Отчетный доклад определял «создание социалистической административно-управленческой системы с китайской спецификой».

В соответствии с заданной целью в Отчетном докладе были предложены конкретные направления реформирования: 1) разделение функций административно-управленческого аппарата и хозяйственных функций предприятий, организаций, управляющих госактивами, учреждений непродуцированной сферы и общественных организаций; 2) создание «правительственных органов обслуживающего типа», отвечающих требованиям неподкупности, высокой эффективности, научной обоснованности функций, оптимальной структуры, соответствия интересам народа.

В соответствии с этими требованиями структура Государственного совета была сокращена до 26 министерств и ведомств министерского уровня (включая Канцелярию Государственного совета КНР). В целом, у членов нового кабинета более высокий образовательный уровень — 21 человек имеет степень магистра или доктора.

Начало реформы, как представляется, было продиктовано несколькими факторами.

Во-первых, политическим. На XVII съезде КПК прежним руководством партии было четко заявлено о необходимости разработки Проекта реформирования административного аппарата Госсовета. Был принят документ «Мнение об углублении реформирования системы административного управления», который определил общие направления административной реформы.

Во-вторых, управленческим. Смысл начавшейся реформы заключается в упрощении административных процедур и управления, предоставлении более широких полномочий административным органам на местах, искоренении бюрократизма и неповоротливости аппарата, устранении дублирования административных функций разными органами, унификации административных процедур.

В-третьих, экономическим. Появление новых сфер экономической деятельности требует специализированных органов управления, которые, по замыслу разработчиков, будут способствовать повышению качества предоставляемых услуг, сокращению расходов по содержанию громоздкого аппарата, снижению рисков и повышению экономической эффективности в условиях развивающегося экономического кризиса. За исключением инвестиционных, затрагивающих сферу государственной и общественной безопасности, упрощается административный контроль и процедуры по привлечению инвестиций в различные проекты — право на их утверждение и осуществление передается местным административным органам. Упрощаются разрешительные процедуры в сфере производственной деятельности, снижаются расходы для бизнеса по оплате административных процедур.

В-четвертых, правоохранительным (усиление борьбы с экономической преступностью, коррупцией, мошенничеством, защита прав интеллектуальной собственности и т.п.). Упразднение ряда министерств и ведомств и создание новых неизбежно повлечет за собой разрыв существующих коррупционных связей. Хотя официальной причиной уп-

разднения Министерства железных дорог названа необходимость разделения функций государственного управления в сфере железнодорожного транспорта от функций по управлению железнодорожным движением и оказанию услуг железнодорожных перевозок, основной причиной представляется масштабная коррупция и неэффективность данного министерства. Создание Главного государственного управления по контролю качества продуктов питания и медикаментов, несомненно, также будет способствовать усилению контроля в сфере безопасности продуктов питания.

Проект реформы, в частности, включал следующие положения.

1. Ликвидацию Министерства путей сообщений, создание Государственного управления по железным дорогам и Государственной компании по железным дорогам. Функции министерства по разработке технических стандартов эксплуатации железных дорог, контроля за безопасностью эксплуатации железных дорог, качеством оказания услуг железнодорожных перевозок и качеством железнодорожного строительства передаются создаваемому Государственному управлению по железным дорогам КНР в составе Министерства транспорта КНР. Функции управления железнодорожным транспортом, оказания услуг пассажирских, грузовых и специальных железнодорожных перевозок, строительством железных дорог будут переданы создаваемой Государственной компании по железным дорогам, которая будет нести и ответственность за безопасность железнодорожных перевозок.

2. Упразднение Министерства здравоохранения, Государственного комитета по населению и планированию рождаемости и создание единого Государственного комитета по здравоохранению и планированию рождаемости. В функции нового Комитета будет входить контроль над оказанием медицинских услуг и состоянием здравоохранения в стране, оказание государственных услуг в сфере здравоохранения и планирования рождаемости. Функции по исследованию и разработке стратегии, планов демографического развития и демографической политике переданы Государственному комитету по развитию и реформе КНР. Государственное управление по традиционной китайской медицине КНР, ранее находившееся в подчинении Министерства здравоохранения КНР, перейдет в подчинение нового Государственного комитета по здравоохранению и планированию рождаемости.

3. Создание Государственного управления по контролю и управлению за пищевой и лекарственной продукцией (ранее: Государственное управление по контролю качества продуктов питания и медикаментов). На новый орган дополнительно будут возложены функции Канцелярии Комитета Государственного совета КНР по безопасности продуктов питания, функции Главного государственного управления по контролю качества, инспекции и карантину КНР в части контроля над безопасностью продуктов питания на этапе производства и функции Главного государственного управления торгово-промышленной администрации КНР в части контроля над безопасностью продуктов питания на этапе реализации. Функции по разработке стандартов качества продуктов питания и оценке риска безопасности продуктов питания перейдут к Государственному комитету по здравоохранению и планированию рождаемости КНР. Функции по контролю над безопасностью сельскохозяйственных продуктов возложены на Министерство сельского хозяйства КНР, которому также переданы функции контроля за забоем скота, ранее относившиеся к Министерству коммерции КНР.

4. Создание Главного государственного управления по делам прессы, печати, радиовещания, кинематографии и телевидения (слиты воедино Главное государственное управление радиовещания, кинематографии и телевидения КНР и Главное государственное управление по делам прессы и печати). Новый административный орган будет также исполнять функции Государственного управления по делам интеллектуальной собственности в рамках и в части исполняемых задач.

5. Воссоздание в новом структурном виде Государственного управления по морям и океанам. Ему переданы функции морского пограничного контроля (ранее относились к Министерству общественной безопасности КНР), государственного управления в сфере рыболовства (ранее относились к Министерству сельского хозяйства КНР), следования по делам о контрабанде на море (ранее относились к Главному таможенному управлению КНР). Оно будет подчинено Министерству земельных и природных ресурсов КНР. Основные функции будут заключаться в разработке плана использования морской акватории, осуществление контроля над использованием морских ресурсов, защиту окружающей среды на морской территории КНР и правоприменение в области защиты суверенитета КНР в морской территории страны;

6. Воссоздание в новом структурном виде Государственного управления по энергетике. Будет подчинено Государственному комитету по развитию и реформе КНР. а основными функциями станет разработка и организация выполнения стратегии, планов и политики развития энергетики, изучение проблем развития и внесение предложений по осуществлению реформ в сфере энергетики, государственный контроль в сфере энергетики.

В целом, очередной 7-й этап китайской административной реформы не носит прорывного характера, суть и содержание реформы укладываются в существующую модель политического управления. Принципиальной новацией в очередной административной реформе является введение в опытный порядок прямого администрирования провинциальными правительствами уездов и городов уездного подчинения, что вызвано требованиями урбанизации.

Отсутствие принципиальной новизны в модели новой административной реформы вполне соответствует текущему политическому моменту — смене высшего руководства и переходу власти к руководителям пятого поколения. Поскольку фактор общественно-политической стабильности оценивается в правящих кругах КНР как приоритетный, ни политическая, ни административная реформы, по определению, не должны были выходить и не вышли за рамки, в которых они надежно контролируются политическим руководством страны. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что тенденция повышения роли права и закона в общественно-политической жизни КНР сохраняется и свидетельствует о глубоких изменениях, которые переживает китайская государственность.

1. Бэйцзин жибао. 2013. 19 марта. С. 1–2.
2. http://news.ifeng.com/mainland/special/2013lianghui/jizhehui_detail_2013_03_17_23191893_0.shtml.
3. Там же.
4. Цзинги жибао. 2011. 11 марта.
5. Диссертация Си Цзиньпина см. URL: (http://www.google.com.hk/search?hl=zh-CN&safe=strict&rlz=1G1GGGLQ&biw=1247&bih=829&tbn=isch&sa=1&q=%E4%B9%A0%E8%BF%91%E5%B9%B3%E8%AE%BA%E6%96%87&oq=%E4%B9%A0%E8%BF%91%E5%B9%B3%E8%AE%BA%E6%96%87&gs_l=img.12.0i2i24.6400.6600.0.8161.2.2.0.0.0.175.269.1j1.2.0...0...1c.1.5.img.9HyfXQ0pTFc).
6. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-12/30/content_674868.htm.
7. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2012-12/04/c_113907206.htm.
8. URL: http://www.gov.cn/jfjg/2013-04/25/content_2390566.htm.
9. См.: URL: http://news.xinhuanet.com/2013lh/2013-03/10/c_114970468.htm.
10. См.: Отчетный доклад Вэнь Цзябао. URL: http://news.xinhuanet.com/2013lh/2013-03/20/c_115091312_3.htm.
11. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/jfjg/fca/2012-08/31/content_1735731.htm.
12. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/dbdhhy/12_1/2013-03/15/content_1784337.htm.
13. <http://fangtan.people.com.cn/n/2013/0314/c147550-20792617.html>.
14. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.) // Экспресс-информация ИДВ РАН. 2012. № 7. С. 51.

Экономика Республики Корея: новые перспективы и вызовы

© 2013

С. Суслина, В. Самсонова

Авторы подводят основные итоги экономического развития Республики Корея за годы пребывания у власти президента Ли Мен Бака, анализируют результаты преодоления Южной Кореей кризисных тенденций, вызванных влиянием бюджетного кризиса стран Еврозоны и сокращением национального экспорта. Сопоставляются различные мнения и прогнозы относительно перспектив дальнейшего развития южнокорейской экономики.

Ключевые слова: экономика РК, финансовый кризис, креативная экономика, средний и малый бизнес.

Современный этап экономического развития Республики Корея определяется влиянием достаточно противоречивых процессов, идущих как внутри страны, так и на внешних рынках. По прогнозам, 2013 г. будет непростым для экономики РК, даже при том, что на фоне нестабильности в европейских странах Южная Корея пока чувствует себя достаточно уверенно. Главныйстораживающий симптом проявляется в том, что несмотря на все принимаемые правительством меры, рост южнокорейской экономики (2,5%) в 2012 г. оказался ниже среднемирового, причем отставание оказалось максимальным за последние 14 лет. Предвидя продолжение воздействия затянувшегося мирового кризиса, Банк РК понизил прогноз экономического роста страны и на текущий год с 3,6 до 2,8%¹. Однако, по прогнозу МВФ, Южная Корея способна несколько оживить прирост своей экономики до 3% в этом году при условии, если среднегодовой темп развития мировой экономики составит 3,6%². При этом нельзя отрицать, что в сравнении с предыдущим азиатским кризисом 1997—1999 гг. Республика Корея сравнительно безболезненно смогла преодолеть воздействие на ее экономику мирового финансового кризиса 2008—2010 гг. В то же время руководству страны во главе с президентом Ли Мен Баком не удалось «перезапустить» развитие национального хозяйственного комплекса с восстановлением прежних высоких темпов экономического роста в 6—7%.

Неудача постигла президента и в реализации его обещаний, данных в предвыборной программе под названием «747», в соответствии с которой страна должна была стать седьмой развитой экономикой мира, иметь среднегодовые темпы роста в 7%, а

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. Тел.: 8(499)129-00-77. E-mail: Suslina.SS@mail.ru.

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. Тел.: 8(499)129-00-77. E-mail: vikapak@yandex.ru.

среднедушевой доход должен был составить 40 тыс. долл. США. Мировой кризис, охвативший прежде всего развитые страны-основных контрагентов РК, похоронил ее надежды и планы на выполнение поставленных амбициозных задач. Страна в 2008—2009 гг. сползла в кризис, и прирост ее ВВП впервые за десять лет скатился до отрицательных значений (-0,9%). Правительству удалось нормализовать ситуацию к 2010 г., когда прирост ВВП достиг почти 6%. Однако и в последующие годы Южной Кореи так и не удалось преломить тенденцию скромных темпов развития на уровне 4—3%. В стране существенно замедлились темпы развития промышленного производства, налицо развитие инфляционных процессов. Оживлению деловой конъюнктуры пока мало способствует сравнительно низкая (2,75%) учетная ставка Банка РК. Внутриэкономическая ситуация сильно зависит от мировых условий торговли, которые для РК, особенно в последние два года, складываются с переменным успехом. Хотя в целом в своих внешнеэкономических связях Южная Корея пока еще сводит баланс в свою пользу, на отдельных направлениях у нее уже определились слабые места. РК стремительно теряет свою конкурентоспособность по сравнению с аналогичной, но более дешевой китайской продукцией. В то же время сужается экспорт Южной Кореи в США и страны Евразии, наиболее пострадавшие от кризиса. Зависимость от импортных энергоносителей оборачивается ростом стоимостных объемов импорта из-за высоких цен на нефть и газ.

Продолжающийся экономический кризис сопровождается ухудшением потребительских настроений в южнокорейском обществе. По данным национального статистического управления РК, средний доход домохозяйства, состоящего из двух и более человек, составил около 3,8 тыс. долл. США. Между тем, средний месячный уровень потребительских расходов составил примерно 2,26 тыс. долл. США, что всего на 1% больше, чем в 2011 г.³

Современная южнокорейская экономика характеризуется следующими показателями: к 2012 г. реальный валовой национальный продукт РК достиг 1,1 трлн долл. США, а ВНП на душу населения — 22 тыс. долл. США. Несколько более высокий показатель — это ВВП, исчисленный по ППС, объем его приближается к 1,4 трлн долл. США, а в пересчете на душу населения — 28 тыс. долл. США⁴.

Около 32% реального ВНП составляет доля промышленного сектора экономики, рост которого в доминирующей степени обеспечивался за счет крупнейших в стране компаний. Процесс монополизации экономики не только не тормозится, а напротив, получает дальнейшее ускорение вопреки декларируемым правительством, в том числе и Ли Мен Бака, мерам. Так, например, суммарная доля двух крупнейших монополий «Самсунг электроникс» и «Хёндэ мотор» в производстве ВНП в 2012 г. составила 26%. Хотя уровень безработицы в относительных показателях невысок (особенно в сравнении с другими странами ОЭСР) и составляет 3,2%, в абсолютном исчислении в 2007—2008 гг. он держался на уровне 3,5 млн чел., а с 2009 по 2011 гг. данный показатель приблизился к отметке 4 млн чел.⁵ При этом следует отметить, что по данным национальной статистики, все население страны составляет 49,8 млн чел., в том числе экономически активное — 25,1 млн чел., а занятые — 24,2 млн чел. В аграрном производстве занято 6,1% от всех работающих, в промышленности — 17%, а в третичном секторе — 76,9%⁶.

По объему валютных резервов (на конец декабря 2012 г. 326 млрд 970 млн долл. США) РК находится на седьмом месте в мире после Китая, Японии, России, Тайваня, Бразилии и Швейцарии⁷. Рост валютных резервов был обусловлен главным образом низким курсом доллара по отношению к другим валютам, а также притоком капитала из-за рубежа.

РК последовательно улучшает инвестиционный климат в стране, в частности, в целях привлечения притока иностранных инвестиций в свою экономику. Доказательством результативности государственной политики в сфере инвестиций являются следующие показатели: в первом квартале 2013 г. значительно увеличился объем прямых ино-

странных инвестиций в южнокорейскую экономику. Согласно сообщению Министерства торговли, промышленности и энергетики РК, за первые три месяца 2013 г. объем заявленных прямых иностранных инвестиций составил 3 млрд 400 млн. долл. США. Это на 45% больше аналогичного периода прошлого года. Если рассмотреть по отдельным странам, то американские инвесторы, которые инвестировали в недвижимость и предприятия, вложили в южнокорейскую экономику 1 млрд 700 млн долл. США, что в три раза больше чем за тот же период прошлого года. Инвестиции в сферу услуг увеличились на 170%, а инвестиции в обрабатывающую промышленность сократились на 23%⁸. В 2012 г. иностранные граждане приобрели облигации и акции южнокорейских компаний на сумму в 23,5 млрд долл. США, а общая стоимость акций, принадлежащих иностранцам, превысила 470 млрд долл. США (это более 32% всего южнокорейского рынка ценных бумаг)⁹.

Сегодня РК рассматривается международными экспертами как страна, благоприятная для ведения предпринимательской деятельности. В 2012 г. Южная Корея заняла 8 место среди 185 стран в рейтинге Международной финансовой корпорации и Всемирного банка «Doing Business»¹⁰. Более того, высокий уровень международной конкурентоспособности южнокорейской экономики отражают и позиции в рейтинге Всемирного экономического форума. В соответствии с результатами оценки конкурентоспособности стран, проводимой Всемирным экономическим форумом, страна входит в подгруппу 35 стран, находящихся на стадии инновационно-ориентированного развития. По индексу глобальной конкурентоспособности в 2012 г. среди 144 стран Республика Корея занимала 19-е место¹¹. Достаточно высокое положение Южной Кореи определяется следующими позициями по субиндексам: 65 место по индексу институциональной среды, по инфраструктуре (9 место), по макроэкономической стабильности (6 место), по эффективности товарных рынков (37 место), по зрелости финансового рынка (80 место), по восприимчивости к новым технологиям (18 место), по размеру рынка (11 место), по зрелости бизнеса (25 место), по инновационному капиталу (14 место). Но ее многие преимущества: 9 место по инфраструктуре, 6 место по макроэкономической стабильности, а также хорошие позиции по здравоохранению и начальному образованию, высшему образованию и переподготовке кадров, восприимчивости к новым технологиям, размеру рынка, инновационному потенциалу перекрываются низким уровнем институциональной системы, недостаточной зрелостью финансового рынка, а также низкой эффективностью рынка труда.

В свою очередь, Южная Корея в последние годы активно наращивает экспорт капитала за рубеж, хотя в прошлом году прямые инвестиции южнокорейских предпринимателей сократились на 14%, составив 39 млрд долл. США. Между тем, впервые за последние пять лет объем инвестиций в промышленный сектор превысил аналогичный показатель в сфере природных ресурсов (соответственно: 10,5 против 9,88 млрд долл.США)¹².

Несмотря на позитивные в целом оценки эффективности государственных мер по предотвращению негативного влияния мирового кризиса на экономику страны, одной из основных задач для правительства РК на ближайшую перспективу является подготовка к возможной новой волне мирового финансового кризиса, которая в той или иной степени может затронуть практически все сферы экономической жизни страны.

Также Южную Корею беспокоит нестабильность в ведущих мировых экономиках — ее основных торговых партнерах (США, страны ЕС и др.). Объемы торговых потоков в эти регионы сокращаются и, как следствие, в Южной Корее уже наметилась тенденция сокращения объемов промышленного производства (объем промышленного производства в июле 2012 г. оказался на 1,6% ниже показателя предыдущего месяца) и объемов экспорта, величина которого понизилась в июле 2012 г. на 4,1% по сравнению с тем же месяцем 2011 г.

Непростая ситуация сложилась и с государственным долгом страны. Хотя финансовые компании РК в 2012 г. выплатили в общей сложности 62% госзаймов, полученных во время валютного кризиса 1997 г. то есть с ноября 1997 г. по октябрь 2012 г. было возвращено около 96,8 млрд долл. США из выделенных 149 млрд долл. США, по прогнозам на 2013 г., госдолг РК составит 418 млрд долл. США¹³. При этом половина внутренних долгов страны остается лежать на плечах простых граждан РК.

Развитие экономики РК в текущем году также во многом будет определяться ходом реализации мер, разработанных правительством РК для преодоления имеющихся негативных тенденций. На развитие экономики РК в 2013 г. будут оказывать негативное влияние следующие факторы:

- усугубление негативных явлений, вызванных новой волной мирового финансового кризиса, в том числе затронувшей основных внешнеэкономических партнеров Южной Кореи;

- уменьшение внешнеэкономической активности на фоне незначительного роста внутреннего потребления;

- замедление темпов производства;

- рост безработицы (однако, не такими высокими темпами, как в других странах);

- сохранение высоких мировых цен на нефть, что отрицательно сказывается на экономике страны, почти полностью зависящей от зарубежных поставок энергоносителей.

Снижение конкурентоспособности южнокорейских производителей на фоне усиления внешнеэкономических позиций Китая и ряда развивающихся стран, затянувшийся кризис у европейских партнеров — вот основные проблемы, которые Южной Корее придется решить уже в ближайшей перспективе. Сложившиеся как внутренние, так и внешнеэкономические факторы побуждают страну к кардинальному пересмотру экономической стратегии РК.

В экономической программе нового президента г-жи РК Пак Кын Хе приоритет отдан проблемам социально-экономического развития. Это не только потому, что нарастание экономических проблем, связанных с мировым финансовым кризисом идет параллельно с обострением социально-экономического положения в РК. Следует отметить, что хотя Республика Корея по многим показателям находится на хорошем счету в отчетности ОЭСР, по отношению расходов на социальное обеспечение к ВВП РК находится на последнем месте среди стран-членов этого клуба развитых стран. В 2009—2010 гг. расходы на социальное обеспечение составляли 9,4% южнокорейского ВВП, тогда как во Франции — 32%. Дании — 30%, а среднестатистический показатель по ОЭСР — 22%¹⁴.

Новый президент выдвигает в число приоритетов своего политического курса проблемы простого человека, обещаая социальные гарантии и благополучие для каждого. В своей инаугурационной речи она предложила «сотворить второе чудо на реке Ханган, возродив экономику и осуществив ее демократизацию». Новое правительство намерено стать своего рода медиатором в южнокорейском обществе, а именно, политика будет следовать принципу «креативного сосуществования», преследуя одновременно и в равной мере цели: совершенствования общественного благосостояния, повышения динамики рынка и социального доверия. В частности, перед правительством РК наиболее остро стоят вопросы расширения и удержания влияния РК на мировой экономической арене, поиск новых конкурентных преимуществ, создания нового типа экономики — креативной экономики, повышения занятости и снижения уровня безработицы и др.¹⁵

Основой креативной экономики являются научно-технические разработки в различных сферах. В настоящее время Республика Корея входит в десятку стран, имеющих самые высокие показатели по расходам на научные разработки (к ВВП). Показательная динамика расходов на НИОКР: если в 1970 г. они составляли 0,4% от ВВП страны, то в 2010 г. — около 4%. При этом более 2/3 составляли ассигнования частного сектора¹⁶. По данным американского агентства Bloomberg, РК в 2012 г. заняла второе место среди нан-

более инновационных стран. Этот показатель рассчитывался по семи критериям, среди которых значатся: интенсивность НИОКР, уровень развития высоких технологий, число исследователей, уровни производительности труда и образования и т.д. В сфере патентной активности РК заняла первое место. Южная Корея стала 11-й страной в мире, вошедшей в так называемый «космический клуб». Поменялся и характер НИОКР: от простых внедрений импортных технологий и частичной их адаптации к местным условиям до собственных инновационных разработок. Это привело к сокращению импорта технологий¹⁷. В настоящее время НИОКР Республики Корея охватывают следующие направления инновационного развития: новые виды энергии, новые материалы, авиация и космос, автомобилестроение, электроника, биотехнологии и геновая инженерия.

Приоритетами научных изысканий становятся поиски новых видов энергии и снижение уровня зависимости страны от традиционных источников энергии за счет стратегии «зеленого роста» и перехода к «низкоуглеродистой» экономике. К 2030 г. долю «чистой» энергии в энергобалансе страны предполагается увеличить с нынешних 19% до 39%. При этом атомная энергетика рассматривается южнокорейцами как наиболее подходящая альтернатива традиционным энергоресурсам: ее доля должна вырасти с 16% до 28%. Это связано как с наличием в РК собственной технологической базы в области использования мирного атома (локализация производства — 95%), так и с инициативно взятыми южнокорейским правительством обязательствами по сокращению к 2020 г. на 30% эмиссии парниковых газов.

В своей инаугурационной речи Президент РК Пак Кын Хе выступила за создание честной, справедливой экономики, в которой средний и мелкий бизнес будет процветать, функционируя в сотрудничестве с крупным¹⁸. Глава государства отметила необходимость полностью изменить структуру экономики в условиях замедления роста внешней и внутренней торговли. Для этого она предложила принципы реализации креативной экономики на основе предоставления возможности малым предприятиям повысить конкурентоспособность на мировом рынке. Решение этой проблемы является актуальной задачей, в настоящий момент концентрация экономической власти в руках десяти крупнейших промышленно-финансовых конгломератов РК, по данным Национального статистического управления РК и Корейской Фондовой биржи, существенно увеличилась. Совокупный объем продаж 539 компаний, входящих в состав десяти крупнейших промышленно-финансовых конгломератов страны, исключая банки, страховые компании и компании-операторы ценных бумаг, составил в 2010 г. 756 трлн вон (41% общего объема продаж компаний производственного сектора экономики). Влияние конгломератов на фондовый рынок также растет. Если в конце 2009 г. общая стоимость их акций составляла 448 трлн вон, то в августе 2010 г. — уже 698 трлн вон (52% национального фондового рынка)¹⁹.

Реальный сектор является основой южнокорейской экономики и определяет в целом достаточно высокий уровень ее развития и международной специализации. В нем доминируют отрасли обрабатывающей промышленности, производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью. В настоящее время РК располагает развитым многоотраслевым промышленным комплексом, основу которого составляют его наиболее конкурентоспособные на мировом рынке производства: металлургия, транспортное машиностроение, автомобилестроение, судостроение, электроника, химия и нефтехимия.

Южная Корея производит стальной прокат, включая горячекатаную и холоднокатаную листовую сталь, оцинкованные листы и листовой прокат из нержавеющей стали, стальную арматуру, стальные трубы, стальные балки и профили, проволоку, толстолистовой прокат и жести. В 2010—2011 гг. основной объем выпуска сталелитейной продукции Республики Корея приходился на одного из ведущих мировых производителей стали — южнокорейскую компанию «POSCO». Компания является третьей крупнейшей

сталелитейной компанией в мире (в 2011 г. объем производства составил 38,5 млн т не-рафинированной стали).

В 2011 г. доля РК в мировом производстве автомашин составила 5,9%, что обеспечило ей 5-е место в мировом рейтинге стран-производителей автотранспортных средств. Ведущими южнокорейскими автопроизводителями являются: «Hyundai Motor Company»; «Kia Motors Corporation»; «GM Daewoo Auto & Technology Company» (DW-GM Korea); «Renault Samsung Motors»; «SsangYong Motor Company». С 2007 г. «Hyundai Motor Company» является пятым ведущим автопроизводителем в мире.

Республика Корея является мировым лидером в производстве крупных морских торговых судов, плавучих установок для добычи, хранения и выгрузки нефти и газа (FPSO), а также глубоководных буровых судов. В 2011 г. на Южную Корею пришлось свыше 65% размещенных в мире заказов на танкеры для перевозки сжиженного природного газа и сверхкрупные контейнеровозы, а также 59% глобального спроса на плавучие установки, обслуживающие морские нефтегазовые месторождения²⁰. Доля местного оборудования и компонентов в южнокорейском производстве морских торговых судов составляет 80%.

Третичный сектор экономики Южной Кореи, особенно в 2000-е гг. отличает высокий динамизм развития. Хотя значительные изменения охватили все отрасли этого сектора, наибольшие трансформации произошли в транспорте, образовании, информационно-коммуникационных услугах. Следует отметить, что в этой области РК с особым интересом следит за изысканиями и опытом Японии, пытаясь также модернизировать сектор услуг на основе новейших технологий и сделать их доступными всем регионам страны. Республика Корея имеет репутацию одного из лидеров в области информационных технологий. В течение последних 30 лет Республика Корея демонстрирует рекордно высокие темпы развития в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и к 2012 г. прочно вошла в число мировых лидеров по уровню распространенности и доступности услуг данного сектора, рассматриваемого правительством в качестве одного из главных «локомотивов» южнокорейской экономики. В 2011 г. около 21% ВВП Южной Кореи и 32% ее доходов от экспорта определялись сферой ИКТ. Республика Корея занимает первое место в мире по использованию широкополосных систем связи, 79,5% (около 18 млн) жилых домов имеют высокоскоростное подключение к Интернету. Южная Корея находится на лидирующих позициях в области технологий мобильной связи и одной из первых в мире стран начала коммерческое использование технологий 3G, 3G+ и 4G.

В настоящее время Южная Корея имеет достаточно развитый аграрно-промышленный комплекс. Южная Корея почти полностью обеспечивает себя рисом (но до 7,5% от общего объема потребления должна ввозить из-за рубежа по условиям ВТО), на 50% — говядиной (статья импорта по условиям ССТ с США), на 80% — свиной, на 60% — куриным мясом, на 60% — пшеницей, на 40% — соей, на 50% — кукурузой, на 60% — ячменем, на 100% — фруктами и овощами. В 2012 г. Южная Корея собрала 4,1 млн тонн риса, что на 3,5% ниже показателя 2011 г.²¹ Сокращение урожайности риса продолжается с 2010 г. и вызвано прошедшими через территорию РК тайфунами и сокращением посевных площадей.

Проблемами АПК являются: сокращающаяся рабочая сила и старение проживающего на селе населения (ныне городское население составляет около 70% всего населения), сокращающиеся земельные угодья из-за урбанизации и снижения плодородия земли, изменение традиций южнокорейского общества, ужесточение конкуренции со стороны импортной продукции (особенно с учетом действующих соглашений о свободной торговле с Чили, США и АСЕАН).

Южная Корея обладает в значительной степени развитым топливно-энергетическим комплексом, на потенциал развития которого существенно влияет узо-сть

энергетической базы. РК является третьим после Китая и Японии крупнейшим энергоимпортером в Восточной Азии. Являясь нетто-импортером энергоносителей, страна занимает 2-е место в мире по импорту угля и сжиженного природного газа (СПГ), 4-е место по импорту и 6-е место по потреблению сырой нефти; по объему стратегических резервов нефти РК уступает в АТР только Японии. Наиболее энергоемкие отрасли — нефтехимическая, сталелитейная и цементная — потребляя 80% всей вырабатываемой в стране электроэнергии, производили меньше 30% ВВП. В структуре энергобаланса пока доминирует нефть, но ее доля, а также доли угля и гидроэнергии в перспективе к 2020 г. должны сократиться (нефти — с 48,9 до 44,8%, угля — с 22,2 до 20,1%, гидроэнергии — с 0,5 до 0,4%, в то время как возрастет доля газа (с 12,8 до 15,4%), ядерного топлива (с 13,8 до 16,7%), возобновляемых источников энергии (с 1,6 до 2,7%)²².

Внешнеэкономические связи

Внешнеэкономическая сфера играет ключевую роль в экономическом развитии Республики Корея. С 2011 г. Южная Корея входит в число восьми крупнейших торговых держав мира. Внешнеторговая квота РК составляет почти 100%, при этом экспортная — более 50% ее ВВП. Южная Корея стала важным звеном в цепочке международного движения товаров и услуг, капиталов и технологий.

В 2012 г. в основном из-за снижения спроса в странах еврозоны, южнокорейский экспорт сократился на 1,3% до уровня 548 млрд 200 млн долл. США. Рост курса южнокорейской валюты по отношению к доллару в 2012 г. снизил экспортные и импортные цены. В 2012 г. впервые за 15 лет торговый баланс РК с Евросоюзом оказался для нее отрицательным и составил 1 млрд долл. США. Причиной стало сокращение объема экспорта судов, беспроводного коммуникационного оборудования, полупроводников из-за замедления темпов роста экономики ЕС на фоне бюджетного кризиса в Европе. Это негативное явление было более чем уравновешено профицитом торгового баланса РК с КНР, составившем более 53 млрд долл. США. Доля Китая в общем объеме южнокорейского экспорта возросла до 24,5%²³. Однако в феврале 2013 г. по данным Министерства экономики знаний РК экспорт в КНР упал на 5%, США — 11%, ЕС — 18%, Японию — 15,9%²⁴.

Основные торговые партнеры Республики Корея в 2011—2012 гг.

(млрд долл. США)

2011 год				2012 год			
Страна	Экспорт	Импорт	Объем торговли	Страна	Экспорт	Импорт	Объем торговли
КНР	134,2	86,4	220,6	КНР	134,32	80,78	215,1
Япония	56,2	68,3	124,5	Япония	38,79	64,36	103,15
США	39,7	44,6	84,3	США	58,52	43,34	101,86
Саудовская Аравия	31,0	37,0	68,0	Саудовская Аравия	9,11	39,7	48,81
Австралия	20,8	26,3	47,1	Австралия	9,25	22,98	32,23
Германия	18,2	20,7	38,9	Германия	7,5	17,64	25,14
Россия	11,6	13,3	24,9	Россия	10,99	13,89	24,88

Источник: Таможенная служба РК. URL: <http://www.customs.go.kr/keshome/trade/TradeCountryList.do>. По данным ФТС России. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfs&view=category&id=125&Itemid=1976

В то же время Южной Корее удалось выйти на 7-е место в мире по объему экспорта. Внешнеторговый оборот Южной Кореи второй год превышает 1 трлн долл. США. В 2012 г. он составил 1067,7 млрд долл. США (падение по сравнению с 2011 г. на 1%).

Южная Корея четвертый год подряд сохраняет положительный торговый баланс: в 2012 г. в размере 28,5 млрд долл. США.

Во внешнеэкономической политике новое правительство скорее всего продолжит курс прежнего правительства Ли Мен Бака — курс на торговую либерализацию и развитие регионального и глобального сотрудничества. В первую очередь, это касалось заключения соглашений о свободной торговле с рядом стран. Несмотря на относительно позднее заключение Соглашений о свободной торговле (ССТ) (2004 г.), в настоящее время в РК действуют 9 соглашений, включая недавно заключенное с Колумбией. Еще 7 соглашений находятся в процессе проработки. Южная Корея уже подписала такие соглашения с Чили, Сингапуром, Европейской ассоциацией свободной торговли, объединяющей Швейцарию, Норвегию, Исландию, Лихтенштейн, США, ЕС. Помимо этого, РК заключила соглашение о свободной торговле с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), касающиеся промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции²⁵. Южная Корея ведет активные переговоры о ССТ с Японией, КНР и Россией.

Большое значение для экономики РК имеют отношения в треугольнике Корея—Япония—КНР. Начиная с 1999 г., проводятся ежегодные встречи на уровне глав государств и правительств Японии, Китая и Республики Корея, где упор делается на обсуждение экономических проблем. К созданию ЗСТ трех стран уже давно сложились достаточно весомые предпосылки. Это нарастающий экономический потенциал и высокий динамизм развития этих стран, суммарный объем ВВП трех стран в настоящее время составляет более 15 трлн долл. США. За период с 1998 по 2011 г. товарооборот между ними возрос более чем пять раз, с 130 млрд до 690 млрд долл. США, а в 2010 г. они обеспечивали 18,5% всех мировых экспортных поставок. Три державы накопили самые крупные запасы мировых валютных резервов, которые в 2011 г. достигли почти 5 трлн долл. США²⁶.

Отношения РФ и РК

По данным ФТС России, внешнеторговый оборот Российской Федерации с Республикой Корея в 2012 г. составил 24,88 млрд долл. США, в том числе российский экспорт — 13,89 млрд долл. США, импорт из Республики Корея — 10,99 млрд долл. США²⁷. В январе-феврале 2013 г. оборот составил 3,38 млрд долл. США (экспорт — 1,87 млрд долл. США, а импорт — 1,51 млрд долл. США)²⁸. Россия занимает 13-е место среди внешнеторговых партнеров Республики Корея, в том числе 11-е по экспорту и 13-е по импорту.

Товарооборот между Россией и Республикой Корея в 2004—2012 гг. (по данным ФТС России)

	(млрд долл. США)						
	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
ОБОРОТ	9,3	15,0	18,3	10,6	17,7	25,0	24,88
<i>динамика в %</i>	145,3	161,3	122,0	57,4	168,0	140,9	
ЭКСПОРТ	2,5	6,2	7,8	5,7	10,4	13,4	13,89
<i>динамика в %</i>	115,9	225,5	126,3	73,0	184,0	128,2	
ИМПОРТ	6,8	8,8	10,5	4,9	7,3	11,6	10,99
<i>динамика в %</i>	169,3	130,3	119,0	45,9	149,4	159,1	
САЛДО	-4,3	-2,6	-2,7	-0,8	3,1	1,8	2,9

В структуре российского экспорта в Республику Корея доминируют поставки сырьевых товаров: топливо и минеральные продукты (78,6%), металлы и изделия из них (9,0%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (7,8%). Структуру им-

порта формируют: машины, оборудование и транспортные средства (77,7%), продукция химической промышленности (10,8%), металлы и изделия из них (5,0%).

Что касается инвестиционного сотрудничества, то по итогам III квартала 2011 г. общий объем накопленных южнокорейских инвестиций в российскую экономику составил 2 млрд 773 млн долл. США.

Основные инвестиционные проекты:

На сегодняшний день одним из перспективных направлений российско-южнокорейского сотрудничества является сотрудничество в области автомобилестроения. Что касается проекта по строительству автозавода, то в феврале 2008 г. компания Hyundai Motor Company заключила Меморандум о строительстве автомобильного завода в Санкт-Петербурге. «Хендэ Моторс» — это шестой по счету зарубежный завод Hyundai Motor Company³⁰. Сумма инвестиций в данный проект составила около 500 млн евро. 17 января 2011 г. на заводе "Хендэ Моторс" в Санкт-Петербурге с конвейера сошел первый серийный автомобиль Hyundai Solaris, ознаменовав начало массового производства автомобилей Hyundai в России. Завод работает в режиме полного производственного цикла, начиная со штамповки панелей и заканчивая сборкой автомобиля, и является первым промышленным предприятием подобного рода среди зарубежных автопроизводителей в России. В настоящее время производственная мощность завода «Хендэ Моторс» позволяет производить до 150 тыс. автомобилей в год.

В судостроении: Россия входит в число стран, заказывающих суда в Республике Корея³⁰. В настоящее время образован Специальный комитет для рассмотрения и реализации конкретных направлений и проектов сотрудничества. В комитете предусмотрены две секции: «проектирование и производство» и «исследование и технологии судостроения». Сотрудничество в судостроении получило новый толчок в связи с заключением Соглашения между ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» (ОСК) и корейской компанией Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering Co. Ltd. (DSME) о реализации совместного инвестиционного проекта по созданию верфи «Звезда-DSME» в бухте Большой Камень (Приморский край). Российской стороне будет принадлежать 80,5% долей уставного капитала совместного предприятия, южнокорейской — 19,5%. Объем инвестиций в строительство новой верфи составит около 948,3 млн. долл. США, производительная мощность — 4—6 единиц в год. Кроме того, 26 июня 2010 г. состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве между ОСК и корейской компанией STX Offshore & Shipbuilding Co., LTD. В дальнейшем планируется создание совместного предприятия по строительству верфи в г. Кронштадт, куда ОСК намеревается перевести мощности Адмиралтейских верфей. Общая стоимость проекта составит более 700 млн долл. США. Кроме того, предусматривается совместное строительство судов ледового класса и создание Центра арктических технологий³¹.

В настоящее время также реализованы или находятся в стадии реализации следующие инвестиционные проекты с участием компаний из Республики Корея:

– Завод по производству бытовой электроники LG Electronics в г. Руза Московской области (объем инвестиций — 150 млн долл. США);

– Завод по производству бытовой техники «Самсунг электроникс РУС Калуга» в Боровском районе Калужской области (объем инвестиций — 137 млн долл. США);

– Кондитерская фабрика южнокорейской компании Lotte Confectionery Ltd., входящей в состав холдинга Lotte Group, в Калужской области. Инвестиции в проект составили около 100 млн долл. США. На заводе создано более 300 рабочих мест;

– Завод по сборке автобусов и грузовиков марки Hyundai в Кемеровской области — совместное предприятие южнокорейского концерна и компании «КузбассАвто», инвестиции в строительство и оснащение предприятия составили более 14,5 млн долл. США;

– Предприятие пищевой промышленности ООО «Доширак-Рязань» в г. Рязань, учредителем которого является южнокорейская компания Yakult Co. Ltd. На предприятии создано 200 рабочих мест. Объем инвестиций — 25 млн долл. США:

– Завод по производству табачных изделий KT&G в Боровском районе Калужской области. Стоимость проекта — 165 млн долл. США. Мощность завода — до 15 млрд единиц продукции в год;

– Завод по производству полиэтилентерефталата и терефталевой кислоты компании KP Chemical на территории Особой экономической зоны (ОЭЗ) «Алабута» в Республике Татарстан (объем инвестиций — около 170 млн долл. США)³²;

– Подписание Меморандума о взаимопонимании между ОАО «Мечел» и южнокорейской компанией POSCO о создании совместного предприятия по производству листовой холоднокатаной стали с объемом производства 50 тыс. т продукции в год;

– ОАО «Федеральная сетевая компания» (ФСК ЕЭС) и компания Hyundai Heavy Industries реализовали в Приморском крае проект по вводу в эксплуатацию первого в России завода по выпуску высоковольтных комплектных распределительных устройств с элегазовой изоляцией. Договоренность о сотрудничестве ФСК ЕЭС с компанией Hyundai Heavy Industries была достигнута в 2010 г. во время визита Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в Республику Корея. Общая стоимость проекта составляет около 32,3 млрд долл. США. Запуск завода в эксплуатацию состоялся в январе 2013 г.

– В декабре 2012 г. Фонд «Сколково» и компания Samsung Electronics подписали Соглашение о создании Центра научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) южнокорейской компании. Согласно этому документу, в 2016 г. бюджетный оборот нового Центра должен достигнуть 7 млн долл. США. Кроме того, к этому же сроку планируется создать 50 рабочих мест для высококвалифицированных сотрудников, 85% из которых — исследовательский персонал, причем 30% будут иметь ученую степень. К 2020 г. предполагаемый объем инвестиций компании в разработку научно-исследовательского центра в Сколково составит около 42 млн долл. США. Сразу три кластера инновационного центра «Сколково» — информационных, биомедицинских и энергоэффективных технологий — будут развивать сотрудничество с Центром НИОКР компании Samsung Electronics³³.

Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Республики Корея является важной составной частью двусторонних связей, а также значимым фактором в стимулировании социально-экономического развития сопредельных регионов двух стран. Одним из лидеров в региональном сотрудничестве является Сахалинская область. В 2011 г. внешнеторговый оборот Сахалинской области с Республикой Корея составил 7,4 млрд долл. США и увеличился по сравнению с 2010 годом в 1,7 раза³⁴.

Динамика внешней торговли Сахалинской области с Республикой Корея

(млн долл. США)

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Внешнеторговый оборот Сахалинской области — всего	9037,1	10068,1	8598,8	12771,8	17174,9
Внешнеторговый оборот области с Республикой Корея	4498,0	4826,8	2989,1	4437,0	7358,8
Удельный вес во внешнеторговом обороте области, %	49,8	47,9	34,8	34,7	42,8
Экспорт	3642,2	4729,8	2937,1	4381,1	7268,5
Импорт	855,8	97,0	52,1	56,0	90,3
Сальдо	2786,4	4632,9	2885,0	4325,1	7178,2

Источник: Министерство инвестиций и внешних связей Сахалинской области³⁵.

Развитие Сибири и Дальнего Востока — один из приоритетов государственной политики России. За последние 9 лет инвестиции в приморскую экономику возросли более чем в 16 раз. В 2010 г. сюда было направлено 250 млрд руб. В ближайшие пять лет предполагается привлечь еще порядка 2 трлн руб. инвестиций³⁶. Однако без полноценного сотрудничества с зарубежными партнёрами, без привлечения иностранных инвестиций и технологий — решить задачи по опережающему развитию Востока России будет непросто. В настоящее время необходима разработка внешнеэкономических мер для торможения продолжающегося экономического кризиса в этом регионе. Речь идет о том, чтобы интенсифицировать процесс «втягивания» экономик других государств (прежде всего стран СВА) в экономические проекты на территории Сибири и Дальнего Востока России, выгодные экономически или геополитически и для других стран. Девять субъектов Российской Федерации, находящиеся в Сибири и Дальнем Востоке России, занимают в силу своего географического положения, природного и производственного потенциала особое положение в интеграции со странами СВА. Включение России в механизмы интеграции этого региона естественным образом дополняет внутрисоссийские планы социально-экономического развития, в первую очередь, проекты интенсивного подъема Дальнего Востока. Одной из мер этого подъема может стать развитие долгосрочных кооперационных связей с РК. На этом направлении уже осуществляются взаимовыгодные проекты, предусматривающие создание крупных и взаимоориентированных экспортных производств.

Как показывает международный опыт, узкую базу взаимного сотрудничества можно расширить за счет увеличения взаимного инвестирования и создания интегрированных производственных связей. Для этого России необходимо пересмотреть некоторые аспекты законодательной базы для иностранных инвесторов в сторону ее либерализации, привлекательности, а главное, стабильности (южнокорейских инвесторов в их стремлении инвестировать в Россию останавливает недостаточная правовая стабильность, которая сопровождается принятием все новых законодательных актов в сторону усложнения работы иностранных инвесторов. В частности, таким примером стало введение новых правил для иностранных инвесторов в автомобильной сфере)³⁷.

Также южнокорейскими предпринимателями было отмечено, что основными проблемами для инвестирования в РФ являются: коррупция, административные барьеры, высокие налоги, высокие расходы на заработную плату служащим, слабая производственная инфраструктура и др. С ними согласны и эксперты Всемирного Банка, подготовившие рейтинг стран по показателю простоты организации и ведения бизнеса для иностранных инвесторов, Россия в этом списке в 2012 г. заняла всего лишь 112 место³⁸.

Представляется, что масштабы взаимодействия Южной Кореи и России могут быть гораздо более широкими и насыщенными. Основаниями для этого служит целый перечень проектов и договоренностей, которые либо были «заморожены» и ждут своего часа, либо очень медленно прорабатываются из-за нерешенности упомянутых выше проблем.

Весьма перспективными направлениями для всех трех стран (России—КНДР—РК) могли бы стать три приоритетных вектора: развитие альтернативных источников энергии и энергетическая безопасность, обеспечение устойчивого экономического роста, гармонизированного с окружающей средой, и «зеленый рост», направленный на борьбу с изменением климата. Определенную взаимодополняемость можно увидеть в общем стремлении каждой из трех стран развивать инновационные отрасли и сферы экономики.

Для Северной Кореи сейчас остро актуально содействие «зеленому росту» (в частности, для КНДР важны новые методы в разработке сельхозугодий, развитии новых видов агрокультур, устойчивых к переменам климата, наводнениям и др.) и получение соответствующих технологий.

Для Южной Кореи — это поддержание устойчивого развития, экологическая индустрия, низкоуглеродная экономика, альтернативные и возобновляемые источники энергии. Для России важно достижение устойчивого развития, поддержание экологии, новые технологии в сельском хозяйстве. (О чем, кстати, было заявлено на прошедшем в августе 2012 г. Двенадцатом заседании Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству). С учетом этого и других возможных векторов прослеживается хорошая основа возможной координации совместных усилий.

Двустороннее сотрудничество могло быть развернуто и вовне, то есть в рамках трехстороннего, четырехстороннего и шестистороннего на Корейском полуострове и многостороннего в рамках АТР. Участие России в интеграционных процессах в АТР и СВА — это, прежде всего, выгода для ее регионов Сибири и Дальнего Востока. В условиях слабой экономической интеграции российского Дальнего Востока с центром, развитие производственной кооперации, транспортной системы и логистики в формате тесных связей с государствами СВА, должно принести этим регионам России положительные результаты в социально-экономической модернизации. В свою очередь, Россия может быть чрезвычайно интересна этим странам как кладь природных ресурсов, научно-технической мысли, производственного потенциала.

1. Economic Outlook for 2013. The Bank of Korea. Research Department. January 11, 2013. P. 1–2.
2. KBS WORLD. 11. 01.2013.
3. Monetary Policy Report. The Bank of Korea. September 2012: KBS WORLD. 16. 11.2012.
4. Monetary Policy Report. The Bank of Korea. September 2012: KBS WORLD. 28. 01.2013.
5. KBS WORLD. 04. 01.2013.
6. National Statistical Office. Ministry for Food, Agriculture, Forestry and Fisheries. 2012.
7. KBS WORLD. 04. 01.2013.
8. <http://www.k-window.com/economics/obem-pryamyh-inostrannyh-investitsij-v-koree-v-pervom-kvartale-uvlechilsya-na-45/>
9. KBS WORLD. 04. 01.2013.
10. <http://www.doingbusiness.org/rankings>.
11. <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>.
12. KBS WORLD. 26.02.2013.
13. KBS WORLD. 02.10.2012.; KBS WORLD. 30.11.2012.
14. KBS WORLD. 26.12.2012.
15. <http://english.president.go.kr/government/goals/goals.php>.
16. The Korean Economy. Si[Decades of Growth and Development. Korea Development Institute. Seoul, 2010, p. 094.
17. Там же.
18. http://english.president.go.kr/pre_activity/speeches/speeches_view.php?uno=7622&board_no=E03&search_key=&search_value=&search_cate_code=&eur_page_no=1.
19. KBS WORLD. 17.08.2011.
20. KBS WORLD. 19.12. 2011.
21. KBS WORLD. 15.10.2012.
22. М.М. Стеклов. Проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи. М.: NAVONA. 2009.С.46.
23. KBS WORLD 11. 02.2013.
24. KBS WORLD 14.01.2013.
25. Суелина С., Самсонова В. Южнокорейская проекция мирового финансового кризиса. //Проблемы Дальнего Востока. — 2009, № 4.
26. Суелина С. Новое интеграционное трио в мировой экономике. 07.06.2012. [Электронный ресурс] //Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. URL:http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=459 (дата обращения: 21.07.2012).

27. По данным ФТС России.
http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfls&view=category&id=125&Itemid=1976.
28. По данным ФТС России.
http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=17364&Itemid=1976.
29. <http://old.hyundai.ru/ru/spb/aboutspb/>.
30. По состоянию на конец 2008 года корейские верфи были загружены 32 судами суммарным дедевейтом около 2,7 млн. т. В настоящее время для ОАО «Совкомфлот» на корейских верфях в постройке находятся три танкера для перевозки сырой нефти дедевейтом 157 тыс.т (Daewoo Shipbuilding & Marine), два танкера для перевозки сырой нефти дедевейтом 145 тыс.т (Hyundai Heavy Industries), четыре продуктовоза дедевейтом 112 тыс. т (Hyundai Samho Heavy Industries) и челночный танкер дедевейтом 72,7 тыс. т (Samsung Heavy Industries Co.). Для Приморского морского пароходства на верфи Hyundai Heavy Industries строятся два танкера для перевозки сырой нефти дедевейтом 91,4 тыс. т, два продуктовоза дедевейтом ок. 103 тыс. т, два танкера дедевейтом 146,6 тыс. т, на верфи STX Shipbuilding CO Lid строятся 6 продуктовозов дедевейтом по 51 тыс. т.
31. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/kr_ru_relations/kr_rus_projects/
32. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/kr_ru_relations/kr_rus_projects/
33. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/kr_ru_relations/kr_rus_projects/
34. <http://mininvest.admsakhalin.ru/korea>.
35. KBS WORLD 13.10.2012.
36. <http://www.kremlin.ru/news/9467>.
37. По данным РБК (журнал РБК № 4 за 2011 г. с. 34) проблема заключается в вводимых новых правилах на авторынке. Теперь, чтобы 8 лет пользоваться льготными тарифами на импорт автокомпонентов и ввозить готовую продукцию без пошлин, необходимо увеличить мощности заводов до 300 тыс. машин в год, построить здесь производство комплектующих и штамповки, а также оснащать треть авто российской сборки отечественными же двигателями или коробками передач. Одним словом довести степень локализации до 60%. Для сравнения, прежний режим промсборки обеспечивал льготы для инвесторов, готовых запустить в России заводы мощностью всего лишь 20 тыс. авто в год. Новое постановление вступило в силу с начала февраля 2011 г., а 1 марта закончился период подписания с теми, кто готов поработать в соответствии с условиями этого постановления. Готовность работать по новым условиям выразили не все. Hyundai Motor, уже построивший под Петербургом свой завод мощностью 150 тыс. авто и фактически достигший 50-% локализации, объявил, что не будет продлевать контракт.
38. <http://www.doingbusiness.org/rankings>.

Государственная поддержка мелкого и среднего предпринимательства в КНР: новый этап

© 2013

В. Чуванкова

С начала 2000-х гг. китайское руководство придает особое значение активизации предпринимательской деятельности граждан и увеличению потока частных инвестиций в экономику с акцентом на развитие малых и мелких предприятий. Рассмотрены основные направления этой политики и конкретные меры поддержки и поощрения таких предприятий в новых условиях.

Ключевые слова: Китай, малый и средний бизнес, микропредприятия. XIII съезд КПК.

На фоне неблагоприятной ситуации в мировой экономике при наличии внутренних трудностей и проблем (замедление экономического роста, обострение ситуации с трудоустройством и усиливающая дифференциация общества) в Китае особое значение придается поддержке малого и среднего бизнеса с акцентом на развитие мелких и микропредприятий, каковые, по мнению китайского руководства, призваны сыграть ключевую роль в поддержании высоких темпов роста и выполнении стратегических задач экономического и социального развития, поставленных в 12-м пятилетнем плане.

За последнее десятилетие частная и индивидуальная формы хозяйствования стали наиболее динамичной составляющей китайской экономики. В этот период, особенно после 2005 г., резко повысился экономический потенциал таких структур как по количественным, так и качественным параметрам при расширении рамок и географии их производственных интересов. Частный национальный капитал активно включился в ускорение модернизации страны и создание государства инновационного типа в процессе ликвидации диспропорций развития региональной экономики, оживления внутреннего рынка и расширения экспорта, трудоустройства населения и решения неотложных социальных проблем. Он сыграл важную роль в преодолении последствий мирового финансового кризиса (2008–2010 гг.).

Согласно официальным данным, численность частных предприятий в 2011 г. увеличилась по сравнению с 2002 г. в 4 раза, составив 9,7 млн, количество индивидуальных торгово-промышленных предприятий возросло в 1,6 раза, превысив 37,5 млн (см. табл. 1, 2). Величина уставного капитала достигла 25,0 трлн юаней в частном секторе и 1,6 трлн юаней в индивидуальном, что в совокупности составило 38,6% от общего объема уставного капитала в стране (68,96 трлн юаней)¹. Рост по сравнению с 2002 г. — в 7 и 4 раза соответственно при среднегодовом приросте частных предприятий 15,5%, индивидуальных — 4,4%.

На конец сентября 2012 г. в стране насчитывалось 39,85 млн индивидуальных промышленно-торговых хозяйств при суммарном капитале свыше 1,78 трлн юаней и числе занятых — 84,55 млн чел. Количество частных предприятий достигло 10,6 млн при числе

Чуванкова Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 124-03-10. E-mail: chuvancova@ifes-ras.ru.

занятых — 110 млн чел. при уставном капитале 28,5 трлн юаней². К малому и среднему бизнесу в Китае относятся 99,7% от общего количества предприятий, причем подавляющая их часть (99%) — это мелкие и микропредприятий с числом занятых менее 100 чел.³

Таблица 1

Динамика развития индивидуального сектора (2002–2011 гг.)

Годы	Число занятых (млн чел.)			Доля в экономич. активном насел. (%)	Число предприятий (млн ед.)	Основн. фонды (трлн юаней)
	всего	в городах и поселках	в сельской местности			
2002	47,43	22,69	24,74	6,4	23,77	0,38
2003	46,36	23,77	22,59	6,3	23,53	0,42
2004	45,87	25,21	20,66	6,1	23,51	0,51
2005	49,01	27,28	21,23	6,5	24,64	0,58
2006	51,59	30,12	21,47	6,8	25,96	0,65
2007	54,97	33,10	21,87	7,1	27,42	0,74
2008	57,76	36,09	21,67	7,4	29,17	0,90
2009	65,85	42,45	23,41	8,4	31,97	1,07
2010	70,07	44,67	25,40	9,2	34,53	1,34
2011	79,45	52,27	27,18	10,4	37,56	1,62

Источники: Составлено и рассчитано по данным: Чжунго тунци няньцзянь—2011. Пекин, 2011. С. 110–111, 121; 2012. С. 126–127, 136; Чжунго миньши цзинци фацжянь баогао № 5 (2007–2008) (Миньши цзинци ланьшишу). (Доклад о развитии народной экономики в Китае № 5 (2007–2008)). (Синяя книга народной экономики). Пекин, 2008. С. 075; Жэньминь жибао хайвайбань. 2009. 12.05. С. 5; <http://russian.people.com.cn/31518/7266481.html>; <http://russian.people.com.cn/31518/7610938.html>.

Таблица 2

Динамика развития частного сектора (2002–2011 гг.)

Годы	Число занятых (млн чел.)			Доля в экономич. активном насел. (%)	Число предприятий (млн ед.)	Основн. фонды (трлн юаней)
	всего	в городах и поселках	в сельской местности			
2002	34,10	19,99	14,11	4,6	2,44	3,47
2003	42,99	25,45	17,54	5,8	3,01	3,53
2004	50,18	29,94	20,24	6,7	3,65	4,79
2005	58,24	34,58	23,66	7,7	4,30	6,13
2006	65,86	39,54	26,32	8,6	4,98	7,60
2007	72,53	45,81	26,72	9,4	5,51	9,39
2008	79,04	51,24	27,80	10,2	6,57	11,74
2009	86,07	55,44	30,63	11,0	7,40	...
2010	94,18	60,71	33,47	12,4	8,45	19,00
2011	103,54	69,12	34,42	13,5	9,68	25,00

Источники: Составлено и рассчитано по данным: Чжунго тунци няньцзянь—2011. Пекин, 2011. С. 110–111, 120; 2012. С. 126–127, 135; Чжунго миньши цзинци фацжянь баогао № 5 (2007–2008) (Миньши цзинци ланьшишу). (Доклад о развитии народной экономики в Китае № 5 (2007–2008)). (Синяя книга народной экономики). Пекин, 2008. С. 076; Жэньминь жибао хайвайбань. 2009. 12.05. С. 5; <http://russian.people.com.cn/31518/7266484.html>; <http://russian.people.com.cn/31518/7704357.html>.

Они создают около 60% ВВП и вносят свыше 50% налоговых сумм в государственный бюджет⁴, обеспечивают треть общего экспорта страны⁵. Они лидируют среди предприятий всех форм собственности по объему добавленной стоимости продукции сверхлимитных промышленных предприятий и реализованной прибыли, включая кризисные годы. Ежегодный прирост этих показателей в течение 2004–2011 гг. был в пределах 20–25% по объему добавленной стоимости и 40–50% — по реализованной прибыли⁶. В первом полугодии 2012 г. прирост добавленной стоимости частных промышленных предприятий составил 18,2%, прирост прибыли — 16,5%. Тогда как прибыль у государственных и контролируемых государством предприятий, а также предприятий, основанных на иностранном капитале и капитале из Гонконга, Макао и Тайваня, снизилась на 10,9 и 13,4% соответственно⁷.

В последнее десятилетие непрерывно рос удельный вес частных инвестиций в общем объеме капиталовложений. В основных фондах в городах и поселках они достигли 14,2 трлн юаней, или почти в 22 раза больше, чем в 2002 г.⁸ Велик удельный вес инвестиций негосударственного сектора в области научных исследований и разработок. В 2006–2009 гг. на его долю приходилось 45,1% расходов страны в данную сферу (32,18 млрд юаней). Среди предприятий, действующих в зонах освоения новых и высоких технологий, 96,3% (53,6 тыс.) — это предприятия негосударственного сектора⁹. С 2010 г. заметно увеличились негосударственные инвестиции в добычу нефти и природного газа, в сферу образования и здравоохранения.

Мелкие и средние инвесторы занимались также портфельными капиталовложениями. Средняя сумма активов инвесторов в 2011 г. составляла примерно 413 тыс. юаней¹⁰. Портфель инвестиций частных инвесторов включает в себя, кроме акций, финансовые продукты банков, фондовые капиталы, драгоценные металлы, инвестиционную собственность и государственные облигации. Негосударственные инвестиции стали, следовательно, важным «стабилизатором» для поддержания роста капиталовложений.

В частном секторе за этот период создано более 100 млн дополнительных рабочих мест, в том числе в ряде новых отраслей, открытых для частного национального капитала, тогда как численность занятых в госсекторе сократилась с 71,6 млн чел. в 2002 г. до 67,04 млн в 2011 г.¹¹ Доля занятых в индивидуальном и частном секторах в экономически активном населении более чем удвоилась — с 11 до 24%. Более 80% от общего числа рабочих мест и свыше 90% новых рабочих мест в городах и поселках созданы в этих двух секторах.

В настоящее время мелкие и средние предприятия помимо традиционных отраслей активно заявляют о себе в таких сферах экономики, как информационные, биологические, современная логистика. В результате их инновационной деятельности внедряется большое количество новых технологий, новых продуктов и услуг, новых коммерческих моделей. Сектор малого и среднего бизнеса давал 65% патентов, 75% технических новшеств и более 80% инновационной продукции Китая¹².

В китайских СМИ подчеркивается, что мелкие и средние предприятия в данный момент находятся на важном этапе развития и стратегических возможностей. Перед ними открыто огромное пространство с учетом непрерывно увеличивающейся поддержки со стороны правительства, широкого внутреннего рынка, а также достаточно сильной международной конкурентоспособности китайских товаров¹³.

Курс на поддержку малых и средних предприятий с акцентом на развитие мелких и микропредприятий был взят на 3-й сессии ВСНП 11-го созыва (март 2010 г.) в качестве важнейшей составляющей антикризисных мер, направленных на расширение каналов трудоустройства и увеличение потока дополнительных частных инвестиций в экономику страны. Поставлена задача пересмотра действующих нормативных критериев классификации, установленной в 2003 г. Временным положением о стандартных требованиях к средним и малым предприятиям¹⁴. В июне 2011 г. Министерство промышленности и информационных технологий, Национальное бюро статистики, Госкомитет по развитию и реформам, Министерство финансов совместно разработали и огласили новые «Стандартные требования к малым и средним предприятиям в различных отраслях экономики»¹⁵.

Таблица 4

Стандартные требования к средним и малым предприятиям по отраслям экономики (2011 г.)

	Средние предприятия			Малые предприятия			Микропредприятия		
	число занятых (чел.)	доходы (млн ю.)	основные фонды, (млн ю.)	число занятых (чел.)	доходы (млн ю.)	основные фонды, (млн ю.)	число занятых (чел.)	доходы (млн ю.)	основные фонды (млн ю.)
Сельское и лесное хозяйство, животноводство и рыболовство	—	5,0–200,0	—	—	0,5–5,0	—	—	менее 0,5	—
Промышленность	300–1000	20,0–400,0	—	20–300	3,0–20,0	—	менее 20	менее 3,0	—
Строительство	—	60,0–800,0	50,0–800,0	—	3,0–60,0	50,0–3,0	—	менее 3,0	менее 3,0
Оптовая торговля	20–200	50,0–400,0	—	5–20	10–50,0	—	менее 5	менее 10,0	—
Розничная торговля	50–300	50–200,0	—	10–50	1,0–5,0	—	менее 10	менее 1,0	—
Транспорт	300–1000	30,0–300,0	—	20–300	2,0–30,0	—	менее 20	менее 2,0	—
Складское хозяйство	100–200	10,0–300,0	—	20–100	1,0–10,0	—	менее 20	менее 1,0	—
Почтовые услуги	300–1000	20,0–300,0	—	20,0–300	1,0–20,0	—	менее 20	менее 1,0	—
Гостиничный сервис	100–300	20,0–100,0	—	10–100	1,0–20,0	—	менее 10	менее 1,0	—
Обществ. питание	100–300	20,0–100,0	—	10–100	1,0–20,0	—	менее 10	менее 1,0	—
Информационные услуги	100–2000	10,0–100,0	—	10–100	1,0–10,0	—	менее 10	менее 1,0	—
Программное обеспечение и технологические услуги	100–300	10,0–100,0	—	10–100	0,5–10,0	—	менее 10	менее 0,5	—
Эксплуатация недвижимости	—	10,0–2000,0	50,0–100,0	—	1,0–10,0	20,0–50,0	—	менее 1,0	менее 20,0
Управление имуществом	300–1000	10,0–50,0	—	100–300	5,0–10,0	—	менее 100	менее 5,0	—
Аренда и коммерческие услуги	100–300	—	80,0–1200,0	10–100	—	1,0–80,0	менее 10	—	менее 1,0
Прочие отрасли	100–300	—	—	10–100	—	—	менее 10	—	—

Источник: Составлено по http://www.acfrc.org.cu/public/files/business/html/files/qggs/ijfb_jjzc/201107/28226.html.

Таблица 5

Стандартные требования к малым и средним предприятиям (2003 г.)

	Средние предприятия			Малые предприятия		
	число работников (чел.)	объем реализации (млн ю.)	величина активов (млн ю.)	число работников (чел.)	объем реализации (млн ю.)	величина активов (млн ю.)
Промышленность	300-2000	30,0-300,0	40,0-400,0	менее 300	менее 30,0	менее 40,0
Строительство	600-3000	30,0-300,0	40,0-400,0	менее 600	менее 30,0	менее 40,0
Розничная торговля	100-500	10,0-150,0	—	менее 100	менее 10,0	—
Оптовая торговля	100-200	30,0-300,0	—	менее 100	менее 30,0	—
Транспорт	500-3000	30,0-300,0	—	менее 500	менее 30,0	—
Почтовые услуги	400-1000	30,0-300,0	—	менее 400	менее 30,0	—
Гостиничный сервис и сфера питания	400-800	30,0-150,0	—	менее 400	менее 30,0	—

Источник: Составлено по http://news.xinhuanet.com/zhengfu/2003-03/07/content_764043.htm.

В отличие от прежних, в них выделены уже три категории субъектов малого и среднего предпринимательства — средние предприятия, малые предприятия и микропредприятия, принадлежность к которым определялась в зависимости от численности работников, величины доходов от хозяйственной деятельности, размеров основных фондов, устанавливаемых в зависимости от сферы деятельности. Список охватываемых отраслей экономики расширен с 7 до 16 позиций. Среди них: сельское и лесное хозяйство, животноводство и рыболовство; промышленность (включая добычу полезных ископаемых, производство электроэнергии, тепло-, газо- и водоснабжение); строительство; оптовая и розничная торговля; транспорт (без железнодорожного); складирование; почтовые услуги; коммунальное хозяйство; сфера общественного питания и гостиничный сервис; информационные услуги (включая телекоммуникации, интернет и сопутствующие услуги); программное обеспечение и технологические услуги; эксплуатация недвижимого имущества; управление недвижимостью; сдача в аренду, коммерческие и научно-технические услуги; охрана окружающей среды и водосбережение; общественное управление, ремонтные работы, социальная сфера (культура, спорт, развлечения) и т.д.

В соответствии с новыми критериями, к *средним относятся предприятия*, использующие в среднем примерно 1 тыс. работников и имеющие средние доходы от хозяйственной деятельности ниже 400 млрд юаней. Наибольшее количество занятых допускается в таких областях, как информационные услуги — от 100 до 2000 чел., промышленность, транспорт, управление недвижимостью — от 300 до 1000 чел. Наименьшее количество занятых на средних предприятиях предусматривается в оптовой (от 20 до 200 чел.) и розничной (от 50 до 300 чел.) торговле.

Наивысший объем доходов от хозяйственной деятельности для этой категории определяется: эксплуатация недвижимого имущества (от 10 млн до 2 млрд юаней), информационные услуги (от 10 млн до 1 млрд юаней), строительство (от 60 до 800 млн юаней), промышленность (от 20 до 400 млн юаней) и оптовая торговля (от 50 до 400 млн юаней); наименьший — у предприятий в сфере управления недвижимостью (от 10 до 50 млн юаней), программного обеспечения и технологических услуг (от 10 до 100 млн юаней)¹⁶.

Таким образом, по сравнению с циркуляром 2003 г. при определении категории среднего предприятия снижен верхний предел занятых. При этом в среднем снижены нижние пределы и увеличены верхние границы доходов от хозяйственной деятельности и стоимости основных фондов в тех отраслях, где они учитывались, — как для средних, так и мелких предприятий (см. табл. 4).

Как малые субъекты предпринимательства квалифицируются предприятия, нанимающие в среднем менее 100 работников, при доходах от хозяйственной деятельности в среднем менее 20 млн юаней. При этом в сфере управления недвижимостью допускается от 100 до 300 чел., в промышленности, на транспорте и почтовых услугах — от 20 до 300 чел.; наименьший лимит установлен для предприятий оптовой (5–20 человек) и розничной торговли (10–50 чел.). Что касается доходов, то наиболее высоким он допускается в строительной отрасли — от 3 до 60 млн юаней, в оптовой торговле — от 10 до 50 млн юаней и на транспорте — от 2 до 30 млн юаней; наименьшим — в розничной торговле (от 1 до 5 млн юаней).

Для микропредприятий численность занятых установлена в среднем менее 20 чел., а доходы — в среднем менее 1 млн юаней. Лидером среди микропредприятий стала сфера управления недвижимостью. На таковых верхний предел лимитирован числом в 100 чел., а величина доходов — в 5 млн юаней. В оптовой торговле, наоборот, максимальный объем доходов от хозяйственной деятельности установлен в 10 млн юаней, а наименьшее количество — менее 5 чел. В промышленности, складском хозяйстве, в предоставлении почтовых услуг численность работников предусмотрена ниже 20 чел., а доходы от хозяйственной деятельности — 1 млн юаней и ниже.

Для предприятий всех трех категорий в сфере сельского и лесного хозяйства лимитирована лишь величина дохода от хозяйственной деятельности: для средних — менее

200 млн юаней, для малых — менее 5 млн юаней, для микропредприятий — ниже 500 тыс. юаней.

Величина основных фондов учитывается в трех отраслях. В строительстве к средним относятся предприятия с уставным капиталом 800 млн юаней и ниже, к малым — менее 50 млн юаней, к микропредприятиям — менее 3 млн юаней. В сфере эксплуатации недвижимого имущества — менее 100 млн юаней, менее 50 и менее 20 млн юаней соответственно. В сфере аренды и коммерческих услуг ограничен уровень основных фондов: 1.2 млрд юаней для средних предприятий, менее 80 млн юаней для малых и менее 1 млн юаней для микропредприятий.

Для прочих отраслей предусмотрен только предел численности занятых: для средних предприятий — 300 чел., для малых — 100 чел., для микропредприятий — 10 чел.

Разработка новых стандартов принадлежности субъектов предпринимательства к категории средних, малых предприятий и выделение микропредприятий существенно облегчают оценку уровня предприятия при его регистрации и установлении налоговых обязательств, выходе на фондовые и кредитные рынки с целью поиска необходимых средств, а также для дифференцированного подхода в получении устанавливаемых государством налоговых льгот, субсидий и прочих преференций для этой группы предприятий.

С учетом изменений в экономической и социальной жизни КНР в последние 10 лет деятельность Госсовета КНР и других компетентных органов по разработке законодательных актов и постановлений, регламентирующих деятельность частнопредпринимательских структур, заметно активизировалась. Был разработан и внедрен ряд установок по стимулированию их развития и инвестиционной активности населения. Наиболее интенсивно этот процесс осуществлялся с 2005 г., после завершения пятилетнего переходного периода вхождения Китая в ВТО и неизбежного обострения конкуренции между национальными и иностранными предприятиями.

Новые законы, постановления и нормативные акты, а также поправки к уже действующим документам более полно учитывали экономические интересы мелких и средних предпринимателей, открывали дополнительные перспективы в развитии их деятельности как внутри страны, так и за рубежом, создавая условия для равноправной конкуренции рыночных субъектов различных форм собственности, обеспечивали свободу предпринимательства с необходимой степенью государственного регулирования.

Среди них следует выделить: Закон КНР о содействии малым и средним предприятиям (2002 г.)¹⁷ и в дополнение к нему Некоторые соображения Госсовета КНР по вопросам дальнейшего развития малых и средних предприятий (2009 г.); Некоторые положения Госсовета КНР о мерах поощрения, поддержки и направления развития индивидуального, частного и других видов необщественного сектора экономики (2005 г.), или сокращенно «36 установок»; Некоторые соображения Госсовета КНР по вопросам поощрения здорового развития и ориентирования частных национальных инвестиций (2010 г.) или сокращенно «новые 36 установок»; Уведомление канцелярии Госсовета КНР о разделении функций по стимулированию и здоровому развитию частных национальных инвестиций (2010 г.); Закон КНР о банкротстве предприятий (2006 г.); Закон КНР о товариществах (2006 г.); Положение об управлении специальными средствами для развития малых и средних предприятий (2006 г.); Закон КНР о подоходном налоге с предприятий (2007 г.); новая редакция Закона КНР о личном подоходном налоге (2005 г.) и поправки к нему в 2008 и 2011 гг.¹⁸; Закон КНР о вещном праве (2007 г.)¹⁹; Направляющие предложения об участии негосударственного сектора в строительстве оборонной науки, техники и промышленности (2007 г.); Положения об индивидуальных хозяйствах в промышленности и торговле (2011 г.)²⁰.

Документы нацеливались на обеспечение активного вхождения частного капитала в реализацию государственных инновационных программ, перестройку индустриальной структуры и ускорение формирования инновационных отраслей экономики; открывали свободный доступ в монопольные отрасли и сферы производства, которые были для него закрыты, устанавливали правила льготного налогообложения и кредитования.

Методы поддержки и стимулирования развития средних, малых и микропредприятий в новых условиях, а также трудности и проблемы, с которыми они сталкиваются, обсуждались на сессиях ВСНП, на ряде правительственных совещаний, представительных форумов и симпозиумов, проходивших в 2011–2012 гг.

На них обсуждались меры совершенствования установок на стимулирование развития малых и микропредприятий. Сюда входили: отлаживание политики льгот для облегчения их налогового бремени, включая повышение необлагаемого минимума в отношении налога на добавленную стоимость и налога с оборота; развертывание эксперимента с заменой налога с оборота налогом на добавленную стоимость; упорядочение и отмена части административных сборов, касающихся таких предприятий; стимулирование структуры кредитов малым и микропредприятиям, которые отвечают требованиям производственной политики и имеют рыночный спрос; оздоровление механизмов их кредитной поддержки, кредитных гарантий, погашения процентов по банковским кредитам и компенсации кредитных рисков; развитие инвестиций в акционерный капитал, венчурное инвестирование и т.д.

Соответствующим министерствам, компетентным органам и правительствам на местах вменялось в обязанность: осуществлять контроль за практической реализацией политических установок и мер ЦК КПК и Госсовета КНР, направленных на благоприятствование мелкому и среднему бизнесу, оказывая приоритетную поддержку малым и микропредприятиям; совершенствовать систему государственного обслуживания, предоставлять им недорогие, но качественные услуги; помогать в усилении потенциала самостоятельной инновации и выхода на внутренний и зарубежные рынки. Особая роль в этом процессе отводилась местным правительствам.

При этом, однако, реализация всех этих мер поддержки на практике не всегда совпадает с намерениями.

С начала 2008 г. в условиях слабого внешнего спроса те средние и малые предприятия, что специализировались на экспортной переработке, потерпели большие убытки, оказавшись перед угрозой банкротства. В 2011 г. этот кризис углубился. Из-за ревальвации юаня и резкого подорожания сырья, трудностей финансирования, дефицита капитала и квалифицированной рабочей силы, сокращения экспортного спроса многие средние и мелкие предприятия столкнулись с ростом себестоимости производства и операционных расходов. Статистика показала, что в I полугодии 2011 г. их прибыль оставалась в пределах 3%, или ниже процентной ставки на годовой депозитный вклад в банке²¹. До сих пор не смягчено налоговое бремя. Некоторые малые предприятия вынуждены выплачивать 40–50% своей прибыли в качестве налогов²².

Финансовые трудности остаются проблемой для многих частных предприятий, особенно мелких. Банковские кредиты получают в основном большие и средние предприятия, а более мелкие недополучают финансирования. Более того, мелкие предприятия обычно не могут воспользоваться льготным режимом процентных ставок и, следовательно, вынуждены платить гораздо более высокие плавающие ставки, от чего производственные издержки растут.

В Докладе о годовом развитии средних, малых и микропредприятий Китая в 2012 г. на 9-м Китайском форуме по развитию малого и микро-предпринимательства в г. Юйлинь (Гуанси-Чжуанский автономный район) также отмечалось, что в настоящее время хозяйственная деятельность указанных предприятий не свободна от трудностей, обусловленных, в частности, уменьшением рыночного спроса, недостаточным количеством заказов, повышением себестоимости производства, нехваткой квалифицированных рабочих рук. Да и проблемы институционального характера, мешающие доступу негосударственного сектора экономики в монопольные отрасли, препятствия со стороны местных административных органов²³, вопреки вышеописанным мерам со стороны государства, еще до конца не преодолены.

Особую обеспокоенность китайского руководства вызывали трудности практической реализации установок документа Некоторые соображения Госсовета КНР по во-

просу поощрения, здорового развития и ориентирования частных национальных инвестиций (или «новые 36 установок»), оглашенного еще в 2010 г., и направленного на устранение политических и экономических барьеров для вхождения частного национального капитала в монопольные отрасли экономики (что за два года так и не удалось претворить в жизнь).

Начиная с марта 2012 г. (после 5-й сессии ВСНП 11-го созыва), особое внимание в Китае уделяется разработке конкретных мер по обеспечению «здорового развития частной инвестиционной деятельности». Этому вопросу был посвящен ряд заседаний Госсовета КНР и специализированных совещаний других компетентных органов, указывавших на необходимость:

- расширить сферы, куда частные инвесторы могли бы вкладывать свои капиталы, поддерживать частные предприятия в повышении способности к самостоятельной инновационной деятельности, поощрять их участие в реформировании госпредприятий, усовершенствовать систему обслуживания частных инвесторов;

- скорейшим образом запустить пакет ключевых проектов с участием частных инвестиций в таких областях, как железные дороги, муниципальное хозяйство, энергетика, телекоммуникации, финансы, здравоохранение образование;

- следить за ходом реализации этих проектов, усиливать регулирование частного капитала и частных предприятий, обеспечить целевой надзор Госсовета в этом секторе²⁴.

В мае 2012 г. Министерство железных дорог КНР огласило «Соображения о привлечении частных инвестиций в железнодорожный сектор», отметив необходимость углубить реформу механизма финансирования и инвестирования в этой сфере, создать инвестиционный фонд отрасли, предоставить частным инвесторам платформу для инвестирования, расширить их участие в железнодорожном строительстве. Для частного капитала открывались объекты железнодорожных магистралей, пассажирских путей, международных линий, железнодорожных паромов, энергосберегающего и природоохранного оборудования, системы безопасности для железных дорог²⁵ и т.д.

В апреле 2012 г. Министерство транспорта КНР заявило, что Китай поощряет частных инвесторов вкладывать средства в транспортную инфраструктуру, в обслуживание и новые сектора транспортного сообщения²⁶. В июне того же года это министерство приняло документ о мерах поощрения и содействия притоку негосударственных инвестиций в сферы автомобильного и водного транспорта. В документе подчеркивалась необходимость создания благоприятного климата для частных инвесторов путем повышения эффективности административных процедур, совершенствования системы информирования, посреднических услуг. От инвесторов же требовалось строго блюсти государственную политику в сфере производства и норм, касающихся охраны окружающей среды, землепользования, энергосбережения, качества продукции²⁷.

В июне 2012 г. сходный документ издало Государственное управление по энергетике. В нем указывалось, что в КНР будет поддерживаться участие частных инвестиций в разведке и освоении энергетических ресурсов, в сооружении нефтегазовых трубопроводов и сетей, в переработке угля и развитии нефтедобывающей промышленности, в выработке электроэнергии, освоении отраслей новых и возобновляемых источников энергии (ветровой, солнечной, геотермальной и биологической); будет совершенствоваться законодательство по обеспечению правовых гарантий защиты интересов частных инвесторов²⁸.

В настоящее время на долю негосударственных угольных шахт приходится около 40% общей добычи угля, на долю негосударственных ГЭС — около 26% от общей мощности гидроэлектростанций страны, на долю негосударственных ветровых электростанций — около 20% от их общей мощности²⁹. Сообщалось, что частный капитал привлечен в строительство 3-й нитки газопровода «Запад—Восток», который станет крупнейшим в стране проектом, открытым для негосударственного капитала.

Министерство земли и ресурсов КНР в середине 2012 г. открыло доступ частному капиталу в освоение новых запасов сланцевого газа в Китае.

Комитет по контролю и управлению банковской отраслью Китая огласил в мае 2012 г. директиву, поощряющую участие всех форм капитала в данном секторе и содержащую руководство по участию частных инвестиций. По заявлению главы этого Комитета Шан Фуляня, прозвучавшему в ноябре 2012 г., у китайского правительства нет «предвзятости» в отношении частных инвесторов, желающих участвовать в данной сфере. Для участия всех форм капитала выработаны унифицированные стандарты и критерии. Кстати, частные инвестиции составляют 50% акционерного капитала в мелких и средних китайских коммерческих банках; в мелких и средних финансовых учреждениях в сельской местности доля частного акционерного капитала достигает 90%³⁰.

Частный капитал стал активно привлекаться в процесс перевода предприятий оборонных отраслей на выпуск продукции гражданского назначения (прежде всего, в областях индустрии информатики, гражданской авиации, судостроения). Этому процессу способствовало издание в июле 2012 г. Государственной программы по развитию нарождающихся отраслей стратегического значения на 2011–2015 гг.³¹

В марте 2012 г. Министерство промышленности и информатизации КНР предложило Программу мероприятий по обслуживанию средних и малых предприятий, в соответствии с которой объем гарантийного фонда для таковых будет увеличен на 1,5 трлн юаней. В рамках программы предполагается создать 250 тыс. новых фирм по обслуживанию средних и малых предприятий³².

Чтобы активизировать вхождение частного капитала в сектор оптово-розничного товарообращения и современной логистики, Министерство коммерции КНР разработало Инструкцию по стимулированию внедрения частного капитала в сферу торгового обращения, включающую такие аспекты деятельности, как приведение в порядок существующих правил в сфере внутренней торговли; изучение условий, упрощающих выход частных активов на рынок; устранение скрытых барьеров в административных правилах.

Чтобы стимулировать инвестиции частного сектора в медицину, Министерство здравоохранения КНР распространило в мае 2012 г. циркуляр, сулящий частным медицинским учреждениям ряд преимуществ (в том числе, в получении разрешительных документов и в налогообложении, которыми пользуются некоммерческие организации в Китае). Соответственно, отмена действовавшего с 2000 г. норматива должна увеличить приток частных средств в сферу здравоохранения. Согласно статистическим данным Министерства, к апрелю 2012 г. в КНР действовало 13 520 государственных больниц и 8860 — частных³³.

* * *

Анализ материалов прошедшей в марте 2013 г. сессии ВСНП и прошедшего в ноябре 2012 г. XVIII съезда КПК свидетельствует, что в ходе углубления реформ и открытости, трансформации модели экономического развития и вступления страны к 2020 г. в «решающую стадию полного построения среднезажиточного общества» здесь будет и дальше оказываться активная поддержка реальным секторам экономики, в частности, средним, малым и микропредприятиям, тем более, что важная роль национально-го предпринимательства в продвижении модернизации страны была подтверждена в новой редакции Устава КПК, принятого на XVIII съезде КПК.

1. <http://russion.people.com.cn/31518/7635147.html>.
2. <http://russion.people.com.cn/31518/8046470.html>; <http://russion.people.com.cn/31518/7967881.html>.
3. <http://russion.people.com.cn/31518/7958549.html>.
4. <http://russion.people.com.cn/31518/8046470.html>. (Для сравнения — в РФ доля малого и среднего бизнеса в ВВП приблизительно 13–17%. — <http://russion.people.com.cn/31518/7854473.html>).
5. China Daily. 07.02.2012.
6. Рассчитано по данным ГСУ КНР: Жэньминь жибао. 01.03.2005, 2006, 2007, 2011; 29.02.2008; 27.02.2009; 25.02.2010.
7. http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdfx/t2012_07_27_402822236.html.

8. <http://russion.people.com.cn/31518/7704357.html>; Чжунго тунцзи няньцзянь—2006. Пекин, 2006. С. 189.
9. <http://russion.people.com.cn/31518/7650254.htm>.
10. <http://russion.people.com.cn/31518/7760474.htm>.
11. Чжунго тунцзи няньцзянь—2011. Пекин, 2011. С. 110; 2012. С. 126–127.
12. http://www.prostobiz.ua/layout/set/print/biznes/razvitie_biznesa/stati...
13. <http://russion.people.com.cn/31518/7654098.htm>.
14. Жэньминь жибао. 15.03.2010; http://news.xinhuanet.com/zhengfu/2003-03/07/content_764043.htm.
15. http://www.acfic.org.cn/publicfiles/business/htmlfiles/qggsj/jjb_jjzc/201107/28226.html.
16. Для сравнения — В РФ к категории «средних» относятся предприятия с численностью работников от 101 до 250 человек с предельным показателем выручки от реализации — 1 млрд рублей; к малым — с численностью работников до 100 человек включительно и с предельной выручкой — 400 млн рублей; к микропредприятиям — с численностью занятых до 15 человек и предельной выручкой 60 млн рублей. Государственные и муниципальные заказчики обязаны размещать заказы у субъектов малого предпринимательства в размере не менее 10% и не более, чем 20% общего годового объема поставок товаров, выполнения работ и услуг путем проведения торгов и запроса котировок. — http://www.businesspravo.ru/Docum/Docum>Show_Docum/D_149471.html.
17. Данный закон был принят с целью улучшения делового климата для создания и развития мелких и средних предприятий и использования их важной роли в экономическом и социальном развитии страны. Документ впервые узаконивал равные права мелких и средних предприятий с крупными предприятиями, в том числе в доступе к современной технике, рыночной информации и финансированию. Государство гарантировало защиту законных доходов этих предприятий и их инвесторов от посягательств каких-либо лиц и организаций, а также предоставляло налоговые льготы мелким и средним предприятиям, готовым трудоустроить значительное количество безработных лиц с ограниченной трудоспособностью и выпускников высших и средних учебных заведений. Им предоставлялся приоритет при размещении госзаказов на поставку товаров и услуг. — Жэньминь жибао. 01.07.2002.
18. В результате минимум, не облагаемый личным подоходным налогом, поднялся с 2 тыс. до 3,5 тыс. юаней, что обеспечило 9 с лишним миллионам индивидуальных промышленников и торговцев снижение налогового бремени. — Жэньминь жибао. 16.03.2012.
19. Закон предоставил частным предпринимателям равное с государством и коллективом право на собственность, что значительно укрепило позиции представителей мелкого и среднего бизнеса.
20. Согласно документу, с 1 ноября 2011 г. снимаются ограничения в сферах хозяйственной деятельности и в использовании наемных работников на индивидуальных предприятиях. Им разрешено нанимать работников в соответствии с потребностями бизнеса. Кроме того, разрешено регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей жителям Гонконга, Макао и Тайваня, имеющим китайское гражданство. — Жэньминь жибао. 28.04.2011.
21. <http://russion.people.com.cn/95181/7745607.html>.
22. <http://russion.people.com.cn/31518/7853571.html>.
23. <http://russion.people.com.cn/31518/6502842.html>.
24. <http://russion.people.com.cn/31518/6929657.html>; <http://russion.people.com.cn/31521/7893635.html>.
25. <http://russion.people.com.cn/31518/7821624.html>.
26. <http://russion.people.com.cn/31518/7795529.html>.
27. <http://russion.people.com.cn/31518/7877131.html>.
28. <http://russion.people.com.cn/31518/7853210.html>.
29. Арендство Синьхуа. 21.06.2012; <http://russion.people.com.cn/31518/7853210.html>.
30. <http://russion.people.com.cn/31518/8014406.html>.
31. <http://russion.people.com.cn/31518/7886582.html>.
32. http://mandarin-cargo.ru/news/24_gosgarantii-dlya-malyh-predpriya...
33. <http://russion.people.com.cn/31518/7823362.html>.

К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов

© 2013

М. Потапов

Анализируются внутренние и внешние факторы роста экономики КНР за период 2008–2012 гг. Особое внимание уделяется роли внешней торговли, движению трансграничных капиталов, валютной политике для обеспечения дальнейшего устойчивого развития экономики КНР.

Ключевые слова: экономика Китая, инвестиционный спрос, частное потребление, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции, валютные резервы.

Последние полтора десятилетия стали серьезным испытанием для мировой и региональной (азиатской) экономик, прошедших сквозь кризис в 1997–1998, 2001 и в 2008–2009 гг. Китайская экономика продемонстрировала завидную устойчивость. Несмотря на некоторое сокращение ее торговли с зарубежными странами, вызванное внешними факторами, показатели экономического роста в эти 15 лет оставались стабильно высокими, колеблясь в диапазоне от 8% до 14%.

Несмотря на некоторое замедление ежегодных темпов прироста ВВП (8–10% в 2008–2012 гг. по сравнению с 14% в докризисном 2007 г.), Китай продолжал оставаться локомотивом мировой экономики, во многом способствовал выправлению общей экономической конъюнктуры, являясь крупнейшим мировым производителем и потребителем товаров. В 2011 г. он вышел на второе место в мире по объему ВВП, подсчитанному по официальному обменному курсу, уступив лишь США. В том же году Китай стал ведущим мировым экспортером среди отдельных стран (10,4% мировых товарных поставок). В списке импортеров КНР – вторая после США (9,5% мирового объема импорта)¹. В целом, по внешнеторговому обороту товарами Китай в 2012 г. впервые вышел на первое место в мире, обогнав США*. Обработывающая промышленность является надежной основой внешнеторговой системы КНР. Экспорт ее готовой промышленной продукции составляет 95% совокупного объема экспорта, а в структуре импорта на готовую промышленную продукцию приходится 69% его совокупного объема².

Сравнение показателей динамики ВВП и экспорта/импорта Китая показывает низкую эластичность темпов роста китайской экономики или, другими словами, ее высокую устойчивость к изменениям объемов торговли. Даже абсолютное сокращение экспорта и импорта в 2009 г. не нарушило поступательный рост экономики, вызвав лишь снижение темпов прироста ВВП на 0,4 проц. пункта: с 9,6% в 2008 г. до 9,2% в 2009 г. (см. табл. 1).

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. E-mail: mpotapov@gazprom.ru.

* По уточненным данным, содержащимся в пресс-релизе ВТО от 10.04.2013, внешнеторговый оборот США в 2012 г. оказался все же чуть больше китайского – 3882 млрд долл. (против 3867 млрд долл. у КНР).

Таблица 1

Показатели годовых приростов ВВП, экспорта и импорта КНР в 2007–2012 гг. (%)

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Прирост ВВП	14.2	9.6	9.2	10.4	9.3	7.8
Прирост экспорта	25.8	17.5	-16.0	31.3	20,3	7.9
Прирост импорта	20.3	18.5	-11.2	38,7	24.9	4.3

Источник: сайт Государственного статистического управления КНР (<http://www.stats.gov.cn/>).

Такой ход экономических процессов в КНР объясняется тем, что фактор внешнего спроса (чистый экспорт товаров и услуг)³ – отнюдь не на первом месте в списке факторов, определяющих рост ВВП КНР. Анализ структуры ВВП по расходам (с учетом факторов спроса) показал: на чистый экспорт товаров и услуг в 2010 г. приходилось всего лишь 4%. Ведущую роль играли инвестиционный спрос — 48%, а также внутреннее потребление домохозяйств — 35% и государственное потребление — 13%⁴. Если оценивать вклад инвестиционного, потребительского и внешнего спроса в прирост ВВП за тот же период, то доминирующую роль в нем также играли инвестиции — 55% (на частное и государственное потребление в целом – 37%, на чистый экспорт — 8%⁵).

В целом за последние 15 лет инвестиционные расходы преобладали в формировании ВВП Китая. Модель экономического развития страны характеризовалась перераспределением средств от потребителя к производителю за счет низких учетных ставок, сдерживания зарплат, высокого уровня сбережений населения (около трети ВВП), крупных капиталовложений, стимулирования экспорта при положительном торговом сальдо, масштабного привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), государственного регулирования валютного курса. Инвестиционный спрос стимулировался активной политикой государства по созданию производственной инфраструктуры.

Потребление на уровне домохозяйств за прошедший период снижалось, уступая инвестициям, и росло в последние годы лишь в условиях снижения экспорта. Вклад же чистого экспорта в ВВП был нестабилен и относительно невелик. В частности, в период кризисов в 2008–2009 гг. его роль снижалась, в последующие годы (2010–2011 гг.) восстановление роста экспорта перекрывалось опережающим увеличением импорта, фактически сдерживая рост ВВП. Таким образом, рост ВВП Китая в начале XXI в. при всей значимости масштабных товарных поставок за рубеж преимущественно обеспечивался факторами внутреннего инвестиционного спроса.

Номинально доля внешней торговли в ВВП возросла с 43% в 2001 г. до 73% в 2006 г., затем снизилась в 2009 г. до 50% и поднялась до 56% в 2010 г. Но, по оценкам американских экономистов, без учета торговли, основанной на поручительской переработке и сборке⁶, данный показатель составлял в 2010 г. лишь 35%⁷, а с учетом паритета покупательной способности (при более высоком значении ВВП) — еще ниже. В итоге реальная зависимость КНР от внешнего спроса, как видим, совсем не критическая, тем более, что между Китаем и мировым рынком сложилась тесная взаимозависимость. Показатели внешнеторговых или экспортных квот КНР высоки лишь формально-статистически. При углубленном анализе современного состояния китайской экономики проясняется определяющая роль внутренних факторов роста.

При этом важно отметить, что все три упомянутых фактора (инвестиции, внутреннее потребление и чистый экспорт) играли взаимосвязанную и взаимодополняющую роль в развитии китайской экономики в первом десятилетии XXI в. Внутренний инвестиционный спрос формировал необходимую производственную базу для расширения экспорта. С другой стороны, индустриализация китайской экономики конца XX — начала XXI вв. была бы невозможна без политики открытости во внешнеэкономической сфе-

ре. либерализации внешнеторгового режима, массового привлечения иностранных инвестиций, создания экспортно-ориентированных отраслей промышленности.

В свою очередь, сразу после вступления в ВТО в 2001 г., когда Китаю был предоставлен недискриминационный торговый режим, у него появилась возможность значительно увеличить объем внешней торговли. В условиях же наступившего кризиса и снижения спроса на китайские товары на мировом рынке именно ведущая роль внутреннего (инвестиционного и растущего потребительского) спроса в поддержании экономического роста позволила Китаю без особых потерь преодолеть негативное влияние мирового кризиса 2008–2009 гг. В этот период в Китае активно шла переориентация производимой предприятиями продукции с внешнего на внутренний рынок по мере расширения внутреннего потребительского спроса. Сформированная в КНР крупная производственная база обрабатывающей промышленности позволяет вполне успешно проводить такую переориентацию экспортного производства⁸.

В последние годы после ослабления кризиса возросли опасения, особенно среди американских экспертов: если не инвестиционный спрос, то чистый экспорт станет основным двигателем роста китайской экономики, увеличивая риски и дисбалансы ее развития. Озабоченность американских ученых (имея в виду сохраняющееся крупное сальдо в китайско-американской торговле в пользу КНР) можно понять. Но не стоит, думается, разделять в полной мере их опасения по грядущему усилению дисбаланса развития китайской экономики⁹. Прошедший в ноябре 2012 г. XVIII съезд КПК взял курс на преимущественное поощрение внутреннего спроса, личного потребления, на повышение доходов населения. Именно этот фактор является важным резервом дальнейшего роста экономики КНР. Одновременно Китаем поставлена цель увеличить инвестиции в развитие инновационных отраслей и технологий, энергосберегающих и экологических производств, отойти от количественных характеристик роста в пользу качественных, интенсивных по своему содержанию. Безусловно, существенное повышение доли внутреннего потребления в ВВП и инновационности экономики требуют времени и соответствующей перестройки хозяйственной системы.

Что касается снижения темпов прироста ВВП Китая в 2012 г. до 7,8% (а это – самый низкий показатель с 1999 г.), то такое «охлаждение» экономики после завершения действия антикризисного пакета стимулирующих мер¹⁰ благотворно, по нашему мнению, отразится на экономическом развитии. В том числе, позволит расширить роль внутреннего потребительского спроса.

В текущее десятилетие (2011–2020 гг.) можно прогнозировать сближение уровней инвестиционного и потребительского спроса в создании ВВП Китая¹¹. По некоторым предварительным оценкам, уже в 2012 г. потребление впервые внесло больший вклад в прирост ВВП, чем инвестиции.

На более длительную перспективу (к 2030 г.), согласно Стратегическому глобальному прогнозу — 2030, выполненному коллективом ученых ИМЭМО РАН, вклад инвестиций в прирост ВВП Китая сократится, а вклад домохозяйств продолжит свой рост. Доля расходов государства несколько уменьшится. Количественный рост экспорта, хотя и сохранится, но его вклад в экономический рост снизится¹². Таким образом, произойдет структурное перераспределение доходов от корпоративного сектора к потребительскому.

Остановимся подробнее на роли внешней торговли, движения трансграничных капиталов и валютного курса КНР в экономическом развитии страны.

Абсолютные показатели внешней торговли КНР достигли к 2012 г. громадных размеров — 3,9 трлн долл. (см. табл. 2), однако в относительном выражении, как мы показали, значение внешнего сектора в росте национальной экономики снижается. Китай сознательно ослабляет свою экспортную ориентацию, осуществляя постепенный переход к модели экономического развития, опирающейся на внутренние факторы роста. Последний кризис 2008–2009 гг. показал необходимость и ускорила такой переход.

Таблица 2

Динамика внешней торговли КНР (2007–2012 гг.)

Годы	Оборот		Экспорт		Импорт		Сальдо, млрд долл.
	млрд долл.	%*	млрд долл.	%*	млрд долл.	%*	
2007	2176,60	23,5	1220,50	25,8	956,10	20,3	264,40
2008	2563,30	17,9	1430,70	17,5	1132,60	18,5	298,10
2009	2207,56	-13,9	1201,66	-16,0	1005,90	-11,2	195,76
2010	2972,76	34,7	1577,93	31,3	1394,83	38,7	183,10
2011	3642,06	22,5	1898,60	20,3	1743,46	24,9	155,14
2012	3866,76	6,2	2048,93	7,9	1817,83	4,3	231,11

*темп прироста к предшествующему году.

Источники: сайт Министерства торговли КНР (<http://www.mofcom.gov.cn/>); сайт Государственного статистического управления КНР (<http://www.stats.gov.cn/>).

Производство промышленной продукции в Китае в значительной степени опирается на детали и узлы для обрабатывающего сектора, которые, в свою очередь, связаны со спросом на готовые потребительские товары в развитых странах. Страны и компании, которые самым тесным образом связаны посредством производственных сетей с рынками США и Евросоюза, оказываются наиболее уязвимыми перед спадом на этих рынках. Китай, преимущественно через Гонконг, импортирует из стран региона около трети общей промышленной продукции, представляющей собой детали, узлы и компоненты в рамках производственного кооперирования. Около трети импорта такой промежуточной продукции из развивающихся стран Азии Китай использует для последующего промышленного экспорта. Так, более половины внешнеторгового оборота Китая приходится на совместные предприятия с участием иностранного капитала, при этом доля поручительской переработки и сборки в их внешней торговле составляет 60%, в том числе в экспорте — 72%¹³.

Китаю удалось решить эту проблему, расширив внутренний рынок за счет строительства инфраструктурных объектов (дорог, аэропортов, вокзалов и т.п.), недвижимости, производства автомобилей, сельского потребительского рынка в рамках реализации пакета стимулирующих мер в 2009–2011 гг. Их результатом стало восстановление роста объемов торговли в 2010–2011 гг.

Последние показатели притока в Китай прямых иностранных инвестиций, на которые приходится около 8% мировых ПИИ, свидетельствуют о тенденции продолжения их роста. Так, в 2008–2009 гг., в период кризиса, объемы фактически использованных в КНР прямых иностранных инвестиций в нефинансовом секторе прирастали в среднем на 90 млрд долл. В 2010–2012 гг. они уже увеличивались более, чем до 100 млрд долл. (см. табл. 3), уступая только США. Основные инвестиционные партнеры Китая – страны Евросоюза, США, Япония, государства АСЕАН.

Показательно, что в период последнего кризиса резко, в два раза, выросли объемы инвестирования Китая за рубежом: с 18,7 млрд долл. в 2007 г. до 60,1 млрд долл. в 2011 г. В результате в эти годы на фоне сокращения общемировых ПИИ вырос удельный вес Китая, страна вошла в первую мировую десятку экспортеров капитала. Накопленные к концу 2011 г. объемы инвестиций, по данным ЮНКТАД, с учетом амортизации основных фондов и вложений в финансовый сектор, составили: 712 млрд долл. по привлеченным ПИИ в КНР и 366 млрд долл. по экспорту ПИИ из Китая¹⁴. Более половины всех зарубежных инвестиций КНР связано с топливно-энергетическим и горнодобывающим секторами. При этом целью инвестиционной политики КНР за рубежом становится не только привлечение дополнительных сырьевых ресурсов, но и расширение рынков сбыта своей продукции, получение доступа к передовым технологиям¹⁵. Китай активно напрямую инвестирует, без «посредничества» Гонконга, в Швецию, Канаду, Австралию, США, Бразилию.

Таблица 3

**Динамика движения трансграничных капиталов в КНР в нефинансовом секторе
(2007–2012 гг.)**

Годы	Использование прямых иностранных инвестиций в КНР		Экспорт прямых китайских инвестиций	
	млрд долл.	%*	млрд долл.	%*
2007	74,8	13,6	18,7	6,2
2008	92,4	23,6	40,7	63,6
2009	90,0	-2,6	43,3	6,5
2010	105,7	17,4	59,0	36,3
2011	116,0	9,7	60,1	1,8
2012	111,7	-3,7

*темпы прироста к предшествующему году.

Источники: сайт Государственного статистического управления КНР (<http://www.stats.gov.cn/>).

Столь значительные инвестиции за рубежом стали возможны в результате накопленной Китаем солидной финансовой базы. Объем его валютных резервов к концу 2011 г. превысил 3 трлн долл. (см. табл.4). Китай уже несколько лет опережает по этому показателю все другие страны мира. Способствовало увеличению экспорта капитала из КНР и снижение стоимости инвестиционных проектов, связанных с разработкой природных ресурсов, падение цен на акции на мировом фондовом рынке и т.д. Китай активно внедряется на африканский и ближневосточные рынки. Решая на льготных условиях долговые проблемы Анголы, ЮАР, Судана, Нигерии, получает разрешения на разработку месторождений и добычу углеводородов и многих ценных видов горнорудного сырья.

В отношении валютно-кредитной политики КНР следует отметить сохранение ее автономности от мировой экономики. В 2005–2008 гг. произошло последовательное укрепление валютного курса юаня: с 8,2 ю. до 6,8 ю. за долл. США. Несмотря на временное возвращение к жесткой привязке юаня к доллару в период кризиса (2008–2010 гг.) при сохранении плавающего курса к другим ведущим мировым валютам, следует ожидать укрепления юаня в качестве общеазиатской валюты и повышения его роли в мировых расчетах. Процесс будет носить инерционный характер при постепенной ревальвации юаня и сохранении в течении ряда лет неконвертируемости по счетам движения капиталов.

Таблица 4

Показатели долгового положения КНР в 2007–2011 гг. (по состоянию на конец года)

Годы	Валютные резервы, млрд долл.	Общая сумма внешней задолженности, млрд долл.	Коэффициент обслуживания внешнего долга*, %
2007	1528,2	373,8	2,4
2008	1946,0	378,2	2,2
2009	2399,2	428,4	3,1
2010	2847,3	548,9	2,9
2011	3181,1	560,0	2,5

*отношение ежегодных выплат по обслуживанию внешнего долга, включая проценты по нему, к торговым и неторговым валютным доходам за соответствующий год.

Источник: сайт Государственного статистического управления КНР (<http://www.stats.gov.cn/>); Asian Development Outlook-2012. Asian Development Bank. Hong Kong: Oxford University Press, 2012.

Отметим, что удорожание юаня не вызывает пропорционального уменьшения про- фицита Китая в торговле с США. Их импорт из Китая значительно превышал экспорт в Ки- тай даже в период укрепления курса юаня. Некоторое сокращение отрицательного торгового сальдо США с Китаем наблюдалось лишь в периоды экономических кризисов (например, в 2001 и в 2009 гт. Этому способствовала реализация антикризисных мер китайского прави- тельства по стимулированию внутреннего спроса, включая либерализацию регулирования импорта. Отказ Китая от ускоренной ревальвации юаня объясняется не столько желанием поддерживать свой экспорт, сколько опасением возможного гигантского притока в страну спекулятивного капитала, способного дестабилизировать национальную экономику.

С октября 2010 г. в Пекине, в провинциях Гуандун, Шаньдун и Цзянсу Главное управление валютного контроля КНР развернуло экспериментальную программу, разре- шающую национальным предприятиям хранить полученные от экспорта доходы на сче- тах в зарубежных банках. Этот важный шаг в реформировании системы валютного кон- троля призван способствовать повышению финансовой эффективности китайских пред- приятий и упрощению механизмов торговли, а также сокращению чрезмерного притока капитала в страну и ослаблению постоянно нарастающего давления на экономику стра- ны со стороны огромных золотовалютных резервов.

В Китае оценивают развертывание вышеуказанной экспериментальной про- граммы как начало перехода системы валютного контроля в КНР к модели со сбаланси- рованным притоком-оттоком иностранной валюты. Это, как ожидается, окажет положи- тельное влияние на сальдо торгового баланса, а также позволит избежать дестабилизи- рующего влияния на рост экономики избыточной ликвидности, снизить инфляционное давление и напряженность вокруг ревальвации юаня.

* * *

Итак, КНР успешно противостоит мировым кризисам и падениям внешнего спроса на свою продукцию со стороны развитых стран. В отношении экспорта капитала и услуг прогнозируется дальнейший рост капиталовложений в сырьевые активы стран Африки и Латинской Америки, умеренно стабильный ввоз капиталов из развитых стран. Наш прогноз устойчивого роста китайской экономики основывается на:

- достигнутой международной конкурентоспособностью китайской экономики на национальном, отраслевом и товарном уровнях;
- инвестиционном потенциале страны при стабильно высокой (свыше 40%) норме накопления;
- крепкой финансовой системе, характеризующейся низкой инфляцией, и дос- тупном кредитовании;
- устойчивом платежном балансе при огромных золотовалютных резервах и безопасном для развития экономики уровне внешней задолженности (см. табл. 4).

Дальнейший прогнозируемый стабильный рост ВВП, ежегодно, по меньшей ме- ре, на 7–8%, вполне благоприятен для Китая и позволяет решать задачи поддержания международной конкурентоспособности с учетом инновационной стратегии развития. Таким образом, может быть достигнута цель учетверения ВВП на душу населения за 2000–2020 гг., а к 2030 г. КНР выйдет на первое место в мире по абсолютному размеру ВВП, подсчитанному по паритету покупательной способности.

В плане соотношения источников экономического роста нами ожидается акцент на интенсивное, сбалансированное, ресурсосберегающее развитие, проведение активной поли- тики по расширению внутреннего спроса — повышению доли потребления, а также внут- ренних капиталовложений в ВВП при относительном снижении доли чистого экспорта. В отраслевой структуре ВВП можно прогнозировать опережающий рост сферы услуг и, соот- ветственно, относительное снижение доли промышленности. Данных целей Китай планирует достичь путем активной финансовой и сдерживающей денежной политики (неокейнсиан- ского типа). На основе уже приобретенных лицензий и патентов следует ожидать усиленную

разработку Китаем своих технологий, продвижение китайских торговых марок на мировой рынок, стимулирование высокотехнологического экспорта в развитые страны.

Безусловно, данный прогноз экономического развития КНР может быть реализован лишь при успешной политике в решении таких проблем, как:

– противоречия между городом и деревней, западными/центральными и восточными районами страны ввиду разрыва уровней их экономического развития и благосостояния людей;

– ограниченность природных ресурсов, прежде всего, источников энергии;

– неизбежное, по мере роста квалификации, повышение стоимости рабочей силы;

– слабость собственной технологической базы, сильная зависимость от импорта комплектующих и технологий и подавляющий вес транснационального капитала в национальной промышленности и экспорте КНР;

– банковская задолженность проблемных государственных предприятий.

Решение этих проблем и выполнение поставленных целей позволяют прогнозировать в двадцатилетней перспективе формирование Китая как нового, наряду с США и ЕС, глобального экономического центра силы.

1. World Trade Report-2012. Geneva: WTO, 2012. URL: <http://www.wto.org/>
2. Чжунго гунъебао. 2010. 31 авг.; Гоцзи шанбао. 2010. 31 авг.
3. Чистый экспорт (товаров и/или услуг) — разница между соответствующими показателями экспорта и импорта страны за определенный период времени.
4. См. *Lardy N. Sustaining China's Economic Growth after the Global Financial Crisis*. Wash.: Peterson Institute for International Economics, 2012. P. 45–51.
5. Чжунго тунци чжайяо-2010. [Краткий статистический справочник Китая]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2010. Сайт Государственного статистического управления КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/>. Об анализе соотношения факторов спроса в формировании роста ВВП КНР также см.: *Жигулёва В.В.* Взаимодействие внутреннего и внешнего факторов роста китайской экономики // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 33–41.
6. Поручительская переработка и сборка — экспорт переработанного сырья на давальческой основе и продукции, изготовленной по образцам и из деталей заказчика, а также импорт сырья с целью его переработки и дальнейшего экспорта из комплектующих деталей заказчика для сборки готовой продукции.
7. *Lardy N. Sustaining China's Economic Growth after the Global Financial Crisis*. Wash.: Peterson Institute for International Economics, 2012. P. 143.
8. См. также об этом: *Салицкий А.И., Томберг И.Р.* Внешнеэкономические связи КНР: новые тенденции // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 50–53.
9. Собственно, именно этими опасениями насыщена последняя монография ведущего американского специалиста по китайской экономике *Николаса Ларди (Lardy N. Sustaining China's Economic Growth after the Global Financial Crisis*. Wash.: Peterson Institute for International Economics, 2012).
10. Пакет стимулирующих фискальных мер, принятый Китаем в ноябре 2008 г., оценивался в 4 трлн ю. (584 млрд долл.) и был направлен на строительство в 2008–2010 гг. объектов транспортной, жилищной инфраструктуры, восстановление районов, пострадавших от землетрясения в мае 2008 г., программы здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, внедрения новых технологий. Подробнее об этих мероприятиях в Китае см.: *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009. С. 454–473.
11. Аналогичные оценки см.: *Михеев В.В., Лукошин С.А., Сафронова Ю.С.* Дальше — без заветов (Китай: смена модели модернизации) // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 12. С. 70–71.
12. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. *А.А. Дынкина*. М.: Магистр, 2011. С. 376.
13. Чжунго гунъебао. 2010 31 авг.; Гоцзи шанбао. 2010. 31 авг.
14. World Investment Report-2012. N.Y.; Geneva: UNCTAD, 2012. URL: <http://unctad.org/>.
15. *Тацуй В.В., Томберг И.Р.* Прямые инвестиции Китая: политика и экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 74–79.

Дискуссионная трибуна

СССР, Коминтерн и «китайский фактор» Второй мировой войны

© 2013

А. Крушинский

В статье показаны усилия СССР и Коминтерна по формированию Единого фронта в Китае. Обосновывается гипотеза, что усилия Москвы по прекращению Гражданской войны в Китае помогли становлению его активным субъектом антифашистской коалиции и способствовали предотвращению агрессии Японии против СССР в 1941 г.

Ключевые слова: Сталин, Мао, Чан Кайши, Троцкий, VII конгресс Коминтерна, Особый пограничный район Китая, Сианьский инцидент, «альтернативная история».

Включение Китая при формировании ООН в «элиту» из пяти постоянных членов Совета Безопасности отразило, в частности, признание его роли во Второй мировой войне. Поняне, однако, не вполне прояснены обстоятельства становления Китая участником антифашистской коалиции, как и доля его вклада в разгром держав «оси».

В научной литературе, публицистике, в воспоминаниях очевидцев китайцы фигурируют преимущественно как бессильные жертвы фашистской агрессии или как пособно-вспомогательная сила, способная отвлекать на себя врага, нежели активные соучастники Победы. Показательна реплика Ф. Рузвельта: «Если Китай падет, сколько японских дивизий, по-твоему, освободится и для чего? — сказал он в начале 1942 г. сыну Элноту. — Возьми Австралию, возьми Индию... она уже готова, как спелая слива, к тому, чтобы ее сорвали...»¹

1. Если бы...

Это суждение одного из ведущих лидеров антифашистской коалиции могло бы послужить завязкой сочинения в жанре «альтернативной истории», основоположник которого Тит Ливий задался две тысячи лет назад вопросом, «какой исход могла бы иметь для римского государства война с Александром Македонским» (если бы тот, не скончавшись скоропостижно в 33 года, затеял поход на Рим. Историк сопоставил с войском легендарного полководца вооруженные силы Римской империи: их численность, вооружение, мобильность, боевой дух, порядок снабжения и управления. Будучи смущен

Крушинский Андрей Сергеевич, заведующий отделом журнала «Проблемы Дальнего Востока». Тел: (499) 124-09-02, E-mail: veritas33@mail.ru.

тем, что взялся писать о чем-то несвершившемся, предположил тексту оправдательную оговорку: *«Ничто, кажется, не было мне так чуждо, когда я начал этот труд, как желание... доставить приятные развлечения читателю и дать отдых своей душе».*²

Действительно, в обоих случаях налицо — не праздная игра ума ради *«отдыха души»*, но задачи, можно сказать, прагматичные: античный историк протестировал концепцию о совершенстве государственной машины современного ему Рима, президент США убедился в невыгодности — экономить на поставках оружия Китаю. Осмысленному ряду нестандартных, вызывающих споры политических решений СССР и Китая может послужить тестирование через *«альтернативный сценарий»* событий рокового лета 1941 г.: как сложилась бы Великая Отечественная война (и 2-я мировая в целом), *если бы СССР одновременно с гитлеровской агрессивней подвергся агрессии Японии.*

Напрягать воображение нам не потребуется — такой «сценарий» уже написан:

«...Сначала появились японские самолеты, вылетевшие на рассвете 7 августа с аэродрома в Маньчжурии и Корею, а также с авианосцев 1-й дивизии, стоявших в Японском море. Около тысячи самолетов нанесли удар по аэродромам красных ВВС от Хабаровска до Владивостока... Вторая и третья волны морской авиации нанесли бомбовые удары по судам и докам советского флота во Владивостоке и в Находке.

В то же утро на восточном фронте три армии под командованием Ямаситы сделали бросок вперед. К северу от Гродеково генерал-лейтенант Маруяма не терял уверенности, несмотря на то, что его войска находились в гуще леса. В него вселял бодрость непрерывный стук топоров в руках тысяч китайских чернорабочих, шедших в авангарде его 2-й Сендайской дивизии...».

Что скажете о творении П. Цуроса (*«Хокусин, или Вторая русско-японская война»*)?³ Нарисованный им «апокалипсис» неприятен и многих возмутит. Но ведомо ли им, что от его реального воплощения СССР дважды был «на волоске»?

...Подполковник Цурос служил аналитиком в Национальном разведцентре армии США, а в отставке отдался сочинительству в жанре «альтернативной истории», сразу же преуспев: его «Хокусин» вызвал интерес во многих странах.

Фантазирует он близко к реальности — по «подсказке» тех же документов, сведений, какими оперируют в своих трудах историки-профессионалы (например, авторы сборника *«Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке»*)⁴, выпущенного Фондом исторической перспективы во взаимодействии с Комиссией при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории. Реальность угрозы, нависшей тогда над СССР, подтверждена в статье «Нейтралитет по-японски» из этого сборника. Ее автором проф. А. Кошкиным цитируются, в частности, отрывки из стенограммы императорского совещания от 2 июля 1941 г., определившего *«поход на север»* (по-японски, «хокусин») как одну из главных военных и политических целей империи. Приведен и разработанный генштабом график реализации плана *«Кантокуэн»* (*«Особые маневры Квантунской армии»*) — шифрованное наименование *«хокусина»* в японских документах). Начало переброски и концентрации войск назначено на 20 июля, начало «операций» — на 29 августа, их победоносное завершение — на середину октября.

«...В большинстве случаев советская оборона была прочной, и ее прорыв стоил жизни множеству японских солдат, — читаем у Цуроса. — Советская артиллерия действовала на удивление хорошо и использовала боеприпасы в таких количествах, которые японцам и не снились. Особенно стойко держались отряды НКВД. Сбывались худшие предсказания Люшкова». Сам он бродил где-то в штабных коридорах. Ямасита некоторое время работал с ним и сразу невзлюбил его — как бы ни был он полезен Его Величеству, генерал испытывал непреодолимую неприязнь к предателям...

Тем временем Апанасенко⁶ позвонил в Москву. *«Да, Иосиф Виссарионович, врага приходится сдерживать по всей границе. Укрепрайоны на некоторое время задержали японцев, но они уже почти пробились сквозь них. Они перерезали Транссибирскую маги-*

страль в нескольких местах. Их канонерки вошли в Уссури через Сунгари и разрушили несколько железнодорожных мостов в районе Хабаровска... Да, они все потоплены, но штурмовые отряды атакуют мосты и туннели от Хабаровска до Благовещенска... "

Объективности ради Цурос рисует проблемы воображаемого блицкрига:

«Ямаситу продолжало изумлять сопротивление неприятеля в укрепрайонах. Что там говорил ему немецкий генерал о русских? «Недостаточно убить русского, надо еще сбить его с ног»⁷. Список потерь ужасал, но Ямасита все равно гордился своими воинами, своими самураями... Солдаты гибли в огромном количестве, подобно лепесткам, опадающим с цветов вишни...

Т-34 развили такую скорость, которая и не снилась японским «Тип 98», их 76-мм орудия тут же нашли свои цели, и японские танки превратились в огненные цветы. Советские войска прошли бы и по высоте 341, и по самому Маруяме, если бы не появился рой японских самолетов... Японские пехотные дивизии обогнули танковое сражение, сомкнулись за Ворошиловым⁸ и двинулись дальше на юг... Это было 23 сентября — прошло 46 дней с начала наступления».

Т.е. уже тремя днями дольше, чем держалась перед блицкригом Гитлера Франция. Продолжая игру в объективность, Цурос не дал японцам соблюсти сроки «Кантокузна»: начали раньше, кончили позже; нам же не позволил сопротивляться долго:

«... Апанасенко отважно сражался за Хабаровск, но игра была окончена, и даже он это понимал. Город пал в декабре... Апанасенко запомнят за его заботу о сотнях тысяч русских, бежавших вместе с войсками. Также по ходу отступления он открывал ворота лагерей и заставлял охранников и зеков вступать в ряды боевых формирований. Скорее всего, Сталин расстрелял бы Апанасенко, если бы сам пережил тот декабрь — он исчез во время суматошного бегства из павшей Москвы».

«Утомившись» от корректности, Цурос передергивает карты: разгром немцев под Москвой — исторический факт, который не мог быть «отменен» гипотетическим поражением СССР на Дальнем Востоке; «суматошное бегство из Москвы» не стыкуется с фактом парада 7 ноября на Красной Площади; «расстрел» Сталиным Апанасенко (близкого ему со времен Гражданской войны, не запятнанного связями с Троцким, помогшего Москве переброской «сибирских» дивизий)⁹ — немотивированный вымысел. Будь автор честнее, он бы наряду с одержимостью самураев в бою показал их свирепость после боя (не следовало ли бы, объективности ради, обогатить опус картиной «хабаровской резни» — по аналогии с реальной «нанкинской резней» (декабрь 1937 г.): когда японская солдатня за пару недель зверски умертвила более 300 тыс. горожан и военнопленных (соревнуясь, кто больше голов посрубает, больше женщин изнасилует). Для сравнения: в Бухенвальде, Дахау, Маутхаузене и Майданеке, вместе взятых, нацисты истребили с 1938 по 1945 гг. 299 тыс. человек.

Что же касается соотношения сил, имен военачальников с обеих сторон — эти подробности в книге безукоризненны (вплоть до «назначенцев» в марionеточные территориально-административные структуры, что могли бы, по мнению Цуроса, быть учреждены японцами в постсоветской России):

«... Григоренко, освобожденный из японского плена в 1943 году, стал успешным гражданским инженером в Российской Евроазиатской Федерации (РЕФ) и написал полную историю Второй русско-японской войны... Люшков оказался на удивление хорошим губернатором Приморской провинции Его Императорского Величества...

Манильский договор, подписанный 2 марта 1942 года, пришлось спонсировать президенту Рузвельту, которого больше волновал выход России из игры и то, что Германия-победительница, по-волчьи скалясь, поглядывает через океан... Рузвельт в страхе ждал угрозы с востока, и японцы смогли всю зиму и весну беспрепятственно продвигаться в южном направлении».

Как складывался бы «альтернативный» вариант войны, с Цуросом есть, о чем поспорить. Но согласимся: при неблагоприятном стечении обстоятельств — судя по нашим катастрофам в начале Великой Отечественной (как и англо-американским — вслед за Пёрл-Харбором), «летальный» для СССР финал был возможен. Это косвенно подтверждает боязнь войны на два фронта, овладевшая Сталиным с середины 1930-х гг.

«Имеются, по-моему, два очага военной опасности, — сказал он в марте 1936 г. американскому газетному магнату Говарду. — *Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии... Второй очаг находится в зоне Германии... Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу*» (так потом и стало). На вопрос «если действительно война неизбежна, то когда она разразится?» ответил: «*Это невозможно предсказать... Ныне войны не объявляют. Они просто начинаются*». Опять угадал! И все последующие годы делал все возможное (и невозможное), чтобы войны на два фронта не допустить. Что из сделанного было «невозможным», разберемся, отталкиваясь от Цуроса (точнее, от одного из изъянов в его опусе).

...В отличие от основоположника жанра, чья гипотеза обусловлена ясным исходным условием (*если бы* Александр Македонский не умер), у Цуроса это ключевое «*если бы*» повисает в воздухе. Корректно ли — мотивировать срыв «похода на Север» тем, что Берлин не уведомил дальневосточных поделщиков о времени своего нападения на СССР? Касаясь споров в Токио, с похода на Север (*хокусин*) или на Юг (*нансин*) начать вожделенный путь к мировому господству, Цурос уверяет: «*Официальное предложение Гитлера могло бы привлечь внимание Японии на открывающиеся возможности и придать вес аргументам тех, кто предлагал идти на север*». И в своем «сценарии» подправил историю, введя прямую просьбу Гитлера к Токио — напасть на СССР синхронно. Но ведь японцы о примерной дате догадывались — по намекам Риббентропа¹⁰ (что, в сущности, не имело значения, ибо они изначально вели свою игру, исходили из своих мотивов и расчетов). Японцы владели, к примеру, «стратегией спелой хурмы» — искусством терпеливо выжидать, когда добычей легче овладеть...

Что именно предотвратило «*хокусин*», Цурос не догадался. Из-за проблем с эрудицией и кругозором не сообразил: в 1941 г. японцы не преминули бы атаковать СССР, *если бы* шестью годами ранее не перестроил свою политику Коминтерн, и не прервалась благодаря этому гражданская война в Китае.

2. Коминтерн, Троцкий, «термидор»

VII конгресс Коминтерна (шедший в Москве с 25 июля по 20 августа 1935 г.) вниманием СМИ не обделен: как-никак он отверг традиционные аксиомы мирового коммунистического движения! Удивительно, что никто не обыграл курьезное (и знаменательное) совпадение: он чуть ли не день в день уложился в рамки... месяца «термидор»¹¹. Не сообразил даже завзятый острослов Троцкий, уже 10 лет копивший компромат на Сталина как на изменника делу революции, «термидорянца».

Выявленные к тому моменту сталинские грехи (такие как обоснование допустимости строить социализм в отдельно взятой стране и неприятие идей «*перманентной революции*», отказ от *уравниловки* в оплате труда и поощрение мелкого *предпринимательства*, реабилитация *казачества* и восстановление в правах *постреволюционных «инженцев»*¹², замена «*пролеткульта*» нормами классической культуры¹³ и барьеры нападкам на историю Российской империи¹⁴ в сочетании с «*послаблениями*» к православной церкви) — мелочи рядом с директивой VII конгресса Коминтерна о переходе к Народным фронтам с участием интеллигенции, мелкой и даже крупной (но антифашистски настроенной) буржуазии, а также социалистов, «радикалов», пацифистов. К такому повороту вполне годился ярлык «*контрреволюция*», ибо компартиям, по сути, предписывалось —

от борьбы за развал «одряхлевшего мира» перейти к союзу с оным (как альтернативе германо-японскому глобальному разбою).

Крутизна поворота была еще и в том, что ВКП(б), Коминтерн (и сам же Сталин) отметали ранее альянсы даже с социал-демократами, коим предыдущий, VI Конгресс (1928 г.) присудил — устами тогдашнего генсека Коминтерна Зиновьева — ярлык «социал-фашистов». Еще летом 1929 г. правая рука Сталина в политбюро, Молотов утверждал, что социал-демократия все более перерождается в «социал-фашизм». Но выборы, прошедшие в 1930–33 гг. в Германии, обнаружили: не будь размежевания коммунистов с социал-демократами, приход Гитлера к власти мог бы быть предотвращен!

Очередной конгресс Коминтерна отсрочили, стали ломать головы над коррективами в его политику (и в дипломатию СССР — тоже «термидорианскими») ¹⁵. Весьма кстати объявился в Москве герой Лейпцигского процесса Г. Димитров, ему и была поручена подготовка центрального доклада Исполкома Коминтерна (ИККИ) — VII Конгрессу.

Определение фашизма как главного врага рабочего класса и всего рода людского, призыв к концентрации сил для предотвращения мировой войны и перехода к Народным фронтам — эти новшества позволили расценить VII Конгресс как второе по значимости (после Октябрьской революции) событие в коммунистическом движении. Троцкий же, позиционировавший себя глашатаем идей мировой революции, с места в карьер ринулся в бой против, как он выразился, «запоздалого и тем более губительного оппортунизма (сотрудничества классов под пустым знаменем "антифашизма", социал-патриотизма, под прикрытием "защиты СССР")».

«Версальский мир входит таким же звеном в подготовку будущей войны, как и программа Гитлера, — утверждал он в своем «бюллетене большевиков-ленинцев». — В полном разрыве со всеми основными хартиями Коммунистического Интернационала, докладчики VII Конгресса и вслед за ними участники прений единодушно повторяли, что источником военной опасности является немецкий фашизм. Эта поверхностная концепция мировых отношений возвращает нас к официальной доктрине Антанты 1914–1918 гг.; только на место прусского милитаризма поставлен фашизм». Когда советская дипломатия использовала империалистические противоречия, она, по его словам, «отнюдь не выдавала их при том за противоречия между "реакцией" и "демократией"».

Т.е. Гитлер и Эррио, Муссолини и Рузвельт, Мацуока и Чан Кайши для Троцкого «одним лыком шиты»: «главный залог существования и развития Советского Союза руководство эпохи Ленина видело в развитии европейской и мировой революции» ¹⁶.

Атаку на эти перемены Сталин предвидел, судя по его «упреждающему ответу» что изложил за месяц до Конгресса в беседе с Роменом Ролланом. На слова Нобелевского лауреата, что «социалистическое и коммунистическое сознание смущено военным союзом СССР с правительством империалистической французской демократии», Сталин ответил: соглашение с Францией о взаимной помощи заключено «при условиях, когда в Европе, во всем капиталистическом мире возникли две системы государств: фашистских, в которых механическими средствами подается все живое, душит рабочий класс и система государств буржуазно-демократических... Остаться нейтральным — значит облегчить возможность для фашистов одержать победу, а победа фашистов является угрозой для дела мира, угрозой для СССР, а, следовательно, угрозой и для мирового рабочего класса». Вмешиваясь в эту борьбу, уточнил Сталин, «мы как бы кидаем на чашу весов борьбы между фашизмом и антифашизмом, между агрессивной и неагрессивной, — добавочную ширьку...» ¹⁷.

Не странно ли: элементарные истины мирного сосуществования экстремально кровавых революций «разжевывал»... заядлому пацифисту (столь стойкому ненавистнику войн, что в годы Первой мировой не пожелал агитировать за победу своей родины, Франции).

Еще нечто удивительное: вместо того, чтобы передать текст беседы с мировой знаменитостью «Правде», Сталин... отослал ее в архив с грифом «секретно». Может быть, стало не по душе, что попал в позицию «оправдывающегося»? Или что уступает Троцкому в искрометности стили? Кстати, Конфуций не одобрял дара красноречия, видя в оном шанс для неправого брать (хитростью) верх над истиной! Каламбуры Троцкого в адрес VII Конгресса эту мысль подтверждают. Не шедевр ли красноречия такие его уколы: «*Ленина спасла только смерть: не успев посадить его в тюрьму, эпигоны затерли его в мавзолей*». Или: «*Сталин на Конгрессе блистал молчанием*».

Он уловил «слабину» врага! Действительно, пока шел Конгресс, Сталин в Доме Союзов почти не бывал, ни разу не выходил на трибуну — в отличие от Троцкого, с нее как бы не сходявшего. И позже в статьях, речах на выпады не отвечал, о VII Конгрессе не высказывался. Не из опасения ли, что продиктованная жизнью «перестройка» — и в самом деле неадекватна ленинским канонам 15-летней давности? Не пытался ли уйти от обострения дразг внутри ВКП(б), хаоса в умах с потенциальными кровавыми чистками? Троцкий же хаоса жаждал, и его уколы (наивно-доктринерские по мысли, но хлесткие по форме) успешно сеяли зерна сомнения у ветеранов «ленинской гвардии», у пассионарных командиров Красной армии, у горевшей романтизмом молодежи (вроде Копенкина из «Чевенгура», «поклонника» Розы Люксембург, некоторых друзей Павки Корчагина.)

*«То, что называется "прениями" Конгресса, представляет на самом деле длинную и ужасающую скучную комедию с заранее распределенными ролями. К тому же и актеры плохи»*¹⁸ — симбиоз красноречия и отстраненности от истины опять налицо. Это Димитров-то «плох»? На Лейпцигском процессе он, напомним, отверг услуги адвоката и, взявшись сам себя защищать, превратил нацистское судилище в суд над нацизмом. Его 36 раз лишали слова, но он выиграл дуэль! Или ораторы VII Конгресса Морис Торез, Долорес Ибаррури плохи? В следующем, 1936 г. они предстали «солистами» побед новорожденных Народных фронтов. Их ли вина, что левое правительство Франции просуществовало лишь год с небольшим, а левая власть в Испании была раздавлена контрреволюцией и германо-итальянской интервенцией.

«Все эти события привели к замораживанию стратегии народного фронта», — вывод М. Жумажанова в диссертации по проблематике VII Конгресса, пессимистичен¹⁹. Даже Ю. Жуков, известный своим анализом попыток Сталина радикально реформировать в середине 1930-х гг. политическую систему СССР, почему-то счел «бесплодной» тогдашнюю корректировку внешней политики. Не пожалев в своей книге «Иной Сталин» места для анархо-троцкистского мятежа в Каталонии, ни словом не упомянул Сианьский инцидент. Как бы по формуле *«слона-то я и не приметил»*, историки упустили из виду Китай.

3. «Рука Москвы» и замирение «красных» с «белыми» в Китае

Благодаря бушевавшей в Китае гражданской войне японцы в 1931 г. легко завладели его Северо-Восточным регионом, создав марионеточное государство Маньчжоу-го, и теперь готовились поглотить «остальной» Китай. VII Конгресс совпал с Великим походом китайской Красной армии²⁰: контакты ИККИ и Советской Республики (с Мао, главой правительства) надолго прервались. Москва не знала, что в январе 1935 г. к нему перешло, по сути, лидерство и в КПК, и в армии; тот не был в курсе «перестройки» в Коминтерне. Летом 1936 г., когда радиосвязь наладилась, Мао о переменах уже кое-что знал, одобрил их, но в возможность единения с Чан Кайши не верил (имея на то основания). Предпочел «замиряться» с патриотично настроенными военачальниками, как маршал Чжан Сюэлян (чья Северо-восточная армия, вытесненная японцами из Маньчжурии, соседствовала теперь с Советской республикой, перебравшейся на Север). С лёгкой руки одного и прогремели события, ставшие катализатором национального примирения.

...12 декабря 1936 г. в Сиани, столице пров. Шэньси, Чжан Сюэлян и командир Юго-западной армии Ян Хучэн взбунтовались против Чан Кайши, принуждавшего их двинуть свои армии против Советской республики. Арестовав «генералиссимуса», они ультимативно потребовали от него: мир — с коммунистами, отпор — японцам!

Получив эту весть, Мао, по свидетельству очевидца, «хохотал, как безумный», и его восторг понятен: ведь речь шла не просто о приумножении сил Советского района. Символично, что к нему, казалось, переходил один из крупнейших и древнейших городов Китая, в прошлом — столица шести династий, начиная с Цинь, некогда сведшей разрозненные княжества в единую державу (именно здесь потом нашли одну из главных реликвий Китая — сокрытое под землей «войско» из 8099 terraкотовых воинов).

Но славы «стольного града» Советской республики Сиань не сподобилась: 25-го декабря Чан Кайши оказывается на свободе, а 28-го Мао (только что отметивший 42-летие) оповестил, что тот отводит войска от Шэньси — в качестве *«первого шага по пути изменения порочного курса на гражданскую войну»*. КПК, присовокупил он, *«настаивала на мирном урегулировании сианьских событий и прилагала значительные усилия для достижения этой цели, руководствуясь жизненными интересами нации»*²¹.

Мао как бы выпустил «синицу», снискав «журавля», и предстал «архитектором» 8-летней паузы в гражданской войне! По этой версии в КНР снимаются фильмы, пишутся книги (ее придерживается и Маомао в монографии «Мой отец Дэн Сяопин»²²), и двое историков-китайцев, чья статья включена в сборник «Гроза на Востоке»²³.

Эта версия выглядела бы складно, если изъять цепочку событий, случившихся с 13-го по 16-е декабря в Баоане²⁴, Нанкине, Москве.

13-го: митинг в Советском районе требует предать Чан Кайши народному суду; политбюро ЦК КПК наставляет на высшей мере; Мао спешит к телеграфному аппарату, и волна эйфории летит к Димитрову, с ним — к Сталину. И разлетается мелкими брызгами: не разделив общей радости, тот требует *«настоять на мирном разрешении конфликта»* (словно бы знал, что Нанкин уже объявил военное положение в стране и карательный поход на Сиань, вызвал из Европы крайне правого политика Ван Цзинвэя).

14-го: «Правда», не выбирая выражений, выплескивает ушат обвинений... на Чжан Сюэляна: мол, *«бывший правитель Маньчжурии почти без боя отдал богатейшие провинции Северо-Восточного Китая японским империалистам. Теперь он, спекулируя на антияпонском движении, поднимает знамя борьбы якобы с Японией, а на самом деле способствует расчленению страны, усугубляет хаос в Китае...»*.

Нарком иностранных дел СССР М. Литвинов заверил китайского посла: *«Мы всегда стояли за объединение Китая и никогда не сочувствовали внутренней борьбе китайских генералов»*²⁵.

16-го: ИККИ в своем ответе (написанном при участии Сталина и Молотова) расценил сианьскую акцию как вредную для перспектив Единого антияпонского фронта (*«какие бы ни были намерения»* Чжан Сюэляна) и дал советы, как Компартии Китая налаживать общую с Гоминьданом платформу.

*«Нетрудно представить, что должен был почувствовать Мао Цзэдун, — пишет В. Панцов. — Унижение? Стыд? Разочарование? Скорее всего, и то, и другое, и третье. По словам Эдгара Сноу, Мао «пришел в ярость, когда получил указание из Москвы освободить Чан Кайши. Он ругался и топал ногами»*²⁶.

Подсказку Мао все же принял, представив ее... как свое собственное решение («сохранение лица» — один из устоев восточной этики). Впрочем, при своем аналитическом складе ума он был способен осознать предпочтительность компромисса. Чан Кайши, воротясь в Нанкин, сдал под трибунал обоих напросившихся ему в провозачье «мятежников» и словно бы забыл свои устные обещания об отпоре японцам. А прояпонская клика, разжигая страсти, пыталась повернуть сианьский инцидент себе на пользу. В «па-

товой» ситуации Москва воздействовала на Чан Кайши через своих дипломатов в Нанкине, на Мао Цзэдуна — через Секретариат Исполкома Коминтерна.

...Телеграмма от 20 января 1937 г. (написанная с участием Сталина, Димитрова, Жданова, Молотова) содержала столь резкие упреки, словно ИККИ взял сторону Чан Кайши. Мирное разрешение шаньских событий, указывалось в ней, может быть сорвано не только происками японцев и их агентуры, но и ошибочными шагами компартии. *«Сейчас яснее чем когда-либо раньше видна неправильность прежней установки партии — добиться установления единого фронта путем устранения Чан Кайши и низложения нанкинского правительства... Партия еще не освободилась окончательно от этой ошибочной установки, ведет курс на раскол Гоминьдана, а не на сотрудничество с Гоминьданом. Само соглашение с Чан Кайши и Нанкином рассматривается как капитуляция Чан Кайши и Нанкина, — отчитывала Мао Цзэдуна Москва. — Сотрудничество с шаньцами проводится как блок, направленный против Нанкина, а не на совместные действия с ними против общего врага. Все это льет воду на мельницу прояпонских элементов... Главная задача партии сейчас — добиться совместных действий с Нанкином против японских захватчиков, хотя бы на первых порах и без формальных договоров»*²⁷.

Днем позже пришла в Баоань директива, вонстину «антисоветская». Компартии предписывалось: ради взаимной адаптации с Гоминьданом — заменить на подконтрольной территории Советы — народно-революционным управлением «на демократических основах» (оставив Советы «только в городских центрах и не как органы власти, а как массовые организации») ²⁸. Ю. Жуков мог бы истолковать это как попытку «экспорта» в Китай сталинской идеи политической реформы (включая альтернативные выборы), которую тот попытался внедрить в СССР.

Мао, кажется, понял и принял эту «игру в поддавки»: даже текст своего послания готовившемуся тогда пленуму ЦИК Гоминьдана предпочел согласовать с Москвой. Гоминьдану предлагалось единение на принципах полного прекращения гражданской войны, концентрации сил для противостояния японской агрессии, обеспечения свободы слова, собраний и организаций, амнистии политзаключенным. Со своей стороны КПК посулила: отказ от курса на вооруженные восстания; проведение на своих территориях всеобщих выборов; прекращение конфискации земли у помещиков; переименование Рабоче-крестьянского правительства в Правительство Особого района Китайской Республики; включение Красной армии в гоминьдановскую Национально-революционную армию, при подчинении Центральному правительству и Военному комитету в Нанкине ²⁹.

Ради антияпонского единения были сделаны, казалось, все мыслимые уступки, но Гоминьдан оглашает 22 февраля 1937 г. резолюцию «Об искоренении «красной опасности». Перед Компартией ставятся «четыре условия», включая... роспуск Красной армии. Но и этот «кушат воды» Москву не охладил, «наведение мостов» продолжалось:

27 февраля: на страницах "Правды" появился «иезуитский» по сути намек, что «четыре условия» не ставят («если их правильно понимать») «непреодолимых препятствий для сотрудничества КПК с Гоминьданом»;

11 марта: нарком Литвинов встречается с китайским послом;

15 марта: радио Сиани оглашает заявление ЦК КПК о согласии начать мирные переговоры «на основе «четырех условий»;

25 марта: в Китай возвращается (как бы «взятка» Кремля) сын Чан Кайши (некогда от него отрекшийся и 12 лет проживавший в СССР под фамилией «Елизаров»);

3 апреля: На конфиденциальных переговорах Чан Кайши с советским послом Богомоловым наряду с вопросами взаимодействия Гоминьдана и КПК обсуждаются... перспективы материальной помощи СССР — Китаю (еще одна «взятка»?);

8–15 июня: на встрече в Лушане Чжоу Эньлай и Чан Кайши договариваются прекратить гражданскую войну, приняв «три принципа Сунь Ятсена» как идеологиче-

скую основу сотрудничества (по сути, как раз тот «общий знаменатель» враждующих сторон, на котором настаивал в январских телеграммах Мао Цзэдуна ИККИ. — А.К.).

С использованием всех мыслимых средств нажима шла «психологическая дуэль»: с одной стороны — Япония с ее «пятой колонной», с другой — СССР и Коминтерн с патриотическими силами Китая. У Японии быстрее «сдали нервы»: 7-го июля 1937 г. провокацией у пекинского моста Лугоуцяо началась ее тотальная агрессия, подстегнувшая процесс строительства «китайского фактора» 2-й мировой войны:

21 августа: в Пекине подписывается Советско-китайский Договор о ненападении;

14 сентября: Москва, не колеблясь, говорит «да» китайской военной делегации насчет военной помощи СССР³⁰;

22 сентября: оглашается декларация ЦК КПК (датированная 15-м июля) о взаимном сотрудничестве с Гоминьданом в борьбе против Японии;

23 сентября: Чан Кайши официально заявляет о «легальности» КПК и о готовности сотрудничать с ней в борьбе против Японии;

21 октября: для Китая уже подготовлена первая группа летчиков, специалистов по аэродромному обслуживанию, инженеров и рабочих по сборке самолётов (447 чел.);

21 ноября: боевое крещение советских добровольцев (7 истребителей И-16 в бою с 20-ю японскими самолётами сбили над Нанкином два истребителя и бомбардировщик — сами обойдясь без потерь).

«Китайский фактор» стал фактом. Настойчивость СССР и Коминтерна восторжествовала. Роль Снаньского инцидента оказалась таки положительной. Но с его доблестными «зачинщиками» судьба обошлась несправедливо: Чжан Сюэлян почти всю оставшуюся жизнь провел под домашним арестом у Чан Кайши. Ян Хучена и его двоих детей гоминьдановцы умутили перед бегством «генералиссимуса» на Тайвань³¹.

...С международно-правовой точки зрения принуждение Москвой воевавших в Китае Сторон к миру являло собой вмешательство в его внутренние дела. Но оно было необходимым и оправданным: на кону стояли судьбы Китая. СССР, всего человечества.

4. Как «Хокусин» отстал от «Барбароссы»

28 июля пал Пекин, 30-го — Тяньцзинь, 9 ноября — Тайюань, 11 ноября — Шанхай, 13 декабря — Нанкин, 24-го — Ханчжоу. Полгода не минуло от начала агрессии, как столица Чан Кайши отодвинулась в Ухань: потом — в Чунцин. Все это по сей день плодит упреки в «крайне низкой боеспособности» Китая. Тщетно искать у журналистов, мемуаристов повествования о подвигах китайцев при защите этих городов. Что их попытки «противостоять военному давлению Японии» были «мало эффективны», констатируется и в капитальном труде о международных аспектах 2-й мировой, вышедшем у нас при американском участии на финише перестройки³².

Но эффективней ли противостояли фашистским извергам «западные демократии»? Польша перед натиском рейхсвера продержалась 24 дня; Чехия сдалась без боя, Голландия — через четверо, Бельгия — через 18 суток.

Французы (не уступая немцам ни числом дивизий, ни по танкам, самолетам) защищались лишь 43 дня, зато Тайюань отбивался от японцев 70 дней. Шанхай — три месяца! Японцы планировали одолеть его за 3 дня, и это — не пустая бравада: управились же за 6 дней с Сингапуром, когда бравый Ямасита разгромил силами 36 тыс. самураев 85-тысячное войско англичан!³³ Но сроки для Шанхая назначались, когда над Китаем еще веяли демоны Гражданской войны (кто бы его защищал, когда китайцы были заняты взаимным убийством?). Но теперь Китай предстал агрессорам не «спелой хурмой», не таким, какой возможно покорить быстро.

Как далек от истины проф. М. Парилло, утверждая (на страницах нашего сборника «Гроза на Востоке») что японские наземные силы «за 15 лет боев на азиатском

материке не испытали горечи поражений»³⁴. Сие верно, имея в виду их схватки с американцами и англичанами. Но слышал ли Парилло (а он — президент Американской ассоциации историков 2-й мировой войны) о битвах у озера Хасан, реке Халкин-гол? В последней японцы потеряли 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными — «слона» профессор не приметил. Зато успех флота США при Мидуэе (где потери Японии в живой силе не превысили 2500 убитыми и ранеными) принято славить как судьбоносный...

Доводилось японцам быть битыми и китайцами. В сентябре 1937 г. под Пинсингуанем их бригада, сопровождавшая обоз, попала в засаду, подстроенную Линь Бяо в стиле Сунызы. Японцы потеряли около трех тысяч человек (немного, но больше, чем при Мидуэе). Несколько месяцев спустя их 60-тысячная группировка вырвалась из окружения под Тайэрчжуаном ценой трети своего состава. Еще через три месяца китайцы, разрушив дамбы на Хуанхэ, пустили на дно танки, пушки, рвавшиеся к Ханькоу. Дважды отбивалось наступление врага на Чанша, уйму хлопот принесла ему «битва ста полков», проведенная 8-й (бывшей Красной) армией в 1940 г.

В большинстве сражений японцы брали верх, но победы зачастую были «пирровыми». Как и битва под Уханем, самая крупная в войне Сопротивления. К мегаполису рвались с разных сторон японские колонны общим числом 350 тыс. чел. (больше, чем в двух германских армиях в сталинградском котле!). Обороняли же Ухань... 1,1 млн чел. Японцы потеряли 140 тыс. убитыми и ранеными³⁵, китайцы — 400 тыс. (среди них — 100 наших воинов-добровольцев, в основном, летчиков). Не будь их, японцы одолели бы оборону гораздо быстрее, что имело бы, как увидим ниже, огромное стратегическое значение. Кстати, над Уханем перевес японцев в воздухе оказался «лишь» полуторным (только 29 апреля там был сбит 21 японский самолет).

...Неприхотливые, стойкие, патриотично настроенные китайские бойцы противостояли фашистским захватчикам куда упорнее французов, бельгийцев, англичан. Они отступали из-за нехватки оружия. Мудрый Рузвельт понял это сразу же после удара японцев по Пёрл-Харбору, Сталин же — за 4 года до еще более мощного удара по СССР (не состоявшегося благодаря организованному им «китайскому фактору»).

Снабжать Китай оружием Москва начала сразу же вслед за образованием Единого фронта. С 1937 по 1941 гг. (когда Китаю никто другой еще не помогал) СССР поставил ему 1235 самолетов, 1600 орудий, 1850 грузовиков и тракторов, боевую технику для оснащения 20-ти дивизий³⁶. Академик В. Мясников, касаясь в сборнике «Гроза на Востоке» этих поставок³⁷, напомнил, что по времени они совпали с нашей помощью республиканцам Испании. Для последних она кодировалась в документах как «помощь Икс», Китаю — как «помощь Игрек». При сопоставлении результатов приходится признать: «помощь Игрек» попадала в более надежные руки.

...Восточный и западный фланги — «наконечники» фашистской «оси» творили разбой словно наперегонки, и первый поначалу опережал. К осени 1938 г., когда гитлеровский рейх успел «лишь» проглотить Австрию и домогался в Мюнхене англо-французской «визы» на аннексию Судет, Япония уже контролировала пространства Северного, Центрального и Южного Китая, их важные экономические центры, железнодорожную сеть³⁸. Зато к лету 1941-го Германия овладела Европой почти в рамках нынешнего Евросоюза, Япония же на китайском ТВД «забуксовала». Потому, в частности, что уханьская битва обернулась «непланируемыми» потерями и неожиданно затянулась.

...В монографии «Японский фронт маршала Сталина»³⁹ (что представляет собой сильно расширенный вариант его статьи «Нейтралитет по-японски») проф. Кошкин в числе «оставшихся не до конца выясненными» проблем упомянул: «Почему Япония не напала на СССР летом 1941 г.?». И сам того не подозревая, на сей вопрос ответил. Подробно раскрывая коварство Токио в отношении Советско-японского Договора о ненападении, он огласил много японских документов, подтверждающих его концепцию, не заметив, что в них, между прочим, содержится и решение упомянутой загадки.

Из стенограммы 34-го заседания Координационного совета правительства и императорской ставки (КСПИС) от 27 июня 1941 г.:

Министр иностр. дел Мацуока: «Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Ничего не предпринимая, ничего не получишь».

Военный министр Тодзио: «Как соотносится это с китайским инцидентом?»

Мацуока: «Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией».

Тодзио: «Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?»

Мацуока: «Я сторонник нравственных начал в дипломатии... Мы не можем отказаться от Тройственного пакта⁴¹... Я бы хотел располагать решением о нанесении первоначального удара на Севере и я бы хотел сообщить об этом Германии».

Начальник Генерального штаба Сугияма: «Нравственная и благородная дипломатия — это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае».

Из стенограммы 36-го заседания КСПИС от 30 июня:

Тодзио: «Трудность принятия решения — в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать».

Из стенограммы императорского совещания от 2 июля по Программе национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки:

Председатель Тайного совета Хара: «Война между Германией и СССР действительно является историческим шансом Японии... Мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на СССР, как этого хотелось бы».

Итак, благодаря «интригам» Коминтерна, поставкам советского оружия под «грифом Зет», летному искусству наших асов, стойкости миллионов китайских воинов (и вопреки Мацуоке, Ван Цзинвэю, Троцкому) «Хокусин» отстал от «Барбароссы», синхронизация двух агрессивных против СССР оказалась неосуществимой.

...Немаловажное преимущество плана «Барбаросса» перед «Хокусинном»: первый из них обслуживался почти всей Европой. В Чехии (чья военная промышленность, без единого выстрела сданная немцам, считалась мощнее британской) были сработаны танки, остановленные перед Москвой «панфиловцами», выпускались немецкие автоматы — «шмайзеры»; из чешских и французских дальнебойных гаубиц обстреливался Ленинград; в Чехии и Франции производились «рамы» — двухкорпусные самолеты-разведчики «Фокке-Вульф-189». У нас в разгар войны десяткам тысяч рабочих во цвете сил выдавалась «бронь», ибо их руки были нужнее у станков, ковавших оружие. Для Гитлера с ролью таких «забронированных» успешно справлялись сотни тысяч чехов, французов, поляков, бельгийцев, голландцев, норвежцев и пр. «Население территорий, которое в настоящее время работает на нас, равняется 250 миллионам человек», — объявил Гитлер в речи от 9 ноября 1941 г. (а все население СССР к началу войны составляло 190 млн).

Людские и материальные ресурсы Азии многократно масштабнее европейских, но японский проект «Великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания», к счастью, обрел реальные черты лишь в 1942 г. Цуросу и не снилось, сколь мощная сила обрушилась бы на СССР с востока, если бы японцы преуспели в реализации идей мирового господства «желтой расы» к лету 1941 г. Главной помехой в этом явился все тот же «китайский фактор», у историков Второй мировой войны должной оценки еще не получивший.

Китайский ТВД по его реальной роли в судьбах антифашистской коалиции оказался, на наш взгляд, вторым после советского. А недооценка этой его роли есть одновременно — и недооценка роли СССР.

...Хотя летом 1941 г. «блиц-криг» японцев не состыковался с германским, план «Хокусина» не был спрятан «под сукно». Его отложили до удобного момента, и тот, казалось, настал к осени 1942 г., когда Гитлер предвкушал триумф под Сталинградом. Над Дальневосточьем вновь навис Дамоклов меч японской агрессии, и депеши Владимира из Яньани становились день ото дня тревожней:

23 июня (1942 г.): «В Маньчжурии поговаривают о создании государства «Сибирь-Го». Поголовно мобилизуются белогвардейцы-семёновцы».

18 августа «В школе в Маньчжурии передислоцирована еще одна японская пехотная дивизия. По-прежнему обилен поток военного снаряжения для Квантунской армии. Продолжается перелет из Китая и Японии новых авиачастей к советским границам».

1 сентября: «Японские дивизии покидают казармы и разворачиваются в боевые порядки перед советской границей. Из метрополии следуют маршевые команды. В Маньчжурии продолжается сосредоточение переправочных средств. Прокладываются шоссейные и грунтовые дороги. Со второй половины августа в Квантунской армии отменены отпуска военнослужащих...».

14 сентября: «Японская танковая армия, судя по дислокации, предназначена для действий на Приморском направлении для захвата Хабаровска. Штаб Квантунской армии преобразован во фронтовой с тремя направлениями (Забайкальское, Приморское и вдоль реки Сунгари). Командовать одним из самых важных направлений назначен генерал Ямасита» (тот самый, из книги Цуроса. — А.К.)

Тогда же, в сентябре, Владимир и переводчик Алеев отправились на выносливых местных лошадках к местам соприкосновения войск компартии с японцами. «8-я НРА мирно уживается с врагом, — гласила первая его запись. — На зиму японцы с удобствами устроились в населенных пунктах (мы их объезжали), а по соседству бездействовали части НРА. В районе Синьсяна японцы ничтожными гарнизонами от пяти до сорока солдат оккупируют деревни, которые обложены частями Хэ Луна превосходящей численности. Мы спешили, покурили с бойцами, и они признались: «Трогать не велят. Говорят, уничтожим гарнизон, японцы нагрянут с подкреплением. Что тогда делать? А так мы их не трогаем, они — нас...».

5. Сталинградская битва: прозрение и выводы Мао Цзэдуна

Невероятно, но факт: разгром немцев под Сталинградом первыми огласили и прокомментировали не «Правда», не «Нью-Йорк таймс», но... китайская «Цзефан жибао», выпускавшаяся при свете керосиновых ламп в лессовой пещере провинции Шэньси. «Переломный момент в ходе второй мировой войны» — гласил заголовок этой статьи, принадлежавшей перу Мао Цзэдуна. Самой, кажется, удивительной и загадочной в багаже его публицистики⁴¹. «Эта битва является не только переломным моментом в ходе советско-германской войны и даже не только переломным моментом в нынешней мировой войне против фашизма, она явится и переломным моментом во всей истории человечества», — написал Мао. Сходное утверждение содержала «Грамота героям Сталинграда» от имени Рузвельта: мол, их «славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

У Мао формулировка серьезней, но главное отличие в ином: Грамота Рузвельта датирована 17-м мая 1943 г. (т.е., была послана через 106 дней после подписания Паулюсом капитуляции, а статья Мао... 12-м октября 1942-го — за 101 день до капитуляции Паулюса и за 48 дней до начала контрнаступления Красной Армии (операции «Уран»)! В день выхода в свет этой статьи у немцев не иссяк еще наступательный азарт. Ещё 30 суток оставалось до их последней, 11 ноября предпринятой попытки сбросить в Волгу войска генерала Родимцева, защищавшие узкий плацдарм на правом берегу; еще не вид-

но было конца жестоким схваткам за «дом Павлова», а Мао крах Паулюса уже мысленно лицезрел! Неужто налицо дар «ясновиденья»?

...«Мао был человеком высокого роста и мощного телосложения, — отметил пробравшийся 1 октября 1949 г. к воротам Тяньаньмэнь 30-летний доктор Ли Чжисуй (будущий личный врач Мао Цзэдуна), только что возвратившийся в патриотическом порыве из-за рубежа. — Его лицо было румяным, из-под чёрных густых волос выступал высокий лоб. Голос звучал мощно, а движения выдавали уверенного и сильного человека... «Китайский народ поднялся с колен», — начал Мао, и восторженная толпа ответила ему рукоплесканиями и здравицами... Моё сердце трепетало от радости, на глазах выступили слёзы счастья... Он обладал какой-то магнетической силой».

Обаяние, «магнетизм» Мао отмечали многие. Об этом мне рассказывали Сюй Дянь и Ли Юэжань, его личные переводчики. «Связник» от Коминтерна и военкор ТАСС П. Владимиров, прибывший в Особый район Китая весной 1942-го, запечатлел в дневнике свою первую встречу с вождем: «Держался он просто, неторопливо задавал вопросы и, улыбаясь, внимательно выслушивал каждого из нас... Между тем Кан Шэн⁴² стал рассказывать, как в Яньани⁴³ не удалось покушения... Оказывается, стоило Мао Цзэдуну взглянуть на злоумышленника, как тот сам добровольно во всем признавался. Отмечено три подобных случая...».

В этом коллективном «словесном портрете», действительно, налицо умение влиять на людей, внимать «внутреннему гласу», но триумф Сталинграда Мао угадал не чувствами, а интеллектom, силой логики:

«Сталинское мудрое стратегическое руководство обладает полной инициативой, — гласили его аргументы. — Гитлер уже выдохся... На советско-германском фронте ему придётся спешно переходить к обороне в момент, когда меньше чем через месяц наступит зима... Вся политическая и военная жизнь фашистского государства с самого дня его появления зиждется на наступлении, а с окончанием наступления кончается и его жизнь. Сталинградская битва остановит фашистское наступление; эта битва носит решающий характер...».

Не подумайте, будто реверанс Сталину, вкрапленный в статью, есть банальная любезность. Он также удивителен, ибо совсем недавно с уст Мао слетали иные метафоры: «Сталин не может одолеть Гитлера», «24-летний социализм не может справиться с 8-летним фашизмом» — так оценивал он самые для нас драматичные дни Великой Отечественной. Слетело как-то с языка такое суждение: «Стратегические планы Сталина оборонять Москву, Ленинград и Сталинград являются совершенно ошибочными... Надо отвести советские войска на восток, за Урал и ждать открытия Америкой, Англией и Францией второго фронта».

По свидетельству Ван Мина⁴⁴, огласившего позднее эти «афоризмы», соглашались с Мао не все: «Всякий раз, когда ещё в августе-сентябре 1941 г. Мао Цзэдун высказывал на заседаниях Политбюро ЦК эти нелепые суждения, и я, и Жэнь Биши, и Ло Фу неизменно отвечали: неудачи Красной Армии на фронте являются временным явлением, в конечном счёте победа будет непременно за социалистическим Советским Союзом... На это Мао Цзэдун, насупившись, злобно отвечал: «Посмотрим! Недалёкое будущее покажет, чьё мнение было верным»⁴⁵.

В глубине души Мао, конечно, предпочел бы этот спор проиграть. «Будто им выжить, если мы проиграем войну, — привел в своем дневнике Владимиров слова радиста Долматова. — Их раздавят здесь, в Особом районе, в течение месяца японцы или голландцы... Они существуют потому, что существует СССР». Мог ли Мао этого не понимать? Но веру в Советский Союз как надежного покровителя начальные неудачи Красной Армии подорвали. И его насмешки (не лишённые остроумия и отчасти верные) выдавали, возможно, не столько антипатию к Сталину, сколько затаенный страх за собственную судьбу. И вот благодаря Сталинграду, показавшему правоту нелюбимого им Ван

Мина, дурные предчувствия отпали. Мао не просто прозрел, но и умело подобрал исторические аналоги для объяснения своей ошибки:

«Политическая жизнь Наполеона окончилась под Ватерлоо, но это было предопределено его поражением в Москве. Теперь Гитлер идёт по пути Наполеона, и Сталинградская битва предопределяет его гибель, — сказано в концовке этой удивительной статьи. — Такое положение вещей непосредственно отразится на Дальнем Востоке. Будущий год не сулит добра и японскому фашизму...».

Да, Сталинградская битва увязана у Мао и с судьбами Дальнего Востока: *«На японских фашистов была возложена задача сосредоточить свои силы в Маньчжурии и подготовиться к наступлению на Сибирь после падения Сталинграда».* Значит, в мировой геополитике он ориентировался неплохо. Не благодаря ли телеграммам с тревожными «SOS» из Москвы — просьбами поактивней сражаться с японцами, чтобы отвлекать их от нападения на СССР?

...Воздав должное геостратегическому анализу, что содержит эта необычная статья, стоит призадуматься над ее пробелами. Не странно ли, что в ней нет ни слова о том, в чём автор наиболее компетентен: о перспективах и задачах Особого пограничного района, проистекающих из воспетой им Сталинградской битвы? В статье упомянуты Верден, Ватерлоо, но ничего не сказано о городке Синьсян на севере Китая, где в момент ожесточенных боев на Волге части 8-й армии мирно сосуществовали с японским гарнизоном.

Благодаря советской победе под Сталинградом его Особый район был спасён, что Мао Цзэдуну обрадовало, но отнюдь не подтолкнуло к отказу от эгонстичной стратегии (любуй ценой сберегать силы для будущего противостояния с Гоминьданом).

Понятия союзнического долга, идейной близости значения для него не имели: Мао Цзэдун руководствовался прагматизмом и своим геополитическим чутьем. По свидетельству Владимирова и Ван Мина, он не раз высказывал мнение, что вслед за Второй мировой войной значимость Восточной Азии, Китая возрастет, туда будет сдвигаться эпицентр мировой геополитики (так же полагали и Сталин, Рузвельт). И Мао счел, что в этих новых условиях не возрождающийся Китай (с его ресурсами и древнейшей цивилизацией) должен приспособливаться к другим странам, а они — к нему: такой, думается, вывод (основной, хотя и не высказанный) таит эта яркая статья.

После сталинградской победы СССР (не успокоившегося на достигнутом, но напрягшего силы, добывая все еще сильного врага) Мао не счел нужным менять свою стратегию сбережения сил. Не боялся при том утратить «кредит доверия», ибо не сомневался, что без него теперь — не обойтись, и что после возобновлении Гражданской войны он без чьей-либо помощи (скорее всего, советской) не останется. Отчасти он был прав, но первопричины грядущих провалов «большого скачка», «культурной революции» следует, на наш взгляд, искать в личностных чертах амбициозного китайского вождя.

По воле объективных исторических процессов два вождя, хорошо друг друга познавшие и понявшие, пришли, вопреки наметившейся взаимной настороженности, к курсу на всестороннее сотрудничество. Китаю это позволило одолеть Чан Кайши, закончить с ужасающей разрухой, начать индустриализацию. Для СССР союз с Китаем был важен ввиду возникшей после кончины Рузвельта угрозы атомного нападения (пока СССР таким оружием не располагал).

Самый факт тогдашних противоречий между Сталиным и Мао (вопреки которым СССР и Китай были во Второй мировой войне надежными, спасительными друг для друга союзниками) свидетельствует: взаимодействие России и Китая благоприятствует их национальным интересам и мировой стабильности. Наши страны «обречены» на стратегическое сотрудничество (но взаимное доверие их народов и их лидеров не обеспечить без целенаправленных усилий обеих сторон).

Именно стратегическое, по его сути, сотрудничество (успешно реализовавшееся в тогдашней атмосфере чрезвычайно запутанных взаимосвязей и противоречий) помогло спасти в грозные годы Второй мировой обе наши державы и обе цивилизации.

1. См: Рузвельт Э. URL: Его глазами. <http://militera.lib.ru/memo/usa/roosevelt/index.html>
2. Ливий Т. История Рима от основания Города. Кн. 9. URL: <http://samlib.ru/a/alt/tit.shtml>
3. См.: Цурос П. Победа восходящего солнца. М., 2004.
4. Партитура Второй мировой. Война на Востоке. М., 2010.
5. Сын одесского портного, дослужившийся до высших чинов в карательном аппарате НКВД, после начавшейся там чистки перебежал к японцам, снабдив их ценной информацией о численности и дислокации советских войск на Дальнем Востоке.
6. Генерал армии И.Р. Апанасенко (15 апреля 1900 г. – 5 августа 1943 г.) блестяще проявил себя в 1-й мировой и в Гражданской войнах (к концу последней возглавлял одну из дивизий 1-й конной армии), с января 1941 г. возглавил войска Дальневосточного фронта. За несколько месяцев успел много сделать в расширении транспортной инфраструктуры, строительстве укреплений Дальневосто́чья. В октябре, будучи вызван в Москву, пообещал Сталину перебросить на Запад до двадцати стрелковых дивизий и семь-восемь танковых соединений; переброска началась немедленно, под его личным контролем (эшелоны шли со скоростью курьерских поездов). Погиб при бомбардировке в битве на Курской дуге, будучи заместителем командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина (погибшего 9 месяцев спустя под Киевом).
7. Основанием для неуклюжего каламбура служит тот факт, что генералу Ямасите довелось служить военным атташе в Германии.
8. Тогдашнее наименование города Уссурийск.
9. См.: Медведев Р. Иосиф Сталин и Иосиф Апанасенко. Дальневосточный фронт в Великой Отечественной войне URL: http://www.rg.ru/anons/arc_2000/0516/1.htm.
10. См.: Партитура Второй мировой. Война на Востоке. М., 2010. С. 27.
11. Название одиннадцатого месяца (с 19–20 июля по 17–18 августа) французского республиканского календаря, действовавшего в 1793–1805 гг.: название контрреволюционного переворота 9-го термидора, в результате которого была свергнута якобинская диктатура; нарицательно — любой контрреволюционный переворот, осуществленный «сверху».
12. Так, Постановление ЦИК и СНК СССР, принятое в конце 1935 г., потребовало: «Отменить установленные при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением... или с ограничением в правах их родителей». (См.: Жукон Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг. С. 217)
13. Структура Пролетарских культурно-массовых организаций (пролеткульт) с ее лозунгом «Искусство прошлого — на свалку!», функционировавшая при Наркомате просвещения, как и входившая в нее Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), была распущена, согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», в 1932 г. После этого в сферах культуры утвердился девиз «Учиться у классиков».
14. Так, в 1934 г. Сталин воспрепятствовал публикации в журнале «Большевик» не печатавшейся ранее статьи Энгельса за 1890 г. «Внешняя политика русского царизма»). В итоге разыгравшегося скандала из редколлегии журнала был выведен Г.Зиновьев.
15. В ноябре 1933 г. Литвинов посетил в Вашингтон; в результате его переговоров с Ф. Рузвельтом США признали СССР, была достигнута договоренность об установлении дипотношений. В сентябре СССР вступил в Лигу Наций, сразу же стал постоянным членом ее Совета (ворогаясь тем самым в международное сообщество в качестве великой державы). Москва также проявила интерес к идеям коллективной безопасности, выдвинутым в мае 1934 г. министром иностранных дел Франции Барту.
16. <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm389.htm>.
17. Сталин И.В. Собр. соч. Т. 18. С. 100–101.
18. <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm386.htm>.
19. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/podgotovka-vii-kongressa-kommunisticheskogo-internatsionala-perekhod-ot-edinogo-fronta-k-nar#ixzz2Hr7PUzx1>.

20. При передислокации из Центрального советского района в горах Южного Китая произошло массовое переселение руководимых КПК сил за тысячи километров на Северо-запад страны (где потом образовался их обширный Особый пограничный район).
21. *Мао Цзэдун*. Заявление по поводу заявления Чап Кайши. URL: <http://library.maoism.ru/statement-28-12-1936.htm>.
22. См.: *Маомао*. Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995. С. 308–309.
23. См.: *Партитура Второй мировой войны. Гроза на Востоке*. С. 139.
24. Местечко в в северо-западной части провинции Шэньси, с 7 ноября 1935 г. до 13 января 1937-го являвшееся столицей Особого района — там располагались (до перемещения в Яньань) штаб-квартира Мао Цзэдуна и органы ЦК КПК.
25. <http://www.hrono.ru/sobyu/1927chin.html>.
26. *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., С. 427.
27. Там же. С. 429.
28. Там же. С. 430.
29. Там же. С. 430–431.
30. <http://tank.uw.ru/books/opolev/soviet-chinese-history-46/>
31. См.: *Маомао*. Указ. соч. С. 309.
32. Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30-40-х годах. М.: МОНФ, 1998.
33. http://militera.lib.ru/h/thurk_h3/18.html
34. См.: *Партитура Второй мировой*. С. 192.
35. См.: Википедия.
36. См.: *Партитура Второй мировой*. С. 87–88.
37. *Гроза на Востоке*. С. 87.
38. http://asiapacific.narod.ru/countries/china/n_e_ablova/4.2.2.htm.
39. http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/1011166/Koshkin_-_Yaponskiy_front_marshalla_Stalina.html
40. Имеется в виду «Антикоминтерновский пакт» Японии—Германии—Италии).
41. *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. Т. 3. С. 131–137. Пекин., 1969.
42. Одна из самых зловещих фигур в окружении Мао. Выходец из семьи помещика, в КПК вступил в 1925 г. будучи студентом. Позднее учился в Москве, работал в аппарате Коминтерна. В 1937 г. возглавил в Яньани спецслужбы, обеспечивавшие «движение за исправление стиля» в партии («чжэнфэн»). Позднее стал одной из опор Мао в «культурной революции». Посмертно исключён из КПК, урна с его прахом была удалена с Бабаошаньского кладбища героев-революционеров.
43. Судьба этого небольшого городка была тесно связана с судьбой Единого национального фронта Китая: сразу же после его официального учреждения, с конца 1936 по март 1947 гг. Яньань была административным центром Особого пограничного района Шэньси — Ганьсу — Ницзя и местом пребывания ЦК Коммунистической партии Китая.
44. Член секретариата Исполкома Коминтерна, член политбюро ЦК КПК, главная фигура в числе преследуемых Мао Цзэдуном «оппозиционеров».
45. *Ван Мин*. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975. С. 63.

История

Сан-Францисский мирный договор 1951 г. в японской историографии

© 2013

В. Кузьминков

В статье рассматривается проблема толкования в японской историографии Сан-Францисского мирного договора 1951 г., который положил конец состоянию войны между союзными державами и Японией и вернул ей суверенитет. На основе комплексного анализа множества документов автор излагает свою точку зрения на результаты Сан-Францисского мирного процесса и дает оценку аргументации представителей академического сообщества Японии.

Ключевые слова: российско-японские отношения, территориальный вопрос, мирный договор, историография, Сан-Францисский договор, Курильские острова, Южный Сахалин.

12 марта 2013 г. кабинет министров Японии принял решение впервые провести торжественную церемонию с участием императора по случаю восстановления суверенитета Японии после ее поражения во Второй мировой войне¹. Дата проведения церемонии была приурочена ко дню вступления в силу Сан-Францисского мирного договора 28 апреля 1952 г. Договор официально положил конец состоянию войны между Японией и союзными державами, подписавшими договор, а также признал суверенитет японского народа над Японией и ее территориальными водами.

Советский Союз не подписал Сан-Францисский мирный договор по ряду веских причин. Во-первых, он не был приглашен к разработке данного договора; во-вторых, в договор не были внесены предложенные нашей страной поправки; в-третьих, на конференцию не пригласили представителей КНР, и, наконец, в тексте договора не были конкретизированы и закреплены территориальные права Китая на Тайвань, Пескадорские и Парасельские острова, а также суверенитет СССР над южной частью острова Сахалин и Курильскими островами².

Согласно статье 2с Сан-Францисского мирного договора Япония отказалась «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на южную часть Сахалина и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»³. Абсолютный отказ от указанных территорий одновременно означал добровольный отказ Японии от права обсуждать вопрос о принадлежности Курильских островов и южной части острова Сахалин.

В течение всего послевоенного периода политические деятели и представители академического сообщества Японии пытаются оспорить и придать собственную трактовку смыслу и значению, прежде всего, территориальных статей Сан-Францисского мирного договора, настаивая на решении «территориального вопроса» с СССР и Россией, которая является правопреемником. При этом под «территориальным вопросом» японская сторона имеет в виду его «нерешенность» в частности, касающейся принадлежности южных Курильских островов, а именно островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы Хабомаи.

* * *

Война на Корейском полуострове, начавшаяся 25 июня 1950 г., подчеркнула важное стратегическое значение японских островов, и утвердила американское руководство в мысли, что Япония должна стать «плацдармом» США для борьбы с «распространением коммунизма в Азии». Война в Корее, по мнению американского руководства, имела даже большее политическое значение, чем победа коммунистических сил в Китае в октябре 1949 г., ибо подтвердила четко обозначившуюся ранее тенденцию к «силовому наступлению коммунистического мира» в различных регионах мира. Американские и японские политики сошлись в том, что необходимо максимально быстро заключить мирный договор с Японией и сделать ее добровольным союзником США на Дальнем Востоке. В Вашингтоне считали, что именно добровольное включение независимой Японии в орбиту США на Дальнем Востоке делает американо-японский союз более эффективным, нежели фактическое участие в нем оккупированной Японии⁴.

С этого момента вопрос о мирном договоре перешел в стадию конкретной разработки, руководителем которой 10 января 1951 г. был назначен видный деятель республиканской партии США, советник госдепартамента Джон Фостер Даллес.

При обсуждении мирного договора возникла проблема определения статуса Курильских островов. С одной стороны, США были связаны Ялтинским и другими союзническими соглашениями, и должны принять участие в наказании Японии за агрессию, а с другой — им надо было подписать с Японией такой мирный договор, который бы не ущемлял ее прав.

Кроме того, американская сторона была вынуждена учитывать мнение Великобритании, которое было изложено в меморандуме, переданном Дж. Ф. Даллесу английским послом в Вашингтоне 12 марта 1950 г. Оно заключалось в том, что «Япония должна уступить Южный Сахалин и Курильские острова Советскому Союзу, как записано в Ялтинском (Ливадийском) соглашении от 11 февраля 1945 г.»⁵.

При подготовке мирного договора Дж. Ф. Даллес стал трактовать Ялтинские соглашения как «заявление об общих целях». Это означало, что для получения суверенитета над Курильскими островами СССР должен был подписать мирный договор с Японией. В случае же, если СССР не подпишет такой договор, он не будет иметь право суверенитета над Курильскими островами. Тем самым, Дж. Ф. Даллес стремился создать условия, при которых вопрос о Курильских островах оставался бы открытым, что стало бы помехой для нормализации отношений между СССР и Японией.

20 июля 1951 г. американский посол Алан Г. Кэрк и английский посол в Москве Давид В. Келли одновременно посетили МИД СССР и вручили заместителю министра иностранных дел А.А. Громыко совместную ноту, содержащую адресованное советскому правительству приглашение на конференцию для заключения и подписания мирного договора с Японией, созываемую 4 сентября 1951 г. в Сан-Франциско. После того как послы вручили вышеупомянутые документы, А. Кэрк сделал устное заявление о том, что оба правительства вели подготовку договора в течение десяти месяцев, поэтому конференция созывается не для выработки договора, а лишь для того, чтобы подписать американо-английский проект от 13 августа⁶.

С 4 по 8 сентября в Сан-Франциско состоялась мирная конференция, в работе которой приняли участие 52 страны. Соединенные Штаты единолично определили состав

участников конференции, исключив из их большинство азиатских стран, в том числе КНР, КНДР, МНР и ДРВ. В знак протеста против игнорирования интересов азиатских стран при послевоенном урегулировании, в частности по проблеме выплаты Японией репараций, отказались направить в Сан-Франциско своих представителей такие крупные азиатские государства, как Индия и Бирма, являвшиеся жертвами японской агрессии. Но были приглашены многие неазиатские страны, в частности некоторые европейские государства, такие, как Греция, Люксембург и другие. Создавалась абсурдная ситуация, когда вне процесса мирного урегулирования с Японией оказалось большинство воевавших с ней государств.

Вопреки ожиданиям, Советский Союз тоже принял участие в конференции. Присутствие Советского Союза на мирной конференции объяснялось желанием продемонстрировать заинтересованность СССР в нормализации отношений с Японией. Кроме того, это была попытка добиться принятия поправок Советского Союза, а также приглашения на конференцию представителей КНР, без участия которой, с точки зрения СССР, не мог быть заключен мирный договор с Японией.

Как известно, советская делегация, прежде всего, в лице ее главы А.А. Громыко неоднократно вносила поправки по процедурным вопросам, но поскольку ни одна из предложенных поправок не была принята, СССР отказался подписать мирный договор. Из 52 стран, участвовавших в конференции, только Польша и Чехословакия поддержали советскую позицию.

В то же время следует отметить, что, несмотря на свои воинственные антисоветские настроения, американское правительство не решилось при заключении Сан-Францисского договора открыто отступить от положений Ялтинского соглашения, подписанного Ф. Рузвельтом в 1945 г. Поэтому, в Сан-Францисский мирный договор были включены условия отказа Японии от тех территорий, которые согласно Ялтинскому соглашению и «после победы над Японией» должны были перейти Советскому Союзу «безусловно»⁷.

8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско был подписан мирный договор с Японией. В соответствии со статьей 2с Япония отказалась «от всех прав, оснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»⁸. По сути дела, этот отказ означал, что Япония не вправе не только претендовать, но даже вести какие-либо переговоры в отношении принадлежности Курильских островов.

Однако современные японские историки и политики избрали тактику пересмотра оценок содержащегося в тексте Сан-Францисского мирного договора отказа Японии от южной части острова Сахалин и южных Курильских островов. Наиболее радикальные представители требуют отмены пункта 2с договора и возвращения всех Курильских островов вплоть до Камчатки. Так, например, Коммунистическая партия Японии (КПЯ) в своей официальной программе в список оспариваемых у России территорий, помимо южных Курил, включает и «северные Курилы». Логика японских коммунистов заключается в том, что поскольку Япония получила Курильские острова мирным путем в обмен на остров Сахалин по Санкт-Петербургскому договору 1875 г., то их передача СССР в качестве политического условия вступления СССР в войну против Японии, оформленная в Ялтинской декларации 1945 г., противоречила «принципу отказа от территориальных приобретений», провозглашенного союзными державами в Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. Следовательно, Ялтинская декларация, оформившая передачу островов Советскому Союзу, не что иное, как «сталинский произвол», и «очевидная ошибка Рузвельта»¹⁰.

На самом деле, президент Ф. Рузвельт был прекрасно осведомлен об исторических аспектах статуса данных островов¹¹. Дело в том, что еще в 1940 г. Ф. Рузвельт был проинформирован об интересе Советского Союза к Курильским островам¹². В дальнейшем этот вопрос разрабатывался в группе по территориальным вопросам Консультативного совета по послевоенному устройству при президенте. Желая использовать этот вопрос для «реализации интересов безопасности США в Восточной Азии в послевоенный

период». Ф. Рузвельт «в течение 1943–1945 гг. вплоть до Ялтинской конференции, выстраивал собственную позицию»¹³.

Таким образом, уже с 1940 г. в своей внешнеполитической стратегии Ф. Рузвельт всегда имел в виду «Курильский вопрос». Хорошо известно заявление американского президента о том, что ему «представляется резонным предложение со стороны советского союзника». «Русские», — заявил Рузвельт, — «хотят вернуть то, что у них было оторгнуто»¹⁴.

Позиция Ф. Рузвельта была сформирована в течение 1943–1945 гг. и изложена в основных документах союзников, включая Ялтинское соглашение. Изъятие южных Курильских островов у Японии в наказание за агрессию и их передача Советскому Союзу изначально входили в планы Ф. Рузвельта. С этой точки зрения, решение Ф. Рузвельта «передать», а не «вернуть» Советскому Союзу Курильские острова было обусловлено самим внешнеполитическим курсом США, направленным на послевоенное сотрудничество с Советским Союзом. Тем более, что Советский Союз совершенно справедливо претендовал на Курильские острова, включая Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу Хабомаи, поскольку с 1905 г. после подписания Портсмутского мирного договора, граница в районе Курильских островов не была оформлена должным образом, хотя острова оставались под фактическим японским суверенитетом.

Базовая позиция Токио заключалась и продолжает заключаться в том, что несмотря на отказ Японии по Сан-Францисскому мирному договору от южной части острова Сахалин и Курильских островов, принадлежность этих территорий не закреплена соответствующим международным соглашением. Следовательно, «эти территории не могут принадлежать какому-либо государству». Что же касается островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы Хабомаи, то они не входят в географическое понятие «Курильские острова» и являются «исконно японскими территориями»¹⁵. Так, например, японский историк Тайдзо Ямагата утверждает, что «Курильские острова — это советский термин, он обозначает острова к северу от Урупа, которые составляют лишь часть островов Тисима. Такое правильное понимание необходимо закрепить как внутри нашей страны, так и за ее пределами»¹⁶.

Однако указанное утверждение не выдерживает критики. На целом ряде довоенных карт и лощиях Японии, утвержденных Министерством просвещения, Курильские острова, включая и самые южные, представляют собой одно географическое целое под названием «Тисима»¹⁷. На картах, помещенных в 10-м томе Японской географической энциклопедии 1930 г. и географическом атласе Японии 1936 г., все острова группы Хабомаи и остров Шикотан показаны как входящие в состав Курильских островов. Лощи острова Хоккайдо и Южного Сахалина 1928 г. (№ 20) и Южного Сахалина и Курильских островов 1937 г. подтверждают тот факт, что в Японии до конца Второй мировой войны как в юридические, так и в географические пределы Курильских островов включались все острова как Большой, так и Малой Курильской гряды, в том числе острова Итуруп, Кунашир, Шикотан (Сикотан) и Плоские острова (Хабомаи или Суйсё). Таким образом, толкование японскими представителями понятия «Курильские острова», от прав и правооснований на которые Япония отказалась по Сан-Францисскому договору, как не включающего в себя южную часть Курильских островов, входит в конфликт с очевидными фактами, зафиксированными на картах Японии довоенного периода.

Толкование четырех южных островов Курильской гряды, как не входящих в географическое понятие «Курильские острова», не имеет юридических оснований в том числе и потому, что базируется на политизированной позиции Японии в отношении того, что до 1945 г. эти территории не принадлежали Советскому Союзу. Японская сторона утверждает, что с тех пор, как в 1855 г., согласно Симодскому трактату, эти острова были признаны японской территорией, они всегда находились под японским суверенитетом¹⁸. Действительно, это неоспоримый факт. Однако он не дает право японским историкам и политикам трактовать эти территории как не входящие в географическое понятие «Курильские острова».

Впервые субъективное толкование понятия «южные Курильские острова» дал тогдашний премьер-министр Японии Сигэру Ёсида в выступлении на Сан-Францисской конференции 7 сентября 1951 г. Пытаясь опровергнуть тезисы советского представителя А.А. Громько о принадлежности Курильских островов Советскому Союзу. С. Ёсида заявил, что «с момента открытия страны (1854—1855 гг. — В.К.) владение Японией двумя островами южной части Тисима рэтто (Курильских островов. — В.К.), а именно островами Итуруп и Кунашир не подвергалось никакому сомнению со стороны царского правительства»¹⁹. Однако этим заявлением С. Ёсида фактически подтвердил тот факт, что острова Итуруп и Кунашир являются частью Курильских островов, а не «исконно японскими территориями».

Позже, в своих мемуарах, опубликованных в 1957 г., С. Ёсида утверждал, что «требовал от Даллеса, указать в тексте мирного договора, что минами Тисима (Итуруп и Кунашир. — В.К.) не входят в состав Тисима рэтто». На что Дж. Ф. Даллес ответил отказом, якобы предложив С. Ёсиде использовать трибуну мирной конференции в Сан-Франциско, чтобы изложить японскую позицию²⁰.

Комментируя этот эпизод, почетный профессор Токийского университета Харуки Вада подчеркивал, что на тот момент «Ёсида был не в том положении, чтобы настаивать на том, что Итуруп и Кунашир не входят в состав Курильских островов. Поскольку, если бы у Ёсиды был такой разговор с Дж. Ф. Далласом, то на конференции в Сан-Франциско он никогда бы не назвал Итуруп и Кунашир «южной частью Курильских островов». Данный комментарий со всей очевидностью подтверждает, что вышеуказанное толкование С. Ёсиды понятия «Курильские острова» является фальсификацией исторических и географических реалий²¹. Эта фальсификация была необходима для построения новой системы аргументации японской стороны с целью оправдания территориальных претензий уже не на два, а на четыре острова южных Курил.

В отношении группы островов Хабоман и острова Шикотан С. Ёсида заявлял, что эти острова «являются частью острова Хоккайдо и были захвачены Советским Союзом после войны из-за присутствия там японских войск»²². Характерно, что такое заявление Ёсиды сделал спустя два дня после выступления на конференции Дж. Ф. Даллеса, который заявил, что, по мнению Соединенных Штатов, «острова Хабоман» не входят в «географическое понятие “Курильские острова”, упомянутое в статье 2с»²³. Иными словами, с подачи Дж. Ф. Даллеса был создан прецедент для обсуждения принадлежности островов Хабоман как не входящих в географическое понятие Курильские острова. С. Ёсида же расширил число «не входящих» островов, включив в их состав остров Шикотан.

В связи с ратификацией Сан-Францисского мирного договора в японском парламенте развернулись бурные дебаты по обсуждению статьи 2 с. Так, например, 19 октября 1951 г. во время дебатов в нижней палате парламента Японии директор договорного департамента Министерства иностранных дел Японии Кумао Нисимура в ответ на вопрос депутата Садасукэ Такакура о границах Курильских островов отметил, что в Сан-Францисском договоре «имеются в виду как северная Тисима, так и южная Тисима». И далее, «что касается островов Хабоман и Шикотан, как заявляло американское внешнеполитическое ведомство, они не входят в состав Курильских островов»²⁴.

Опровергая утверждение С. Такакура, что «Курильские острова и Тисима рэтто — это разные понятия»²⁵, К. Нисимура подчеркнул, что «мирный договор подписан в сентябре 1951 г. Поэтому в отношении определения границ Тисима надо исходить из реальной действительности на данный момент. Как я уже сказал, на данный момент можно говорить лишь о том, что в понятие «Курильские острова» входят как северная, так и южная Тисима»²⁶. Таким образом, К. Нисимура однозначно заявил, что в понятие «Курильские острова», от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, входят острова Итуруп и Кунашир. Это заявление К. Нисимура подтверждает, что толкование четырех южных островов как не входящих в географическое понятие Курильской гряды является бесосновательным и надуманным толкованием японской стороны.

6 ноября 1951 г. во время парламентских дебатов в верхней палате парламента, отвечая на вопрос депутата Ёсио Кусуми из фракции Рёкуфукай о границах Курильских островов, заместитель министра иностранных дел и советник премьер-министра С. Ёсида на Сан-Францисской мирной конференции Рюэн Кусаба заявил, что «острова Итуруп и Кунашир следует рассматривать как составную часть Курильских островов»²⁷. Таким образом, в процессе ратификации Сан-Францисского мирного договора в парламенте Японии было выражено официальное мнение японского правительства о том, что острова Итуруп и Кунашир являются составной частью Курильских островов.

Некоторые японские историки признают необоснованность официальной позиции Токно, настаивающего на том, что Курильские острова это 18 островов к северу от острова Уруп, то есть те острова, которые отошли России по Симодскому трактату 1855 г.²⁸ Например, японский исследователь Кодзи Сугимори отмечает, что «позиция Японии состоящая в том, что острова Кунашир и Итуруп не входят в состав Курильских островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, и являются исконно японскими территориями, изначально была нелогичной. Это следует из самого факта вхождения этих островов в понятие «Курильские острова» определенного в Сан-Францисском мирном договоре, что было не раз отмечено во время дебатов по ратификации договора в парламенте Японии»²⁹.

В связи с тем, что в Сан-Францисском мирном договоре в статье 2, не было указано, кому будут принадлежать Курильские острова, равно как и другие территории, еще одной важной темой дискуссии в парламенте был вопрос о том, будет ли Япония иметь «право слова» в отношении Курильских островов.

6 ноября 1951 г., отвечая на вопросы депутатов верхней палаты парламента, К. Нисимура отметил, что «поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета над Курильскими островами, она утратила «право слова» в отношении их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере в какой он имеет к ней отношение, является решенным»³⁰. Таким образом, подписав Сан-Францисский мирный договор, Япония лишилась не только суверенитета над Курильскими островами, но даже «права слова» в отношении их принадлежности.

Некоторые представители академического сообщества Японии считают неправомерным использование российской стороной заявления К. Нисимура о том, что южные Курильские острова входят в географическое понятие «Курильские острова». Так, например, почетный профессор университета Хоккайдо Хироси Кимура утверждает, что заявление К. Нисимура «не является официальным заявлением, направленным советскому правительству, а лишь представляет собой частное мнение одного специалиста во время внутривнутриполитической дискуссии в стране». Это заявление предназначается «для внутреннего пользования», и не может быть использовано Советским Союзом/Россией для аргументации своей позиции»³¹.

С другой стороны, сам Х. Кимура использует заявления официальных лиц в парламенте Японии для аргументации собственной позиции в пользу того, что четыре острова не входят в понятие «Курильские острова»³².

Заявление К. Нисимура, безусловно, следует считать официальной позицией Токно, поскольку японское правительство признало действительность этого заявления, указав его как один из источников по вопросу о пределах Курильских островов в предисловии опубликованного в сентябре 1992 г. «Совместного сборника документов МИД Японии и МИД Российской Федерации по истории территориального размежевания между Японией и Россией»³³. Более того, 21 октября 2006 г. японское правительство еще раз подтвердило свою позицию, подчеркнув тот факт, что указанный сборник «был подготовлен совместно министерствами иностранных дел двух стран с целью обеспечения правильного понимания территориальной проблемы народами Японии и Российской Федерации и является важным сборником материалов»³⁴.

Что же касается южной части острова Сахалин и Курильских островов, принадлежность которых не была определена по Сан-Францисскому мирному договору, то Япония не только отказалась от них согласно указанному договору, но и фактически признала суверенитет России над этими территориями. 29 января 2001 г. в Южно-Сахалинске было открыто генеральное консульство Японии. В этой связи 28 октября 2005 г. депутатом японского парламента Мунэо Судзуки был сделан официальный запрос. «Поскольку открытие в Южно-Сахалинске, который находится в южной части острова Сахалин, японского дипломатического представительства автоматически влечет за собой признание Японией российского суверенитета над южной частью острова Сахалин, означает ли это, что японское правительство признает суверенитет России над южной частью острова Сахалин и Курильскими островами?»³⁵.

4 ноября 2005 г. на запрос М. Судзуки поступил официальный ответ, где было, в частности, заявлено, что «после того, как Япония согласно Сан-Францисскому мирному договору отказалась от всех прав, правооснований и претензий на указанные территории, Советский Союз, а затем и его правопреемница Россия де-факто управляют этими территориями. Учитывая тот факт, что кроме Российской Федерации никакая другая страна не заявляла о претензиях на данные территории, Япония решила открыть дипломатическое представительство в Южно-Сахалинске»³⁶.

Японская историография традиционно утверждает, что поскольку СССР не подписал Сан-Францисский мирный договор, то он «не имеет права извлекать для себя преимущества из этого договора»³⁷. Надуманность, нелогичность и несостоятельность такого толкования очевидны. Достаточно напомнить, что японские историки не ставят под сомнение права КНР на Тайвань и Пескадорские острова, от которых Япония отказалась в соответствии с тем же Сан-Францисским мирным договором, также без упоминания о том, кому эти острова переходят во владение.

Отказ Советского Союза подписать Сан-Францисский мирный договор никак не влияет на отказ Японии от южной части острова Сахалин и Курильских островов. Слабая обоснованность собственной позиции вынуждает японскую историографию придавать собственную трактовку историческим документам. Не являясь страной-подписантом таких очевидно антияпонских документов, как Атлантическая хартия и Каирская декларация, японская сторона пытается извлечь для себя преимущества, односторонне и искаженно трактуя эти документы.

Важно отметить, что в соответствии со статьей 8а Сан-Францисского мирного договора, Япония признавала «полную силу всех договоров, заключенных союзными державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения союзных держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира»³⁸.

* * *

Подписав Сан-Францисский мирный договор, Япония «отказалась от всех прав, правооснований и претензий» на южную часть острова Сахалин и Курильские острова и признала «полную силу всех договоров, заключенных союзными державами» в том числе Ялтинской декларации, согласно которой союзными державами было решено передать вышеупомянутые территории Советскому Союзу после победы над Японией.

Процесс юридического оформления перехода указанных территорий под суверенитет СССР был многоступенным. Сначала в соответствии с меморандумом главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677 (SCAPIN-677) от 29 января 1946 г. острова были выведены из-под государственной и административной власти Японии³⁹. Затем 2 февраля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР над островами был установлен суверенитет Советского Союза и они стали «государственной собственностью СССР, то есть всенародным достоянием»⁴⁰.

В результате отказа Японии по Сан-Францисскому договору от всех прав и претензий на Курильские острова, Япония объективно уже не могла претендовать на Ку-

рильские острова. Поэтому, чтобы обосновать территориальные претензии на острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и группу Хабомаи, в Японии стали разделять Курильские острова на собственно Курильские к северу от острова Уруп, и на «четыре северные острова», которые по Симодскому трактату 1855 г. отошли Японии. Впоследствии для этих четырех островов было придумано название «северные территории»⁴¹. А разделение Курильских островов на южные и северные было выведено из употребления, дабы не нарушать логику теории «исконно японских территорий».

Таким образом, несмотря на то, что Япония лишилась юридических, международно-правовых и моральных прав на оспаривание принадлежности Курильских островов, японской историографией была искусственно создана собственная трактовка международно-правовых документов. Эта трактовка легла в основу позиции официального Токио, который в качестве условия заключения мирного договора требует «возвращения» четырех островов.

1. Санкэй симбун. 2013. 13 мар.
2. Правда. 1951. 7 сент.
3. Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954). М.: ДВО МИД СССР, 1954. С. 89–104.
4. The Department of State Bulletin. 1950. 10 July. P. 12–13.
5. United States Department of State. Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1951. Vol. 6, part 1. P. 929.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Фонд А.Я. Вышинского. Оп. 24. П. 32. Д. 193–США. Л. 106–109.
7. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3. С. 111–112.
8. Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954). С. 89–104.
9. Нихон кёсанто корё [Программа КПЯ] (Принята на 23-м съезде партии 17 января 2004 г.) // Коммунистическая Партия Японии. Официальный сайт. URL: <http://www.jcp.or.jp/jcp/Kogyo/index.html>.
10. *Фува Тэцүдзо*. Тисима мондай то хэйва дзёяку [Проблема Курильских островов и мирный договор]. Токио, 1998. С. 15, 60–61.
11. *Galliechio M.* The Kuril Islands Controversy U.S. Diplomacy in the Soviet-Japan Border Dispute, 1941–1956. Pacific Historical Review. 1991. Febr. P. 76.
12. С 1940 г. американские дешифровальщики читали телеграммы японских послов. В телеграмме посла Японии в Москве от 20 ноября 1940 г. речь шла о том, что Советский Союз поднял вопрос о принадлежности южной части острова Сахалин и Курильских островов как условие заключения договора о ненападении с Японией // *Lensen A.* Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations During the Second World War 1941–1945. Tallahassee, Florida, 1972. P. 10.
13. *Павлятенко В.Н.* Трудная дорога к миру (К 50-летию подписания советско-японской Совместной декларации) // Пробл. Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 94.
14. *Leahy W.* I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman, based on his notes and diaries made at the time. London, 1950. P. 373.
15. Министерство иностранных дел Японии. Варэра но хоппорёдо [Наши северные территории]. Токио, 2011. С. 10–11; См. также: *Сигэмицу Акира*. «Хоппорёдо» то сорэн гаико [«Северные территории» и советская дипломатия]. Токио, 1983. С. 161; *Такубо Тадао*. Сёгайкоку то наин о момэтэйру но ка? Хаявакари нихон рёдомондай [О чем мы спорим с другими странами? Просто о территориальных проблемах Японии]. Токио, 2007. С. 118–119; *Тамаба Минору*. Хоппо ён-то хэнкан ва доноёни косё субэки ка [Как надо вести переговоры по возвращению четырех северных островов] // Тюокорон. Токио 2004. Окт. С. 121.
16. *Ямагата Тайдзо*. Надзэ хоппорёдо ка [Почему северные территории?]. Токио, 1993. С. 170.
17. Нихон тири тайкэй [Японская географическая энциклопедия]. Токио: Кайдзёся, 1930. Т. 10. С. 230.
18. Министерство иностранных дел Японии. Варэра но хоппорёдо. Указ, соч. С. 4.

19. *Ёсида Сигэру*. Кайсо дзюнэн [Воспоминания о десяти пройденных годах]. Токио, 1998. Т. 3. С. 104.
20. Там же. С. 70.
21. *Вада Харуки*. Хоппорёдо мондай — рэкиси то мирай [Проблема северных территорий: история и будущее]. Токио, 1999. С. 224.
22. *Ёсида Сигэру*. Указ. соч. С. 105.
23. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 1992. С. 32.
24. Сюгини. 164 кай дзёкай. 73 сицумон банго. Тисима рэтто но ханьи ни кансуру сицумон [Нижняя палата парламента Японии. 164-я очередная сессия. 73-й вопрос. «Вопрос в отношении границ Курильских островов (Тисима)»]. URL: http://www.shugiin.go.jp/index.nsf/html/index_shitsumon.htm.
25. С. Такакура предположил, что Курильские острова это — 18 островов к северу от Урупа, которые были обменены на Сахалин в 1875 г. // *Вада Харуки*. Хоппорёдо мондай — рэкиси то мирай. Указ, соч. С. 226.
26. Там же.
27. *Такано Юити*. Кокусайхо кара мита хоппорёдо [Северные территории с точки зрения международного права]. Токио, 1986. С. 32.
28. *Вада Харуки*. Хоппорёдо мондай о кангаэру [Размышления о северных территориях]. Токио: Иванами сётэн, 1990. С. 17; *Ивасита Акихиро*. Хоппорёдо «фухосэнкё» то «кою рёдо» но дзюбаку о до норикоэру ка [Смогут ли северные территории избавиться от заклятий «незаконная оккупация» и «исконные территории»?] // Сэкай. Токио, 2011. Март С. 81.
29. *Сугимори Кодзи*. Горбатёфу но сэкай сэйсаку то ниссо канкэй [Международная политика Горбачёва и японо-русские отношения]. Токио, 1989. С. 234.
30. Симбун акахата. 1969. 6 марта.
31. *Кимура Хироси*. Нитиро коккё косёси — рёдомондай ни икани торикуму ка [История переговоров о государственной границе между Японией и Россией: как надо заниматься территориальной проблемой?]. Токио, 1993. С. 123.
32. Заявление заместителя министра иностранных дел Кунно Морисита от 11 февраля 1956 г. Там же. С. 127.
33. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 1992. С. 3–4.
34. *Сато Масару*. Нитиро сэкин но коки о нигасу на [Не упустите хорошую возможность для японо-русского сближения] // Тюокорон. Токио, 2012. Апрель. С. 99.
35. Сюгини. 163 кай токубэцукай. 39 сицумон банго. Миннами карафутто. тисима рэтто но кокусай тэки тин надо ни кансуру сицумон сюсё [Нижняя палата парламента Японии. 163-я внеочередная сессия. 39-й вопрос. «Вопрос в отношении международного статуса Южного Сахалина и Курильских островов»]. URL: http://www.shugiin.go.jp/index.nsf/html/index_shitsumon.htm.
36. Там же.
37. *Ватасэ Сюкити*. Ниссо коккё косёси [История переговоров о государственной границе между Японией и СССР]. Токио, 1972. С. 205, 207—208; *Оттаи Тадаси*. Хоппорёдо мондай — соно рэкинтэки дзидзичу, хори, сэйдзитэки хайкэй [Проблема северных территорий: исторические факты, законность, политический фон]. Токио, 1992. С. 113.
38. Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954). С. 89–104.
39. *Зицанов В.К. и др.* Русские Курилы: история и современность. М., 2002. С. 98.
40. Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 5 от 16.02.
41. *Кузьмищikov В.В.* Проблема территориального размежевания между Россией и Японией: международно-правовые основы. Актуальные проблемы современной Японии. М.: ИДВ РАН, 2011. Вып. 25. С. 60–85.

Русские женщины в Китае (1922–1940-е гг.)

© 2013

А. Хисамутдинов

Статья описывает непростую жизнь русских женщин-эмигранток в Китае. Из-за отсутствия мужчин, погибших на войне, они выходили замуж за китайцев или других иностранцев, шли на многие унижения и лишения для того, чтобы содержать свои семьи. Русские благотворительные организации старались помогать женщинам, организуя различные курсы с целью их трудоустройства. Ключевые слова: русские женщины в Китае, российская благотворительность, семейные отношения в эмиграции, смешанные браки, гендерный фактор в Китае.

Переезд в другую страну — всегда большое потрясение для любого человека. Если же это вынужденная эмиграция, да еще после ломки всего, что было тебе дорого, то она переживается еще труднее. В особенно сложной ситуации оказываются женщины, на которых ложится ответственность за обустройство на новом месте и воспитание детей.

Окончание гражданской войны в России в октябре 1922 г. привело к тому, что только с Дальнего Востока в Китай и другие страны отправились около одного миллиона человек. Женщин среди них было гораздо меньше, чем мужчин — участников боевых действий и политического противостояния. Первым пристанищем эмигрантов был Харбин, административный центр Китайско-Восточной железной дороги, где у русских людей имелось немало возможностей устроиться и обеспечить себе существование. Правда, в отличие от России, где женщины, имеющие семью, чаще всего не работали, в Харбине и они вынуждены были подыскать себе заработок. Работавшие в городе устраивались в детские сады, школы, больницы, клубы, библиотеки, предприятия общественного питания. Давали они и частные уроки. Платили немного, но это позволяло сводить концы с концами, тем более что никто не думал задерживаться в Китае надолго: все надеялись, что советская власть вот-вот рухнет, и они вернутся на родину.

«Вопрос о женском труде в годы эмиграции, — писал журнал «Рубеж», — стал особенно острым в силу того, что для женщины и девушки нашего времени приобретение профессии и поступление на службу диктуется необходимостью: ведь на слабые женские плечи ложится огромная тяжесть — обязанность содержать на свой заработок всю семью! И нужно сказать, что русские женщины и девушки с честью выдержали это тяжелое испытание судьбы, показав себя прекрасными труженицами, не боящимися никакой работы».

В 1934 г. журнал «Рубеж» устроил смотр женских литературных сил дальневосточной эмиграции, предложив всем желающим высказать свое мнение о роли женщины в условиях изгнания. Эти заметки помогают понять, что думали сами женщины о своей судьбе и своем предназначении. Журналистка и поэтесса Л.Ю. Ханнирова написала: «Современная женщина ничем не напоминает своих предшественниц. Она, прежде все-

го, деловая женщина. Она подошла вплотную к самым разнообразным профессиям. В борьбе за существование она теперь помогает мужчине. Но новые обязанности наложили на женщину свой отпечаток: так много повсюду усталых женщин! Часто слышны жалобы, что нет времени быть хорошей женой и хозяйкой, нет времени заняться любимой работой. Такие женщины уже не мечтают о подвиге — они устали. А может быть, что они делают и есть подвиг? Незаметный каждодневный подвиг помощи человечеству в трудный период его жизни? Я верю, что усталую женщину нашего времени сменит сильная духом, смелая женщина, и эта женщина увидит свою Родину раньше нас»¹.

Поэтесса и писательница Е.Н. Рачинская дополняла: «Упомяну лишь, что за всем этим современная женщина не должна забывать об обязанностях в отношении самой себя: о раскрытии своей индивидуальности, духовном росте, наиболее полном развитии своих творческих сил и возможностей»². Действительно, пример многих женщин показывает, что и в трудных условиях изгнания они смогли заниматься литературным творчеством, добиваясь немалых успехов.

Проблемы, от которых русские бежали из России, настигли их и в Китае, где не прекращались гражданские войны, разбойничали хунхузы. С осени 1924 г., когда контроль над КВЖД перешел к совместной китайско-советской администрации, преимущества при устройстве на работу стали иметь граждане СССР. В 1930-е гг. политическую обстановку усугубила оккупация Японии. Все это не могло не отражаться на жизни беженцев, у которых часто возникали проблемы со здоровьем. Экономическая депрессия и низкие заработки оказывали отрицательное влияние на нервную систему. Нередко отмечались случаи помешательства, самоубийства, страдали эмигранты и от эпидемий (туберкулеза и других заразных болезней). Врачи отмечали, что основными причинами являлись бедность, недостаток питания и теплой одежды.

К 1934 г. на Новом кладбище Харбина было похоронено 23 303 русских, из них мужчины 9546, женщины 5869, и детей 7888³. Согласно регистрации в православных приходах Харбина, число смертей в русском эмигрантском населении этого города значительно превосходило число рождений. Сильнее всего депрессия сказывалась на семейных отношениях. Дети в семьях эмигрантов рождались более слабыми, чем обычно. При этом молодое поколение не спешило создавать семьи. Также отмечалось, что девушки стремились уехать из Харбина, чтобы искать женихов в других городах Китая, или выйти замуж за мужчину зрелого возраста.

Многие девушки стремились в Шанхай, портовый город с иностранными концессиями, но по сравнению с Харбином, где семейные устои были более сильными, в этом городе женщинам-эмигранткам выпадала особенно тяжелая судьба. «В Шанхае, — писал Н. Лидин, — как и везде в местах эмигрантского рассеяния, женская доля мало заметна. Везде предложение женского труда превалирует над спросом. Семейный очаг — мечта каждой женщины — для многих так и остается только мечтой»⁴. Здесь женщины были вынуждены соглашаться на любое предложение заработка, устраивались в барах, клубах, на подсобных работах. В то же время журнал «Рубеж в Шанхае» писал: «Ошибочно думать, что большинство русских женщин избрали увеселительные профессии данс-герл и бармейд. Лишь незначительная часть русских резиденток, не обладавшая никакими знаниями, принуждена была воспользоваться этим видом заработков. Также меньшинство представлено трудом портних и белошвеек. Зато гораздо больше наших соотечественниц проявили инициативу и коммерческие способности — для примера можно указать хотя бы на обладание бордингами-отелями»⁵. Русские женщины работали переводчицами или агентами в рекламных и торговых компаниях. Известны доктор Н. Антонова, начавшая медицинскую практику в 1926 г., владелица Shanghai Health Studio А. Ермакова-Бар, хозяйка магазина драгоценностей «Ателье Аркус» Л.И. Аркус и другие.

Часть русских женщин оказалась в Китае без мужей, которые погибли на войне или скончались, и вынуждены были выходить замуж за китайцев. В г. Сахаляне (Хэйхе),

расположенном на берегу Амура напротив Благовещенска, русская община в 1938 г. составляла около 200 чел., из них всего 50 мужчин. Большинство женщин были замужем за маньчжурами, в основном занимаясь молочным хозяйством.

Деятели православия в Маньчжурии, обеспокоенные проблемой ассимиляции, заслушали доклад на заседании Харбинского епархиального совета. «Есть целые деревни, — отмечал священник Г.Н. Суриков, — где все женское население состоит из русских. Всего таких русских женщин в пределах Сахалинского прихода живет до 5000. В массе они сохранили свой язык и религию. Дети от этих смешанных браков почти все крещены и считают себя православными, но постоянное общение с маньчжурами и редкие посещения священнослужителей сильно отражаются на их религиозных воззрениях, которые не отличаются чистотой. Русский язык ими почти совсем позабыт. Сохранить всю эту массу, считая с детьми до 20 000 чел., в православии — задача очень трудная»⁶.

Писал об этой проблеме и И.И. Серебренников: «Русские женщины, нашедшие приют на правом берегу Амура, как это ни странно, в большинстве слились с общей массой маньчжурского населения. Причин к тому было много. Властвовавшие ранее гоминдановцы зачастую выдавали бежавших обратно на советский берег, если беженка была не в состоянии дать за себя выкуп. Видные женщины сразу же находили мужа-маньчжура. Этот род соглашения был своеобразным выкупом. Маньчжуры учитывали, что имея помощницу в лице русской женщины, они будут иметь хорошую хозяйку. Сразу же покупалась корова, и возникало приличное хозяйство. В этом случае у русской женщины осталась доля самостоятельности, но положение ее было трагично, если в дом являлась законная жена маньчжура. Тогда ей приходилось жить скрепя сердце или уходить, куда глаза глядят. За 20 с лишним лет в Сахалине и в селениях по Амуру появилось новое поколение — смесь русской и маньчжурской крови. Их выделяют голубые глаза и рыжеватого оттенка волосы. Часто сердце такого ребенка бывает омрачено насмешками сверстников маньчжур, и в более зрелом возрасте они начинают скрывать свое происхождение, крася волосы и нося темные очки. Заброшенные в чуждую среду женщины, не имея никакой связи с русскими, также теряют свой облик и живут маньчжурским бытом. Конечно, такая мать обычно старается сохранить «русскость» своих детей, но будучи неграмотной, она бессильна что либо сделать»⁷.

Очевидцы отмечали, что молодое поколение эмигрантов более легкомысленно и беззаботно смотрело на жизнь, не имея особых духовных запросов и устремлений. Родители, целиком погрузившись в быт или переживания по поводу поражения в гражданской войне, особенно не уделяли внимания детям. Даже православная религия не помогала молодым людям обрести нравственные ориентиры. Бывший министр колчаковского правительства И.И. Серебренников, живший в Тяньцзине, написал в дневнике о молодежи: «Она здесь почти вся интернациональна; легкая, беззаботная жизнь колониального города, среди обеспеченных иностранцев, оказывает на нее сильное влияние и постепенно вытравливает всякую память о России, обо всем русском. Многие молодые люди, окончившие здесь колледжи, стараются говорить только по-английски, меняют свои имена на английский лад — Эжен, Волтер и т.п. Это глубоко печальное явление, в котором, может быть, и не так виновна молодежь: ведь многие из них родились в Китае и с самого раннего детства впитали в себя чуждый английский дух. Русских училищ здесь нет кроме первоначальной школы; окончание иностранного колледжа дает возможность быстро устроиться на службу — это никак нельзя сбросить со счетов. И волей-неволей русские юноши и девушки выходят из колледжей полуангличанами, пренебрегая русским языком даже и в разговоре»⁸.

Наиболее острой проблемой среди женщин была проституция. Отмечалось, что до 1917 г. в Китае совершенно не было русских проституток. Спустя 30 лет только в одном Тяньцзине имелось не менее полутора сотен русских профессиональных проститу-

ток, и примерно столько же «девиц зарабатывают себе средства к существованию в барах, танцевальных заведениях, где большинство из них тоже проституируют»⁹.

В Тяньцзине находилась американская военная база, и для нужд военнослужащих было открыто множество баров, кафе, танцевальных клубов и пр. Из воспоминаний того же И.И. Серебренникова мы знаем, что все девушки в барах были русскими, а среди «жриц любви» встречались совсем молоденькие девушки, 16–17 лет, чаще всего приехавшие из Харбина. «В портовых городах Китая, — писал Серебренников, — особенно, где имеются иностранные концессии и расположены гарнизоны иностранных войск, дома терпимости переполнены русскими проститутками, солдатские и матросские бары — русскими танцовщицами (*dancing girls*), множество русских содержанок. Порой какой-нибудь иностранец влюбится в русскую девушку из бара, возьмет ее из этого шумного заведения, женится на ней, и получается счастливая пара. Я сам знаю несколько таких счастливых пар, но это скорее бывает исключение, чем правило. Многие находят в шумной и угарной жизни портового города печальный финал»¹⁰.

Рядовым эпизодом считалась передача любовниц матросами американского военного судна, уходящего из Тяньцзиня, матросам другого судна, пришедшего на смену. «Новые матросы требовали уступить их теперь же, в эту ночь, — рассказывала девушка, — но старые матросы возражали, указывая, что пока еще они хозяева своих возлюбленных... Сколько драк было!». Нередко перепадало и дамам сердца. Тогда они надевали темные очки, чтобы скрыть подбитый глаз, но своих матросов-кавалеров не бросали. «Порой иной девушке на вид можно дать пятнадцать — шестнадцать лет: она выглядит свежей и юной, как бывшая русская гимназисточка. Говорят, здесь имеются действительно бывшие гимназистки из Харбина, живущие с матросами. Из матросов в наибольшем почете американцы. Иной американский матрос с тремя нашивками получает на всем готовом сто золотых долларов в месяц, что составляет 430 кит[айских] долларов: жалование, о котором могут только мечтать многие из русских эмигрантов. Три четверти своего жалованья, если не все, матрос может тратить на вино и девиц»¹¹.

«Думаю, что в наши дни морального шатанья и всеобщего одичанья и огрубления эти обязанности состоят в том, чтобы продолжать традиции доброго старого времени и стоять на страже тех гуманных идеалов, к которым стремились наши отцы и деды. — писала поэтесса А.П. Паркоу, отвечая на вопросы журнала «Рубеж» об обязанностях женщины. — Женщина не должна поддаваться повышенной жажде удовольствий, рабски копируя чуждых Европе по духу и стилю американских кинозвезд. Она должна стараться создать прочное гнездо и стойкую семью, чтобы при существующих трудных условиях рука об руку с другом-мужчиной пройти через все бесчисленные осложнения, которыми теперь так богата жизнь. Кроме того, задача русской женщины — воспитать русских детей, любящих Родину, не стыдящихся своего звания — эмигрантов — и знающих русский язык и русскую историю. Ее задача — охранять и беречь нашу прекрасную старую культуру, наш быт и наше искусство, чтобы через детей передать их той России, которая будет в состоянии их от нас принять и к ним приобщиться. А это должно когда-нибудь случиться!»¹².

И.И. Серебренников писал: «Характерной чертой почти всех подобных фактов являлось до сих пор то, что тут сплошь и рядом речи не было о нужде, толкающей на этот путь, не было принуждения, насилия, горя, отчаяния. Напротив, девушки идут в эту жизнь с радостью, охотно, добровольно, бросая ради нее скромные места продавщиц или бонни; заполняют кабаре, ночные бары, танцуют, порой пьют до беспамятства. И все это ради возможности не трудиться, сытно есть, иметь тряпки, бездельюшки и обеспеченную сумму денег на каждый месяц. Некоторые умеют откладывать на черный день, берегут и копят вещи; другие же пускают все прахом и жгут жизнь с двух концов, не жалея себя. Многие русские женщины здесь устроились и солиднее, на положении долгосрочных жен у штатских иностранцев. Много и «настоящих», законных браков. В общем, нужно

сказать, что, не будь тут иностранцев, лакомых до русских женщин, многие из них сейчас умирали бы от голода. Находить службу в Тяньцзине, Шанхае и Пекине становится год от года все труднее: конкуренция огромная; каждый год молодежь, оканчивающая колледжи, заполняет все наличные места в банках, конторах, кондитерских и т.д. На смену им вырастает новая группа молодежи; кроме того, все время едут из Харбина, а предприятий не прибавляется, напротив, становится меньше, и вот вся эта многочисленная армия девиц идет по линии наименьшего сопротивления, т.е. кидается, очертя голову, в объятия иностранных солдат и матросов, всегда денежных, щедрых и галантных»¹³.

В 1930-е гг. русские женщины стали предпринимать попытки фиктивных браков с морскими пехотинцами США, чтобы попасть в Америку. Заключение фиктивного брака стоило до 800 американских долларов. Вскоре правительство США распорядилось запретить регистрацию таких браков за границей¹⁴.

Надо отдать должное благотворительным организациям, которые оказывали женщинам большую помощь. Так, при газете «Рупор» в Харбине работала одноименная женская студия. Не преследуя коммерческих целей, она организовала в 1924 г. курсы врачебной косметики и массажа. Заведующей студией была Е.М. Нарбут, курсами руководил доктор В.М. Чунхин. Каждый год выпускалось около 20 слушательниц¹⁵. Затем открылись 5-месячные курсы кройки и шитья, парикмахерского дела, маникюра, японского языка¹⁶. В 1936 г. появился радиотехнический отдел, где занятия велись утром, днем и вечером. Первым руководителем был А.Е. Шемановский, затем отдел возглавил С.А. Пономарев. Занятия пользовались большой популярностью не только среди женщин, но и среди юношей¹⁷. В 1942 г. был открыт сапожный курс (руководитель Мольнар).¹⁸ К 1942 г. курсы окончили более тысячи русских женщин и девушек.

2 ноября 1930 г. в Шанхае появилась Лига русских женщин, которая занималась благотворительной и общественно-культурной деятельностью среди русских эмигранток, в основном помогая им получать образование через сеть собственных курсов. Председателем организационного комитета была А.И. Тиме, в течение многих лет Лигу возглавляла О.П. Дронникова. В декабре 1932 г. Лига открыла начальную школу и детский сад. В январе 1933 г. эта школа объединилась со школой «Очаг», которой руководила С.Э. Дитерихс. Ее же избрали почетной попечительницей школы, в сентябре 1935 г. школу преобразовали в женскую гимназию под ее руководством. В дальнейшем деятели Лиги, приехав через Тубобао в Сан-Франциско, продолжили свою деятельность в США. От имени Лиги ее председательница К.Е. Тарасова приобрела особняк, в котором и разместилась организация. Тогда же она была переименована в Лигу русско-американских женщин.

В 1935 г. в Шанхае был основан Дом русской женщины (заведующая Т.П. Жаспар), получавший средства от благотворительных организаций и французского муниципалитета.

Он мог принимать до 19 женщин, которым разрешалось там жить в течение двух месяцев при минимальной оплате пансиона или вообще без оплаты. За первые три года через Дом прошло около двухсот человек¹⁹.

В русских общинах городов Китая, как в Европе или Америке, почти ежегодно устраивались различные конкурсы, часто носившие благотворительный характер. Иногда победителям вручались дорогие призы в виде автомобилей или поездок в Америку. Особенно много конкурсов проводилось в Шанхае, самым популярным был на звание «мисс Шанхай». В основу легли голливудские традиции, когда конкурсы красоты устраивались на премьере какого-нибудь фильма. В 1941 г. таким стал фильм «Под знойным небом Аргентины». Победила 18-летняя харбинка Т. Мельникова²⁰.

В Харбине для пополнения фонда на создание приюта-богадельни для престарелых эмигрантов в 1941 г. прошел конкурс красоты на звание «Мисс Харбин». Ею стала Муза Горн²¹. Такие же конкурсы происходили и в Циндао, где особой популярностью

они пользовались среди отдыхающих. В 1934–1935 гг., например, победительницей стала Ю.И. Таранина²².

Ныне забылись трудности, с которыми встретились русские женщины в Китае, и многое идеализируется²³. В то же время женщины быстрее приспособились к эмигрантской обстановке, чем мужчины, над которыми довлело поражение в гражданской войне. Как вывод можно привести строки из дневника И.И. Серебренникова о русских эмигрантках: «Кто виноват в ее плачевной судьбе? Опять-таки она, проклятая Богом и людьми русская революция... которая выгнала русских женщин в чужие края, где многие из них не выдержали тяжелых испытаний жизни»²⁴.

1. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. Харбин. 1934. — № 47 (17 нояб.). С. 24–25.
2. Там же.
3. Архив Гуверовского института (США). Коллекция Серебренниковых. Запись в дневнике от 24 дек. 1934 г.
4. Лига русских женщин // Слово: Беспл. воскрес. прил. 1930; *Ступина Т.А.* Лига Русско-американских женщин отмечает золотой юбилей — 50 лет со дня обоснования в городе Сан-Франциско // Рус. жизнь. 2000. 27 мая.
5. Завоевание русских женщин в Шанхае // Рубеж в Шанхае. 1941. № 28 (12 июля). С. 9: фот.
6. 5000 русских жен маньчжурских крестьян // Новая заря. Сан-Франциско. 1939. 27 июня.
7. Архив Гуверовского института (США). Коллекция Серебренниковых. Запись в дневнике от 24 июня. 1941 г.
8. Там же. Запись в дневнике от 11 дек. 193 г.
9. Там же. Запись в дневнике от 20 апр. 1935 г.
10. Там же. Запись в дневнике от 4 апр. 1932 г.
11. Там же. Запись в дневнике от 4 апр. 1932 г.
12. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. Харбин, 1934. № 47 (17 нояб.). С. 24—25.
13. Архив Гуверовского института (США). Коллекция Серебренниковых. Запись в дневнике от 4 дек. 1931 г.
14. Два месяца тому назад в Шанхае... // Новая заря. 1937. 25 сент.
15. Новые косметички // Рубеж. 1936. № 17 (18 апр.). С. 14: фото.
16. *Ш-р М.* Русская женщина за работой: Деятельность Студии женского отдела газ. «Рупор» // Рубеж. 1937. № 19 (8 мая). С. 17: фото.
17. Аргус. Знание нужно всем... // Рубеж. 1936. № 22 (23 мая). С. 19: фото; Аргус. Рассадник радио-знаний. Курсы, лаборатория и магазин «Радиотехнической корпорации» при студии «Рупор» в Харбине // Рубеж. 1938. № 36 (3 сент.). С. 15–16: фото.
18. Со знаниями в жизнь!: Работа женской студии «Рупор» // Рубеж. 1942. № 46 (20 дек.). С. 27: фото.
19. *Муратов Б.* Дом русской женщины: Симпатичная организация в Шанхае // Рубеж. 1938. № 52 (24 дек.). С. 9–10: фото.
20. *Лович Я.* Тамара Мельникова // Рубеж. 1941. № 11 (8 марта). С. 15: портр.
21. «Мисс Харбин» // Рубеж. 1941. № 29/2 (19 июля). С. 16: фото.
22. «Мисс Цинда» // Рубеж. 1935. № 42 (12 окт.). С. 8: портр.
23. См. также: *Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горковенко Н.Л.* Российские женщины в Маньчжурии: Кр. очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996. 96 с.
24. Архив Гуверовского института (США). Коллекция Серебренниковых. Запись в дневнике от 8 окт. 1943 г.

Культура

Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор

© 2013

Е. Аурилене

В контексте истории российской эмиграции в Китае в статье рассматриваются проблемы сохранения этнокультурной идентичности в условиях страны-реципиента. На основе сравнительного анализа впервые исследуется роль регионального фактора в сохранении и развитии русской эмигрантской культуры в Маньчжурии, Северном Китае, Шанхае и Синьцзяне¹.

Ключевые слова: русская диаспора, российская эмиграция в Китае, беженская колония, этнокультурная идентичность, эмигрантская культура.

С тех пор, как спецхраны открыли доступ к исследованию истории русской эмиграции и её культурного наследия, прошло около четверти века, но интерес к этой проблематике не иссякает до сих пор. С одной стороны, это вызвано желанием глубже понять феномен, именуемый «зарубежной Россией», с другой — предвидеть перспективы межкультурного взаимодействия народов в условиях современного мира, характерной чертой которого является усиление миграционных потоков. В настоящей статье автор предлагает сравнительно-историческое исследование условий, повлиявших на процесс сохранения этнокультурной идентичности четырёх ветвей эмигрантской диаспоры, сформировавшейся в Китае в начале 1920-х гг. и просуществовавшей до прихода к власти коммунистов.

Способность эмигрантского сообщества сохранять свою этнокультурную идентичность зависит от социокультурных особенностей и политических условий страны-реципиента, а также от ряда «внутренних» факторов, к которым следует отнести численность и плотность расселения эмигрантов, их социально-экономический статус, наличие интеллигентного слоя и др. Беженцы Октябрьской революции и Гражданской войны в России создали крупные этнические колонии в четырёх районах Китая, значительно различавшихся по географическим, политическим, экономическим и социокультурным условиям — в Маньчжурии, Северном Китае, Шанхае и Синьцзяне.

Самая крупная из русских эмигрантских колоний Китая сложилась в Маньчжурии в полосе отчуждения КВЖД. В начале 1920-х гг., в период массового наплыва бе-

Аурилене Елена Евлампиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры общеправовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ РФ. E-mail: elena_aurilene@mail.ru.

женцев, она насчитывала до 150 тыс. чел., к началу 30-х гг. — примерно 60 тыс.², из которых большая часть проживала в Харбине. Среди них были старожилы, проживавшие еще до революции, а также эвакуированные из России остатки «белых» частей и бежавшее от советской власти гражданское население.

Американский исследователь Оуэн Латтимор (1900–1989), автор вышедшей в 1932 г. книги «Маньчжурия. Колыбель конфликта», рассуждая о взаимодействии разных культур и народов в Маньчжурии, заметил, что внушительное по численности русское население никаким образом не поддается китайскому влиянию. Несмотря на положение беженцев, потерю престижа и политического значения, эмигрантское сообщество проявляет упрямство в незнании Китая и отсутствии интереса к Китаю. «Несмотря на тот факт, что русские в меньшей степени находятся под влиянием «расового чувства», чем представители Запада, — пишет О. Латтимор, — русско-китайский брак или жизнь по-китайски считается признаком неудавшейся судьбы»³. Успешный русский едва ли владеет китайским, в то время как преуспевающий китаец наверняка знает русский язык или женат на русской. Ещё одно любопытное наблюдение О. Латтимора состоит в том, что «в Северной Маньчжурии общество презирает русских, но индивиды стремятся быть русскими, насколько это возможно. С другой стороны, русское общество боится китайцев, но индивиды смотрят на них сверху вниз»⁴. Как и всякое обобщение, впечатления американского наблюдателя не бесспорны, но, тем не менее, подтверждают сложившееся мнение о русской колонии как об устойчивой этнической группе, живущей в рамках своих культурных традиций.

Изначально, главным условием сохранения этнокультурной идентичности беженской колонии была развитая инфраструктура русской концессии в полосе отчуждения КВЖД. Не менее важный фактор — достаточно широкая прослойка интеллигенции среди эмигрантов, благодаря которой была расширена сформированная здесь еще до Октябрьской революции система русского образования и воспитания, включавшая дошкольное, среднее, специальное и высшее звенья. Педагогами в школах, гимназиях, колледжах и лицеях часто были бывшие князья и княгини, царские офицеры, т.е. представители высокообразованных слоев российского общества. Особое внимание уделялось гуманитарному циклу предметов — русскому языку, литературе, истории, географии, — формирующих национальное сознание, чувство принадлежности к российской культуре.

Выпускники харбинских гимназий знали теорию стихосложения, учили наизусть множество стихотворений, в том числе и на церковно-славянском языке. Уроки литературы не были подвержены политическим веяниям, учебники приобщали к высокой нравственности, чувству долга и любви к слову. В 1927 г. русские школы в Особом районе восточных провинций получили новые программы, основанные на принципах, разработанных до революции, предполагавшие обязательное изучение Закона Божьего⁵.

Обучение истории включало знакомство учащихся с внешними условиями становления и развития России, её государственным строем, духовными и культурными традициями. Обращалось внимание на место России в мире, евроазиатский характер русского народа, который по происхождению, культуре и духовному складу — народ европейский, но фатально связанный с азиатским Востоком. В этой связи странным выглядит тот факт, что изучению восточных языков в русских школах до конца 1920-х гг. должного внимания не уделялось. Лишь с 1929/30 учебного года в программы школ низшей и средней ступени был включён разговорный китайский язык⁶.

Система русского образования, сложившаяся в Маньчжурии, развивая свои лучшие традиции, в то же время приобретала новые черты, связанные со спецификой местных условий и политических событий. Русская школа разделилась на российскую и советскую, что не мешало учащимся обеих сторон достаточно мирно сосуществовать. К началу 1930-х гг. в Маньчжурии действовало 74 русских учебных заведения (из них 43 — в Харбине), в которых обучалось около 18 тыс. чел., не считая вузов, специальных школ

и кратковременных курсов⁷. В 20-е гг. русская система образования обогатилась высшими учебными заведениями, такими как Юридический факультет, Харбинский политехнический институт, Педагогический институт, Институт Ориентальных и коммерческих наук, Институт Святого Владимира.

В Харбине было широко поставлено русское издательское дело, работали профессиональные театральные труппы, разнообразные творческие коллективы: художественные студии, литературные объединения, кружки и т.д.

Харбин называли «восточным Парижем» и «восточным Петербургом» для русской интеллигенции, создавшей своеобразную «культурную цивилизацию со своей оперой, балетом, театром и литературно-художественными объединениями»⁸. Исследователи творчества поэтов и писателей русского Харбина отмечают, что их произведения вобрали в себя традиции классики и «серебряного века», «монпарнасские» веяния и экзистенциальные мотивы⁹.

Как и всюду в странах русского рассеяния, в Китае фактором духовного единения беженцев и стержнем национальной культуры была православная церковь. До 1922 г. в Маньчжурии существовало 25 православных храмов, из них 7 — в Харбине; в период с 1922 по 1939 гг. усилиями эмигрантов было построено еще 31 церковь, из них 12 — в Харбине¹⁰. Неправославные конфессиональные учреждения заботились о сохранении своих этнокультурных ценностей в изгнании, но органическую связь с культурой России под сомнение не ставили.

Таким образом, в русской Маньчжурии существовал достаточно мощный механизм воспроизводства эмигрантской интеллигенции, воспитанной на духовных традициях отечественной культуры.

В период Маньчжоу-го (1932–1934) и Маньчжоу-диго (1934–1945)¹¹ эмигрантская колония получила своеобразное «эмигрантское правительство» — созданное в конце 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Головная организация — Главное бюро по делам российских эмигрантов (ГБРЭМ) — находилась в Харбине; во всех остальных городах и посёлках, где жили русские эмигранты, открылись его отделения и представительства. Этот орган получил официальный статус административного учреждения, представляющего правовые, экономические и культурные интересы эмигрантской колонии. Культурой ведал 2-й отдел Бюро, начальником которого на протяжении всех лет его существования был лидер русских фашистов К.В. Родзаевский (1907–1946)¹². Назначение на этот пост человека, известного своими радикальными националистическими убеждениями, должно было решить две задачи: консолидировать русское эмигрантское население вокруг национальной идеи и обеспечить его лояльное отношение к оккупационным властям.

Сохранение этнокультурной самобытности русской эмиграции входило в перечень главных задач ГБРЭМ. Официальная инструкция, утверждённая в 1944 г., определяла задачи национальной культурной работы следующим образом: выработка общего сознания всех национальностей российской эмиграции, изучение сущности русской культуры, заботливое сохранение наследия предков и пополнение этого наследия новыми культурными сокровищами¹³. Специальная инструкция устанавливала перечень официальных праздников для россиян, среди которых основную часть составляли русские православные праздники. Главным культурным событием года значился День Святого Владимира или, как его еще называли, «День православной культуры». В память о выдающихся деятелях русской культуры устраивались музыкальные и литературные вечера, благотворительные концерты, средства от которых шли на поддержку молодых талантов.

В первые годы японской оккупации Маньчжурию покинули многие представители творческих профессий, и культурная жизнь несколько замерла. Однако во второй половине 1930-х гг., во многом благодаря усилиям Главного Бюро, в Харбине вновь оживилась театральная деятельность, возникли Харбинское симфоническое общество (ХСО) и

Общество изучения старого русского искусства (ОИРСИ). Значительную известность в Маньчжоу-го и за его пределами приобрел Харбинский симфонический оркестр, имевший в своём репертуаре лучшие произведения русской классической музыки. В январе 1944 г. по инициативе ГБРЭМ и ХСО в Харбине открылся новый театр «Русская опера в Восточной Азии». Этот весьма дорогостоящий проект реализовался, благодаря поддержке и участию в финансировании Японской военной миссии. ЯВМ и прежде оказывала финансовую поддержку культурным проектам ГБРЭМ, но случай с оперной постановкой весьма примечателен тем, что средства на неё были отпущены, несмотря на тяжёлые условия военного времени.

Провозгласив лояльное отношение к национальным культурным традициям народов Маньчжоу-го, ЯВМ, тем не менее, взялась перестраивать жизнь оккупированной страны на японский лад. С марта 1932 г. в новоявленную «империю» стали прибывать японские специалисты в области образования, которые занялись разработкой школьных программ и учебников, основанных на морально-этических принципах конфуцианства. Их содержание было нацелено на японскую интерпретацию внутренних и международных событий, воспитание лояльного отношения к режиму и сотрудничеству с Японией. В 1935 г. в Маньчжурии было открыто 280 школ японского языка, в которых обучались представители всех национальностей. Цензура держала под контролем печатные издания, репертуары театров, учебные программы и деятельность культурно-воспитательных учреждений.

В конце 30-х гг. в результате реформы народного просвещения в Маньчжоу-го были закрыты все русские высшие учебные заведения. Единственным вузом, где обучение велось на русском языке, стал Северо-Маньчжурский университет. Существенной перестройке подверглось и школьное образование. Учебные заведения были унифицированы по японскому образцу и ориентированы на идеологическое воспитание с акцентом на регионоведение и японский язык.

В то же самое время усилиями БРЭМ русские школы открывались в самых отдаленных районах Маньчжурии, всюду, где имелось эмигрантское население. Так, к началу 40-х гг. под руководством Главного бюро в Маньчжурии работало 12 средних, 104 повышенных¹⁴ и народных школ, 8 специальных образовательных учреждений¹⁵. При Главном Бюро открылась гимназия с женским и мужским отделениями, в которой обучалось до 400 детей¹⁶. Учебный процесс в гимназии имел выраженную политическую направленность и предполагал воспитание русских детей «на принципах *ван дао*¹⁷, в чувствах дружбы и симпатии к народам Маньчжоу-го и охраняющей их великой Японии»¹⁸. Тем не менее, учащиеся изучали русский язык, литературу и историю, т.е. предметы, обеспечивавшие передачу русских духовных и культурных традиций молодому поколению эмигрантов, выросших за пределами России.

На август 1945 г. в ГБРЭМ было зарегистрировано 132 русских эмигрантских организации Харбина, среди которых 7 литературных кружков, Драматическое общество, Харбинское симфоническое общество, Пушкинский комитет и т.д.¹⁹, деятельность которых была направлена на сохранение российских культурных традиций и воспитание в этом духе молодого поколения. В перечне официальных праздничных и неприсутственных дней, обозначенных в приказе по ГБРЭМ № 1 в 1945 г. значилось 25 наименований, среди которых Новый год, двенадцать христианских праздников, дни рождения императоров Японии и Маньчжоу-динго, дни основания Японии и Маньчжоу-динго, дни поминовения усопших и праздник окончания года²⁰. Так в одном календаре воплощалась декларированная японцами идея единения наций и культур под кровлей «общего дома».

Таким образом, содействие сохранению и развитию русской национальной культуры укладывалось в политическую тактику японских властей ровно настолько, насколько это отвечало геополитическим задачам Японии в регионе. Но, тем не менее, русская

эмиграция в Маньчжурни имела возможность не только сохранить свою этнокультурную самобытность, но и воспитать в этом духе молодое поколение.

Вторая по величине колония русских эмигрантов возникла в Шанхае. К середине 1930-х гг. она насчитывала около 20 тыс. чел., а к 1940-м гг. возросла почти вдвое²¹. Найти своё место в многонациональной культуре города-космополита русским эмигрантам было значительно сложнее, чем в Харбине. В 1929 г. известный в эмигрантском мире журналист Л. Астахов писал на страницах газеты «Заря», что только в Харбине русская душа не оравлена «нарядной урбанистической мишурой шумных портовых городов». В Шанхае и Тяньцзине русское население подверглось «обезличивающей обработке..., которая внешне и внутренне смолала податливую русскую душу в ценное «удобрение» для иноземной культуры»²².

В Шанхае русские селились главным образом на территориях французской концессии и международного сэттльмента, где были востребованы европейские языки и европейское образование. Прослойка творческой интеллигенции в русской колонии значительно выросла за счёт приехавших из Маньчжурни после японской оккупации. Муниципальные власти благосклонно относились к усилиям русских эмигрантов, направленным на сохранение национальной культуры, но деловой уклад жизни города, а также бедственное положение беженской колонии создавали на этом поприще определённые препятствия.

Духовным центром православной эмиграции до 1927 г. была Богоявленская церковь, которая имела драматическую судьбу. Во время гражданской войны в Китае она была осквернена и опустошена, а в 1932 г. разрушена в ходе военного столкновения между китайцами и японцами. В начале 1930-х гг. в Шанхае появились Свято-Николаевский храм и кафедральный собор Божией Матери — Споручницы грешных. Действовало и несколько домовых церквей. Немало усилий для сохранения русских духовно-культурных традиций в эмиграции предпринимали общественно-политические, земляческие и прочие организации. Так, например, в уставе Казачьего союза в Шанхае (КСШ) было заявлено, что целью его являлось объединение казаков «для взаимной духовной и материальной поддержки, для сохранения казачьего единства и исторически сложившегося быта и традиций...»²³.

В Шанхае, как и в других районах Китая, русские общественно-политические организации противостояли друг другу, ослабляя процесс объединения эмиграции, отвлекаясь от решения её насущных проблем. Так, в 1920-х гг. в русской колонии сложилось своеобразное «двоевластие» в лице Комитета защиты прав и интересов русских эмигрантов и Русского эмигрантского комитета. В дальнейшем роль общеэмигрантского центра брали на себя ещё несколько организаций. Такая ситуация явно не способствовала консолидации беженского населения вокруг решения культурно-национальных задач.

«...В Шанхае, этом огромном торговом городе, где царят доллар и расчёт, прокладывать путь к искусству среди толпы торговцев и праздной публики почти невозможно», — писала эмигрантская газета «Шанхайская заря» в начале 1935 г. Далес та же газета сообщала, что «Русское искусство в Шанхае наконец-то пустило корни и постепенно завоёвывает авторитет. И соответственно становится всё больше любителей и почитателей русского искусства...»²⁴. Особенно популярны в Шанхае были русские певцы и музыканты. В подтверждение сказанному приведём несколько фактов. Уже в 1924 г. в городе действовали 3 русских вокально-инструментальных студии, в конце 1935 г. открылась Первая русская музыкальная школа, а в 1940 г. — музыкальная школа С.П. Макленцова, выдававшая диплом английского образца. Французский муниципальный духовой оркестр целиком состоял из русских музыкантов. Русские составляли большинство в Муниципальном симфоническом оркестре Шанхая, работали почти во всех джазовых оркестрах и прочих коллективах, преподавали в Китайской национальной консерватории²⁵.

В августе 1947 г., когда пароход с русскими эмигрантами, принявшими советское гражданство, отошёл от берегов Шанхая, одна из местных газет поместила статью под длинным заголовком «Советские деятели искусства возвращаются на Родину, оставляя арену международного искусства в Шанхае значительно опустевшей и поскуцневшей». Автор статьи сетовал по поводу оскудения западной культуры с отъездом русских артистов, драматургов, музыкантов, художников, подчёркивая, что они внесли большой вклад «в культурную среду всего Китая»²⁶.

Усилиями эмигрантов в Шанхае открылись национальные учебные заведения: реальное училище, морское училище, коммерческое училище и др. Однако русское образование не было востребовано в Шанхае и не выдерживало конкуренции с западными школами. Выпускники французских или английских учебных заведений имели больше шансов для продолжения образования и устройства на работу. Их интеграция в деловую и культурную жизнь западного мира проходила органично, и в утилитарном смысле иностранные языки были куда важнее русского. Более того, сама атмосфера Международного селтльмента и Французской концессии располагала к тому, чтобы дети эмигрантов впитывали европейские и американские культурные ценности. Ослаблению этнокультурного сознания способствовали и международные браки, дети от которых часто не знали русского языка.

В Северном Китае русские колонии были небольшими: самая массовая из них возникла в Тяньцзине, однако и здесь её численность в 1920-х гг. не превышала 4 тыс. чел. В 30-х гг. за счёт прибывших из оккупированной Маньчжурии русское население увеличилось и насчитывало около 6 тыс. чел. В Пекине и других городах Северного Китая количество русских резидентов исчислялось сотнями²⁷. Огромное значение для сохранения духовных ценностей дореволюционной России имела деятельность Русской православной миссии в Пекине. За годы присутствия православного населения в Северном Китае здесь было открыто 10 храмов, из них 4 в Пекине и 3 в Тяньцзине²⁸. Один из крупнейших в Китае православных храмов — Свято-Покровский собор в Тяньцзине — собирал на молебен до 1,5 тыс. чел.²⁹.

В Тяньцзине, как и в Харбине, центром притяжения эмигрантов была русская концессия, на территории которой поддерживался вполне домашний русский уклад. Культурная жизнь эмигрантского общества концентрировалась в Русском клубе и Русском благотворительном обществе, усилиями которых устраивались театральные постановки, гастролы артистов и музыкантов. Оживление театральной деятельности наблюдалось на рубеже 1920-х—30-х гг. в связи с приездом из Харбина популярного среди эмигрантов актёра и режиссёра В.И. Томского. Однако по интенсивности культурная жизнь местных эмигрантов не могла сравниться с Харбином или Шанхаем в силу малочисленности творческих сил. При Русском клубе работала библиотека, насчитывавшая до 3 тыс. русских книг, которые после закрытия клуба в 1923 г. перешли в ведение муниципалитета. Русская издательская деятельность была поставлена не так широко, как в Маньчжурии, многие периодические издания закрывались, не просуществовав и года, так как не находили массового спроса. Среди долгожителей из периодики следует отметить газету «Наша Заря» и журнал «Русская жизнь».

В период японской оккупации эмигранты оказались под властью так называемого «Российского антикоммунистического комитета», который большого авторитета в русском обществе не имел, хотя и пытался в меру своих возможностей наладить национальную культурную работу. Аппарат Центрального антикоммунистического комитета (ЦАК) в Тяньцзине был устроен по образцу БРЭМ, и в его структуре тоже был культурно-воспитательный отдел. В ведении ЦАК находились русские образовательные учреждения Тяньцзиня: Первая российская гимназия, детский сад и мусульманская школа. В Пекине под крышей так называемого «Российского дома» действовали три русских учебных заведения: народная школа, народная повышенная школа и воскресная школа для

детей, обучавшихся в иностранных учебных заведениях. В других городах и населённых пунктах делами русского образования занимались местные отделения Центрального антикоммунистического комитета.

В 1940 г. в Тяньцзинь под покровительством японских властей открылся Дальневосточный (позднее Восточноазиатский) институт для русских эмигрантов, закрытое учебное заведение, нацеленное на воспитание дисциплинированных молодых людей, «нужных Востоку, необходимых России»³⁰. Обучение было недолгим — полгода или год (по выбору); программа включала общеобразовательные науки, совершенное знание японского языка, руссификацию и прикладные знания, основную часть которых составляла военная подготовка. По замыслу учредителей института, в закрытом учебном заведении можно было оградить русскую молодёжь от тлетворного влияния западных концессий, коммунистических агентов и прочих вредных воздействий. Выпускники, окончившие институт с отличием, получали право на продолжение образования в Японии.

Значительную часть беженцев, осевших в Тяньцзинь, привлекли европейские концессии, главным образом, английская, с её лондонским духом и интенсивной деловой жизнью. В 1940-х гг. на территории английской концессии проживало более половины русского населения Тяньцзиня. Усилиями эмигрантов в городе открылась русская школа, которая со временем получила статус гимназии, однако более престижным считалось образование в иностранных учебных заведениях. Европейское образование способствовало относительно быстрой интеграции молодого поколения эмигрантов в культурную жизнь западных концессий и ослабляло связь с национальными корнями. Как и в Шанхае, здесь были нередкими браки с европейцами, дети которых иностранным языком владели лучше, чем русским.

Среди ветвей русской диаспоры в Китае наименее исследованной до сих пор остаётся эмигрантская колония, рассыпавшаяся по нескольким городам и посёлкам Синьцзяна. Сегодня, во многом благодаря монографии Е.Н. Наземцевой³¹, наиболее известен военнополитический аспект истории русской эмиграции в этой обширной северо-западной провинции Китая. Сведения о культурной жизни русского населения, эмигрантских общественных организациях, наличии или отсутствии творческой интеллигенции и т.д. в опубликованных источниках встречаются фрагментарно или отсутствуют вовсе.

Абсолютное большинство русского беженского населения Синьцзяна составляли крестьяне, казаки и торговцы. Немногочисленная интеллигенция была представлена главным образом инженерами, врачами, школьными учителями и библиотекарями. Приблизительная численность русских эмигрантов в Синьцзяне в начале 1920-х гг. (период массового наплыва) составляла около 25 тыс. чел., к концу 1920-х гг. — около 13500 чел.³². Большинство из них занималось сельским хозяйством, торговлей или состояло на военной службе в китайских частях. Такому разделению труда способствовали, главным образом, три обстоятельства: сельскохозяйственная ориентация региона, социальное происхождение эмигрантов и потребность китайских властей в военной силе. Последнее обстоятельство было вызвано перманентным обострением в провинции этнических конфликтов, выливавшихся в восстания мусульманского населения против местной администрации. Формально русские в Синьцзяне получили равные с остальными этническими группами права, однако фактически их положение зависело от политического фактора и, прежде всего, от характера отношений Синьцзяна с Советским Союзом, влияние которого на администрацию провинции было весьма существенным.

Культурная жизнь эмигрантской колонии сосредоточилась в городах Урумчи, Кульджа и Чугучак, а также в крупных деревнях, где были русские школы, православные храмы, моленные дома и даже самодеятельные театры. Всюду, где жили русские, отмечались православные праздники, соблюдались старинные традиции. Одна из эмигрантских газет сообщала, что столица Синьцзяна — Урумчи — «сейчас стал как бы полурусским городом. Везде слышна русская речь. Большинство городских, да и деревенских

китайцев и... аборигенов края говорят сносно и охотно по-русски. Всюду русские магазины, кондитерские и булочные, разные мастерские»³³.

Культурным центром считался и город Кульджа, куда тянулись лица интеллигентных профессий, где существовали три русские школы: гимназия, средняя школа имени Сталина (для советских детей) и начальная школа — четырёхлетка. В 1937–38 гг. там была построена каменная церковь, в которую поместили икону Табынской божьей матери. Это важное для православных людей событие фактически превратило Кульджу в русскую столицу Синьцзяна. Екатерина Софронова, автор мемуаров о жизни русских в Синьцзяне, отмечала тесное культурное взаимодействие русских эмигрантов и местного населения, особенно ярко выраженное в языке: «Дети в школе были самые разные, и их русский язык был разнообразен и с разными выговорами... После долгого периода всё настолько смешалось в языке, что никто не знал, как надо сказать то или иное слово правильно...»³⁴. Вытеснению русского литературного языка из ежедневного общения способствовали и межэтнические браки, дети от которых хоть и учились в русских школах, но в разговорной речи употребляли русско-китайский пиджин.

Таким образом, региональный фактор сыграл весьма существенное значение в истории русской эмигрантской культуры в Китае. Наиболее благоприятные условия для её развития сложились в Маньчжурии. До японской оккупации этому способствовал русский уклад жизни в полосе отчуждения КВЖД. В период Маньчжоу-го, как это ни парадоксально звучит, главным условием сохранения и развития эмигрантской культуры стала целенаправленная работа прояпонского административного органа — Бюро по делам российских эмигрантов. В Шанхае эмигрантская творческая интеллигенция нашла широкие возможности для самореализации, значительно повлияв на культурный облик многонационального города. Однако поселение русских резидентов на территориях западных концессий привело к тому, что русский язык во втором и третьем поколениях уступил место языкам европейским.

Похожая ситуация сложилась в Северном Китае, где европейский образ жизни способствовал ослаблению этнокультурных связей в эмигрантской среде. В отличие от Шанхая и Харбина, русское население здесь было немногочисленно, поэтому большого влияния на культурный облик среды обитания оказать не могло. В Синьцзяне при наличии достаточно крупной беженской колонии, рассеянной по нескольким городам и посёлкам, сельскохозяйственная ориентация региона и социальный состав эмигрантского населения не создавали благодатных условий для процветания эмигрантской культуры.

1. Начало сравнительному исследованию истории ветвей российской диаспоры в Китае было положено в монографии Е.Е. Аурилене «Российская диаспора в Китае (1920–1950-е)» (Хабаровск, 2003; [2-е изд., доп.] Хабаровск, 2008).
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Фонд 830 ГАХК содержит уникальные документы Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ГБРЭМ). Фонд насчитывает 58367 дел, куда входят приказы, распоряжения, доклады и отчеты Бюро, материалы съездов ГБРЭМ, переписка ответственных чиновников с эмигрантами и официальными лицами из Японской военной миссии.
3. *Lattimore, Owen*. Manchuria, Cradle of Conflict. New-York: The Macmillan Company, 1932. P. 247. Пер. с англ. Е. Аурилене.
4. *Ibid.*
5. *Потанова Н.В.* Русская школа в Маньчжурии: 1898–1945 годы. Хабаровск: «Частная коллекция», 2010. С. 89–90.
6. Там же. С. 91.
7. Там же. С. 96.
8. Русский Харбин, запечатлённый в слове: сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А. Овлезневой. Выпуск 1. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2006. С. 3.

9. Там же. С. 4.
10. *Черкашина С.А.* Из истории Харбинской епархии // Дальний Восток России — Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск: Издат. дом «Частная коллекция», 1998. С. 153,155.
11. С 1 марта 1934 г. Маньчжоу-го (Государство Маньчжурия) было провозглашено Маньчжурской империей — Маньчжоу-динго.
12. подробнее о Родзаевском см.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 40-425. Л. 1–3; *Stephan John J.* The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile. 1925–1945. New York — San Francisco — London: Harper & Row, Publishers, 1978. P. 48–59, 125–174; *Мельников Ю.* Русские фашисты в Маньчжурии (К.В. Родзаевский: трагедия личности)// Пробл. Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121; 1991; № 3. С. 156–164.
13. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 73. Л. 16.
14. Повышенная школа — ступень между средним и начальным образованием. См. подробнее: *Потапова И.В.* Русская школа в Маньчжурии. 1898 -1945. Хабаровск: «Частная коллекция», 2010. Гл.3.
15. ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 32.
16. Луч Азии. (Харбин),1938. № 41. С. 1.
17. В традиционной китайской политической мысли принцип *ван дао* означает «Путь [истинного] царя», или «принцип [добродетельного] правителя» (в конфуцианской трактовке). «путь к господству в Поднебесной» (в легизме). Японские оккупационные власти объявили принцип *ван дао* основой своей официальной идеологии, нацеленной на освобождение Восточной Азии от западного империализма и создание «Нового порядка», т.е. сферы процветания для всех народов региона. См. подробнее: Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 235; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск: «Частная коллекция», 2008. С. 38. 55–62.
18. ГАХК.Ф. 830.Оп.2. Д. 17. Л. 90–92.
19. ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 41. Л.Л.9–18.
20. ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 39. Л. 1.
21. The Bancroft Library/ University of California, USA. Peter P. Balakshin Papers. Box 1. Письмо Г. Келли П. Балакшину от 12 июля 1978 г.
22. Заря (Харбин). 1929. 17 октября.
23. См. подробнее: *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 131–170.
24. *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае/ Пер. с кит. М.: Русский путь: Библиотекафонд «Русское Зарубежье», 2008. С. 449.
25. *Ван Чжичэн.* Указ соч. С. 477–478; *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. 2008. С. 155.
26. *Ван Чжичэн.* Указ. соч. С. 450.
27. *Балакшин П.* Финал в Китае. Т. 1. Сан-Франциско — Париж — Нью-Йорк: Сириус. 1959. С. 236; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997. С. 117.
28. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 145. Л. 77.
29. Заря. 1929. 8 ноября.
30. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1.Д. 23. Л. 71.
31. *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Сынцзяне (1920–1930-е гг.): Монография. Барнаул: ОАО ИПП «Алтай», 2010.
32. Там же. С. 25, 82.
33. Там же. С. 85.
34. *Софронова Е.* Где ты, моя Родина? М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1999. С. 93–94.

Научная жизнь

Пятый форум изучения Китая в Шанхае

23–24 марта 2013 г. в Шанхае состоялся Пятый всемирный форум изучения Китая, посвященный теме «Модернизация Китая: путь и перспектива». Общее число участников этого мероприятия превысило 500 человек. Организаторами форума выступили отдел информации Госсовета КНР и городские власти Шанхая, поручившие исполнительские функции Шанхайской академии общественных наук (ШАОН) и отделу информации городского правительства.

Форум открылся выступлением заместителя руководителя отдела пропаганды шанхайского горкома КПК, главы отдела информации городского правительства Чжу Юнляя.

Заместитель главы отдела информации Госсовета КНР, заместитель руководителя государственного отдела Интернет-информации **Цянь Сяоцянь** в своем выступлении подчеркнул, что Форум собрался после проведения XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.) и завершения работы сессий НПКСК и ВСНП (март 2013 г.). К этому времени новый китайский лидер Си Цзиньпин в ряде выступлений обобщил опыт развития Китая, его заявления дают представление о целях и направлениях развития страны при новом руководстве. Докладчик отметил, что Си Цзиньпин связывает перспективу осуществления «китайской мечты» о национальном возрождении с движением страны по собственному «китайскому пути». По мнению выступающего, нужно исходить из того, что субъектом строительства и развития Китая является народ, придерживаться стратегической идеи «развитие — твердый принцип», продвигаться к созданию сильного государства и обогащению народа через реформы и открытость, следовать по пути мира и развития.

Коснувшись научной стороны работы Форума, Цянь Сяоцянь сказал, что изучение Китая (*чжунгосюэ*) — это старая и, вместе с тем, современная наука. Она включает в себя и традиционные синологические исследования (*чжуньтун дэ ханьсюэ яньцзю*), однако ее внимание максимально обращено к современному Китаю. Форум должен стать важной площадкой для контактов между исследователями Китая из различных стран мира.

По мнению руководителя отдела пропаганды шанхайского горкома **Ян Чжэнью**, обсуждение проблем «модернизации» и «пути» развития Китая призвано помочь сформировать более глубокое понимание китайской модели, исследовать новые тенденции в развитии страны, проанализировать теоретические аспекты движения по пути мира и развития. Интеллектуальные усилия должны быть нацелены на изучение Китая в период смены способа развития страны.

Форум изучения Китая впервые собрался в Шанхае в 2004 г. Темы четырех предыдущих встреч содержали в названии иероглиф «хэ»-гармония. На Форуме 2013 г. эта традиция была нарушена. Такая перемена предположительно указывает на смену идео-

логических приоритетов высшего руководства страны. Акцент на «гармонии» сформировался в прошлом десятилетии в период пребывания у власти Ху Цзиньтао. Однако при Си Цзиньпине появились новые лозунги, о которых на пятом Форуме изучения Китая вспоминали чаще всего — это «китайская мечта» и «китайский путь». Обсуждение этих тем и работа Форума в целом получили широкое освещение в СМИ, прежде всего в шанхайских газетах «Цзефан жибао» и «Вэньхуэйбао».

Церемония открытия Форума завершилась награждением ученых за вклад в мировое изучение Китая. Красивые памятные грамоты, изготовленные с использованием традиционных китайских ремесел — вышивки и красного лака — вручала вице-мэр Шанхая Вэн Техуэй. Первым награду получил выдающийся российский китаевед академик РАН С.Л. Тихвинский. Хотя ученый не смог лично присутствовать на церемонии, собравшиеся увидели его видеообращение на стоявших по обе стороны от сцены огромных экранах и услышали его в синхронном переводе. С.Л. Тихвинский рассказал об истории развития российско-китайских отношений, о российской поддержке борьбы китайского народа за свободу и независимость, о формировании перспектив научного и культурного сотрудничества двух стран, хранимой в России памяти об их совместной борьбе против японской агрессии.

Было оглашено благодарственное письмо С.Л. Тихвинского, в котором награжденный поведал о том, как в далеком 1935 г. поступил на китайское отделение Ленинградского университета, где его наставником был выдающийся китаевед академик В.М. Алексеев, щедро делившийся своими знаниями со студентами и аспирантами. «На мое решение изучать Китай, его историю и культуру оказали большое влияние как труды русских и иностранных путешественников по Китаю, так и глубокие симпатии народов России к национально-освободительной борьбе китайского народа в 1920—1930-е гг. и его героическому сопротивлению агрессии японского милитаризма», — подчеркнул С.Л. Тихвинский.

Дипломатическая работа позднее дала С.Л. Тихвинскому уникальную возможность узнавать Китай, встречаться с его лидерами, политиками, учеными-историками. Ученый вспомнил, как будучи генеральным консулом СССР в Пекине 1 октября 1949 г. присутствовал на историческом событии провозглашения Китайской Народной Республики в Пекине на площади Тяньаньмэнь, запомнив на всю жизнь эту величественную церемонию. С.Л. Тихвинский поименно поблагодарил китайских ученых, помогавших ему в работе над исследованием проблем реформ и революции в Китае в XIX — XX вв., истории российско-китайских отношений, роли и места Китая во всемирной истории. Ученый с теплотой вспомнил о своих зарубежных коллегах-китаеведах, позитивно оценив возникшую в 1950-е гг. инициативу проведения встреч молодых европейских исследователей Китая, заложивших основу Европейской ассоциации китаеведения.

Следующим — также заочно — награду получил американский ученый Эзра Фогель, специалист по современному Китаю и Японии, ныне почетный профессор Гарвардского университета. В 1970-е гг. он стал преемником Дж.К. Фэйрбенка на посту директора гарвардского Центра изучения Восточной Азии. Две его книги посвящены изучению провинции Гуандун — «Кантон при коммунизме: программы и политика в провинциальной столице, 1949–1968» (1969) и «Шаг вперед в Китае: Гуандун при реформах» (1988). Фогель возглавлял гарвардский Центр Фэйрбенка в 1995–1999 гг., вышел в отставку в 2000 г. и занялся изучением китайской политики реформ. Как раз к награждению вышел китайский перевод его книги «Дэн Сяопин и трансформация Китая», опубликованной на английском языке в 2011 г.¹

В биографической справке, подготовленной организаторами Форума, Фогеля характеризовали как противника американской консервативной политики «сдерживания» Китая, сторонника развития всестороннего партнерства между двумя странами. Собравшиеся услышали аудиозапись выступления Фогеля на китайском языке, отметившего,

что исследователи из Гарварда сохраняют большую «интеллектуальную дистанцию» от правительства США, чем ученые в Вашингтоне, старающиеся откликаться на текущие настроения в столице. Американский исследователь распространил эту мысль на китайские реалии, заявив, что ШАОН также обретает «интеллектуальную дистанцию», находясь вдалеке от столицы.

Третья премия носила особый характер. ее на Форуме вручали впервые. «За заслуги в изучении Китая зарубежными китайцами» был награжден почетный профессор Китайского университета Гонконга **Жао Цзунъи** (1917 г.р.) — знаток древности, художник и каллиграф он снискал репутацию ученого—энциклопедиста. Сфера его интересов включает изучение древних гадательных костей, памятников Дуньхуана, древней истории и литературы, каноноведения. Жао Цзунъи написал свыше 70 книг, награжден престижными зарубежными научными премиями. Ученый также не присутствовал на церемонии, грамоту получил его представитель.

Серию докладов на пленарном заседании Форума открыл **Чжэн Бицзянь** — председатель Общества изучения государственной стратегии инноваций и развития, бывший проректор Партшколы ЦК КПК. Свое выступление «Путь мирного развития Китая и создание системы общих интересов» Чжэн Бицзянь начал с напоминания темы своего доклада на Втором Форуме изучения Китая семь лет назад — «Китайский путь, китайская мечта, китайское сердце». Эти формулировки оказались весьма созвучными веяниям сегодняшнего дня. Докладчик заметил, что смена руководства на XVIII съезде и сессии ВСНП указывает, что «китайская политика реформ и открытости, мира и развития вышла на новый исторический этап».

В начале прошлого десятилетия Чжэн Бицзянь обрел мировую известность как автор концепции «мирного возвышения Китая». В докладе он пояснил, что идея «мирного характера» этого процесса стала противовесом зарубежным рассуждениям о «китайской угрозе», тогда как тезис о возвышении был нацелен против иностранных теорий «краха Китая». Ныне в центре внимания ученого находятся идеи расширения и углубления «точек соприкосновения интересов» между Китаем и внешним миром, создания «систем общих интересов» (*линь гунтуанти*) Китая с различными странами и регионами — США, ЕС и Азией, в особенности с соседними странами, Африкой, Латинской Америкой. По мнению докладчика, свидетельством наличия общности интересов Китая и ведущих экономик мира стали их совместные действия по преодолению последствий мирового финансового кризиса 2008 г.

Чжэн Бицзянь подчеркнул, что современный Китай может двигаться вперед лишь по пути мирного возвышения, мира и развития, у которого нет аналога в новейшей истории человечества. Коснувшись тенденций ближайшего десятилетия, докладчик указал на рост многополярности, возможность мирного роста крупных стран (включая Китай), повышение внимания к глобальному управлению после мирового финансового кризиса, изменение моделей развития разных стран и сопутствующие перемены в соотношениях интересов между ними. Ситуация в мире остается непростой и крупные государства выбирают между тремя моделями поведения. Первая предполагает унаследование менталитета «холодной войны» и стремление вести ее в различных формах. Вторая исходит из того, что хотя мировую войну начать нельзя, можно вести ограниченные горячие войны. Третья модель призывает создавать точки совпадения и общность интересов, добиваться совместного развития. «Что касается двух первых моделей поведения, то китайцы столкнулись с ними на своем опыте, мы против этого, но не боимся этого», — заметил Чжэн Бицзянь, подчеркнув, что КНР выступает за третий вариант.

Доклад «Структурный и конъюнктурный кризис современного капитализма и роль Китая», с которым выступил **Теотонио душ Сантуш**, почетный профессор Федерального университета Флуминенсе (Бразилия), засвидетельствовал возросшую интел-

лектуальную мощь стран БРИКС и близость их взглядов по ключевым проблемам современности.

По мнению докладчика, мировой финансовый кризис ускорил закат неолиберализма, приведшего к созданию опасных дисбалансов в финансовой сфере. Современный капитализм эволюционирует в направлении пост-капитализма или даже социализма, формируется новая мировая система, которой присущи цивилизационное многообразие, равенство и демократия. Центром мирового развития стал Китай, поэтому рассуждать о глобальных перспективах без учета Китая и развивающихся стран более невозможно. Возвышение новых государств, среди которых Китай и Бразилия, является исторической тенденцией. Теотонио душ Сантуш обратил внимание на тенденцию к увеличению влияния государственных предприятий в экономике Китая, отметив способность страны пройти через мировой финансовый кризис без существенного спада.

Европейский взгляд на развитие Китая представил Густаф Гераетс — профессор факультета международных отношений Свободного университета Брюсселя, директор брюссельского Института современных исследований Китая. Докладчик указал на двойственность положения Китая как развивающейся и развитой страны, что побуждает к поискам новой идентичности. Китай заявляет о миролюбии и необходимости обеспечить устойчивое развитие, однако эти цели не могут быть реализованы без гарантированного доступа к стратегическим ресурсам и безопасности торговых путей. Эта «дилемма самодостаточности» заставляет Китай при каждой возможности ставить собственные интересы на первое место. Сосредоточенность на неотложных задачах внутреннего развития превращает становление Китая в качестве ответственной глобальной державы в отдаленную цель.

Новому китайскому руководству следует помнить о том, что даже если процесс развития страны далек от завершения, Китай в силу огромного размера оказывает на мировые дела гораздо большее влияние, чем любая другая возвышающаяся держава. В мире ширятся ожидания того, что Пекин возьмет на себя больше ответственности за поддержание устойчивости мировой экономики. Докладчик полагает, что Китаю пришло время договариваться с мировым сообществом — пора рассказать о том, как он видит себя и свои отношения с основными игроками в возникающем мировом порядке. Китай уже бросает вызов западной гегемонии на уровне системы ценностей и правил игры. Понятно, что США и ЕС предпочитают, чтобы Китай адаптировался к тем структурам глобального управления, которые они создавали и защищали на протяжении нескольких десятилетий. Запад надеется, что таким путем существующая система будет воспроизведена. Вопрос в том, в какой мере Китай использует свое растущее влияние для изменения мировой системы, приведения ее правил и институтов в большее соответствие с собственной идентичностью и интересами. По мнению профессора Гераетса, Китай не станет адаптироваться к «западной» системе, но также не будет подрывать ее легитимность и пытаться заменить ее на что-то иное. Скорее всего, он выберет эволюционный путь принятия большей ответственности, избирательного вклада в глобальное управление и прагматичной реализации собственного видения мирового порядка.

Египетский дипломат и политолог Мохаммад Галал охарактеризовал китайскую политическую систему на фоне потрясений «арабской весны». Он подчеркнул, что в китайской демократии легитимность опирается на достижения в развитии страны. Запад настойчиво продвигал голосование как панацею, без которой не может быть политической легитимности. Однако «арабская весна» привела не только к падению лидеров, долгое время стоявших у руля государства, но и к приходу во власть через механизм выборов исламских движений, которые конфликтуют с либералами и меньшинствами. По итогам голосования к власти пришли те, кто не понимает демократию и не верит в нее. Теперь новым властям в арабских странах приходится прибегать к режиму экономии, который порождает новые социальные проблемы.

Все это становится стимулом для изучения опыта Китая, где есть экономический рост, творческое стратегическое мышление и меритократический подбор кадров в правящей партии, способной к идеологической адаптации и исправлению ошибок. Докладчик подчеркнул, что китайская модель заслуживает изучения, чтобы извлечь выгоду из ее опыта и преимуществ. Полностью скопировать ее нельзя, но следует обратить внимание на последовательность решения задач в Китае: сначала приоритет экономических и социальных нужд, потом политические права и свободы, после этого — социальная справедливость для преодоления разрыва между классами и регионами. Мохаммад Галал отметил, что в XXI в. трактовка демократии не может быть ограничена легитимностью, полученной через избирательную урну, к ней добавляется легитимность показателей, достижений и общественного консенсуса. Концепция гармонии в политической системе не менее важна, чем концепция голосования и политической победы.

На втором пленарном заседании Форума с докладом «Модернизация Китая и трансформация мира» выступил публицист и политолог из Великобритании **Мартин Жак**. По его мнению, начавшийся в конце 1970-х гг. процесс реформ и модернизации Китая находится на середине пути. Он будет завершен в ближайшие 20 лет, когда Китай обретет характеристики современной страны. Главная разница первого (конец 1970-х — начало 2000-х гг.) и нынешнего этапов состоит во влиянии на внешний мир. На первом этапе экономика Китая была слишком мала, чтобы воздействовать на ситуацию за пределами страны, модернизация была внутренней проблемой Китая. Ныне модернизация Китая будет оказывать огромное воздействие, страна будет трансформировать себя и одновременно весь мир. По мнению докладчика, это огромная ответственность и вызов для Китая, которому нужно будет взаимодействовать с миром и понимать свое влияние на него, даже если этот опыт останется ограниченным в силу прежней замкнутости. «Это огромный вызов и бремя для китайцев — не только для руководства, но для всего народа. Ни одна страна прежде не сталкивалась с подобными проблемами».

Президент ШАОН Ван Чжань выступил с докладом, посвященным формированию «ценностей основного течения восточной культуры», опирающихся на широкий консенсус. Докладчик упомянул слова Си Цзиньпина, произнесенные после закрытия сессии ВСНП 2013 г., о том, что «китайская мечта» предполагает движение по «китайскому пути» и развитие «китайского духа», а это, в свою очередь, включает унаследование и развитие традиционной культуры. Ван Чжань призвал сформировать основное течение ценностей восточной культуры, способное на равном уровне вести диалог с ценностями основного течения западной культуры. Это позволило бы восточной культуре обрести «право слова» (*хуаюйцюань*) в обсуждении проблемы ценностей, дополняя западный акцент на правах индивида вниманием к ответственности гражданина.

В центре внимания оказалась конфуцианская культура «трех устоев и пяти постоянств» (*сань ган у чан*), которая хорошо известна среди китайцев в Восточной Азии. Докладчик признал, что «три устоя», определившие нормы отношений правителя и подданного, отца и сына, мужа и жены, не были полезны для прогресса общества и развития современной цивилизации. Однако «пять постоянств» сохранили ценность как нормы общественной этики и порядка, их нужно лишь выстроить заново в соответствии с требованиями рыночной экономики и современного общества. В китайской традиции у «пяти постоянств» был свой строгий порядок: «гуманность» (*жэнь*), «долг-справедливость» (*и*), «ритуальная благопристойность» (*ли*), «разумность» (*чжи*) и «доверие» (*синь*). В новых условиях, по мнению докладчика, иерархия становится иной — «доверие», «справедливость», «гуманность», «разумность», «благопристойность».

Ван Чжань призвал осуществлять «инновационную интерпретацию» конфуцианских ценностей. Повышение статуса «синь» стало ответом на кризис доверия (*чэнь-синь*) в современном обществе, преодоление этого кризиса необходимо для обеспечения нормального функционирования рыночной экономики и развития Китая в целом.

«И» в современной системе ценностей означает равенство и справедливость, основанные на демократии и правовой системе. Продвижение в современном обществе идеи долга является многоплановым, это и долг помощи другим людям в мирное время, и долг смелой защиты страны в военное время.

«Жэнь» выступает как моральная основа социальной гармонии Китая. В аграрном обществе любовь и гуманность были обращены только к знакомым людям. Рыночная экономика разрушила эти рамки, теперь нужны любовь и взаимопомощь между всеми гражданами. Множество примеров проявления такой заботы и взаимной поддержки было налицо во время преодоления последствий вэньчуаньского землетрясения. Это не только воплощение социальности человеческой природы, но и возможность компенсации нехватки моральной власти в случае крупных потрясений, позволяющая лучше и быстрее восстановить общественный порядок и гармонию.

«Чжи» — это «толерантность» (*баожун*), единство при разнообразии. По мнению докладчика, это качество очень присуще Китаю, что в особенности проявилось в религиозной сфере: пришедшие извне религии буддизма, ислама и христианства могли мирно развиваться без конфликтов, которые можно в изобилии наблюдать в других странах. Распространение буддизма по всей Восточной Азии указывает, что толерантность присуща основному течению ценностей восточной культуры. Для экономического развития Китая толерантность особенно важна, поскольку происходит перемещение больших групп людей, требуется, чтобы местные и пришлые могли принимать друг друга и сосуществовать.

«Ли» воплощает нормы человеческого взаимодействия с китайской спецификой, это форма выражения остальных четырех ценностей. Внешние проявления культурных ценностей — это, к примеру, традиционная китайская одежда и праздники, которые помогают укреплению образа китайской культуры во внешнем мире.

Ван Чжань призвал старательно продвигать ценности основного течения восточной культуры для повсеместного «совместного использования». Новые «пять постоянств» соответствуют запросам современности, они обладают жизнеспособностью и влиянием не только в рамках национальной культуры, но и во всем мире. Степень мирового распространения китайской культуры становится важным критерием реализации «китайской мечты». Здесь нужно не только пропагандировать китайский язык и культуру, но более углубленно рассказывать о восточных ценностях.

Выступление вызвало большой интерес, поскольку тема соприкасалась как со спорами прошлых лет о том, может ли Китай принять западные ценности в качестве «всеобщих», так и с теоретическими новациями XVIII съезда КПК². Проблема получила цивилизационное измерение, обновленная система конфуцианских «восточных ценностей» стала ответом на вызов со стороны Запада. Ученый подчеркнул, что крупномасштабные социальные перемены, которые происходят в Китае, невозможно отделить от культуры, ценностей и институтов. По мнению Ван Чжана, показать миру «китайский путь» удастся на основе пропаганды и унаследования обладающих китайской спецификой «ценностей восточной культуры». Чтобы вести равноправный диалог с западными ценностями, они должны воплощать особенности китайского общества, азиатских государств и народов³.

Проблемы определения места Китая в современном мире были в центре внимания на «круглом столе» по теме «Будущее десятилетие: взаимодействие Китая и международной системы», который прошел под председательством президента Шанхайской академии международных проблем Ян Цземяня. Известный ученый-международник Чжан Вэйвэй (Фуданьский университет) поставил вопрос о содержательном наполнении китайского «права слова» на мировой сцене. Исследователь предложил создать триединую систему, отражающую китайскую специфику. Идея «хорошего правления» (*лянчжэнь шаньчжэ*) соответствует западному понятию «good governance», однако на де-

ле она указывает на способность Китая двигаться своим путем. Раньше было принято считать, что если страна не развивается и страдает от плохого управления, это происходит потому, что там не переняли западную модель развития с демократией и рыночной экономикой. Однако практика показала, что такой связи не существует. Некоторые страны перенимают западную модель, но не развиваются, другие же, включая Китай, не подражают Западу и добиваются успеха. Во-вторых, это практика «выдвижения мудрых и назначения способных» (*сюань сянь жэнь нэн*). В Китае прошла успешная смена руководства, в результате которой к власти приходят люди, за плечами у которых опыт управления провинциями, сопоставимыми по масштабу с европейскими государствами. Тем временем в западных странах процветает популизм и там далеко не всегда происходит выдвижение лучших политических кадров. Раньше на Западе ссылались на то, что при хороших институтах любой руководитель не создаст проблем. По мнению Чжан Вэйвэя, опыт свидетельствует об обратном — президент Джордж Буш-младший развязал две войны и довел США до плачевного состояния. Управление государством опирается не только на строй, но и на людей, в Китае «выдвижение мудрых» является древней традицией, которая в наши дни получила удачное воплощение. Идею «возвышения способных» подробно обосновал древнекитайский философ Мо Ди, позднее она была воплощена в системе государственных экзаменов на занятие официальных должностей, требовавшей знания конфуцианской традиции. Третий аспект — это «управление развитием» (*фачжэань гуаньли*), позволяющее соединить «видимую» и «невидимую» руку рынка. Благодаря хорошему планированию развития китайскому правительству удалось создать механизмы, превосходящие по эффективности кейнсианские рецепты вмешательства в экономику. По мнению докладчика, эти три опорные идеи помогут Китаю конкурировать с Западом за «право слова» на мировой сцене.

Почетный ректор Китайско-европейской международной школы бизнеса Лю Цзи, оказавший в 1990-е гг. влияние на развитие идеологии и общественных наук в КНР, обратился к «дилеммам» развития зарубежных стран, из которых Китай должен извлечь урок. Америка столкнулась с «дилеммой гегемонии», которая приносит стране большие выгоды и, вместе с тем, создает все более значительные издержки, заставляя тратить огромные суммы на военные расходы. На этом примере Китай должен понять, что эпоха гегемонии крупных держав осталась в прошлом. Тем временем перед Европой стоит «дилемма социального государства», когда все политические силы в борьбе за власть опираются на обещания развивать систему социального обеспечения и не могут отобрать блага у людей. Тем временем долги растут, население стареет, претендующих на пособия иммигрантов становится все больше. Это еще один урок — социальное государство (*фули гоцзя*) в Китае строить нельзя. Япония показывает пример «дилеммы истории». Начиная с эпохи Мэйдзи страна безуспешно следовала политике отрыва от Азии и ухода в Европу. Будущее Японии лежит в Азии, но «вернуться» туда не получается — мешают наследие милитаризма и американский контроль. Урок для Китая состоит в том, что нельзя опираться на державу-гегемона. Есть еще и «дилемма развития», с которой сталкиваются многие развивающиеся страны. Это стремление «поделить пирог» общественного богатства еще до того, как он станет достаточно большим, поэтому Китаю нужно с большим вниманием относиться к отношениям между развитием и распределением.

Большой интерес вызвало выступление профессора Боннского университета Гу Сюэу, попытавшегося показать многообразие европейских подходов к развитию Китая, которое не сводится к теориям «краха Китая» и «китайской угрозы». Это «потрясение» и признание того, что Китай развивается быстрее любой страны. Это «восхищение», когда признают, что хотя в Китае есть разрыв между бедными и богатыми, в крупных городах нет нищеты, быстрое развитие не привело страну к войне. Аналитики с традиционным мышлением считают Китай «загадкой», поскольку экономическое развитие не привело страну к политической демократизации и экономической либерализации, там создана

система с национальной спецификой. Другие демонстрируют «дух непримиримости», отмечая, что в китайских успехах есть заслуга Запада; кто-то занимает «оскорбительную» позицию, отвергая китайскую модель, ведущую к разрушению экологии и нарушению авторских прав; еще одним вариантом становится «надменность» и утверждения, что Китай не придумал ничего нового и движется по старому европейскому пути. Набирает силу «озабоченность» в отношении Китая — если Европа не найдет ответ на его возвышение, то будет маргинализована, ее экономические позиции ослабнут, она превратится в «музей, по которому будут ходить толпы китайских туристов». Существует и «рефлексия», которая особенно заметна в Германии — это стремление найти то, чему можно научиться у Китая, особенно когда многие проблемы Европы не могут быть решены традиционными способами. Есть «ожидания», что Китай станет второй Японией, оторвется от Азии и пойдет в Европу, станет частью западного общества; другие полагают, что Европа может дать «импульс» направлению развития Китая, создавая норматив для его возвышения.

Два иностранных участника «круглого стола» говорили о «мягкой силе». **Лyonel Вайрон** (Люксембург) указал на процессы «девестернизации» современного мира, вызванные бессилием западных держав. Либеральная идеология теряет популярность, новые растущие страны стремятся создавать новые площадки для взаимодействия без западного участия. По мнению докладчика, главный вопрос состоит в том, сможет ли Китай подготовить мир к «девестернизации», предлагая новую модель в политической, экономической и общественной жизни. Пока «мягкая сила» Китая не соответствует этим задачам, поскольку молодые люди по всему миру, в особенности в развивающихся странах, связывают свои мечты с США, а не с Китаем. **А.В. Ломанов** (ИДВ РАН) отметил, что китайская стратегия наращивания «мягкой силы» сосредоточена в сфере культуры, она органично соединяет воедино внутренние и внешние цели развития. Обратившись к сформулированной китайским экономистом Линь Ифу «стратегии сравнительных преимуществ», докладчик отметил, что подход Китая к «мягкой силе» в максимальной степени учитывает имеющиеся сравнительные преимущества, тогда как попытка копировать западный подход и навязывать другим политические ценности свела бы эти преимущества на нет. Китайский опыт создания потенциала «мягкой силы» с учетом национальной специфики может оказаться полезным и привлекательным для других стран, подобно тому, как это происходит с «китайской моделью» экономического развития.

Заместитель президента ШАОН, секретарь Форума изучения Китая **Хуан Жэньвэй** коснулся идеи «исключительности», которая возникла применительно к США — эта страна не пережила социальных революций, подобных тем, что были в Европе, американцам удалось решить многие противоречия в ходе освоения новых территорий и передвижения границы в западном направлении. У Китая также есть «исключительность», он отличается от стран, переживших «цветные революции» и раскол как в арабском мире. Этому способствовали дивиденды политического строя, поскольку КПК в процессе реформ постоянно расширяла границы системы — это дало тот же стабилизирующий эффект, как и расширение территориальных границ США.

В полном тексте выступления Хуан Жэньвэя было сказано, что в Китае не копируют западную социально-политическую систему и не прибегают к «шоковой терапии», потому что власти изучили уроки китайской истории, поняли объективные законы развития. Огромный успех реформы и открытости как части китайского пути дал возможность создать противовес западному сдерживанию. Китайский ученый процитировал слова академика М.Л. Титаренко о том, что «теория китайских реформ и открытости помогла социализму избежать кризиса». За рубежом ширится признание того, что развитие Китая приносит пользу всему миру, а «китайский путь» во многом превзошел западную модель модернизации. Для завершения институциональной модернизации Западу потребовалось 150–200 лет, Китай тридцать лет назад нашел настолько успешный путь

модернизации, что у него есть возможность добиться этой цели быстрее и с меньшими социальными издержками⁴.

Тематика Форума была широкой и разнообразной. «Круглые столы» были посвящены темам «Ближайшее десятилетие: структурная трансформация и институциональная инновация», «Исторический и культурный взгляд на китайский путь». Семь из восьми работавших секций были посвящены анализу различных аспектов «китайского пути» — новая индустриализация и урбанизация, демократия и власть закона, социальная структура и общественные услуги, культурные инновации и информатизация, экологическая цивилизация и устойчивое развитие, стратегический шанс и взаимовыигрышное сотрудничество, взгляд на ценности и образ государства. Отдельно обсуждались академические традиции и междисциплинарные воздействия в изучении Китая. Среди докладов о различных школах и течениях иностранного китаеведения российской тематике были посвящены доклады Янь Годуна (Нанькайский университет) «Изучение Китая в России: прошлое и настоящее» и В.Ц. Головачева (ИВ РАН) «Российское востоковедение: изучение этнической истории Тайваня».

Практика проведения Форума привела к появлению новой научной структуры. В 2012 г. в ШАОН был создан Институт изучения мирового китаеведения (*Шицзе Чжунгосюэ яньцзюсо*). Среди основных задач нового Института — подготовка проводимого раз в два года Форума, составление ежегодного доклада о зарубежном изучении Китая, перевод важных зарубежных исследовательских публикаций о Китае, издание ежеквартального журнала «Чжунгосюэ цзикань», создание тематических сайтов в Интернете. В Институте созданы сектора экономики и экологии, дипломатии и безопасности, политики и общества, культуры и истории.

© 2013

А. Ломанов,
доктор исторических наук

1. Фу Гаои (Фогель Э.). Дэн Сяопин шндай [Эпоха Дэн Сяопина] / Пер. Фэн Кэли. Пекин: Саньянь шудянь, 2013. В начале 2013 г. глава издательства Ли Синь сообщил журналистам, что книга поможет китайскому читателю «лучше понять путь развития Китая, историю и нынешнюю ситуацию реформ и открытости». По его словам, работа «позитивно оценивает жизнь Дэна, реформы и прогресс Китая за минувшие три десятилетия, это попытка автора сблизить Китай с внешним миром» (Deng Xiaoping biography hits bookstores. Xinhua, 2013-1-17. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/756538.shtml>).
2. В докладе съезде был сформулирован социалистический «взгляд на ценности» (*цзячжэ гуань*), состоящий из двенадцати компонентов: на уровне государства — богатство и сила, демократия, цивилизация и гармония; на уровне общества — свобода, равенство, справедливость и власть закона; на уровне индивида — патриотизм, преданность своему делу, честность, дружба и доброта. (Ху Цзиньтао. Цзяньдин буи яньчжэ Чжунго тэсэ шэжуйчжун даолу цянцзинь вэй цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэжуй эр фэньдоу [Неуклонно идти вперед по пути строительства социализма с китайской спецификой, бороться за всестороннее завершение строительства общества малой зажиточности]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2012. С. 31-32).
3. «Чжунго даолу» дэ шицзе ин — фан ди у цзе Чжунгосюэ луньтань чжуаньцзя сюэшу вэй-юаньхуэй чжунь, Шанхай шэжюань юаньчжан Ван Чжань (Мировое значение «китайского пути» — Интервью с председателем научного комитета Пятого Форума изучения Китая, президентом Шанхайской академии общественных наук Ван Чжанем) // Цзефан жибао, 2013. 24 марта. URL: http://newspaper.jfdaily.com/jfrb/html/2013-03/24/content_994493.htm.
4. Цзай цюаньцзо шне ся цзеду Чжунго даолу — Хуан Жэньвэй яньцзююань цзай ди у шицзе Чжунгосюэ луньтань шанцэ яньцзян [В глобальном измерении объяснить китайский путь — выступление главного научного сотрудника Хуан Жэньвэя на Пятом Форуме изучения Китая] // Цзефан жибао, 2013. 30 марта. URL: <http://www.jfdaily.com/a/5628835.htm>.

Рецензии

Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества: [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2012. 512 с.

Формирование социальной структуры общества в процессе трансформации плановой экономики в рыночную представляет собой одну из наиболее сложных в теоретическом плане и наименее изученных проблем социально-экономического развития как российского, так и китайского общества конца XX — начала XXI века. Это предопределяет актуальность данной монографии, подготовленной в рамках программы двустороннего научного сотрудничества между Институтом социологии РАН и Институтом социологии АОН Китая осуществлявших сравнительный анализ изменений в социальной структуре российского и китайского общества в результате проведения экономической реформы.

До начала экономических реформ в обеих странах в теоретическом плане действовала марксистская парадигма о наличии двух классов — рабочих и крестьян, и социальной прослойки — интеллигенции при наличии двух ведущих форм собственности — государственной и коллективной (в России — кооперативно-колхозной, в КНР — собственности народных коммун и кооперативов). Однако по мере их трансформации с началом экономических реформ и появления многообразных форм собственности — от индивидуальной и частной до собственности иностранного капитала — в обеих странах стала серьезно изменяться социальная структура общества, что проявилось в расширении социальной стратификации и в увеличении количества различных социальных слоев и групп. При этом в теоретическом плане от марксистского подхода к анализу социальной структуры общества в обеих странах произошел переход к теориям социальной стратификации, предусматривающим анализ значительного количества социальных слоев и групп, которые связаны с возникновением новых форм собственности.

В рецензируемой книге на большом

фактическом материале многочисленных социологических обследований дан всесторонний анализ изменений в социальной структуре РФ и КНР на протяжении 20–30 лет в результате перехода от плановой экономики к рыночной. Для данного исследования характерно всестороннее использование различных теорий социальной стратификации общества — от марксистско-ленинской теории классов и традиционного метода выделения статусных групп М. Вебера до теории среднего класса Л. Уорнера, теории социальной стратификации на основе профессиональной квалификации Д. Голдторпа и теории социальной стратификации «Нового марксизма» Э. О. Райта. Сама работа разбита на 10 глав, в которых подробно на большом фактическом материале различных социологических обследований анализируются изменения в различных социальных слоях и группах российского и китайского общества в процессе перехода от плановой экономики к рыночной.

Первая глава посвящена центральной проблеме рецензируемой работы — протекающим в РФ и КНР изменениям в социальной структуре. При переходе от плановой экономики к рыночной возникли новые социальные слои и группы — предприниматели, менеджеры, кооператоры, фермеры, лица свободных профессий, наемные работники в частном секторе, безработные, и на первый план стали выдвигаться проблемы социального и имущественного неравенства, социальных противоречий и конфликтов. В работе совершенно справедливо отмечено, что «насушной проблемой стал поиск теории, адекватно объясняющей происходящую трансформацию социальной структуры российского общества» (с. 36). Аналогичная проблема стоит и перед китайской социологией, которая также пытается объяснить трансформацию китайского общества, происходившую в годы экономической реформ-

мы с 1978 года.

Главная проблема, стоящая перед учеными, в данном случае, — не только определить характер социального строя в обеих странах, но и сделать принципиальный вывод об общих чертах и особенностях социально-экономических преобразований в России и Китае. К сожалению, ни в первой главе, ни в других разделах монографии не содержится выводов о том, в какой степени переход от плана к рынку в обеих странах имеет общее и особенное. А именно этому как нам представляется, и должна была быть посвящена либо первая глава, либо введение данной работы. В крайнем случае, ответ на этот вопрос можно было дать на основе всего проведенного исследования в заключении работы. К сожалению, в монографии вообще отсутствует заключение, что в значительной степени снижает эффект от весьма интересного совместного исследования ученых из двух стран.

Прошло уже более 30 лет с начала экономической реформы в Китае и около 20 лет — в России, и, надо сказать, сравнение их результатов, как по темпам экономического роста, так и по натуральным показателям пока явно не в пользу российской модели. Можно по-разному относиться к реформам в Китае, но очевидно, что Китай, в результате проводимой реформы экономической системы добился, в отличие от России, огромных успехов в развитии народного хозяйства. В 1990 г. объем ВВП КНР составлял 60% от российского, но уже в 1995 г. Китай по этому показателю догнал Россию, а в настоящее время это соотношение приняло обратный характер: российский ВВП составляет менее 40% китайского¹.

Как в Китае, так и в России, повторы, осуществляется переход от плановой экономики к рыночной. Однако если в Китае этот переход занимает много времени и рассчитан до 2050 года, то в России предполагалось все мероприятия реформы провести быстро — в течение нескольких лет. При проведении "шоковой терапии" вовсе не учитывались ее последствия: предполагалось, что уже через год-другой в Россию пойдут инвестиции. РФ быстро восстановит свои дореформенные экономические показатели и начнет догонять развитые капиталистические страны с рыночной экономикой. Россия пошла по пути радикальной реформы. В течение одного года здесь были проведены либерализация цен, приватизация и создание негосударственных (или необщественных) секторов экономики.

За прошедшие годы дороги наших

стран в сфере проведения реформы сильно разошлись, особенно после объявленной в России в 1992 году либерализации цен, что предшествовало приватизации и созданию необщественных секторов экономики (на базе предприятий государственной собственности, созданной трудом всего народа страны в течение несколько десятилетий).

Как показывает анализ работ главных теоретиков и практиков китайской реформы, используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку вполне соответствует российским реалиям, но практические мероприятия реформы в значительной мере определяются конкретной китайской спецификой². Китай не предпринял радикального перехода к новой экономической и политической системе, а ограничился реформами, связанными с последовательной трансформацией плановой экономики к рыночной. Эта трансформация была разбита на четыре этапа:

- 1979–1984 гг. — "плановая экономика — как основа, рыночное регулирование — как дополнение";
- 1984–1993 гг. — "плановая товарная экономика";
- 1993–2002 гг. — "социалистическая рыночная экономика";
- с 2003 г. по настоящее время — «совершенствование социалистической рыночной экономики».

В ходе китайской реформы управления предприятиями все большее число рабочих и служащих становятся акционерами, на многие акционерные предприятия и предприятия с участием иностранного капитала административно-управленческий персонал набирается по конкурсу, а не по назначению КПК и вышестоящих ведомств. В настоящее время происходит формирование новой экономической системы, где главные звенья — расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и контроля. Представляется разумным общий подход руководства КНР к проведению реформы, обеспечивающий постепенный переход к рыночной экономике без "шоковой терапии," при постоянном повышении жизненного уровня населения.

Такие впечатляющие результаты были достигнуты Китаем в результате осмысленной проработки теоретических вопросов экономической реформы. Там отказались от бездумного использования монетаристских методов перехода к рыночной экономике, была выработана собственная теория "социалистической рыноч-

ной экономики”, которая по сути дела и есть теория перехода от командно-административной, сверхцентрализованной экономики — к рыночной. При этом “была не только переосмыслена традиционная теория плановой экономики, но и качественно развиты теоретические положения традиционной теории рыночной экономики”³.

На наш взгляд, обе страны — и Россия, и Китай являются странами с переходной экономикой. Основное различие этих переходных экономик состоит в том, что в Китае переход от плана к рынку носит эволюционный характер при контроле за этим процессом государства, прямом и непосредственном участии Коммунистической партии Китая, а в России — революционный, где КПСС передала государственную власть в обмен на собственность, и в результате государство оказалось в значительной степени отстранено от процесса управления переходом к рыночной экономике. Поэтому вполне обоснованным является параллельный анализ изменений в социальной структуре российского и китайского общества в условиях переходной экономики, причем различия в их социальных структурах определяются особенностями перехода в них к рыночной экономике.

На наш взгляд, как российские, так и китайские исследователи пришли к единому выводу о наличии в российском и китайском обществе «10 социальных слоев (страт), обладающих собственными устойчивыми и при этом обособленными интересами, уровень и качество жизни которых принципиально различны» (с. 47). Китайские исследователи выделили 10 слоев общества: 1) государственные и социальные администраторы; 2) менеджеры; 3) частные предприниматели; 4) профессиональный технический персонал; 5) служащие; 6) работники торгово-промышленных предприятий; 7) работники сферы обслуживания; 8) промышленные рабочие; 9) сельскохозяйственные рабочие; 10) безработные и частично безработные (с. 61).

Вторая глава посвящена проблемам и перспективам развития рабочего класса в России и Китае. В своем разделе китайские ученые сделали важный вывод о том, что «китайский рабочий класс стал творцом национального богатства, сделав свой усердный труд залогом долгосрочного роста китайской экономики». При этом китайские социологи пришли также к выводу, что «рабочие считают себя одной из самых обделенных социальных групп последних 10 лет» (с. 98–99).

В свою очередь, российские исследователи также отметили значительное ухудшение положения рабочего класса за годы реформ из-за отсутствия технологических инноваций и неблагоприятных условия труда на предприятиях. В результате не происходит роста профессионально-квалификационного уровня рабочих из-за роста спроса на специальности, не требующие высокого уровня образования. В этой ситуации даже работники с невысоким уровнем образования берутся за еще более неквалифицированный труд (с. 115). В результате, как справедливо отмечают российские исследователи, «смена форм собственности и системы хозяйствования обусловила не только институциональные изменения в сфере труда, углубление его социально-экономической неоднородности, появление новых видов занятости, но и изменила мотивационные характеристики трудовой занятости» (с. 121).

В третьей главе анализируются проблемы трансформации социальной структуры современного российского села и тенденции расслоения китайского крестьянства в условиях повышения уровня производительности труда в сельском хозяйстве и оттока трудоспособного населения в города. Что характерно для России и Китая, наиболее распространенным на селе социально-экономическим типом является бедный человек, при этом «особенность сельской бедности — это бедность работающих людей» (с. 141).

В Китае, в отличие от России реформы начались в аграрной сфере — в реальном секторе экономики, в самом массовом секторе и шли снизу, а не навязывались сверху. Поэтому в Китае реформы на селе стимулировали реформы в других сферах, а в России реформы заблокировали предпринимательский потенциал селян (с. 143). Однако в Китае в ходе реформы также происходит социальное расслоение крестьянства, связанное как с изменениями форм организации сельскохозяйственного производства, так и с оттоком сельской рабочей силы в несельскохозяйственную сферу, отторжением земли у части крестьян и сохранением понятий «сельская и городская прописка». Все это служит причиной серьезных социальных конфликтов в китайской деревне.

Как показало обследование, проведенное в 2000 г. Организационным отделом ЦК КПК, по ходу реформы в конце 90-х гг. уже не достигался не только “оптимум по Парето” (без нанесения ущерба, при выгоде для определенных социальных слоев), но и “оптимум по Кальдору” (когда интересам части социальных

групп наносится ущерб при последующей компенсации за него). В этой обстановке по мере изменения структуры собственности и форм распределения социальные противоречия продолжали нарастать⁴. Особенно серьезные противоречия между крестьянами и местными руководителями стали нарастать в китайской деревне, где основной причиной конфликтов стала борьба за землю, связанная с попытками ее отчуждения у крестьян ради реализации проектов по созданию несельскохозяйственных предприятий на селе (на характерный пример, события в приморской волости Укан провинции Гуандун в 2011 г.).

Четвертая глава посвящена развитию предпринимательства в России и Китае и его влиянию на формирование принципиально новых для стран с плановой экономикой социальных слоев и групп — предпринимателей. Но если в Китае значительная часть социального слоя предпринимателей связана с инновационным, с производительным типом предпринимательства, основанном на снижении себестоимости производимой продукции и ускорению оборота капитала, то в России развитие социального слоя предпринимателей связано, в основном, с непроизводительным и деструктивным предпринимательством, основанным на создании монополии (в частности, в сфере ЖКХ и в добыче энергоресурсов) и на этой основе — с повышением цен и перераспределением ВВП в пользу связанных с ними социальных слоев и групп.

В условиях переходной экономики предпринимательство наряду с образованием является одним из социальных «лифтов», которые позволяют совершать социальные перемещения в обществе. Однако, как показывают материалы главы 4, в России эта закономерность не работает, что подтверждает следующий вывод: «доля владельцев создаваемых малых предприятий в России в составе взрослого трудоспособного населения не только была весьма низка, но в два последних предкризисных года еще более сократилась, в результате в условиях опережающего роста заработных плат в рыночном секторе и все возрастающей высоты экономических и административных барьеров выбор в пользу предпринимательства перестал быть альтернативой для потенциальных новичков» (с. 175–176).

В Китае ситуация с формированием социального слоя предпринимателей существенно отличалась от российской. На начальном этапе реформ до середины 1990-х гг. «социальное происхождение класса частных предпри-

нимателей связывалось с такими группами общества как крестьяне, рабочие, безработные, частично занятые, и даже с теми, кто находился на трудовом перевоспитании или принудительном обучении. Именно эти социальные группы составляли главный социальный резервуар воспроизводства класса частных предпринимателей» (с. 220).

В 1980-х — начале 1990-х гг. нижние социальные слои имели больше возможностей для мобильности, однако во 2-й половине 1990-х гг. механизм формирования класса частных предпринимателей претерпел заметные изменения. В результате «возможности перехода из низших слоев в высшие заметно сократились, и со 2-й половины 1990-х гг. в процессе формирования страты частных предпринимателей был заглушен механизм самовоспроизводства» (с. 222).

Чрезвычайно важной для оценки изменений в социальной структуре переходного общества в России и Китае является пятая глава, в которой анализируются проблемы среднего класса. Для оценки роли и места среднего класса в российском и китайском обществах в монографии рассмотрено два вопроса: основные социальные критерии среднего класса и доля среднего класса в общей численности населения.

Российские участники монографии отметили, что «при совмещении показателей профессионального статуса и наличия профессионального образования хотя бы второй степени мы получаем показатель максимально возможной численности среднего класса — не более 50% занятых, а для населения в целом с учетом пенсионеров и того меньше» (с. 234). Для выделения среднего класса были использованы четыре критерия: 1) нефизический характер труда; 2) наличие как минимум среднего специального образования; 3) показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселений; 4) интегральная самооценка индивидом своего положения в обществе не ниже 4 баллов. В результате в 2008 г. к среднему классу могла быть отнесена треть (34%) населения России. При этом к ядру среднего класса были отнесены имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты с навыками работы на компьютере. В результате был сделан вывод, что «средний класс в России гетерогенен, границы его пока размыты и подвержены изменениям, связанными с изменениями внешних условий» (с. 239).

В Китае социологи также выделяют

четыре критерия для его определения: 1) уровень дохода — высокий и стабильный; 2) принадлежность к профессии — нефизический труд; 3) уровень образования — высшее; 4) образ жизни и модель потребления — высокий уровень потребления и комфортная жизнь (с. 260–261). При этом китайские ученые справедливо разделяют три основных подхода к определению среднего класса — со стороны общественного мнения, правительств, социологов. В общественном мнении используются в основном такие критерии как доход, модель потребления и стиль жизни, в понимании государства — размер дохода, в понимании социологов — профессиональная стратификация. Из-за различий в критериях при определении среднего класса в Китае варьируются как его доходы — от 5000 до 30000 долл. в год (от 30 тыс. до 180 тыс. юаней в месяц), так и его доля в общей численности населения — от 10% до 30% (с. 262–263).

Таким образом, в результате реформ в России и Китае образовался средний класс, его численность постоянно растет. Однако доля среднего класса в обеих странах по-прежнему невелика, как невелика и количество людей, которые идентифицируют себя со средним классом, что связано в первую очередь с несоответствием их уровня образования — уровню доходов.

В главе 6 социологи из России и Китая, используя различные социологические выборочные обследования о доходах разных категорий населения проанализировали проблемы неравенства доходов в обеих странах. По Китаю взяты данные исследований доходов домохозяйств с 1988 по 2007 гг. на основе метода многоступенчатой выборки с применением кластеров, охватывающих 8–9 провинций востока и запада страны. По России в качестве эмпирической базы выступают данные исследования «Российский мониторинг экономического состояния и здоровья населения» за период с 1994 по 2009 гг.

В Китае, судя по результатам обследований, 20 лет происходил рост среднего дохода во всех группах населения, хотя при этом увеличивался разрыв в доходах между самой бедной и самой богатой группами населения. В то же время, хотя в отдельные периоды рост доходов сельских жителей был опережающим (в частности, на начальном этапе реформы — с 1979 по 1985 гг.), в целом доходы горожан приумножались быстрее, как справедливо отметили авторы раздела, «рост разрыва в доходах городских и сельских жителей на деле является

продуктом политики реформ и открытости в Китае» (с. 292). Разрыв в росте доходов за годы реформ наблюдается также между жителями экономически развитых приморских районов и отсталых внутренних районов. Так что одним из серьезных социальных последствий реформы в Китае стало увеличение разрыва в доходах между городом и деревней, между экономически развитыми и неразвитыми регионами, между населением с высоким и средним социальным статусом и низким статусом.

Практически аналогичные выводы по проблемам неравенства доходов были сделаны и российскими исследователями. Ими отмечено, что «на фоне общей тенденции к снижению доходной дифференциации уровень неравенства в российском обществе продолжает оставаться достаточно высоким. Наименее обеспеченные домохозяйства получают около 5–6% от всего среднедушевого дохода, наиболее обеспеченные — около половины» (с. 325). При этом был сделан вывод, что наибольший вклад в доходное неравенство, помимо заработной платы, вносят также источники дохода, связанные с реализацией личного имущества, с получением денежных средств в долг или по кредиту, а также территориальные различия и связанные с уровнем урбанизации населенного пункта.

Важное место в совместном исследовании было уделено проблеме неравенства в образовании (глава 7), так как оно является одним из главных факторов, определяющих уровень социальной мобильности в обществе. Как отмечается в исследованиях по России, за годы реформ социальная дифференциация в сфере образования возросла, из-за наличия разного рода барьеров, препятствующих получению того или иного образования — социокультурный барьер (социальный и культурный капитал семьи), территориальный барьер (перемещения и ресурсы мобильности), экономический барьер (явное и латентное неравенство).

Аналогичная ситуация в сфере образования наблюдалась в процессе перехода к рынку и в Китае, начиная с восстановления экзаменационной системы в 1977 году. Как отмечают авторы раздела, «в результате в системе образования были введены такие правила отбора, которые ознаменовали переход от модели массового образования к элитарной модели» (с. 357). При этом и в Китае переход к рынку произошел и в сфере образования, что выражалось в росте диверсификации инвестиций в образование и в повышении платы за обучение вплоть до отмены бесплатного образования в

вузах КНР с середины 1990-х гг., что создает неравенство шансов в его получении. В Китае рост неравенства доходов и социальное расслоение неразрывно связаны с усилением роли образования, которое во все большей степени определяет уровень доходов, возможность трудоустройства и достижение профессионального статуса. При этом китайские ученые также выявили аналогичные барьеры — социокультурные, территориальные и экономические, способствующие углублению социального неравенства.

Однако, были выявлены и определенные различия между двумя странами. В Китае государство посредством политики расширения доступа к получению образования пытается уменьшить неравенство, хотя эти меры оказались эффективны лишь в сфере начального (6 классов) и первой ступени среднего образования (9 классов). На уровне полного среднего (12 классов) и высшего образования неравенство в его получении по-прежнему сохраняется.

В главе 8 проанализирована проблема потребления и стиля жизни — одна из определяющих положение социальных слоев и групп в России и Китае. Материалы обследования доходов домохозяйств в России по квинтилям (20%) распределения душевых доходов показывают огромное неравенство потребительских возможностей по всем видам расходов. Домохозяйства из верхнего квинтиля душевых расходов в 2008 г. тратили больше, чем из нижнего квинтиля на питание в 3,4 раза, на непродовольственные товары — в 16 раз, на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам — в 40 раз, на услуги и отдых — в 18 раз, на горючее и топливо — в 10 раз, на одежду — более, чем в 8 раз, на табачные изделия — в 2,5 раза, на жилье и коммунальные услуги — в 3 раза (с. 390–391). Вывод: условия переходного периода обусловили тяжелое положение больших групп населения и сокращение личного потребления огромного количества российских семей. Произошло усиление дифференциации населения по расходам, углубление разрыва в стандартах потребления между бедными и богатыми семьями, что выразилось «в возросшем разрыве расходов на непродовольственные товары и услуги не только между самыми богатыми и беднейшими домохозяйствами, но и между богатыми и всеми остальными российскими семьями» (с. 391).

В то же время, как отмечают китайские ученые, в результате реформы и открытости «вслед за увеличением доходов населения наметились новые тенденции в структуре,

уровне потребления и образе жизни китайцев. и эти сдвиги подтолкнули страну к вступлению в стадию массового потребления» (с. 415). Было обнаружено, что социальная стратификация может проявляться через уровень потребления, обладание товарами длительного пользования и дифференциацию структуры потребления. Однако под давлением потребительского рынка, в частности, в сферах здравоохранения и образования, коэффициент Энгеля (доля расходов на питание) уже не может отражать реальную структуру потребления. Тем не менее, анализ уровня потребления и стиля жизни населения Китая в 1990-е гг. И в начале XXI века показал, что, несмотря на заметный рост доходов основной массы населения, «в основном сохраняются невысокие и средние показатели покупательной способности населения» (с. 437).

Глава 9 посвящена проблеме изучения классового и группового сознания в современном российском и китайском обществе. В ней на материале различных социологических исследований в России показано, что на групповое сознание российского населения заметное влияние оказывает классовая принадлежность и

Аналогичная ситуация наблюдается и в Китае, где за 30 лет реформ также произошло заметное социальное расслоение, и каждый слой сформировал социальную группу со специфическими социальными интересами. В этом плане представляет особый интерес анализ социальной группы «и рабочие и крестьяне» (*нунминьдун*), которые сравнивают свое социальное положение с тем временем, когда была невозможна социальная мобильность. Авторы раздела о Китае приходят к важному, на наш взгляд, выводу, что «разные пути формирования социальных слоев означают наличие различного классового опыта, и эти различия в опыте влияют на формирование содержания классового сознания» (с. 479).

В последней, 10-й главе на основе обследований, проведенных в обеих странах, показаны ценностные приоритеты студенческой молодежи РФ и КНР, которые по итогам ряда социологических обследований оказались схожими по основным параметрам — образовательные ценности, трудовые ценности, межличностное взаимодействие, политические ценности, общие ценностные приоритеты и проблемы. Т.е., переход от плановой экономики к рыночной оказал практически одинаковое влияние на формирование мировоззрения молодежи в обеих странах с переходной экономикой.

Следует обратить внимание и на не-

точности при переводе текста с китайского на русский язык, содержащиеся в монографии. В одних случаях это — ошибки при транскрибировании имен китайских ученых и названий городов. В частности, Тянь Фэн, а не *Тиан Фэн*, Чэнь (Чэн) Гуанцин, а не *Чен Гуанджин* (с. 3), Ли Куан Ю, а не *Ли Гуаньяо* (с. 21), Шэньжэнь, а не *Шеньжень* (с. 22) и др.

В других случаях имеют место неправильный перевод китайских терминов на русский язык, что влечет за собой непонимание содержания, как и значительные искажения смысла текста. В частности, на стр. 12 используются в переводе с китайского термины «единая система организации» и «не единая система организации». Эти термины, как можно понять из имеющихся в тексте статистических данных по занятости населения Китая, представляют собой «занятые на предприятиях государственной («общенародной») и коллективной собственности и на предприятиях других форм собственности».

Неясен смысл принципиального вывода одного из разделов, что «ведущие социальные тенденции и общественное потребление будут опираться не на средний класс, а на так называемый *класс среднего достатка* (*сяокап*)» (с. 76). Понятие «сяокап» пошло из сельской местности Северного Китая. В те годы в понятие «сяокап» (или малое благодеяние) входило наличие у семьи «двадцати му земли и одной головы крупного рогатого скота, горячего кана (*теплой лежанки*) для всех членов семьи — старых и малых». Наличие «двадцати му земли (*примерно 1,2 га земли*) и одной головы крупного рогатого скота» (*эриш му ди и тоу ню*), то есть таких земельных площадей и средств производства, обеспечивало крестьян-

ским семьям гарантированный экономический доход, что отражало чаяния крестьян. «Наличие горячего кана для старых и малых» (*лаою хайцзы жэжантоу*) являлось фактором семейного счастья: жена, ребенок и теплое жилье⁵. Постоянно встречающийся в китайских текстах термин «*сяокап шихуэй*», как и в данном случае следует трактовать как «общество малого благодеяния». Поэтому термин «класс среднего достатка» (с. 76) не только не отражает смысл китайского термина «*сяокап*» (малое благодеяние), но и искажает смысл китайской концепции «*сяокап*» (малое благодеяние), так как все общество не может быть одновременно классом.

В рецензируемой монографии можно найти ответы на многие вопросы, diskutируемые в среде ученых и практиков, изучающих не только проблемы социальной структуры общества в странах переходной экономики, но и опыт реформ в России и КНР. В ней также можно найти и ответы на вопрос о том, что общего и особенного наблюдается в изменениях социальной структуры российского и китайского общества в условиях перехода к рыночной экономике. В целом можно прийти к выводу, что данная работа является крайне полезной и познавательной для российских китайедов, занимающихся не только проблемами китайской экономики, но и социологии, политики, истории и права. Думается, что данная монография также представляет серьезный интерес для ученых, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами преобразований в социальной структуре КНР и России и в других странах с переходной экономикой в ходе реформ.

© 2013

А. Островский,
профессор, доктор экономических наук

1. Чжунго тунци чжайяо — 2010 (Китайский статистический справочник — 2010). Пекин, 2010, с. 196.
2. См.: Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Чжунго цзинци гайгэ юй фачжянь (Китайская экономическая реформа и развитие). Изд-во «Саньянь шудянь», Шанхай, 1999; Ли Тени. Гайгэ кайфан таньсо (Исследования о реформах и открытости). Пекин, 1999 и другие
3. См.: Цюши, 1999, № 6, с. 19.
4. Подробное см.: Чжунго дяоча баогао. 2000–2001 синь синьши жэньминь гуйбу маодунь яньцзю (Доклад по обследованию в Китае. Исследование противоречий внутри народа в новой обстановке в 2000–2001 гг.). Ред. Юй Юньяо. Пекин, «Чжунъян бянши чубаньшэ». 2001.
5. См.: Жэнькоу яньцзю, 2003, № 1, с. 4

Садовская Е.Ю. Китайская миграция в Центральной Азии в начале XXI века. Экономическое наступление и миграция из КНР на примере Республики Казахстан: вызовы и возможности. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co KG, 2012. 184 с.

Новая монография Е.Ю. Садовской, известного казахстанского специалиста по миграционным проблемам центральноазиатских республик, представляет собой первое в Центральной Азии (и второе после России) исследование по китайской миграции на постсоветском пространстве. Деятельность китайских мигрантов, миграционную политику властей автор рассматривает на фоне развивающегося экономического сотрудничества Китая со странами центральноазиатского региона, как одну из составных частей этого многогранного процесса. Хронологически исследование охватывает последние 20 лет с упором на «нулевые» годы нынешнего века — период, когда и состоялся экономический прорыв КНР в этот регион.

Первая глава монографии посвящена анализу растущего экономического присутствия Китая в Центральной Азии, истории миграций и основным миграционным трендам в республиках региона (каждой посвящен отдельный раздел). В работе показана динамика проникновения КНР в различные сектора экономики: нефте- и газодобывающую, транспортную, строительную, в торговлю и телекоммуникации, а также — и в аграрный сектор некоторых республик. Много внимания уделено инвестиционной политике КНР. Вообще говоря, публикаций на тему об экономическом присутствии КНР в ЦА имеется огромное количество, однако, мало кто из исследователей сочетает экономический анализ и изучение собственно миграционных проблем — то, что и составляет существенную особенность настоящего труда.

Поставив в центр своего исследования Казахстан, автор, вместе с тем, сумел рассказать немало нового и о других республиках. Особый интерес представляет, в частности, раздел, посвященный Туркменистану, о котором нам известно пока очень немного. На китайской стороне границы объектом специального изучения стал Синьцзян, поскольку сотрудничество республик региона с КНР происходит в первую очередь именно с СУАР. В современной китайской литературе Синьцзяну все еще уделяется недостаточно внимания, поэтому следует приветствовать изыскания автора, касающиеся не только миграционного обмена и торгово-экономических связей, но и социально-демографической структуры, национального состава, системы образования и рынка труда авто-

номного района.

На основе анализа миграционного обмена между КНР и республиками Центральной Азии в 1990-х — 2000-х годах автор предлагает свою типологию миграционных движений и дает систему определенных «законной», «нерегулируемой» и «незаконной» миграции, основанную на признанных международным экспертным сообществом критериях.

Вторая глава посвящена миграции из Китайской Народной Республики в Республику Казахстан. Автор прослеживает эволюцию основных типов миграционных движений и производит детальный анализ их различных видов, делая упор на экономическую миграцию: трудовую (как официальное привлечение китайской рабочей силы, так и нерегулируемая трудовая иммиграция), торговую и деловую. На примере Казахстана, Киргизии и Узбекистана Е.Ю. Садовская рассматривает влияние миграции на локальные рынки труда и дает оценку социально-экономическим последствиям распространения китайского малого и среднего бизнеса в принимающих странах. При этом автор активно пользуется методикой Ж.А. Зайончковской — крупнейшего российского специалиста по миграции в СНГ и вместе с тем одного из зачинателей изучения китайской миграции в контексте внутреннего рынка труда России.

Значительный интерес представляет раздел, посвященный образовательному обмену между Китаем и Казахстаном. Автор излагает эволюцию этого явления, исследует возможности и границы его расширения. По мнению Е.Ю. Садовской, образовательная миграция и академические обмены относятся к числу наиболее перспективных видов миграций между сторонами.

Не остались без внимания исследователя и такие виды миграционных движений, как миграция на постоянное место жительства (представленная преимущественно репатриацией этнических казахов из Китая в Казахстан), а также иммиграция в Китай.

На основе анализа современной китайской миграции в Казахстане автор выводит ее основные характеристики: относительно быстрый количественный рост мигрантов в 2000-е годы; диверсификация миграционных потоков; увеличение трудовой иммиграции; рост легальной и «нерегулируемой» миграции; значительное присутствие «челночной» миграции;

этническая неоднородность миграционных потоков: в отличие от китайской миграции в другие страны, миграция из Китая в Казахстан представлена не только этническими китайцами (ханьцами), но и казахами, уйгурами, дунганам и представителями других национальностей; увеличение роли «социальных» и «мигрантских сетей» в развитии миграций и бизнеса и т.д.

В третьей главе рассматриваются основные законодательные и институциональные проблемы регулирования миграции из Китая в Казахстан. Автор констатирует, что, несмотря на наличие определенной законодательной базы, несмотря на краткость истории использования рабочей силы из КНР, в сфере трансграничной миграции накопилось большое количество проблем: коррупционные схемы, которыми сопровождаются торговая миграция и челночная торговля; стихийная приграничная торговля; развитие китайского и совместного бизнеса вне государственного контроля и налогообложения страны пребывания; незаконная занятость трудовых мигрантов; возникающие или потенциальные трудовые и этносоциальные конфликты и т.д. Затрагивается также ряд других политических, геополитических и геоэкономических последствий хозяйственного и миграционного взаимодействия Китая с государствами центральноазиатского региона.

Большой интерес представляют изложенные в той же главе результаты социологического исследования, касающегося отношения местного населения к китайским мигрантам. Этот первый репрезентативный опрос населения в Казахстане (выборка была сделана среди городского населения) по данной теме был проведен в 2007 г. Согласно результатам исследования, отношение респондентов к мигрантам из Китая в целом свободно от эмоциональной окраски: средняя оценка 2,9 баллов (1 балл — очень хорошее отношение, 5 баллов — очень плохое), хотя определенным образом варьируется по регионам и по этнической принадлежности (наиболее высокий балл принадлежит титульной национальности — казахам). Вместе с тем, у некоторой части городского населения сформировалось отрицательное отношение к китайским мигрантам, в его среде наблюдается тревога по поводу последствий китайской миграции для Казахстана: 18% респондентов продемонстрировали негативное восприятие китайских мигрантов, почти четверть (24%) выразили опасение серьезной конкуренции на рынке труда.

Исследование выявило прямую зависимость между уровнем образования респондентов, их осведомленностью о культуре, традициях и современной жизни Китая — и толерантностью по отношению к китайским мигрантам. Вместе с тем, опрос показал, что, хотя Казахстан географически соседствует со страной с древней историей и цивилизацией, городское население

(не говоря уже о сельском), не знакомо с китайской культурой — литературой, историей, традициями китайского народа, слабо знает реалии современной жизни КНР. В среднем лишь 10,2% респондентов проявили осведомленность о культуре и истории Китая, обычаях и традициях китайского народа. Под руководством автора книги в 2012 г. была проведена вторая «волна» этого исследования; судя по его предварительным результатам, за прошедшие годы средний балл несколько понизился.

Достоинством монографии является то обстоятельство, что автор не боится обращаться к самым острым и злободневным проблемам китайской миграции. Таковой, например, является аренда земли и привлечение китайской рабочей силы в аграрный сектор Казахстана, Киргизстана, Таджикистана. Проекты, связанные с арендой земли иностранными компаниями, в том числе, китайскими, порождают в Казахстане активный протест, выражающийся в алармистских публикациях в СМИ, митингах около генерального консульства КНР, петициях, адресованных руководству Китая. Подобную реакцию вызвал, в частности, обнародованный в 2009 г. проект сдачи в аренду китайским фирмам 1 млн га земли для выращивания сои. Правительственным деятелям пришлось давать объяснения: в проекте речь идет не об аренде земли, а о совместном возделывании сои, о китайских инвестициях и организации производства. Рассматривая перспективы привлечения китайских капиталовложений и создания совместных казахстанско-китайских агропромышленных предприятий, автор предупреждает, что необходимо будет наладить тщательный контроль за их деятельностью, в том числе финансовый и экологический, и обеспечить их эффективность с точки зрения интересов каждой из сторон.

Не менее острыми для региона являются вопросы межэтнической напряженности и конфликтов между китайскими мигрантами и принимающим сообществом. На примере Казахстана и Таджикистана автор доказывает необходимость скорейшей разработки программ адаптации мигрантов и одновременно — программ воспитания толерантности для местного населения.

В заключительном разделе монографии подробно рассмотрены многообразные как положительные, так и отрицательные последствия китайской экономической экспансии и распространения китайского малого и среднего бизнеса в регионе. Приблизительно их баланс выглядит следующим образом.

С одной стороны, присутствие Китая в странах Центральной Азии позволяет диверсифицировать список их инвесторов в энергетическом секторе. Нефте- и газопроводы, по которым переправляются в Китай энергоресурсы, существенно расширяют доступ этих стран на международный рынок. С другой

стороны, у экспертов вызывает озабоченность быстрое наращивание Китаем своих нефтяных активов: по разным оценкам, сегодня он контролирует до 25–40% нефтяного сектора в Казахстане. Китайские инвестиции в энергетический сектор значительно увеличивают риск однобокой специализации республики и превращения ее, да и региона в целом в «сырьевой придаток». Автор отмечает, что, несмотря на декларации, меморандумы и соглашения о развитии сотрудничества в несырьевых областях, в течение двух десятилетий присутствия китайского бизнеса в Центральной Азии не учреждено ни одного успешно работающего совместного предприятия, КНР не передавала в регион новых передовых технологий, до сих пор на рынке не появились ни одного совместно производимого конкурентоспособного продукта. Причину этого, по всей видимости, следует искать не столько в позиции китайской стороны, сколько в неготовности самих стран региона к модернизации своей экономики: в противном случае они давно могли бы заняться привлечением технологий с Запада.

Государственные кредиты и инвестиции крупных частных и государственных компаний КНР положительно влияют на развитие многих отраслей экономики принимающих стран: энергетической, транспортной, торговой и далее косвенным образом способствуют развитию социальной инфраструктуры. В то же время на китайских и на совместных предприятиях существует много нерешенных проблем, таких как охрана труда, защита окружающей среды, значительная разница в оплате труда казахстанских и китайских работников, способная вызвать вспышку международной вражды.

Автор справедливо считает большим благом насыщение местных рынков китайскими товарами народного потребления, которое резко контрастирует с тотальным товарным дефицитом советских времен. Китай поставляет в республику Центральной Азии практически всю номенклатуру товаров повседневного спроса. Китайский средний и малый бизнес предлагает также широкий спектр услуг в сферах питания, медицины, туризма и т.д. Вместе с тем, как показывает автор, насыщение потребительского рынка китайскими товарами и услугами приводит к упадку некоторых секторов местной экономики, например, текстильной и обувной промышленности, где количество занятых за последние годы резко сократилось. Зато, как бы в порядке компенсации, за счет торговли китайскими товарами на национальных рынках труда появились новые большие сегменты, в которых заняты сотни тысяч граждан центрально-азиатских республик: оптовики-посредники, владельцы магазинов, водители, продавцы, охранники и т.п.

В этом сложном процессе автор видит

принципиально новые возможности для модернизации центральноазиатских стран: по ее мнению, китайский бизнес и китайская рабочая сила высвобождают местное население из традиционных отраслей экономики, создавая тем самым потенциальные трудовые ресурсы для работы в других, технологически передовых секторах. Однако, считает автор, ни одна из стран региона не воспользовалась этой возможностью. Она приводит в пример Казахстан, где инвестиции в сферу образования и науки увеличиваются незначительно, качество образования в 2000-е годы даже ухудшилось, выросла коррупция, а планы индустриально-инновационного развития страны, намеченные правительством еще в начале 2000-х годов, оказались невыполненными. Структура рынка труда остается крайне несбалансированной: в сфере торговли занята значительная доля населения, в том числе избыточное количество специалистов с высшим образованием. За прошедшие годы произошел их массовая деквалификация и депрофессионализация, и все это свидетельствует о том, что человеческий капитал в Казахстане используется неэффективно, новые возможности, создаваемые иммиграцией китайской рабочей силы, пропадают впустую.

Здесь рецензент не вполне согласен с автором: по мнению рецензента, об упущенных благоприятных возможностях здесь говорить не приходится. Высвобождение рабочей силы из легкой промышленности не является козырем, который нужно лишь, слегка подсуетившись, своевременно вытащить из колоды, это — тяжелое наследие тех внутренних и трансграничных процессов, которые возникли в регионе после распада СССР. Постсоветские республики не в состоянии использовать эти излишки рабочей силы в соответствии с квалификацией и тем более не в состоянии обеспечить ей переквалификацию и предостыть места в новых технологических отраслях — ввиду отсутствия последних. Переломить же ситуацию, создать новые отрасли возможно только на путях глубокой модернизации, приступить к которой республика Центральной Азии в настоящее время в силу исторических причин заведомо не в состоянии.

Переходя на более высокие уровни анализа, автор отмечает: устойчивой тенденцией последних двух десятилетий в сотрудничестве Китая с центральноазиатскими республиками стало развитие процесса субрегионализации, охватывающей Синьцзян и соседние с ним Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Основой этого процесса является углубление торговых связей, миграционного обмена, а также гуманитарных связей между частями одних и тех же этносов, живущих по обе стороны границы. Безусловно, огромную роль в этом процессе должна сыграть трансграничная транспортная инфраструктура, в строительство которой Китай уже сейчас вкладывает

значительные финансовые средства. Участие Казахстана в Таможенном союзе и Евразийском экономическом пространстве позволит ему дополнить свои связи с КНР, однако, процесс интеграции Китая и республик Центральной Азии и на субрегиональном, и на региональном уровне будет продолжаться, открывая Китаю, как осторожно замечает автор, новые возможности усиления своего влияния.

На глобальном уровне Е.Ю. Садовская рассматривает присутствие Китая в Центральной Азии как новый тип отношений «Юг — Юг»; для него характерно формирование новой сети инвестиционных и миграционных потоков, где Китай в отношении развивающихся стран в известной мере берет на себя прежнюю роль развитых государств.

Существование масштабной миграции из Китая ставит страны Центральной Азии перед новыми вызовами, адекватные ответы на которые не лежат на поверхности. Нужно решать непростые проблемы, связанные с пресечением незаконной миграции и теневого бизнеса, адаптацией мигрантов, интеграцией репатриантов и т.д. Необходимо разобраться с беспокоящими общество вопросами о вытеснении мигрантами местных работников, о конкуренции между импортными товарами и продукцией местного производства. Для проработки всех этих проблем, считает автор, необходимо активизировать усилия экспертных сообществ стран Центральной Азии и России, организовать их сотрудничество через международные исследовательские группы и совместные проекты. Желательно было бы также обеспечить участие международных организаций, национальных неправительственных организаций, средств массовой информации. Между тем, нынешний уровень научно-исследовательской работы в Центральной Азии никак нельзя считать удовле-

творительным. Достаточно сказать, что в Казахстане до сих пор отсутствует синологическая школа, что ненормально для страны, которая соседствует с региональным, а ныне и глобальным центром силы.

Монография Е.Ю. Садовской намечает, таким образом, некоторые важнейшие направления и формы организации предстоящей исследовательской работы. Эти рекомендации высказаны на фоне представленной автором картины китайской миграции — картины, как кажется, максимально полной в условиях непрозрачности центрально-азиатских экономик. В целом рецензируемую монографию следует расценить как заметный вклад в изучение китайской миграции в постсоветских государствах.

Правда, стремление вписать основную тему работы в общеэкономическую тематику иногда уводит автора слишком далеко от центральных, т.е. миграционных вопросов, в область собственно экономики, что временами нарушает тематическую цельность изложения. Подчас экскурсы автора в сторону выглядят тем более чрезмерными, что там успешно трудится целый отряд других весьма компетентных специалистов. В то же время собранный под одной обложкой столь широкий по охвату материал побуждает читателя глубже всмотреться в фундаментальные истоки миграционных проблем, а также задуматься о сходстве проблем, связанных с китайским присутствием, в различных государствах на постсоветском пространстве. Не пора ли попытаться провести комплексное компаративистское исследование о влиянии китайского присутствия на миграционную и экономическую ситуацию в России и странах Центральной Азии?

Подробнее с содержанием монографии Е.Ю. Садовской можно познакомиться, пройдя по ссылке: <http://demonscope.ru/weekly/2012/0519/biblio03.php>.

Сборник «Общество и государство в Китае»: 42 научная конференция. — Ученые записки отдела Китая. / Институт востоковедения РАН. Москва: Институт востоковедения РАН (ИВ РАН), 2012. — Вып. 6. (т. 1, 2); том XLII, вып. 7 (ч. 3).

Очень грустное в 2012 г. случилось китаеведение — за один год ушла из жизни целая плеяда наших коллег. Первый том материалов конференции посвящен памяти Владимира Евстигнеевича Еремеева (1953–2011). Для его стиля работы как выдающегося исследователя науки Китая был характерен широкий охват материала, точность в деталях, но главное — поиск научно-философских основ единства человека и мира. Частично о масштабах его работы дает представление статья «Наука в эпохи Юань и Мин», опубликованная в сборнике и подготовленная к печати А.Е. Кобзевым. А в статье С.Ю. Рыкова «Символы и числа» Владимира Евстигнеевича Еремеева обозначены новые подходы Еремеева к нумерологии.

Второй том открывается статьей о Лилии Николаевне Борох (1933–2011) — ученом, внесшим значительный вклад в разработку общественно-политической мысли Китая начала XX в. Ее блестящие книги и статьи о Сунь Ятсене, Лян Цичао вошли в золотой фонд не только российского китаеведения, но и российской социологии.

Не верится, что уже нет с нами беспокойного человека и глубокого знатока истории КПК Юрия Мисаковича Гарушианца (1930–2012).

Академик Борис Львович Рифтин (1932–2012) на протяжении многих лет открывал захватывающий мир мифологических героев и сюжетов в традиционной литературе Китая. Кто только не зачитывался его публикациями о китайской мифологии!

Особый путь в китаеведение был у Лидии Ивановны Головачевой (1937–2011), многие годы посвятившей поиску смыслов Конфуция. Но на мой взгляд, ее глубокие знания Китая особенно полно проявились в сделанном ею переводе книги двух китайских авторов Чэня Кайго и Чжэня Шуньчао «Подвижность великого Дао».

Тяжело писать в прошедшем времени о Наталье Ивановне Фоминой (1932–2012).

Первая ассоциация, приходящая на ум, — слово интеллигент. Она тихо, но исключительно профессионально и талантливо работала с разными сюжетами истории Китая, стартуя в науку с диссертацией по эпохе Цинь.

Завершая длинный список «*in memoriam*», особенно остро понимаешь, какую замечательную работу проводит сейчас Отдел Китая в рамках проекта «Китаеведение — устная история». В материалах конференции опубликованы ставшие частью проекта беседы В.Ц. Головачева и А.И. Кобзева с коллегами, и мы вновь можем услышать знакомые интонации.

Три томки плотного текста — это площадка, на которой встречаются ученые, разделенные географией и научными интересами, но объединенные общей миссией изучения Китая. Мысль китаеведов не скудеет — на этот раз томки вместили в себя более сотни (!) публикаций.

Составители сборников сгруппировали их по таким разделам, как «История и археология», «Историкография и источниковедение» в 1-м томе и «Источниковедение и история» в 3-й части, «Философия, идеология, религия» в 1-м томе и «Мифология, философия и религия» в 3-й части, «Современный Китай», «Китай и соседи», «Искусства, науки и ремесла», «Письменность, литература и искусство». Совпадение некоторых разделов объясняется тем, что 3-я часть выпускалась отдельно от первых двух томов. Нетрудно заметить, что редакторы сборников почему-то избегают фиксировать такие темы, как «политика», «международные отношения», «экономика», «социология», «коммуникация», «антропология». Можно предположить, что это дань традициям конференции, хотя само название «Общество и государство», казалось бы, нацеливает именно на эту группу вопросов.

Но нельзя не признать, что наибольшее внимание авторов сборников привлекает именно традиционный Китай в самых разных его аспектах, археологическом (Д.В. Деоник,

М.Ю. Ульянов, С.И. Блюмхен, М.Е. Кузнецова-Фетисова), текстологическом (Г.С. Попова), историческом (А.К. Коробицына, Д.А. Комаров, В.В. Бакшеев), экономическом (П.М. Кожина, М.В. Корольков), культурологическом (В.Г. Белозёрова), лингвистическом (Ю.С. Худяков), литературоведческом (Л.В. Стеженская), науковедческом (А.И. Кобзев, Н.Ю. Агеев), философском и религиозном (А.И. Кобзев, С.И. Блюмхен)

Так как все богатство материалов отразить в краткой рецензии не представляется возможным, изначально будем руководствоваться убеждением в том, что почти все опубликованные статьи являют собой образцы высокого профессионализма, но более подробно остановимся лишь на некоторых из них.

Сборники отразили любопытную тенденцию в современном российском Китаеведении — повышенный интерес ученых к самым древним периодам китайской ойкумены. Именно сюда потянулись молодые ученые. Несомненно, что это связано с грандиозным переворотом в представлениях о китайских древностях, ставшим следствием археологических открытий конца XX в., с необходимостью и возможностью переосмысления накопленных к настоящему времени фактов. Но, думается, что тут присутствует и субъективный фактор. Первое имя, которое сразу приходит на ум, — это С.-Р. И. Кучера. Личность этого человека, обладающего широчайшей эрудицией, его работы стали магнитом для многих молодых исследователей, ищущих свой путь в науке. Велика роль также М.Ю. Ульянова, создавшего в МГУ особую научную школу.

Именно статья М.Ю. Ульянова, написанная совместно с Д.В. Деоником, открывает раздел «Истории и археологии» сборников. Статья имеет узко профессиональное название «Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X—I тыс. до н.э.». Но содержащиеся в ней наблюдения и выводы имеют общеметодическое значение, без учета которых уже невозможно преподавать и исследовать историю Китая. По словам самих ученых, их целью было «дать характеристику протекания исторического процесса... начиная со времени перехода к земледелию и заканчивая возникновением развитой государственности». Отправной точкой статьи стала мысль о том, что Китай в древности — «это не одна страна, а сложно структурированное географическое пространство, которое по своему многообра-

зию не уступает западной части Старого Света (Сиро-Палестинский регион, Месопотамия, Долина Нила) и близко примыкавшим к ней областям (Малая Азия, Средиземноморье, Закавказье)». Правда, странным образом, начав говорить о Китае, авторы завершают абзац регионом Восточной Азии, так в общем-то до конца статьи и не разделив достаточно четко эти два термина. В этом географическом пространстве, по мнению авторов можно выделить шесть «историко-культурных» зон. Основным критерием зонирования для них стали «керамические комплексы». Авторы ссылаются также на особенности ландшафта, языковые семьи и доминирующие сельскохозяйственные культуры. Создание глобальной картины, отдельные части которой, к тому же, довольно фрагментарны, дело нелегкое. Предваряя неизбежные при таком раскладе вопросы, авторы в эпиграфе отмечают, что любой результат в науке — промежуточный. Авторы являются сторонниками гипотезы зарождения китайской государственности на Нижней Янцзы в рамках культуры Лянчжу. Целый спектр убедительных аргументов в пользу этой гипотезы приведен также в статье М.Е. Кравцовой «Желтое» и «зеленое» в палитре древнекитайской истории: о генезисе китайской государственности». Но мне лично не дают покоя южно-сибирские металлические ножи, упомянутые Ульяновым и Деоником в контексте того, что «металл вместе с технологией сплава пришел в северную часть региона с северо-запада». Не означает ли это, что к работе группы исследователей следовало бы подключить специалиста по археологии именно этого района, и тогда, возможно, выводы можно было бы откорректировать в сторону севера?

Работа П.М. Кожина «Совершенствование экономики как стимул территориального роста древних государств (на примере древнего Китая)» на самом деле гораздо шире заявленной темы. Автор рассуждает о том, как «труд позволяет человеку занять особое место в природном биологическом мире, а развивающееся мышление обеспечивает... видовое выживание». В некотором смысле это можно считать продолжением знаменитой мысли Ф. Энгельса, однако П.М. Кожина интересуют иные компоненты антропогенеза и общественного развития, в том числе, начало языкового общения и формирования устойчивой памяти, складывание традиций как совокупности эмпирических знаний, выход из чисто биологических отно-

шений в социальные, становление «искусственной экологии человека» или «производящей экономики» (земледелие и скотоводство), развитие уже не связанных с добычей пищи технических хозяйственных отраслей (обработка глины и металлов). Проецируя эти общечеловеческие процессы на Китай, автор констатирует некоторую специфику их протекания. Кожин ориентирован на северокитайскую парадигму становления государства. Он отмечает, что вопреки географическим границам, разделявшим отдельные провинции чжоуского времени, в целом, уже работали центrostремительные механизмы, которые объяснялись стремлением получить доступ к лучшему сырью.

С.И. Блюмхен посвятил свою работу палеоэкологии на примере разбора череды наводнений, бушевавших на территории современного Китая между 2300 г. до н.э. и 1010 г. до н.э., приведших к депопуляции и изменению климата. (Как бы полемизируя с Ульяновым и Деопиком, Блюмхен рассказывает о том, что одной из исчезнувших культур была культура Луншань. Дело в том, что два вышеназванных ученых отметили, что под напором новых открытий понятие Луншань как обозначение археологической культуры исчезает из научного оборота.) Блюмхен солидаризируется с исследователями, отстаивающими гипотезу кометного удара, потому что, как он считает, масштаб катастрофы невозможно объяснить только фактами наводнений, к тому же, растянутыми во времени. Ученый опирается на результаты коллективных исследований китайских, австралийских, немецких коллег. Горько осознавать, что нет подобных российских разработок.

М.Е. Кузнецова-Фетисова свою статью озаглавила «Реконструкция отдельных сторон функционирования столицы Нинь (дин. Шань, XVI—XI вв. до н.э.)». Она критически и детально рассматривает состояние современной китайской науки по вопросу атрибуции столицы Нинь. Анализируя опубликованные результаты раскопок нескольких древних поселений в районе Аньяна и их интерпретации, она убедительно показывает, как они девальвировали просуществовавшее много лет представление о поселении близ дер. Сяотунь как о столице Нинь, но сами не привели к появлению бесспорной альтернативной версии. По наблюдению автора, не способствует прояснению вопроса и подключение административного ресурса. Она пишет о том, что после того, как в 1961 г. раскопанному поселению у дер. Сяо-

тунь был придан статус культурного заповедника площадью 24 кв. км, стали считать, что это равно размеру площади древней столицы. А в 2000-х гг. площадь заповедника была расширена так, чтобы она смогла охватить вновь открытое городище, после чего «площадь столицы» была увеличена до 30 кв. км.

Перу М.В. Королькова принадлежит серьезное научное исследование — «Эволюция системы земельного налогообложения в империях Цинь и Хань по данным палеографических документов». Автор проделал сложную и кропотливую работу, собрав по крупицам данные палеографии, зачастую сильно поврежденные, и дополнив их сведениями, почерпнутыми из древнекитайских книг, некоторые из которых даже переведены на русский язык. Сухие факты описания развития налоговой системы, приводимые автором, читаются как роман, достаточно лишь представить себе, что речь идет о том, что столь близкие каждому из нас вопросы, обсуждались и систематизировались более 2000 лет тому назад! Ученый приходит к довольно неожиданному, на наш взгляд, выводу, отмечая, что трансформация циньских форм госконтроля над землей в начале правления династии Хань шла в направлении уменьшения функций государства. Корольков приводит много примеров, подтверждающих его правоту. Однако не совсем понятно, насколько в данном случае можно говорить о системных действиях власти, а насколько о том, что государям империи Хань было сложно привести к общему знаменателю общество, пережившее лихие годы смены династии. Не хотелось бы останавливаться на деталях, но мне кажется, что более точно было бы написать, что империя Цинь закончила свое существование в 207 г. до н.э., а не в 209 г. до н.э. (см.: русское издание Сыма Цяня, т. 2, с. 87), и что империя Цинь существовала до 1912 г., а не до 1911 г.

Статья Е.М. Бреус «Идентификационные документы в Китае: история, структура, национальная идея» является образцом этнологического исследования. Написанная на значительном количестве материалов, статья прослеживает путь развития идентификационной системы Китая, начиная с династии Чжоу, и вплоть до сегодняшнего дня. Автор приходит к выводу о том, что «в КНР сохраняются тысячелетние традиции коллективного учета, а индивидуальный документ сочетает традицию и западные стандарты». Буквально пару месяцев тому назад поднятый в статье вопрос актуаль-

зировался, когда китайские власти сообщили о включении в заграничный паспорт КНР карты страны со всеми спорными островами. Несколько странной представляется ссылка на Бенедикта Андерсона, учитывая то, что областью его интересов является национализм. Значит ли это то, что жителей Среднего государства на протяжении всего описываемого времени следует воспринимать в терминах национализма, причем присущего нации как «воображаемому сообществу»?

В ключе социальной этнологии написана статья Е.Н. Матяша «Построение духовной социалистической культуры и образ предпринимателя-жушана». Статья, будучи несомненно научной работой, интересна также для широкого круга читателей и поэтому была перепечатана интернет-изданием «Столетие». Ученый рассказал о том, как современные китайские капиталисты «встраиваются» в общество социализма с китайской спецификой. Жушань, что дословно значит конфуцианец-торговец, с точки зрения традиционного Китая, понятие само по себе противоречивое, так как поднимает торговца, социальное положение которого было невысоким, до уровня ученого конфуцианца. Однако из статьи мы узнаем о том, что бытование понятия относится еще к минскому времени. Лейтмотивом статьи является идея «морально-нравственного воспитания народа», которому «на протяжении всей истории Китая» «придавалось особое значение». Познакомившись с феноменом конструирования китайской властью социально ответственных предпринимателей, вряд ли кто-то будет возражать автору относительно культурной обусловленности данного явления, но было бы интересно узнать, насколько эффективен этот курс. Объективные данные об уровне расслоения общества (например, коэффициент Гини) указывают на тревожную динамику: по статистике ООН в 2010 г. неравенство доходов в Китае имело значение в 41,58, а числом 50 выражается граница, на которой возникает опасность общественного взрыва. К слову сказать, в США этот коэффициент был равен 40,8, а в России — 37,5. Двадцать лет тому назад в Китае этот коэффициент был в четыре раза меньше. Можно ли утверждать, что современные жушани способствуют сглаживанию социального неравенства?

Гендерные исследования в российском китаеведении уже немало лет тому назад начинала развивать Э.А. Синская. С трудом,

но эта тема пробивает себе дорогу, доказательством чего являются материалы конференции. На сей раз это направление представлено сообщением Е.Н. Степановой «Социально-экономическая значимость образования на Тайване и гендерный вопрос», статьей Ю.А. Кузнецовой «Переосмысление традиционных женских образов в китайской драме XX века: Пань Цзиньлянь в драмах Оуян Юйцзя и Вэй Минлуния», тезисами Ю.С. Мыльниковой «Четверокишечники для женщин (Нью сы шу)».

Отправным тезисом для Е.Н. Степановой является мысль о том, что образование — «самый быстрый и доступный канал вертикальной мобилизации». Она прослеживает, как в течение XX в. на Тайване осуществлялось просвещение и образование женщин, и изменялось отношение социума к роли женщин, в том числе к бинтованию ног. Тема, которую разрабатывает исследовательница, несомненно важна и заслуживает обсуждения. Вполне закономерным является то, что ей приходится проводить параллели между тайваньским и китайским обществами в начальный период движения за раскрепощение женщин. Сравнение это не в пользу Китая, так как, по свидетельству автора, «на Тайване еще в 1900 г. началась кампания против бинтования ног». Все дальнейшие рассуждения автора построены таким образом, что позволяют сделать вывод о том, что «когда японский период колонизации в 1945 г. закончился, Тайвань стал лучшим образовательным центром в Азии после Японии». Однако хочу обратить внимание автора на книгу, которая, видимо, осталась за границами ее поисков. Она написана англичанкой Арчибалд Литтл, которая принимала участие в организациях, ратовавших за права китайских женщин. Она сообщает, что первая школа для девочек в Китае, выступавшая также против бинтования ног, была открыта миссионерками в Ханчжоу в 1867 г. В 1895 г. с участием г-жи Литтл было создано «Общество за естественные ноги» (Тяньцзухуй). А к 1897 г. движение за образование и раскрепощение женщин, по ее наблюдениям, получило уже повсеместную поддержку и руководилось самими китайцами. Эти сведения, конечно, не отменили бы общего направления рассуждений Е.Н. Степановой, но, может быть, помогли бы увидеть, что женские образовательные центры в Китае открывались еще тогда, когда Тайвань входил в его состав.

В статье Ю.А. Кузнецовой на примере

двух пьес начала и конца XX в. показывается, как переосмыслялся образ героини романа «Речные заводи» Пань Цзиньлянь. Интерес к этим пьесам со стороны китайского общества показывает, что сюжет, описанный Ши Найанем, не исчерпал себя, и что людей до сих пор волнуют обращенные именно к женщине вопросы: насколько совместима красота с добротелью и правом на счастье; насколько обоснованно то, что супружеская неверность женщины порицается сильнее, чем распушенность ее мужа.

В области философии мощный поток информации по проблемам изучения Ван Янмина обрушил на читателей материалов конференции А.И. Кобзев в статьях «Ван Ян-мин и «Великое учение»» и «Изучение Ван Ян-мина в России и специфика китайской философии». Первая статья снабжена библиографией из 150 наименований, вторая — из 101 наименования, каждый из списков можно считать отдельным трудом. А.И. Кобзев, являющийся в российской науке бесспорным авторитетом в области философии минского мыслителя, очень подробно прослеживает «драму» развития взглядов российских ученых на философию Ван Янмина. Специфическую окраску повествованию придает включенность в этот процесс самого автора статьи. А.И. Кобзев возвращает читателя во времена, когда философия рассматривалась советскими и китайскими учеными через призму материализма-идеализма. Сейчас эта проблема потеряла свою остроту, и более того, среди российских ученых уже существует как бы консенсус по поводу неприменности этой дихотомии к традиционной китайской философии, чему, несомненно, способствовали также исследования Кобзева. Несколько запаздывают по времени в этом отношении философы КНР. В статье профессора Уханьского университета Гун Чжэбина, которую он мне подарил в 2003 г., битва против накладывания схемы материализма-идеализма на китайскую философию, встречая сопротивление коллег, только набирала обороты.

Тонкие материи, которыми занимается А.И. Кобзев, для разъяснения идейных отличий Ван Янмина от Чжу Си, думаю, будут полезны каждому человеку, пытающемуся разобраться в хитросплетениях китайской философской мысли. Но лично мне хочется выразить благодарность ученому за то, что он в списке литературы отразил не только переводы конфуцианских книг на русский язык, сде-

ланные в XX в., но и старинные переводы, которые в неопубликованном виде задержались в библиотеках и архивах.

К публикациям по философии можно отнести также статью Д.Е. Мартынова «Чжу Цяньчжи: интерпретация учения о Великом единении». Считаю, что давно пора обратить пристальное внимание на наследие Чжу Цяньчжи, имя которого стоит в ряду крупнейших интеллектуалов Китая XX в., и в этом смысле статья несомненно представляет собой ценность. Позиция Д.Е. Мартынова определяется двумя тезисами: Чжу Цяньчжи «в отечественной синологии представлен довольно скупо» и «не лучшая ситуация наблюдается и на Западе» (в понятие Запада почему-то была включена и Япония (влияние С. Хангтингтона?). По-настоящему профессионально написанную статью из популярного энциклопедического словаря «Китайская философия» автор характеризует мимоходом как такую, которая, во-первых, написана китайцем («в отечественном словаре... написана китайским исследователем»), а во-вторых, содержит в себе общезвестные вещи («большую часть занимает описание знаменитой теории»). Автор клеймит В.Г. Бузова за «идеологическую направленность». Пустыня, перед лицом которой оказался Д.Е. Мартынов, выступает еще рельефнее после (неточного) сообщения о том, что «в фундаментальном шеститомнике «Духовная культура Китая» он (Чжу Цяньчжи. — *Е.С.*) лишь единожды упоминается». Между тем, достаточно в интернете набрать кириллицей или пиньинем имя Чжу Цяньчжи, чтобы убедиться в том, что дела обстоят не так плохо. Именно поэтому программа дисциплины «Религиозно-философские традиции Востока (Китай)» Российской школы Экономки даже предусматривает изучение взглядов Чжу Цяньчжи. В своей статье Д.Е. Мартынов поднимает целый ряд по-современному звучащих вопросов, которые в свое время обсуждались китайским мыслителем, но по-прежнему будоражат умы: такие идеи, как *да тун*, *сяо кан*, три народных принципа и проблема подлинности конфуцианских текстов. Но глубокому проникновению в суть идей выдающегося китайца ученый предпочитает выведение его «на чистую воду». Дело в том, что в 1962 г. Чжу публикует статью «Относительно идеи Великого единения Конфуция». Вот какими словами отзывается о ней Мартынов: «Тогда он вынужденно перешел на маоистские позиции, поэтому неудивительно, что статья пере-

сыпана вульгарной социологической терминологией того времени и более всего напоминает газетную передовицу, несмотря на обильное цитирование цинских канонистов». Тут, очевидно бы, не помешал анализ дискурса, но мы ограничимся одним вопросом, почему автор решил, что в 1962 г. было выгодно переходить на сторону Мао Цзэдуна? И в заключение хочется пожелать автору успехов в будущей работе с китайскими текстами: *лэнху* — это «двери», а не «наступление»; *цзичу* — это «основа, базис, фундамент», а не «раскрытие»; *кванцзя* — это «внешняя форма, рамка», а не «фундамент».

Лично я всегда с пристальным вниманием слежу за публикациями А.Ш. Кадырбаева в сборниках конференции. Они отличаются четкой постановкой вопроса, глубокой проработкой темы. На сей раз ученый выступил с двумя статьями «Тимур и Хайсан — монгольские императоры династии Юань» и «Тогонтимур — последний монгольский император Китая». Ученый тяготеет к реальной истории — истории людских судеб и характеров, истории взаимоотношений, истории борьбы, побед и поражений. Поэтому пересказывать его бессмысленно, его надо читать, неторопливо и вдумчиво. Возможно, что кому-то покажется, что историческая канва династии Юань и ее императоров уже известны, но это не так. Стоит только попытаться уточнить какой-либо эпизод, выясняется, что история монголов в Китае полна лагун. Особенно важно ее описание с монгольской перспективы. И тут приходят на помощь исследования Кадырбаева.

XXI в. ознаменовался россыпью новых, захватывающих своей новизной исследований об истории и культуре тех районов, где встречались монгольские, тюркские, китайско-тибетские народы. К этим исследованиям можно причислить и статью Ю.И. Дробышева «У истоков имперской идеологии средневековых монголов». Пытаясь понять, откуда у монголов-кочевников могла возникнуть имперская идея, он отвергает какой бы то ни было единый источник ее происхождения. Он воссоздает широкую комплексную картину взаимодействия монголов с ландшафтом и соседними народами, приходя к заключению, что «монгольская концепция верховной власти представляла собой синтез китайской (через посредство киданей и в какой-то степени чжурчжэней) и центрально-азиатской концепций, куда, кроме того, могли быть инкорпорированы некоторые элементы религиозных и политических учений, разработанных в лоне нескольких мировых религиозных систем». Объективные условия, на взгляд ученого, дополнялись личными качествами Чингис-хана.

Закончим этот выборочный обзор на оптимистической ноте. Разнообразие тем, широкий круг имен, географическая пестрота, множество названий научных и академических центров, которые вобрали в себя рецензируемые сборники, свидетельствует о том, что российское китаеведение находится в процессе наращивания сил. Отдел Китая Института востоковедения, взявший на себя роль координатора этого процесса, малыми силами делает большое Дело.

© 2013

*Е. Стабурова,
профессор Рижского университета им. Страндыня*

Новые книги к юбилею ученого-востоковеда Ю.Н. Рериха

Юбилейная дата, 110-летие со дня рождения отечественного востоковеда Юрия Николаевича Рериха (1902–1960), ознаменована выходом в свет нескольких памятных изданий. Основной труд — это второй том избранных сочинений «Тибет и Центральная Азия», научные редакторы д.ист.н. М.Ф. Альбедиль и к.филол.н. К.Н. Яцковская (М.: Рассанта, 2012. 280 с.). Книга вышла под эгидой Института востоковедения РАН. Предыдущий том сочинений появился еще в 1999 г. и сразу же получил и в научных, и в широких читательских кругах достаточно высокую оценку. Нынешнее издание продолжает традицию собирания и изучения богатейшего наследия ученого и состоит из нескольких разделов: статьи, дневники, отчеты и публицистика.

Большинство статей, лекций и докладов Ю.Н. Рериха, так или иначе, посвящено тибетской тематике. Именно из сокровищницы Тибета ученый черпает богатый лингвистический, археологический и этнографический материал для своих трудов. Несомненно, что «на путь тибетанизации», по словам китаиста Б.И. Панкратова, Юрия Николаевича направляли странствия по Гималаям и Тибету. Длительная экспедиция в Центральную Азию (1925–1928), организованная его отцом, академиком живописи Н.К. Рерихом, отправилась из индийского Кашмира, преодолела перевалы Ладака, прошла Китайский Туркестан, Русский Алтай, Монголию, наконец, Тибетское нагорье и возвратилась в Индию. Будучи в гуще экспедиционных событий, не только изучая тибетские древности и буддийское искусство, но и сражаясь с местными воинственными племенами, молодой человек сложился как настоящий исследователь Азии. Это — не кабинетный ученый. Ю.Н. Рерих стал крупным востоковедом мирового уровня, находясь «в шатре и на коне».

Первый раздел тома сочинений включает статьи и очерки, посвященные кочевникам Центральной Азии, культурному прошлому народов Тибета, Монголии и Китая. Некоторые статьи выходили в малодоступных сборниках и журналах на французском и рус-

ском языках, или вовсе не публиковались, поэтому они представляют особый интерес для современных исследователей. В их числе: «Великие кочевые империи Средней Азии», «Аланские дружины в Монгольскую эпоху», «Проблемы археологических исследований Тибета», «Голоки и их этнический характер», «Тибетская драма», «Храм Будды врачевания» и др. Для своего времени многие статьи являлись новаторскими, они ставили не изученные в науке проблемы. Так, Ю.Н. Рерих обращает внимание на тибетскую археологию в связи с исследованием свода письменных религиозных памятников, сохранившихся в Тибете и в Индии. Статья о голоках также поднимает важную проблему — изучение тибетских этносов. Первоначально она была подготовлена в качестве доклада для XV Международного конгресса доисторической антропологии и археологии, проходившего в Париже в сентябре 1931 г., и позже публиковалась в трудах этого конгресса. Обращают на себя внимание и другие редкие материалы. Например, публикация о «Великих кочевых империях Средней Азии», которая сохранилась в виде лекции Ю.Н. Рериха, прочитанной в Харбине и опубликованной в эмигрантской газете «Русское слово» (18 ноября 1934).

Во второй раздел включены уникальные первоисточники, дневники Тибетской (1926–1928) и Маньчжурской (1934–1935) экспедиций. Это совершенно новый материал, который впервые вводится в научный оборот. Если «Тибетский дневник» в переработанном виде попал на страницы английского и французского изданий книги Ю.Н. Рериха «По тропам Средней Азии» (1931), то «Маньчжурский дневник» до сих пор не был опубликован. В истории этой экспедиции все еще остается немало «белых пятен». Ее деятельность проходила в условиях напряженной международной ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке в конце 20-х и начале 30-х годов прошлого столетия (произошла революция в Китае). Маньчжурия и Внутренняя Монголия стали полем битвы крупных держав, в числе которых определяющую роль игра-

ла Японии. Именно эти события нашли отражение в «Маньчжурском дневнике». Записи содержат не только ботанические материалы, но и заметки, пригодные для составления маршрутных и топографических карт (замеры высот, расстояния в милях между природными объектами, русла пересыхающих рек, роза ветров). Приведены также наблюдения за перемещением японского транспорта. Из публикуемых текстов становится очевидным, что помимо научных целей, связанных со сбором засухоустойчивых злаков и трав, у членов экспедиции существовали геополитические задачи (создание кооперативного движения во Внутренней Монголии, сотрудничество с белой эмиграцией, контакты с японским военным ведомством). Можно без преувеличения сказать: публикация «Маньчжурского дневника» Ю.Н. Рериха является важным событием в изучении биографии российского востоковеда и путешественника.

Третий раздел содержит отчеты о деятельности Института Гималайских исследований «Урусвати» за 1929–1935 гг., основанного Рерихами в индийской долине Кулу. Ю.Н. Рерих был директором института со дня его основания. Ценность отчетов состоит в том, что в них представлена текущая работа научного учреждения, освещены экспедиции в Малый Тибет, положившие начало практическому изучению Гималайского региона западными учеными, показаны связи с крупными научными учреждениями, университетами, библиотеками и музеями Индии, Европы и Северной Америки. В раздел включены также отчеты Ю.Н. Рериха за период работы в Институте востоковедения АН СССР (1957–1959). Опубликованные архивные документы отражают широкое поле его деятельности, которое затрагивает не только сферу научных исследований, но и лекционную и преподавательскую работу (курсы восточных языков для студентов и аспирантов Московского университета), рецензирование многочисленных научных трудов. Из отчетов стало известно о некоторых статьях, написанных для энциклопедий и специальных справочников и не попавших в изданные библиографические списки трудов ученого.

Последний раздел включает публицистику. В большинстве очерков автор обращается к описанию Тибетской экспедиции. Не случайно азиатским странствиям посвящено было

немало статей и популярных эссе, опубликованных им в разное время, на протяжении более 30 лет по окончании экспедиции. Включенные в том экспедиционные очерки сохраняют научную достоверность и представляют собой миниатюрные художественные зарисовки. Тематика путешествий дополнена описанием жизни и трудов Н.К. Рериха. Ученый в популярной форме излагает художественную, научную и гуманистическую деятельность своего отца. Очерки повествуют не только о странствиях в глубины Центральной Азии, но и о проблемах охраны памятников во время войн и вооруженных конфликтов, нашедших отражение в документах Пакта Мира.

Другая книга, изданная совместно Государственным музеем Востока и Институтом востоковедения РАН, — памятный сборник статей и интервью «Юрий Рерих: Живое наследие» (М.: ГМВ, 2012. 224 с.). Туда вошли статьи видных российских ученых, посвященные жизни и трудам юбиляра.

Открывается сборник одноименной статьей известного монголиста *К.Н. Яцковской* «Живое наследие. К юбилею востоковеда Ю.Н. Рериха», в ней изложена научная биография востоковеда с мировым именем. Автор сосредотачивает свое внимание, в первую очередь, на работах ученого по монголистике, касается проблемы изучения монголо-тибетской буддийской литературы и создания научной школы по данному направлению, основное ядро которой составили его ученики и коллеги-монголисты (Н.П. Шастина, Ш. Бира, Ц. Дамдинсүрэн, А.Д. Цендина).

Статья *В.А. Росова* «Возвращение Юрия Рериха в “Новую Страну”», написанная на материалах Архива внешней политики РФ, посвящена сложному периоду репатриации. Практически в течение десяти лет, с 1948 по 1957 гг., ученый добивался от советского правительства разрешения возвратиться из Индии на родину. При внешней лояльности дипломатов и постоянных обещаниях чиновников положительно решить вопрос о получении гражданства СССР путь из эмиграции оказался долгим и тяжелым. В статье вскрываются тайные механизмы советской власти и объяснены причины, затягивавшие процесс репатриации.

Статья *Я.В. Василькова* «Ю.Н. Рерих и возрождение традиций классического востокове-

дения в СССР» и *А.О. Тамазшвили* «Деятельность Ю.Н.Рериха в Институте востоковедения АН СССР» удачно дополняют друг друга. В них рассматривается один и тот же период жизни ученого, связанный с его приездом в Советский Союз (1957–1960). Возвратившись из эмиграции при содействии Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева, он получил должность заведующего сектором философии и религии (в составе отдела Индии и Пакистана) Института востоковедения Академии наук. Первый из авторов сосредотачивает свое внимание на воссоздании уникальной тибетологической научной школы, разрушенной сталинскими репрессиями, и на воспитании нового поколения блестящих индологов, которым принадлежат переводы классических текстов «Ригведы», «Атхарваведы», «Дхаммапады», Упанишад и проч. Второй автор касается внутренних сторон научной жизни института, участия Ю.Н. Рериха в ряде научных проектов, таких как Советский комитет «Восток — Запад», Кушанская комиссия, возрождение серии «Библиотека Буддика».

Еще одна работа, статья *А.М. Шустовой* «Юрий Рерих как исследователь тибетской живописи», обращена к истокам научной деятельности будущего востоковеда. Молодой человек после окончания университета Сорбонны

отправился осенью 1923 г. с родителями в путешествие по Индии. Обосновавшись в Дарджилинге, на границе с Тибетом, он приступил к изучению иконографии буддийских икон (тханок). Эта работа завершилась публикацией книги на английском языке «Тибетская живопись» (1925), положившей начало планомерному изучению иконографии буддизма в европейской науке.

Перечисленные в кратком обзоре статьи дополнены не публиковавшимися ранее бесценными свидетельствами о своем учителе ближайших учеников Ю.Н. Рериха, ставших мировыми величинами в современном востоковедении. В сборник включены интервью Т.Я. Елизаренковой «Необычный человек», А.М. Пятигорского «Эффект Рериха», Шагдарына Биры «В Москве и в Монголии», а также близкой знавшей ученого М.Ф. Дроздовой «Ученый, воин и человек». Эти интервью были записаны в разное время и на протяжении многих лет ждали своего часа. Сегодня они позволяют по-новому взглянуть на жизненный путь и труды Ю.Н. Рериха, давая современникам редкую возможность ощутить живой облик ученого. Сборник иллюстрирован редкими архивными фотографиями.

Китай 3.0. China 3.0 / Ed. Mark Leonard. London: European Council on Foreign Relations, 2012. 134 p.

XVIII съезд компартии Китая и связанная с этим событием передача власти пятому поколению лидеров КПК вызвали активную дискуссию среди китаеведов и политологов разных стран о возможных путях развития КНР. Нынешняя смена власти проходит в критический для Китая период. Усиливающаяся социальное неравенство и всплески протестных настроений, обострившаяся в условиях кризиса необходимость корректировки экономической модели, усложняющаяся внешнеполитическая ситуация, а также растущий в стране спрос на демократию требуют от китайского руководства активных действий по всем фронтам. Именно поэтому вполне ожидаемый приход Си Цзиньпина спровоцировал небывало многогранную по содержанию дискуссию о возможных переменах в китайской экономике, политической системе и внешней политике.

В связи с этим сборник статей "Китай 3.0" (China 3.0) под редакцией известного британского аналитика, исполнительного директора Европейского Совета по международным отношениям, Марка Леонарда представляет особый интерес. В книге собраны работы наиболее ярких китайских ученых, посвященные широкому спектру социальных, экономических, внутри- и внешнеполитических проблем современного Китая. Явным преимуществом сборника является то, что авторы идут глубже привычных разговоров о динамике роста ВВП или перестановках в партийной иерархии и поднимают фундаментальные вопросы пересмотра существующей экономической модели, рассуждают о необходимости политической реформы и возможных путях демократизации, сомневаются в целесообразности устоявшихся внешнеполитических приоритетов. Это, несомненно, качественно новая дискуссия китайских ученых о смене "философии" развития КНР.

Основным посылом книги является попытка комплексно заявить о том, что Дэнговская эпоха реформ и открытости, исчерпав себя, подошла к концу. Финансовый кризис 2008 г. выпукло обнажил изъяны сложившейся системы, и теперь КНР входит в качественно новую фазу развития под названием "Китай 3.0", которая характеризуется необходимостью

принципиально новых реформ. Мир должен быть готов увидеть совершенно иной Китай, с другими социальными, экономическими, и политическими характеристиками. Предполагается, что грядущие перемены будут не менее значительными, чем Коммунистическая революция 1949 г. и начало рыночных реформ 1979 г. — события, обозначенные в книге как начала эпох "Китай 1.0" и "Китай 2.0" (Р. 10–11). При этом важно отметить очевидное осознание авторами того, что новая фаза развития КНР (фаза 3.0) совпадает с периодом глубокого кризиса Западного социально-экономического и политического укладов. Это, с одной стороны, лишает новых китайских реформаторов готовности легитимных моделей для заимствования и, с другой, заставляет исследователей, работающих теперь в условиях отсутствия четких нормативно-теоретических ориентиров, пытаться генерировать иные "незападные" подходы к решению накопившихся проблем.

Видятся оригинальными общая концепция и основная проблематика рецензируемой работы. Структура книги построена вокруг ответов на три типа кризисов ("ловушек"), возникших в КНР в сфере экономики, внутренней политики и внешнеполитической деятельности. Все три кризиса являются производными эпохи 2.0 и, более того, происходят от былых Дэнговских приоритетов развития. Так, в экономике речь идет о "кризисе изобилия" (*affluence crisis*), в политической системе о "кризисе стабильности" (*stability crisis*), во внешней политике о "кризисе мощи" (*power crisis*). Первый кризис указывает на необходимость пересмотра существующей установки на экономический рост любой ценой; второй говорит о том, что одержимость руководства сохранением политической стабильности становится контрпродуктивной; третий предвещает отказ от политики сокрытия своих возможностей "*таогуан янхуэй*" и от невмешательства в международные дела. С конца 70-х три приоритета — повышение достатка общества, политическая стабильность, воздержание от активной внешней политики — лежали в основе развития страны. Теперь, после финансового кризиса 2008 г., они стали главным источником беспокойств и, по мнению авторов книги, замедляют

дальнейшее развитие. Китай 3.0. будет эпохой поиска решений этих проблем (Р. 10).

В книге представлены самые разные взгляды на “три кризиса” и варианты их решения. Среди авторов есть “новые правые” и “новые левые,” рыночные эгалитаристы, либералы и неоконсерваторы, неомарксисты, глобалисты, реалисты и националисты. Будучи таким “сборником взглядов,” книга не приходит к однозначному заключению, а показывает срез основных дискуссий о будущем Китая, что и было заявлено в качестве основной цели — ввести западного читателя в курс основных направлений интеллектуального поиска китайских ученых в области решения экономических, политических и внешнеполитических проблем страны (Р. 11).

“Кризис изобилия” и экономические перспективы КНР

Общей темой статей данного раздела являются методы борьбы с “кризисом изобилия,” возникшим в результате злоупотребления руководством КНР погоней за ВВП любой ценой. Финансовый кризис 2008 г. показал, что одержимость культом роста ВВП, возникшая в эпоху Дэнга, породила опасные экономические пузыри, чрезмерную зависимость от экспорта, спровоцировала острое социальное неравенство, а также привела к недофинансированию социального сектора при колоссальных тратах на “тщеславные”, но невостребованные, строительные проекты. Все это, по мнению авторов, указывает на необходимость пересмотра парадигмы развития (Р. 12–16). При этом подходы к выходу из “ловушки изобилия” крайне неоднозначны.

“Новые Левые”¹ считают, что решение сложившихся проблем заключается в государственном планировании, тогда как “правые” верят, что необходимо дать волю предпринимательской энергии, приватизировав активы всех государственных компаний.

Подходя “слева”, профессор университета Цинхуа Цуй Чжиюань утверждает, что взаимодействие частного бизнеса с государственной собственностью не является игрой с нулевой суммой. Ученый видит перспективным создание смешанной модели “соразвития” государственного и частного секторов экономики, в которой госсобственность и планирование способствуют развитию бизнеса. Это, по мнению Цуй Чжиюаня, позволит переориентироваться на внутренний спрос, уменьшить зависимость от экспорта, а также сократить неравенство между городом и деревней. В качестве

примера, которому должен последовать весь Китай, ученый приводит город Чунцин, власти которого внедряли инновационные проекты в области земельной и миграционной политики, предоставляя трудовым мигрантам из деревень, проработавшим в городе более пяти лет, возможность добровольно обменивать свои участки на земельные сертификаты, а также получать городскую регистрацию *хукоу*. Земельные сертификаты новые горожане могли обменивать на деньги, что делало жизнь в городе намного комфортнее. Эти меры, по мнению ученого, ликвидируют социальную дискриминацию сельских жителей, стимулируют внутренний спрос, а также создают базис для интеграции города и деревни (Р. 26–32).

Другой представитель “новых левых” — профессор Ван Шаогуан считает, что Китай вступает на новый путь развития — “социализм 3.0”. Выступая против свободнорыночного капитализма, Ван отсылает читателя к работам американского экономиста Дж. К. Гэлбрэйта, посвященным возникшему в США в середине 20-го века “обществу изобилия,” когда рост потребления (например, появление у каждого автомобиля) происходил в отсутствие адекватных этому потреблению общественных благ (отсталая инфраструктура, недостаток полицейских и больниц). С приходом “стадии изобилия” рост потребления и личных доходов перестает улучшать благосостояние общества. Наступает состояние частного великолепия и общественной нищеты, когда для дальнейшего развития необходимо повышение инвестиций в общественные блага. Ван Шаогуан убежден, что после того как подушевой ВВП в Китае в 2002 г. превысил 4000 \$, и проблема накормить и одеть население была практически разрешена, вступил в действие закон убывающей предельной полезности располагаемых доходов населения. Теперь правительство должно активно перераспределять средства в важные для всего общества сферы, такие как социальное жилье, общественная безопасность, защита окружающей среды, здравоохранение, образование, инфраструктура, культура, искусство, наука и технологии. Это позволит повысить общие стандарты жизни в КНР и значительно уменьшить социальное неравенство (Р. 60–68).

По мнению другого участника дискуссии — экономиста Юй Юндина, названного в книге “рыночным эгалитаристом” (Р. 11), китайская экономика нуждается в немедленных структурных реформах. Ученый считает, что опора на инвестиции и экспорт, будучи необходимой на ранних стадиях реформ, теперь сулит

негативные последствия, особенно если учесть, что доля инвестиций в ВВП Китая достигла 50% (10% из которых составляют инвестиции в недвижимость), а отношение экспорта к ВВП превысило 35% (Р. 41). Такая модель развития, по мнению Юй Юндина, нежизнеспособна. Китаю необходимо перейти к модели, основанной на внутреннем спросе и на потреблении вместо опоры на экспорт и инвестиции, особенно если речь идет об инвестициях в недвижимость. Ученый признает, что институциональные реформы будут болезненными и замедлят рост ВВП. Но они необходимы, и в случае успеха позволят китайской экономике расти со скоростью 8% в год еще в течение 10–20 лет (Р. 40–46).

Все три вышеназванные точки зрения, таким образом, видят государство в качестве основного регулятора и гаранта дальнейшего роста, а также подчеркивают необходимость государственного вмешательства в экономические процессы. С противоположными подходами к выводу КНР из ловушки изобилия выступают авторы правого толка — известные экономисты Чжан Вэйин и Линь Ифу, а также представительница журналистского сообщества Ху Шули.

Чжан Вэйин дает низкую оценку качественной составляющей китайской экономики. Он утверждает, что экономическая деятельность в КНР основана на привилегиях, а не на правах, и что китайское государство не может полностью перейти от «логики грабежа» к логике рынка. По мнению ученого, в Китае все еще отсутствуют три ключевые элемента рыночной экономики: свобода, защита прав собственности и предпринимательство. Говоря о свободе, Чжан Вэйин утверждает, что в Китае далеко не все могут выбирать, чем заниматься, что производить и какие организации создавать, и что существующие ограничения основаны не на универсальных правах, а на привилегиях, носящих дискриминационный характер. Права собственности, являясь необходимым условием инновационной деятельности, также до сих пор не защищены, о чем свидетельствуют принудительные отчуждения собственности китайскими властями. Вследствие отсутствия гарантий свободы и частной собственности, многие китайские предприниматели вынуждены подстраиваться под механизмы сбора коррупционной ренты вместо того, чтобы создавать инновации. Чжан Вэйин считает, что необходимо возобновить прерванную приватизацию госпредприятий и земли, а также дать право частному сектору заниматься финансо-

выми операциями (Р. 54–60).

В поддержку углубления рыночных реформ также выступает известная журналистка Ху Шили, обвиняющая “левых” экономистов в пренебрежении историческим опытом и попытках повернуть развитие Китая вспять. По ее мнению, те проблемы китайской экономики, которые “левые” используют в качестве доказательства провала рыночно-ориентированных мер, на самом деле присущи любой экономике переходного периода и, более того, коренятся в дореформенной системе. В своей статье “Китай: оставаясь на пути реформ” Ху Шили призывает воспользоваться подорванным положением “левых”, вызванным снятием с поста политического реализатора их идей Бо Силая, для ускорения окончательного перехода к рыночной экономике (Р. 68–74).

В противоположность вышеприведенным подходам, так или иначе указывающим на необходимость перемен, Линь Ифу — один из ведущих экономистов Всемирного Банка, считает что никаких радикальных реформ китайская модель развития не требует. Китай сохраняет значительный резерв “отсталости”, который гарантирует ежегодный 9%-й рост ВВП еще как минимум 10, а то и 20 лет. Ученый приводит данные, согласно которым относительно экономики США китайская экономика находится сейчас на тех же позициях, что и экономика Японии в 1951 г., Сингапура в 1967 г., Тайваня в 1975 г. и Южной Кореи в 1977 г., при этом ВВП Японии с 1951 по 1971 гг. ежегодно рос на 9,2%, Сингапура с 1967 по 1987 гг. — на 8,6%, Тайваня с 1975 по 1995 гг. — на 8,3% и Кореи с 1977 по 1997 гг. — на 7,6%. Учитывая, что китайская модель развития схожа с моделями этих странам, КНР можно ожидать 8%-го роста еще 20 лет. При этом ученый подчеркивает необходимость активных технологических заимствований, что на данной стадии развития, для Китая дешевле и предпочтительней, чем развитие своих новых технологий (Р. 46–54).

Таковы подходы ведущих китайских экспертов к экономическим проблемам эпохи “3.0.” Траектория выхода Китая из “ловушки изобилия” также будет зависеть и от политической ситуации в стране — вопрос, которому посвящен второй раздел книги.

“Кризис стабильности” и политическая реформа в КНР

Объединяющей проблематикой статей данного раздела является проблема политической реформы в КНР, обсуждение которой

впервые за десятилетия вышло на передний план как академических, так и политических дискуссий. Если после трагических событий на площади Тяньаньмэнь и распада СССР неоспоримым внутриполитическим приоритетом КНР стала гарантия стабильности, то сейчас все более отчетливо всплывают рассуждения о возникшей “ловушке стабильности” — убежденности в том, что одержимость стабильностью и отказ от политических реформ становятся контрпродуктивными, поскольку, в конечном итоге, усиливают социальную напряженность в стране. Так, если в 1995 г. в Китае насчитывалось около 9 тыс. насильственных массовых протестов, то к 2011 г. эта цифра возросла до 180 тыс. Это означает, что крупный протест в Китае сейчас происходит каждые 2 минуты (Р. 17). Как существующему режиму погасить усиливающуюся социальную напряженность и восстановить легитимность?

Представленные в данном разделе статьи предлагают два общих подхода к выходу из “ловушки стабильности.” Либеральные ученые выступают за институциональные инновации, ограничивающие власть государства, среди которых, главным образом, внедрение выборной системы на разных уровнях и развитие механизмов участия граждан в политике. Представители же “неоавторитарных” взглядов считают, что при существующих изъянах системы (пренебрежение законом, nepотизм, коррупция и растущее влияние групп интересов) либеральные реформы приведут к еще большей бюрократизации и к неэффективности власти. Они убеждены, что только сильное харизматичное лидерство, способное на радикальные меры, а также эффективная партийная организация помогут Китаю справиться с “кумовским” капитализмом, загоняющим страну в еще большее социальное неравенство.

С либеральных позиций о политической ситуации рассуждает Сяо Бинь — профессор университета Чжуншань в Гуанчжоу. Он утверждает, что свобода прессы, активизация гражданского общества и политическая открытость являются эффективными методами гашения социальной напряженности. Ученый анализирует ситуацию в провинции Гуандун, где одновременно с децентрализацией власти бизнес был наделен большей свободой, а полномочия местных властей ограничены. Правительство перешло от прямого регулирования экономики к выработке “правил игры” и надзору за их соблюдением. Одновременно создавались различные формы консультативной демократии и стандартизировались механизмы гра-

жданского волеизъявления. Немаловажную роль также сыграли меры повышения прозрачности, согласно которым бюджет провинции стал открытым общественному вниманию. Эти меры ограничили власть и усилили правопорядок, что гарантировало необходимую для экономического роста политическую и социальную стабильность (Р. 32–40).

Опыт провинции Гуандун также привлёк внимание профессора социологии Сунь Липина — бывшего научного руководителя Си Цзиньпина и активного сторонника либерализации. Сунь Липин убежден в том, что главную угрозу стабильности в Китае представляют не беспорядки, а социальный застой. Решение ученый видит в наличии для граждан возможностей выражать свои требования и защищать свои права. Успешным примером, по мнению Сунь Липина, служит разрешение инцидента в деревне Укань, где в декабре 2011 г. произошли столкновения полиции с крестьянами, требовавшими вернуть земли, сданные правительством в аренду. Эпохальность уканьских событий заключается в том, что протестный инцидент завершился демократическими выборами деревенских представителей. Более того, местные власти не наказали повстанцев, а позволили им занять выборные должности. Так, один из организаторов протеста — Линь Цзулуану — стал главой компартии в деревне; арестованный Хун Жуйчао был избран в электоральный комитет; а дочь Сюэ Цзиньбо — предводителя демонстрантов, умершего в полицейском участке, была избрана одним из представителей деревни. По мнению Сунь Липина, “уканьская модель” свидетельствует об эффективности демократических механизмов в смягчении социальной напряженности. Повсеместное использование таких механизмов позволит найти необходимый баланс между защитой гражданских прав и сохранением стабильности (Р. 74–80).

Другой сторонник демократизации — Ма Цзюнь — утверждает, что даже в отсутствие конкурентных выборов китайское правительство становится все более подотчетным гражданскому обществу, что в перспективе изменит политический режим КНР. Признавая, что переход к выборной демократии безальтернативен, ученый считает, что выборы — это не панацея и не обязательный первый шаг на пути к демократии. В отличие от Запада, в Китае выборы могут стать *дополнением* к другим механизмам контроля над властью, среди которых дискуссионная демократия (*deliberative democracy*), подразумевающая включение граждан в процесс обсуждения социальных реформ, опросы

общественного мнения, референдумы, неправительственные организации, Интернет-форумы и т.д. Все эти механизмы артикуляции и агрегирования гражданских предпочтений более эффективно транслируют сигналы общества властям, что приводит к большей отзывчивости политической системы. Дальнейшее движение в этом направлении, по мнению Ма Цзюня, с одной стороны, обеспечит стабильность и, с другой, создаст благоприятные условия для перехода к выборной демократии в будущем (Р. 80–88).

С иным пониманием политической ситуации в Китае выступают сторонники неоконсервативного и неаавторитарного подходов — Пань Вэй и Ван Хуэй.

Статья Пань Вэй посвящена “новому подходу к сохранению стабильности” — *вай-вэй* (Р. 88), согласно которому необходимо возродить “естественные общины” (natural communities) (Р. 88), существовавшие в Китае тысячелетия, но постепенно уничтоженные сначала маоизмом, а потом рыночной экономикой. Ослабление коммунитаризма представляется главной причиной кризиса общественных ценностей и основным источником нарастающей нестабильности. Дело в том, что государственная машина КНР, будучи эффективной для решения национальных задач, плохо приспособлена для “разруливания” мелких проблем повседневной жизнедеятельности людей. Между тем, нарастание таких проблем и невозможность их разрешения на уровне общины формируют нескончаемый поток дезорганизованных требований, движущийся вверх по лестнице политической иерархии к высшим эшелонам власти, которые неспособны на эти требования реагировать. Это создает ощущение несправедливости в обществе и становится основным источником раздражений. Ученый убежден, что только естественные общины позволяют эффективно разрешать тривиальные проблемы в “низах” и создавать необходимые соединения между обществом и властью. Важно отметить, что автор указывает на необходимость способствовать самоорганизации граждан. Реформа политического режима в КНР, таким образом, видится не в ограничении государственной власти, а в усилении влияния масс (Р. 88–94).

Неоднозначные высказывания по поводу политической ситуации в КНР приводит Ван Хуэй, участвовавший в 1989 г. в демонстрации на площади Тяньаньмэнь. Ученый утверждает, что процессы либерализации экономики в Китае неотделимы от политических ре-

прессий. Ван считает, что единственно возможный способ для руководства КНР продвигать ненавистные народу рыночные реформы, превратившие одно из самых эгалитарных обществ мира в страну с неравенством выше, чем в США, без вспышки массовых беспорядков — это полагаться на репрессивные меры. Более того, по мнению Вана, снятие Ёо Сяляя — это заговор прорыночных элит, манипулирующих общественным мнением через СМИ, с целью ликвидации возможных препятствий либеральному курсу. За Чунцинским инцидентом, привлечшим небывалое внимание, последует более глубокая маркетизация, большее расслоение общества, больше протестов и, следовательно, больше репрессий для контроля за недовольными. Ван Хуэй поддерживает политическую реформу в КНР, но считает, что она должна проходить в форме “массовой демократии”, т.е. открыто и с привлечением к участию больших масс народа с целью контроля над укрупнившимися группами интересов (Р. 94–100).

Последняя статья данного раздела посвящена управлению интернетом. Ее автор Майкл Анти³ называет китайскую Интернет-политику “умной цензурой” (smart censorship) (Р. 101). Вместо того, чтобы просто блокировать Интернет-пространство, Китай следует стратегии “блокирования и клонирования” (block and clone) (Р. 101), согласно которой создаются “клоны” заблокированных международных сайтов: Baidu вместо Google, Sina Weibo вместо Twitter, Renren вместо Facebook, Youku вместо Youtube. Обилие китайских клонов разделило всемирную паутину на Internet и Chinanet. Таким образом, китайское руководство, с одной стороны, удовлетворяет общественную потребность в социальных сетях и, с другой, держит Интернет-серверы под контролем Пекина. Майкл Анти утверждает, что центральное правительство умело использует контроль над интернетом для избавления от неугодных политиков в регионах. Власть на какое-то время выборочно приостанавливает Интернет-цензуру для критики провинившихся политиков. Когда несдерживаемый шквал общественного гнева переполняет блогосферу, легитимность неугодного режиму сил падает до уровня когда их можно публично ликвидировать. “Умная цензура”, таким образом, усиливает позиции центральной власти визави местных оппонентов (Р. 100–106).

Анализ подходов китайских ученых к политической реформе свидетельствует об отсутствии консенсуса по вопросу вывода Китая из ловушки стабильности. Несмотря на то, что

все авторы признают абсолютную ценность демократии, их трактовки самого понятия “демократия” и приемлемых для Китая путей ее достижения различны. Возможно, такой плюрализм взглядов сам по себе уже является свидетельством глубинных перемен политической реальности Китая.

Аналогичный плюрализм мнений наблюдается и в отношении внешнеполитической стратегии КНР — третьего раздела книги.

“Кризис мощи” и внешняя политика КНР

Под кризисом мощи понимается несоответствие экономических возможностей Китая его внешнеполитической стратегии. Согласно Дэновской формуле *таогуан янхуэй*, Китай должен держаться в тени, избегать конфликтов и не инициировать международную деятельность. Такая стратегия была призвана обеспечить спокойную обстановку, необходимую для экономического развития. Теперь, когда Китай стал второй по объему экономики мира со стремительно растущими военными расходами и физическим присутствием во всех уголках планеты, оставаться в тени стало трудно и возникла необходимость смены внешнеполитических приоритетов.

Вопросы о том, как выходить из “кризиса мощи” и какую внешнюю политику проводить, стали предметом бурных и, как и в случае с “кризисом изобилия” и “кризисом стабильности”, неоднозначных дискуссий. С одной стороны глобалисты и “оборонительные реалисты” призывают принять западный миропорядок, так как именно факт усиления Китая диктует необходимость проявлять большую осторожность в международных делах. С другой стороны националисты выступают за более напористый внешнеполитический курс и более активное влияние на формирование правил международной политики.

Глобалист Ван Ичжоу призывает к смене установки “оставаться в тени” на политику “креативного вовлечения” (*creative involvement*) (Р. 106), согласно которой Китай должен интегрироваться в существующий миропорядок посредством более активного позиционирования себя в различных международных организациях. Помимо повышения активности в многосторонних форматах, Китай должен усилить оказание помощи нуждающимся регионам в форме строительства инфраструктурных и энергетических объектов, а также активнее предоставлять международные “общественные блага” — ресурсы, предназначенные

для согласованных международных действий в рамках ООН, такие как миротворческие силы, тренировочные базы, инициативы по защите открытого моря и полярных регионов. “Креативное вовлечение”, по мнению Ван Ичжоу, является наиболее предпочтительным вариантом выхода из тени, поскольку позволяет реализовать две важные внешнеполитические цели: во-первых, защитить интересы китайских граждан и бизнес вне Китая и, во-вторых, найти такие способы кооперации с внешним миром, которые ослабят критику в отношении Китая и развеют мифы о китайской угрозе (Р. 106–112).

Другой известный ученый Ван Цзисы разделяет убеждения Ван Ичжоу о необходимости сохранения хороших отношений с Западом, но считает, что Китаю следует быть еще более осторожным и, несмотря на экономические трудности в США и Западной Европе, не торопиться радоваться предположительно благоприятному балансу сил на международной арене. Взгляды Ван Цзисы, пожалуй, ближе всего к предписаниям Дэн Сяопина “оставаться в тени». По его мнению, несмотря на то, что Китай стал проводить более активную внешнюю политику, вкладывая все больше средств в накачку своей «мягкой мощи», общий имидж КНР в международном сообществе остается неудовлетворительным. Ван Цзисы указывает на то, что несмотря на смещения мирового баланса сил в пользу Китая, внешнеполитические перспективы страны выглядят мрачнее, чем когда-либо. Мощь Китая, таким образом, не улучшила внешнеполитическую ситуацию страны. Ученый опасается, что возросшая напористость Китая в вопросах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, островов Дяоюйдао и границы с Индией спровоцировали восстановление американского влияния в Азии. В сложившейся ситуации в интересах Китая проявлять повышенную осторожность и обдуманность внешней политики (Р. 118–125).

С резко противоположными взглядами выступает приверженец политического реализма Янь Сюэтунь — ярый противник западного доминирования в международных делах. В своей статье под названием “Упадок однополярной конфигурации” Янь Сюэтунь фиксирует переход к биполярности, где основными полюсами будут США и КНР. В этом контексте, считает ученый, Китаю необходимо полностью пересмотреть внешнеполитические приоритеты эпохи начала экономических реформ. Так, в ответ на тезис о важности экономического развития Янь Сюэтунь заявляет, что экономика

должна встать на службу продвижения политических интересов Пекина; стремление к многополярности должно замещаться формированием биполярности: в ответ на принцип неприкосновенности недвусмысленно говорится о необходимости создания союза с Россией для успешного противостояния мощи США, к принципу невмешательства добавляется “норма вмешательства”. “Ответственность” Янь Сюэтуна понимает как активное предоставление союзникам КНР не только материальной помощи, но и гарантий безопасности. Если Китай будет следовать этим принципам, то Запад глубоко пожалеет об упреках в пассивности, адресованных КНР (Р. 112–118).

Вышеприведенный анализ дискуссии

о Китае 3.0. свидетельствует об отсутствии в китайском академическом сообществе однозначного взгляда на перспективы дальнейшего развития КНР. В этом, возможно, и заключается основное значение книги: она показала всю широту диапазона взглядов китайских ученых. Отсутствие унифицированного понимания является необходимым условием подлинной дискуссии. Очевидная плюрализация и даже поляризация подходов к объяснению экономических и социально-политических процессов в КНР говорят об отсутствии в китайской академической среде навязанных идеологических догм и о большей, чем раньше, свободе слова и мысли. Видимо, именно в этом и заключается главная особенность Китая эпохи 3.0.

© 2013

А. Королев.

Ph. D., профессор НИУ Высшая школа экономики.

-
1. “Новые”, потому что в отличие от «чистых коммунистов» считают, что рынок является неотъемлемой частью смешанной экономики, а “левые”, потому что уделяют большое внимание неравенству.
 2. Как ни странно, но подобная точка зрения активно продвигается бывшим научным руководителем докторской диссертацией Си Цзиньпина — профессором социологии Сунь Линином. В частности, статья Сунь Липина, включенная в данный сборник, посвящена демократическому потенциалу Уканьской модели.
 3. Майкл Анти — это авторский псевдоним ученого по имени Чжао Цзин.

**Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки.
М.: Весь Мир, 2012. 320 с., ил.**

*«Ум и дела твои бессмертны
в памяти русской, но для чего
пережила тебя любовь моя».*

Нина Чавчавадзе.

Среди многочисленных изданий последних лет, посвященных Русской Америке, появилось новое исследование, написанное известным специалистом, ведущим научным сотрудником Института всеобщей истории РАН, автором многих публикаций и монографий, доктором исторических наук А.Ю. Петровым. Книга написана на основе междисциплинарного подхода и с учетом новейших тенденций в отечественной и зарубежной науке¹. В новой книге раскрывается роль супруги Г.И. Шелихова в освоении Русской Америки. Героические и труднейшие усилия поэтапного освоения новых земель на новом для России континенте приходится на непростой для народа и государства XVIII век, когда еще только осваивается Сибирь и Дальний Восток с их необъятными просторами и десятками населяющих их народов.

Сравнительно быстро после приезда в Иркутск Григорий Шелихов становится центральной фигурой в освоении дальнего Востока и Русской Америки. Его энергия, государственный и одновременно коммерческий ум позволяют ему заслужить уважение и признание иркутского купечества и чиновников и стать полноправным компаньоном И.Л. Голикова и других купцов и предпринимателей. В 1775 г. двадцатипятилетний Григорий Шелихов женится на четырнадцатилетней Наталье Алексеевне и вскоре супруги едут по Тихому океану в «вож» на Курильские острова и в Японию. С тех пор Наталья становится его надежной спутницей и помощницей во всех его делах. Двадцать лет им было дано прожить вместе до его скоростной кончины. За это время Наталья Алексеевна родила одиннадцать детей, пять из которых скончались в младенчестве, а Григорий Иванович заложил основы Русской Америки. Часто его сопровождала, в том числе в Америку, его супруга. После его внезапной кончины на ее плечи лег груз всего основанного им дела. И Наталья Алексеевна стала достойным продолжателем огромного дела, которое кроме коммерческих проблем пушного

промысла (добычи, доставки и продажи, в том числе в Китай, мехов, преимущественно с Алеутских островов) включало снабжение поселений в Америке, организацию торгового флота и наем промысловых и корабельных работников, просвещение местных народов Духовной миссией, решение вопросов о долгах и обязательствах своего супруга, и, наконец, вопросы установления и поддержания деловых и политических связей в Охотске, Иркутске, Великом Устюге и в Петербурге вплоть до императорского дома Екатерины II, а затем Павла I. При этом она растила детей, вела дома в Иркутске и в Петербурге, выдавала замуж дочерей и т.д. Порой казалось, она разорена, а дело рухнуло, но каждый раз ее мужество, энергия, воля, добрые отношения в семейном клане спасали и ее, и дело. Помогли Наталье Алексеевне знания и навыки, приобретенные за двадцать лет трудов в качестве полноценной помощницы Г.И. Шелихова. В итоге многолетних трудов в Иркутске и в Петербурге Наталья Алексеевна по существу стала во главе тихоокеанского пушного промысла и дальневосточной торговли в результате создания крупнейшего в России акционерного объединения под высочайшим покровительством — Российско-американской компании. Скончалась Н.А. Шелихова в Москве 25 марта 1810 г.

Рецензируемая книга представляет новый неожиданный взгляд на историю освоения Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Наряду с известными именами Григория Шелихова, Ивана Голикова, купцов Мыльниковых и других встает имя Натальи Шелиховой, которая была верной спутницей, супругой Шелихова, а после его смерти заняла его место, возглавив дело освоения Русской Америки. Ее неженское мужество, воля, энергия позволили сплотить в огромном деле не только клан Шелиховых, но и многих других и получить поддержку и покровительство императорского дома. После кончины супруга она в течение пятнадцати лет решала многочисленные пробле-

мы, укрепляла и расширяла русское присутствие в Америке.

Среди имен великих русских людей немного женщин. Многие выдающиеся женщины вырастили и воспитали великих сыновей, но принять дело супруга на свои плечи — и какое дело! С таким крестом справиться могла лишь великая женщина. О ее жизни даже специалисты знали не так много. Тем более важно, что автор за много лет поисков собрал материал, преимущественно архивный, и подарил нам не только новое видение освоения Русской Америки, но и новый взгляд на многих известных нам главных деятелей — Г. И. Шелихова, И. Л. Голикова, А. А. Баранова, Н. П. Резанова и других, но, что очень важно, впервые отразил образ героической женщины, игравшей временем решающую роль в великом деле создания Русской Америки. Ее личность, при всех слабостях человеческих, привлекает мужеством, силой интеллекта и воли.

Отдельно хочется отметить, что А. Ю. Петров подчеркнул важность начального этапа распространения Православия в Америке. Развитию миссионерской деятельности способствовала РАК, у истоков которой и стояла Н. А.

Шелихова. В дальнейшем территория Православной Епархии простиралась от Якутии до Аляски и Калифорнии².

Особой заслугой А. Ю. Петрова можно считать выделение значения Дальнего Востока в освоении Тихоокеанского региона. Н. А. Шелихова немало сделала для укрепления хозяйственных связей дальнего Востока России с приграничными государствами, что может быть актуальным сегодня. Этот аспект подчеркнул в предисловии к книге д. э. н. Д. Ю. Шелехов: "Российский Дальний Восток может и должен стать мостом тесного сотрудничества, уникальной торговой и экономической площадкой не только в отношении России и США, но и в развитии дружеских, партнерских связей со всеми государствами Азиатско-Тихоокеанского региона"³.

Монография написана литературным языком и может быть рекомендована самым широким читательским кругам.

Хочется поздравить автора с успешным окончанием большого интересного труда, который может стать заделом в решении еще многих неясных вопросов, важных для истории Русской Америки.

© 2013

А. Ефимов,

доктор физико-математических наук,

профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

-
1. *Петров А. Ю., Митрополит Климент (Капалин), Малахов М. Г., Ермолаев А. Н., Савельев И. В. История и наследие Русской Америки: итоги и перспективы исследований // Вестн. Рос. акад. наук. 2011. № 12. С. 1090–1091.*
 2. *Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007.*
 3. *Шелехов Д. Ю. О значении Наталии Шелиховой и Русской Америки // Петров А. Ю. Наталия Шелихова у истоков русской Америки. М.: Весь Мир, 2012. С. 7–9.*

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука. 2011. 311 с.

Книга известных дальневосточных ученых В.Л. Ларина и Л.Л. Лариной пока единственное исследование «внешнего вектора» общественного мнения населения южных регионов российского Дальнего Востока.

Авторы поставили перед собой задачу воссоздания общей картины представлений российских дальневосточников, которые, видимо, следует учитывать при определении региональной внешней политики и международных отношений России, в частности, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Структурно книга состоит из 8 глав. 4 главы посвящены внешней среде формирования общественного мнения в Тихоокеанской России, месту России в АТР, общей характеристике внешнего окружения дальневосточников и «срезам сознания» (статистическим данным по результатам опросов молодежи Приморья о соседних странах, по уровню образования опрошенных, по партийной принадлежности, дополненными данными о представлениях китайцев, принимавших участие в приграничном взаимодействии с россиянами). 4 главы книги посвящены отдельным странам — Китаю, Японии, двум Кореям (КНДР и Республике Корея) и «остальному миру» глазами дальневосточников (США, Канада, Австралия, Западная Европа, Франция, Индия).

Исследование состояния и эволюции взглядов и представлений населения Дальнего Востока (преимущественно южной и его части) о соседних странах и народах, заметнее всего влияющих на политическую и экономическую жизнь этой части россиян было начато в 1992 г. и велось на протяжении последующих двух десятилетий. Его итоги и отражены в рецензируемой книге.

В ходе работы были опрошены в общем более 7,5 тыс. респондентов, проживающих в южных районах Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область). Гео-

графия опросов, по словам авторов, определялась двумя факторами: финансовое обеспечение и особый интерес к китайской проблематике, что обусловило проведение опросов в полосе вдоль русско-китайской границы, где сосредоточено $\frac{2}{3}$ населения Дальнего Востока и где, по небесспорному все же утверждению авторов, формируются общие тенденции и общий настрой всей дальневосточной жизни. В то же время авторы делают справедливую оговорку о том, что они не пытаются экстраполировать полученные результаты на весь Дальний Восток и говорить об общественном мнении дальневосточников в целом (С. 8).

Таким образом, предметом изучения авторов было не общественное мнение в целом, а «небольшой его сегмент» — представление о внешнем мире, которое очень значимо с научной и с практической точки зрения, так как должно учитываться при формировании региональных международных отношений, если центральная власть хочет, чтобы ее внешняя политика была максимально эффективна.

Заслуживает положительной оценки и «сознательный упор» авторов при выборе респондентов на молодежь и студентов, на лиц с высшим образованием, то есть тех, кто в большей степени может влиять на процесс принятия политических решений.

Охарактеризовав в первых двух главах книги идеологию, политику и экономику России на берегах Тихого океана, внешнеполитические связи и географические приоритеты дальневосточных территорий, их специфику, каналы получения информации жителями Дальнего Востока, авторы приходят к заключению, что в их менталитете расовое и культурное самосознание, общее для России в целом, преобладает над географической и территориальной самоидентификацией, с чем вполне можно согласиться.

Значительный интерес представляет раздел второй главы о миграционных настрое-

ниях населения Дальнего Востока (С. 87–94), в котором на основе анализа опросов авторы приходят к выводу, что «главной причиной, толкающей людей на выезд из региона, является неверие в благоприятные перспективы Дальнего Востока России» (С. 94).

Рассмотрев в общем симпатии и приоритеты жителей юга Дальнего Востока и их изменения на протяжении 20 лет в главе 3 «Внешнее окружение: образы, фантазии, фобии» и выяснив, что наибольшими симпатиями (в том числе по итогам опросов 2008–2010 гг.) пользовались Австралия, Япония, европейские страны, а Китай и обе Кореи занимали последние места, так что, кроме Японии, страны Восточной Азии представлялись дальневосточникам далекими, особенно в культурном и психологическом отношении (С. 104). Хотя, как показывает анализ, симпатии в разной степени, но зависят от личного знакомства с той или иной страной.

Наиболее объемная 5-я глава посвящена Китаю и китайцам: общим представлениям о КНР, восприятию китайцев и их присутствия на Дальнем Востоке. Глава весьма информативна. Авторы отметили разницу во взглядах общей массы населения и тех, кто непосредственно работает с Китаем: последние в меньшей степени подвержены страхам и фобиям и уверены, что при разумной российской политике Китай не будет представлять угрозу для России.

В результате почти 20-летнего мониторинга общественного мнения дальневосточников авторы выделили 5 устоявшихся черт их взглядов и представлений о Китае (С. 175–176). Тема Китая никого не оставляет равнодушным, и фактор Китая стал особо значимым для молодых жителей региона; повышение интереса и уважения к Китаю; сохранение страха перед «китайской экспансией» в связи с осознанием его растущий мощи и ослабления потенциала России; «культурная пропасть» между россиянами и китайцами; осознание, что у них нет альтернативы кроме поисков способов улучшения отношений с соседним Китаем, которые они считают очень важными для России.

Поскольку наибольшие симпатии у респондентов вызывала, вплоть до последних по времени опросов, Япония, авторы считают отношение к Японии одним из основных парадоксов общественного мнения и справедливо связывают такое отношение дальневосточников

с работой японской пропаганды, которая активно содействует созданию на российском Дальнем Востоке благоприятного имиджа Японии (С. 214). Симпатии к Японии, по мнению авторов, носят в значительной степени абстрактный характер, тогда как подходы к двусторонним отношениям остаются достаточно прагматичными (С. 214). Что же касается проблемы Курильских островов, то спор России и Китая рассматривается как угроза интересам России, и здесь взгляды дальневосточников не отличаются от общероссийских.

В том, что касается стран Корейского полуострова, авторы отмечают «отсутствие серьезного интереса дальневосточников» к этой зоне Восточной Азии (С. 246) и, по данным опроса, корейская проблема мало волнует население Приамурья и Приморья, не вызывая заметных страхов, подобно «китайской экспансии»: жители региона не видят каких либо причин для конфронтации России с обеими Кореями.

Отношение к «остальному миру» рассматривается авторами в 7-й главе (США, Канада, Австралия, Западная Европа, Франция, Индия). При этом авторы приходят к заключению, что привлекательность образов этих стран построена на разных фундаментах, создававшихся на протяжении поколений (Европа — цивилизационная общность, Америка и Австралия — символы свободы и демократии и т.д.). Авторы справедливо делают оговорку, что в работе обозначены лишь общие контуры в восприятии этих стран, а углубленный анализ — дело будущего (С. 275).

Интересен в конце книги небольшой раздел «Китайцы о России» (С. 297—306), тема, по справедливому замечанию авторов, требующая отдельного исследования. Однако и проделанный авторами опрос позволяет прийти к заключению, что страхи о масштабной китайской миграции в Россию во многом не обоснованны, китайцы на Дальнем Востоке живут достаточно обособленно и не стремятся осесть в России на долгое время, рассматривая свое пребывание в России как реализацию цели накопления капитала и расширения предпринимательской деятельности (С. 297–306).

Среди кратких, но информационно емких выводов авторов о «внешнем контуре» сознания жителей юга российского Дальнего

Востока, подводящих итог огромной проведенной работе (С. 307–308), следует обратить особое внимание на критическую оценку внешней политики России в Дальневосточном регионе, особенно политики региональных властей, и далеко не всегда положительное влияние СМИ («негативный, даже агрессивный контекст публикаций) на формирование общественного мнения дальневосточников.

Однако самым существенным, на наш взгляд, является заключение авторов о необходимости возведения «интеллектуальных и психологических мостов» между народами сосед-

них государств. Хотя развитие культурных и образовательных связей, отношений между людьми требует долгого времени, больших сил и немалых затрат, оно может сделать для укрепления связей и сотрудничества прежде всего соседних народов гораздо больше, чем линии электропередач или трубопроводы.

Хотелось бы также, чтобы исследование общественного мнения и отдельных его аспектов, касающихся отношений с соседними народами, было продолжено с использованием наработанной В.Л. Лариным и Л.Л. Лариной методики в других регионах России.

© 2013

*А. Волохова,
к.и.н., советник Центра евразийских исследований
Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД РФ*

Наш юбиляр

Андрею Сергеевичу Крушинскому — 80 лет

9 апреля 2013 г. исполнилось 80 лет заведующему отделом экономики журнала "Проблемы Дальнего Востока" Андрею Сергеевичу Крушинскому.

Имя А.С. Крушинского давно и хорошо известно в китаеведческих кругах. Его жизненный и трудовой путь насыщен интересными и важными событиями. Поступив в 1951 г. по окончании средней школы в Московский институт востоковедения (МИВ), в 1954 г. в связи с его закрытием он перешел на исторический факультет Московского государственного университета. Во время учебы А.С. Крушинский участвовал в археологической экспедиции на территории Тувы, где было открыто городище с элементами китайской культуры, что послужило темой его дипломной работы по проблематике династии Ляо, основанной киданями.

В 1957 г. по окончании учебы в МГУ А.С. Крушинский получил рекомендацию в аспирантуру, но был направлен в Китай, где вплоть до сентября 1959 г.

работал в Бюро переводов Управления по делам иностранных специалистов при Госсовете КНР. По окончании командировки был награжден Медалью китайско-советской дружбы; в благодарственном письме китайского Управления по делам иностранных специалистов были отмечены его вклад в области перевода и издания лекций, организуемых Управлением, и помощь в повышении квалификации китайских переводчиков.

По возвращении в Москву в сентябре 1959 г. А.С. Крушинский поступил в аспирантуру Института восточных языков при МГУ. Однако проучившись три года и успешно сдав экзамены кандидатского минимума, Андрей Сергеевич был вынужден приостановить работу над диссертацией. Причиной тому явилось резкое ухудшение советско-китайских отношений. Поскольку тема диссертации была связана с предполагаемым и переселением части киданей на территорию Тувы, ее защита в тот момент могла косвенно способствовать "обоснованию" маонистских территориальных притязаний к СССР.

В 1962 г. А.С. Крушинский поступил на работу в газету "Комсомольская правда". До 1966 г. он побывал по линии газеты в краткосрочных командировках в Польше и Непале, а в феврале 1966 г. был направлен в Пекин в качестве регионального корреспондента по Китаю, Вьетнаму, Монголии и КНДР. За время командировки дважды более чем на месяц выезжал во Вьетнам. Предпринял продолжительную поездку по районам, подвергавшимся ежедневным американским бомбардировкам. Серия вьетнамских репортажей А.С. Крушинского была удостоена премии Ме-

ждународного союза журналистов и софийского Международного фестиваля молодежи и студентов. Командировка Андрея Сергеевича совпала с начальным этапом “культурной революции” в Китае. В связи с требованием китайских властей он оказался в составе первой группы советских журналистов, досрочно (в декабре 1966 г.) откомандированных из КНР. По решению Президиума Верховного Совета СССР его корреспондентская работа была отмечена в 1967 г. медалью “За трудовую доблесть”.

В начале 1967 г. А.С. Крушинский был командирован в качестве корреспондента “Комсомольской правды” в Чехословакию. В тот момент мало кто предполагал, что речь идет об очередной “горячей точке”. Работа А.С. Крушинского в ходе событий 1968 г. и последующего “периода нормализации” была отмечена новой правительственной наградой — орденом “Трудового Красного Знамени”. Проработав корреспондентом “Комсомольской правды” в Чехословакии пять лет, А.С. Крушинский был приглашен в “Правду” на должность корреспондента по Китаю. Поскольку китайские власти отказывали газете в предоставлении аккредитации, А.С. Крушинский вплоть до 1978 г. работал в Москве, в отделе социалистических стран “Правды”, выезжая в краткосрочные командировки в КНДР, Вьетнам, Польшу, Чехословакию.

В 1978—1985 гг. он работал корреспондентом “Правды” в Болгарии, где был удостоен, в частности, премии Союза болгарских журналистов.

По возвращении в Москву Крушинский занял пост обозревателя “Правды” по международным вопросам. В 1987 г. сразу после снятия Пекином запрета на въезд в КНР корреспондентов “Правды” он побывал в Пекине, освещая работу XIII съезда КПК.

В 1991—1992 гг. А.С. Крушинский работал корреспондентом “Правды” в Чехословакии. Однако в 1993 г. по решению редакции газеты ему пришлось закрыть ее пражский корпункт, который по совпадению был открыт в 1947 г. его отцом, также “правдистом” С.К. Крушинским.

После кратковременного пребывания в Москве в феврале 1993 г. А.С. Крушинский отбыл в Пекин в качестве корреспондента “Правды”, однако в конце того же года ввиду финансовых трудностей газеты ее пекинский корпункт перестал функционировать. В этой ситуации А. Крушинский принял приглашение Международного радио Китая, где проработал четыре года в качестве русскоязычного специалиста. В тот период он был награжден китайской медалью “Дружба”, имя его было внесено в почетную книгу “Друзья Китая”. В начале 1997 г. Андрей Сергеевич перешел на работу в Бюро переводов при ЦК КПК, где трудился на протяжении еще 8 лет. Все это время он продолжал писать корреспонденции в “Правду”, “Парламентскую газету”, “Слово”, “Новое время”, “Труд”, в болгарские и чешские СМИ. Статьи и комментарии А.С. Крушинского, опубликованные в советской, российской и зарубежной печати всегда отличали аналитическая глубина, четкость формы и актуальность содержания.

С февраля 2007 г. А.С. Крушинский работает в журнале “Проблемы Дальнего Востока”, где также проявил себя как профессионал высокого уровня, обладающий широким кругозором, богатым опытом и глубокими знаниями востоковеда, отличными редакторскими навыками. В 2012 г. он был избран членом Центрального Правления Общества российско-китайской дружбы.

Перу А.С. Крушинского принадлежат книги: “Кричащие батальоны” (о “культурной революции” в КНР), “Люди и бомбы” (о Вьетнаме), “Балканские зори” и “Пять братьев земледельца” (о Болгарии). Он — член авторского коллектива “Нового китайско-русского политико-экономического словаря”, изданного в 2004 г. в Пекине.

За заслуги в деле укрепления российско-китайской дружбы и в связи с 75-летием А.С. Крушинский был награжден Почетным знаком Общества российско-китайской дружбы.

Дирекция ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” поздравляют Андрея Сергеевича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых больших успехов в жизни и творчестве.

Юбилей ученого

Александр Мировичу Григорьеву – 80 лет

28 апреля 2013 г. исполнилось 80 лет Александру Мировичу Григорьеву, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, профессору, доктору исторических наук.

Фундаментальные исследовательские работы А.М. Григорьева – одного из крупнейших российских специалистов по новой и новейшей истории Китая – хорошо известны российской и мировой общественности. Они обогатили научную мысль в нашей стране и за ее пределами новыми идеями и концепциями, основанными на комплексном познании исторических процессов, использовании современных теоретических и методологических подходов и скрупулезном освоении источников, многие из которых были введены А.М. Григорьевым впервые в научный оборот. Публикации А.М. Григорьева переведены и изданы в Китае, Японии, США, Италии, ряде стран Восточной Европы.

Особенно значителен вклад А.М. Григорьева в изучение политической истории Китая в XX в. К числу наиболее важных достижений исследовательской деятельности А.М. Григорьева следует отнести разработку им новой концепции содержания аграрно-крестьянской проблемы в Китае, характера аграрной программы КПК, крестьянских движений и роли крестьянства в китайской революции. А.М. Григорьев на основе обширного первичного материала убедительно доказал, что в специфических условиях землевладения и землепользования, социальной организации, социальной и демографической структуры китайской деревни в Китае была невозможна спонтанная аграрная революция «снизу» по европейско-российской модели.

В работах А.М. Григорьева показано, что Красная армия Китая, состав которой многими исследователями ранее трактовался как в основном «крестьянский», на деле была на первых порах по своему составу пауперско-люмпенской. Выявление этого важнейшего обстоятельства позволило А.М. Григорьеву, по-новому осветить то воздействие, которое оно оказало на облик КПК, на ход формирования ее основных организаций в 1930-е гг. в рамках крупнейших армейских соединений, на опыт, воззрения и методы деятельности партийного руководства в революционный период и в первые десятилетия

после создания КНР. Труды А.М. Григорьева по этой проблематике отличаются высоким индексом цитирования в научной литературе.

Под руководством и при активном участии А.М. Григорьева осуществлялась программа «Основные проблемы политической истории Китая в XX в. Новые источники и исследования». Центральное место в ней занимал крупный международный проект публикации архивных документов под общим названием «ВКП(б). Коминтерн и Китай». О высоком международном признании значимости этих трудов для исторической науки свидетельствует перевод и издание их в ФРГ, в континентальном Китае и на Тайване.

В процессе научной деятельности А.М. Григорьев уделял большое внимание изучению современных общественно-политических и социально-экономических процессов в КНР. Рассмотрение этих процессов в широком теоретическом и историческом контексте дало ему возможность анализировать их типические и специфические черты, выявлять как общие закономерности, так и особенности китайской модернизации, китайских реформ, включения Китая в глобализацию.

А.М. Григорьевым опубликовано свыше 90 научных работ, в том числе монографии, статьи, брошюры, главы в учебных пособиях и коллективных изданиях.

В течение 12 лет, с 1993 по 2005 гг. А.М. Григорьев являлся главным редактором журнала «Проблемы Дальнего Востока». Под его руководством журнал занял достойное место в ряду ведущих отечественных периодических изданий по общественным наукам. Значительно вырос авторитет журнала в отечественном и мировом востоковедении. Публикации журнала стали все в большей мере привлекать внимание исследователей и практиков в нашей стране и за рубежом. Расширилось его использование в высших учебных заведениях при изучении востоковедческих дисциплин. На страницах журнала находили отражение наиболее злободневные проблемы международных отношений, политической, экономической, социальной и культурной жизни стран Дальнего Востока, глобальные и региональные процессы. Его характерной особенностью стали публикации статей не только столичных ученых, но и исследователей, работающих в исследовательских и образовательных центрах других городов страны. Со своими точками зрения и выводами читателей журнала все чаще знакомят и зарубежные востоковеды. По инициативе А.М. Григорьева начали проводиться «круглые столы» по наиболее актуальным и дискуссионным вопросам с последующей публикацией выступлений участников.

Все, кто знает Александра Мировича, высоко оценивают его человеческие качества: доброжелательность, чувство юмора, принципиальность и независимость суждений, простоту и демократичность в общении.

Поздравляя А.М. Григорьева со славным юбилеем, желаем ему здоровья, благополучия и хорошего настроения.

*Коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».*

Евгению Васильевичу Кобелеву — 75 лет

Евгений Васильевич Кобелев родился 2 мая 1938 г. в Ульяновске. Он получил классическое востоковедческое образование, с отличием окончив в 1962 г. Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова. Знания вьетнамского языка, полученные в ИВЯ, были упрочены и расширены во время практики на историко-филологическом факультете Ханойского университета в 1958–1960 гг. Их Евгений Васильевич с успехом применял на первом месте работы — в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ (1961–1964).

Дальнейшее повышение профессиональной квалификации позволило ему выполнять переводы многих научных трудов вьетнамских авторов. Были освоены навыки синхронного перевода, которые Евгений Васильевич продемонстрировал во время работы в 1961 г. на XXII съезде КПСС.

Руководитель делегации Партии трудящихся Вьетнама Президент СРВ Хо Ши Мин высоко оценил тогда уровень его перевода. В качестве переводчика Е.В. Кобелев участвовал во многих встречах и переговорах советских и вьетнамских руководителей, зарекомендовал себя глубоким и тонким знатоком вьетнамского языка.

Работа Е.В. Кобелева на журналистском поприще припала на ключевой период борьбы вьетнамского народа против агрессии США (1964–1968 гг.), когда граждане СССР узнавали вести с фронтов Вьетнама через СМИ благодаря его репортажам в качестве корреспондента ТАСС во Вьетнаме, а затем — заведующего корпунктом газеты «Правда» по странам Индокитая. Не раз Евгений Васильевич рисковал жизнью, ведя их из «горячих точек». За работу в сражающемся Вьетнаме он был удостоен советского ордена Знак Почета.

Зарекомендовав себя как высококвалифицированный эксперт по Вьетнаму, Е.В. Кобелев был направлен на работу в Международный отдел ЦК КПСС, где в качестве референта с 1968 по 1987 гг. курировал связи с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама, а с 1987 г. — с партийными и общественными организациями СРВ. Богатый опыт организационной работы позволил ему занять в 1987–1989 гг. должность заместителя заведующего сектором Вьетнама, Лаоса и Камбоджи Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, в 1989–1991 гг. — руководителя группы стран Индокитая Международного отдела ЦК КПСС. До 1973 г. Евгений Васильевич являлся также членом Советского комитета поддержки Вьетнама, участвовал в международных конференциях солидарности с вьетнамским народом в Париже, Риме, Стокгольме, Хельсинки, Ханое, Москве.

В те же годы проявился богатый научно-публицистический потенциал Е.В. Кобелева. Он регулярно публиковал в советской печати материалы о борьбе патриотических сил Вьетнама, объединенные затем в сборник «Вьетнам, любовь и боль моя» (1971). Настоящим творческим прорывом стала его книга «Хо Ши Мин» (1978), изданная в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Будучи первым биографическим очерком о вожде вьетнамской революции, написанным зарубежным автором, книга до сих пор пользуется огромным читательским успехом, о чем свидетельствует ее переиздание в СССР (1983), три выпуска на вьетнамском и два на английском языках, а также издание в Болгарии (1982), Казахстане (1982), Монголии (1984), Лаосе (1989). Международное признание достоинств данной работы, не имеющей аналогов, поистине очевидно.

Накопленный в ходе практической работы богатый фактический материал побудил Евгения Васильевича активнее заняться научными исследованиями. В 1981 г. он защитил в Институте востоковедения АН СССР кандидатскую диссертацию «Политическая биография Хо Ши Мина». Через десять лет увлечение наукой переросло в основное занятие, став главным делом жизни. С 1991 г. Е.В. Кобелев — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, где он опубликовал первое в России монографическое исследование, посвященное постсоветскому периоду вьетнамской истории — «Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986–1997)».

В 2005 г. Е.В. Кобелев стал ведущим научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН. Здесь он проявил себя как талантливый исследователь и одновременно как умелый организатор научной работы и заботливый воспитатель молодого поколения ученых. При его непосредственном участии в 2007 г. в ИДВ был образован Центр изучения Вьетнама и АСЕАН — первый в России специализированный «штаб» исследования проблем Юго-Восточной Азии, который он возглавил. За шесть лет небольшое по составу научное подразделение под руководством Евгения Васильевича добилось серьезных результатов, признания не только в отечественном, но и зарубежном научном мире. Центр регулярно выпускает монографические исследования и сборники статей, аналитические и справочные материалы. В основе работы Центра лежит стремление всемерно способствовать дальнейшему упрочению российско-вьетнамских отношений, укреплению позиций России в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Евгений Васильевич продолжает собственные исследования. Недавно им подготовлен большой раздел для многотомного издания «Полная академическая история Вьетнама», которая готовится к выходу в 2015 г. Заметен его вклад в составление «Русско-вьетнамского словаря терминов по общественным наукам». Е.В. Кобелев активно сотрудничает с научными изданиями, включая журнал «Проблемы Дальнего Востока», где регулярно публикуются его статьи о современном Вьетнаме, истории российско-вьетнамских отношений, положении в Юго-Восточной Азии. Он регулярно участвует в международных научных конференциях по актуальным проблемам вьетнамоведения: «Евровет» в Копенгагене (Дания) и Экс-ан Провансе (Франция), во многих симпозиумах в Ханое и Хошимине.

Свои богатые знания Евгений Васильевич щедро передает молодежи: несколько лет он вел учебные курсы по вьетнамскому языку, литературе и культуре в ИСАА МГУ, РГГУ и Институте практического востоковедения. Часто выступает в роли руководителя кандидатских диссертаций по современной истории и политологии Вьетнама.

Плодотворную научную работу он сочетает с активной общественной деятельностью. В апреле 2007 г. Е.В. Кобелев избран первым заместителем председателя Общества российско-вьетнамской дружбы. В 2008 г. Указом Президента Социалистической Республики Вьетнам награжден Орденом Дружбы «За активный вклад в дело укрепления

ния и развития отношений дружбы и сотрудничества между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией».

Таланты юбиляра поистине многогранны. Он обладает прекрасным по тембру голосом, знает и охотно исполняет известные оперные арии и популярные песни, чем снискал признание в коллективе ИДВ. Евгений Васильевич также — заядлый шахматист. В 2005 г. в составе команды Российской Академии наук он стал чемпионом III Спартакиады сотрудников министерств и ведомств РФ «За здоровую Россию».

И, конечно, нельзя не отметить его редкие человеческие качества: простоту в обращении с людьми, искренность и умение завоевать их доверие, внимание и тактичность в отношении подчиненных, личную скромность, заботливое отношение к родным и близким. Все эти достоинства снискали юбиляру любовь и уважение со стороны его коллег.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Евгения Васильевича Кобелева со знаменательной датой в его жизни, желают крепкого здоровья, счастья и новых успехов в творческой деятельности.

Григорию Михайловичу Локшину — 75 лет

1 апреля 2013 г. исполнилось 75 лет видному ученому-вьетнамоведу и общественному деятелю Григорию Михайловичу Локшину. Григорий Михайлович — известный российский специалист по проблемам политического развития современного Вьетнама и Юго-Восточной Азии. По окончании в 1963 г. факультета международных отношений МГИМО МИД СССР он поступил в аспирантуру Института востоковедения РАН, где защитил кандидатскую диссертацию о развитии национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме и работал до 1967 г.

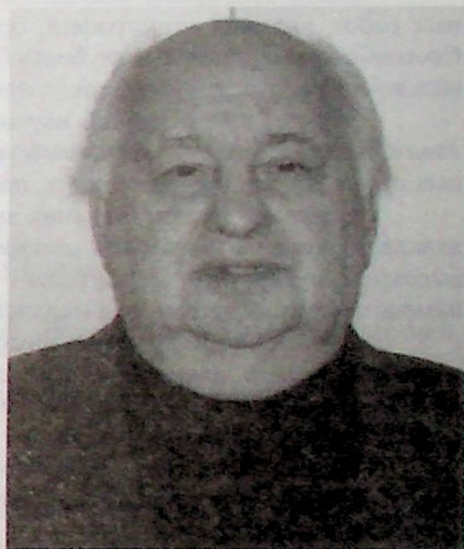
С 1965 г. Григорий Михайлович трудился на новом поприще — в качестве генерального секретаря Советского комитета поддержки Вьетнама. Здесь Г.М. Локшин стал одним из организаторов массового движения солидарности советских людей с борьбой вьетнамского народа за независимость против американской агрессии в Индокитае. За годы войны (1965–1975) он неоднократно посещал Вьетнам и соседние страны, выступил одним из инициаторов и организаторов множества антивоенных конференций, международных общественных трибуналов и других форумов, способствовавших консолидации различных сил, выступавших против американской агрессии, за прекращение несправедливой войны.

Григорий Михайлович успешно сочетал общественную деятельность с публицистикой и научной работой. Им написаны разделы ряда коллективных монографий, включая первый в СССР академический труд «История Вьетнама в новейшее время, 1917–1965 гг.», множество брошюр и статей о ходе освободительной борьбы, истории, внешней политике этой страны, роли общественного мнения и неправительственных организаций в борьбе за мир.

Григорий Михайлович успешно сочетал общественную деятельность с публицистикой и научной работой. Им написаны разделы ряда коллективных монографий, включая первый в СССР академический труд «История Вьетнама в новейшее время, 1917–1965 гг.», множество брошюр и статей о ходе освободительной борьбы, истории, внешней политике этой страны, роли общественного мнения и неправительственных организаций в борьбе за мир.

После окончания вьетнамской войны Г.М. Локшин работал в Советском комитете защиты мира, где как один из его секретарей курировал вопросы сотрудничества со Всемирным Советом Мира и другими международными неправительственными организациями. В 2001 г. он был избран генеральным секретарем Международного института мира со штаб-квартирой в Вене, что дало ему возможность предметно разъяснять общественности европейских стран новые цели политики нынешнего российского руководства.

Постепенно пришло понимание того, что эффективности внешней политики России во многом способствовали бы объективные научные исследования региональных векторов и текущих проблем этой политики. Именно всесторонняя и масштабная научная работа над общими проблемами внешней политики привела Григория Михайловича в 2007 г. в Институт Дальнего Востока РАН, где он возглавил новое для России направление исследований по АСЕАН.

За короткий срок при непосредственном участии Григория Михайловича в ИДВ был подготовлен ряд монографий. Высокую оценку отечественной и зарубежной научной общественности получило инициированное им коллективное исследование «АСЕАН в начале XXI века: актуальные проблемы и перспективы» (2010) — первый в нашей стране труд, обобщивший практику региональной интеграции в ЮВА. Примечательна его авторская работа «Южно-Китайское море: трудный поиск согласия» (2013). Изданы и пользуются признанием три сборника «Вьетнамские исследования», составленные по итогам научных конференций, посвященных актуальным проблемам отечественного вьетнамоведения, в организацию которых немало сил вложил Г.М. Локшин.

Всего Григорием Михайловичем подготовлено и опубликовано около 50 научных работ, включая монографии, брошюры, статьи, научные доклады, рецензии и т.п. Свои обширные знания и глубокую эрудицию он постоянно демонстрирует на различных востоковедческих форумах.

За годы плодотворной научной и общественной деятельности Григорий Михайлович воспитал немало учеников и последователей, которые успешно трудятся в различных организациях и учреждениях, передал им свой богатый жизненный опыт и знания.

Подтверждением больших заслуг Григория Михайловича, оценкой его крупного вклада в развитие «народной дипломатии» и научное творчество стали врученные ему высокие государственные награды — ордена Дружбы народов и Знак Почета, два вьетнамских ордена Дружбы, ряд медалей.

Г.М. Локшин — яркий представитель отечественной интеллигенции, редкий образец творческой многогранности, отличающийся прекрасными человеческими качествами — порядочностью, готовностью к бескорыстной помощи, принципиальностью, доброжелательностью. За все это он заслуженно пользуется глубоким уважением коллег.

Желаем Григорию Михайловичу здоровья, многих лет творческой активности, новых вкладов в развитие отечественного востоковедения, благодарных учеников, верных товарищей и коллег!

*Дирекция, общественные организации и сотрудники Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока".*

Contents

DOCUMENTS

Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Mutually Beneficial Cooperation and the Deepening Relationship of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation

Joint Statement by President of the Russian Federation and Prime Minister of Japan on the Development of Russian-Japanese Partnership

POLITICS

Lomanov, O. Borokh. The First Steps of the New Chinese Leadership

A. Karneev. "Chongqing Model": What Was It?

S. Lousianin. Russian-Chinese Dimensions of the Shanghai Cooperation Organization. Model — 2013

V. Portyakov. Some Aspects of the Foreign Policy of the People's Republic of China in 2012

STATE AND SOCIETY

V. Borodich, A. Vinogradov, P. Troschinsky. The First Session of the 12th National People's Congress and a New Administrative Reform in China

ECONOMY

S. Sushina, V. Samsonova. The Economy of the Republic of Korea: New Perspectives and Challenges

V. Chuvankova. State Support for Small and Medium-sized Enterprises in China: a New Phase

M. Potapov. On the Sustainability of the Chinese Economy in the Period of World and Regional Crises

VIEW POINT

A. Krushinsky. USSR, the Comintern and the "China Factor" of the Second World War

HISTORY

V. Kuzminkov. San Francisco Peace Treaty of 1951 in Japanese Historiography

A. Khisamutdinov. Russian Women in China (1922–1940s)

CULTURE

E. Aurelene. The Fate of Russian Émigré Culture in China (1920–1940s): Regional Dimension

SCIENTIFIC EVENTS

A. Lomanov. The Fifth Forum for China Studies in Shanghai

BOOK REVIEW

Ostrovsky. Russia and China: Changes in Social Structures

- Larin. E. Sadovskaya. Chinese Migration in Central Asia in Early XXI Century*
E. Staburova. "Society and State in China": the 42-d Scientific Conference
V. Rosov. New Books for the Anniversary of the Orientalist Yu. Roerich
A. Korolev. 3.0 China / Ed.by Mark Leonard
A. Efimov. A. Petrov. Natalia Shelikchova at the Origins of Russian America
A. Volokhova. V. Larin, L. Larina. The World Around Us Through the Eyes of the Far-Easterners. The Evolution of Attitudes and Perceptions at the Turn of XX—XXI Centuries.

HERO OF THE DAY

Andrey Sergeevich Krushinsky — 80 years

SCHOLAR JUBILEE

Alexander Mironovich Grigoriev — 80 years
Yevgeny Vasilyevich Kobelev — 75 years
Gregory Mikhailovich Lokshin — 75 years

Contents

Summary

Summary

A. Lomanov, O. Borokh. The First Steps of the New Chinese Leadership

The article is devoted to new trends in China's policy after the XVIII Congress of the CPC. New slogan of the "Chinese dream" of "great revival of the nation" opens up new prospects for consolidation of society around the goals of development. The Chinese leadership emphasizes the difficult nature of the upcoming reforms and the need to overcome the increasing resistance to change.

Key words: CPC, Xi Jinping, "Chinese Dream", Li Keqiang, reforms, ideology.

A. Karneev. "Chongqing Model": What Was It?

During the year since the beginning of the "Chongqing drama" a large number of materials were published that shed light on the unique experience of social and economic development of that Chinese region. Whether there was in fact "Chongqing model" and what was its specificity? What could be the future of the current leftsocio-political spectrum in China after the XVIII Congress of the CPC? The article attempts to put a number of questions related to the need to assess objectively the "Chongqing model".

Key words: "Chongqing model", Bo Xilai, the "new left", corruption, ideological and political struggle in China.

S. Lousianin. Russian-Chinese Dimensions of the Shanghai Cooperation Organization. Model — 2013

The article highlights the subjects related to the Russian-Chinese cooperation in the SCO. It shows the possibility to consolidate RF—PRC interaction and provides some theoretical approaches to elaboration of the SCO development strategy, options and possible scenarios of SCO evolution in 2013.

Key words: Russia, China, Central Asia, the Shanghai Cooperation Organization, global and regional level, multilateral and bilateral cooperation, Afghanistan, the Taliban.

V. Portyakov. Some Aspects of the Foreign Policy of the People's Republic of China in 2012

The main directions of the foreign policy of the PRC in 2012 are analyzed. They include preparation of the international political platform of the XVIII Congress of the CPC, countering "the return of the U.S. to Asia" and three regional challenges (disputes over the sovereignty of the islands in the East China and South China seas, unresolved border issue with India) and diversification of instruments and vectors of China's international activities.

Key words: China, foreign policy in 2012, the decisions of the Party Congress, the challenges, diversification, tools.

V. Borodich, A. Vinogradov, P. Troschinsky. The First Session of the 12th National People's Congress and a New Administrative Reform in China

The article discusses the results of the first session of the 12th National People's Congress (March 2013) and of the CPPCC session, new appointments to senior government positions in China, legislative activities and peculiarities of the law-making process. Particular at-

tention is paid to certain provisions of the administrative reform, which was initiated at the NPC session this year.

Key words: NPC session, administrative reform, the new generation of Chinese leadership, law-making process, legislative activity.

S. Suslina, V. Samsonova. The Economy of the Republic of Korea: New Perspectives and Challenges

The authors sum up the main results of the economic development of the Republic of Korea for the period of ruling by the President Lee Myung-bak, analyze the overcoming of crisis tendencies in South Korea due to the influence of the fiscal crisis of the Euro area and the reduction of the country's exports. Different opinions and predictions about the future development of the South Korean economy are compared.

Key words: the economy of the Republic of Korea, financial crisis, creative economy, small and medium enterprises.

V. Chuvankova. State Support for Small and Medium-sized Enterprises in China: a New Phase

Since the early 2000s, the Chinese government attaches special importance to enhance the entrepreneurial activity of citizens and increase the flow of private domestic investment in the economy with an emphasis on supporting small and medium-sized businesses. The article describes the basic policies and specific measures to support and promote the medium, small and micro-enterprises in the new environment.

Key words: China, small and medium-sized businesses, micro-enterprises, the XVIII Congress of the CPC.

M. Potapov. On the Sustainability of the Chinese Economy in the Period of World and Regional Crises

The internal and external factors of the economic growth of the PRC for the period of 2008–2012 are analyzed. Particular attention is paid to the role of external trade, cross-border capital flow, exchange rate policies in order to ensure a sustainable development of the Chinese economy.

Key words: Chinese economy, investment demand, private consumption, foreign trade, foreign direct investment, foreign currency reserves.

A. Krushinsky. USSR, the Comintern and the "China Factor" of the Second World War

The article describes the efforts of the Soviet Union and the Comintern in formation of the United Front in China. The hypothesis that Moscow's efforts to end the civil war in China helped it to become an active participant in the anti-fascist coalition and contribute to the prevention of Japan's aggression against the USSR in 1941 is substantiated.

Key words: Stalin, Mao, Trotsky, the VII Congress of the Comintern, a special border region of China, Xi'an incident, "alternative history".

V. Kuzminkov. San Francisco Peace Treaty of 1951 in Japanese Historiography

The article describes the problem of interpretation by Japanese historians of San Francisco Peace Treaty of 1951, which ended the state of war between the Allied Powers and Japan and returned the sovereignty of the later. Based on a comprehensive analysis of many documents, the author presents his view on the results of the San Francisco Peace process and evaluates the arguments of the academic community in Japan.

Key words: Russian-Japanese relations, the territorial issue, the peace treaty, historiography, the San Francisco Treaty, the Kuril Islands, the Southern Sakhalin.

A. Khisamutdinov. Russian Women in China (1922–1940)

The article describes the difficult lives of Russian immigrant women in China. Because of lack of men who died in the war, they married the Chinese or other foreigners, tolerate many humiliations and hardships in order to support their families. Russian charities tried to help women by organizing various training courses for jobs.

Key words: Russian women in China, the Russian charity, family relations in exile, mixed marriages, gender factor in China.

E. Aurelene. The Fate of Russian Émigré Culture in China (1920–1940): Regional Dimension

In the context of the history of Russian emigration in China the article is focused at the issues of ethno-cultural identity in the conditions of the recipient country. On the base of the comparative historical analysis the role of the regional factor in the preservation and development of the Russian emigrant culture in Manchuria, Northern China, Shanghai and Xinjiang is being studied.

Key words: Russian diaspora, Russian emigration in China, refugee colony, ethnic and cultural identity, exile culture.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Подписано к печати 24.05.2013 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 564 экз. Зак. 1257. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2013 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Списки даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.